

Учреждение образования
«Белорусский государственный
технологический университет»

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

*Издается с июля 1993 года
Выходит один раз в месяц*

№ 5 (178) 2015 год

**ИСТОРИЯ,
ФИЛОСОФИЯ,
ФИЛОЛОГИЯ**

Минск 2015

Учредитель – учреждение образования «Белорусский государственный технологический университет»

Главный редактор журнала – Жарский Иван Михайлович, ректор, профессор, кандидат химических наук

Редакционная коллегия номера:

П. А. Водопьянов, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор кафедры философии и права БГТУ, доктор философских наук, профессор (главный редактор номера);
Н. В. Трус, заведующий кафедрой белорусской филологии БГТУ, кандидат филологических наук, доцент (заместитель главного редактора номера);
Н. М. Забавский, декан исторического факультета БГПУ имени Максима Танка, доктор исторических наук, профессор;
Т. П. Короткая, профессор кафедры философии БГЭУ, доктор философских наук, профессор;
С. В. Решетников, заведующий кафедрой политологии юридического факультета БГУ, доктор политических наук, профессор;
И. А. Черота, заведующий кафедрой славянских литератур филологического факультета БГУ, доктор филологических наук, профессор;
О. П. Пунченко, заведующий кафедрой философии и истории Украины Одесской национальной академии связи имени А. С. Попова, Украина;
В. П. Шалаев, декан факультета социальных наук и технологий Поволжского государственного технологического университета, доктор философских наук, профессор, Российская Федерация;
Е. Рангелова, заведующая кафедрой теории воспитания Софийского университета имени святого Климента Охридского, доктор педагогических наук, профессор, Республика Болгария;
Т. Захарук, ректор Естественно-гуманитарного университета в г. Седльце, доктор педагогических наук, профессор, Республика Польша;
В. М. Острога, доцент кафедры истории Беларуси и политологии БГТУ, кандидат исторических наук, доцент (секретарь).

Адрес редакции: ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.
Телефоны: главного редактора журнала – (+375 17) 226-14-32,
главного редактора номера – (+375 17) 327-22-51.

E-mail: inform@belstu.by, <http://www.trudy.belstu.by>

Свидетельство о государственной регистрации средств массовой информации
№ 1329 от 23.04.2010, выданное Министерством информации Республики Беларусь

*Журнал включен в «Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований»*

Редактор Р. М. Рябая
Компьютерная верстка: Е. В. Ильченко, В. В. Терахович
Корректоры: Р. М. Рябая, В. В. Царенкова

Подписано в печать 28.08.2015. Формат 60×84¹/₈.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23,9. Уч.-изд. л. 25,7.
Тираж 110 экз. Заказ 367.

Издатель и полиграфическое исполнение: УО «Белорусский государственный технологический университет».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/227
от 20.03.2014. ЛП № 02330/12 от 30.12.2013.
Ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.

© УО «Белорусский государственный
технологический университет», 2015

ИСТОРИЯ

УДК 947.2:323.311

А. А. Дамарад

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

ПРАВЕРКА ПРАВАМЕРНАСЦІ НАДАННЯ ШЛЯХЕЦКАЙ ГОДНАСЦІ ДВАРАНСКІМІ ДЭПУТАЦКІМІ СХОДАМІ ГЕРОЛЬДЫЙ У ДРУГОЙ ПАЛОВЕ ХІХ СТ.

Герольдыя была заснаваная ў Расійскай імперыі ў 1722 г. як дзяржаўная структура, якая займалася справамі дваранскага саслоўя. У яе абавязкі ўваходзіла складанне дваранскіх спісаў, назіранне за нясеннем дваранамі дзяржаўнай службы, кааптацыя ў дваранскае саслоўе асоб, якія дасягнулі адпаведнай прыступкі ў Табелі аб рангах, складанне гербаў. Пасля міністэрскай рэформы 1802 г. яна непасрэдна падпарадкоўвалася генерал-пракурору Сената. Герольдыя складалася з шэрагу экспедыцый: пошук і залічэнне ў дваранства, перамена прозвішчаў, уніфікаванне гербаў; узвядзенне ў чыны; рэвізія вызначэнняў дваранскіх дэпутацкіх сходаў і інш. З расійскіх тэрыторый па-за сферай кантролю Герольдыі знаходзілася толькі Вялікае княства Фінляндскае. Адною з задач Дэпартаменту Герольдыі Сената было складанне дзяржаўных, губернскіх і мясцовых гербаў, а таксама гербаў расійскага дваранства і дваранства, прынятага ў рускае падданства. Для ажыццяўлення задачы, звязанай са зборам матэрыялу для складання гербаў і іх мастацкім выкананнем, было заснавана 10 чэрвеня 1857 г. гербавае аддзяленне Дэпартаменту Герольдыі. Важным аспектам працы Герольдыі стала праверка рашэнняў дваранскіх дэпутацкіх сходаў аб зацвярджэнні ў дваранстве жыхароў беларускіх губерняў.

Ключавыя словы: Расійская імперыя, Герольдыя, законы, інструкцыі, справаздачы, дваранства, грамадзянства.

A. A. Damarad

Belarusian State Technological University

CHECK OF GIVING LEGITIMACY OF NOBLE DIGNITY BY NOBILITY DEPUTIES ASSEMBLIES IN HERALDRY IN SECOND HALF XIX CT.

Herold was established in the Russian Empire in 1722 as a public actors involved in the affairs of the nobility. Her responsibilities included drawing up lists of the nobility, the observation of the bearing of the nobility of public service, co-optation in the nobility of persons who have reached the appropriate stage of the Table of Ranks, drawing emblems. After the ministerial reform in 1802, it reports directly to the General Prosecutor of the Senate. Herold consisted of a series of expeditions: finding and attributing to the nobility, change names, emblems; production orders; revision of definitions noble deputy meetings and others. The Russian territories beyond the control of heraldry was only Grand Duchy of Finland. One of the objectives of the Department of Heraldry of the Senate was to make the state, provincial and local emblems and coats of arms of the Russian nobility and gentry, received Russian citizenship. To carry out this task associated with the collection of material for making arms and their artistic performance, was established June 10, 1857 Stamp branch of the Department of Heraldry. An important aspect of the work was to check Herold's solutions Nobiliary deputy meetings approving the nobility of residents Belarusian provinces.

Key words: Russian Empire, Herold, laws, instructions, reports, the nobility, citizenship.

Уводзіны. Да сённяшняга часу дастаткова падрабязна вывучана эксплуатацыя шляхтай шырокіх народных мас, яе ўдзел у антырасійскім, нацыянальна-вызваленчым руху, накіраваным на аднаўленне Рэчы Паспалітай. Выкананы таксама даследаванні, якія ўсебакова асвятляюць удзел выхадцаў са шляхты ў нацыянальна-культурным адраджэнні беларускага народа.

Але тое, што для самой шляхты з'яўлялася жыццёва важным, аб выжыванні ў новых умовах, засталася нявывучаным. Такім чынам, актуальнасць вывучэння дадзенай праблемы відавочная. Наша даследаванне якраз засяроджана на характары і выніках інтэграцыі шляхты беларускіх зямель у склад дваранства Расійскай імперыі. Асабліва важным у дзейнасці дваранскіх

дэпуатацкіх сходаў стала вызначэнне парадку дакументавання прыналежнасці да расійскага дваранства, паколькі шляхта беларускіх зямель павінна была пацвярджаць сваё шляхецтва ў імперыі менавіта па гэтых правілах.

Асноўная частка. Знаёмства з дзейнасцю Герольдыі па праверцы рашэнняў дваранскіх дэпуатацкіх сходаў аб прызнанні ў дваранстве будзе няпоўным без асвятлення спецыфікі адносін да шляхты адміністрацыйна-тэрытарыяльных адзінак, у якіх былі аб'яднаныя землі колішняй Рэчы Паспалітай.

У Расійскай імперыі напачатку пацвердзіць шляхецтва і тытулы было адносна прасцей, чым у суседніх дзяржавах. Тут, у вялікай еўрапейскай краіне, прадстаўнікі новадалучаных заходніх земляў разглядаліся як апырёрна большыя еўрапейцы за саміх рускіх. Пазней быў замацаваны парадок пацверджання іх тытулаў у расійскай Герольдыі. Праўда, для родаў, якія валодалі тытулам князя Свяшчэннай Рымскай імперыі, легітымацыя яго ў Расіі была дэфакта аўтаматычнай, паколькі ён карыстаўся вялікім аўтарытэтам і значэннем ў Еўропе. Характарызуючы агульныя адносіны царскай адміністрацыі да шляхты беларускіх зямель, В. В. Швед справядліва адзначае, што «палітыка ўсіх цароў ад Кацярыны II да Аляксандра I была прадваранскай падобна палітыцы імператараў Аўстрыі ці каралёў Прусіі. Дзяржаўныя апараты трох захопнікаў зусім не зачыняліся перад добра народжанымі новымі падданымі. Феадальным паняццям, якім пакланяліся не толькі Расія, але таксама Аўстрыя і Прусія, быў характэрны свойскі касмапалітызм, заснаваны на тым, што рыцарскі стан, як і манархі ўсіх краін, адчуваюць сябе пэўным сатаварыствам» [1, с. 103].

Францішак Сапега, які пасля паражэння паўстання 1794 г. прысягнуў Кацярыне II, атрымаў пасаду тайнага саветніка, быў прадвадзіцелем дваранства Мінскай губерні. У 1793 г. у Гародні ён ажаніўся са старэйшай дачкой Станіслава Шчэнскага-Патоцкага, ваяводы Рускага, кіраўніка Таргавіцкай канфедэрацыі ў Польшчы. Шчэнсны-Патоцкі быў адным з тых, хто лічыў натуральным змірыцца з «новай нацыянальнай прыналежнасцю». Францішка Сапегу сучаснікі называлі чалавекам эксцэнтрычным, які робіць не тое, што ўсе, але адначасова адраваным вялікімі здольнасцямі.

Францішак Сапега быў гасцем у венскім імператарскім палацы і пры берлінскім каралеўскім двары, дзе ўраджаў манархаў сваімі ваеннымі званнямі. Аднак ён дастаткова спакойна адносіўся да праблемы пераходу ў расійскае дваранства, спасылаючыся на свой касмапалітызм. Праўда, трэба адзначыць, што ў 1822 г. Сенат Царства Польскага прызнаў княскі тытул

за родам Сапегаў, але да канчатковага прызнання яго ў Расійскай імперыі прайшло яшчэ больш за 50 год.

Яшчэ адзін з роду Сапегаў, Аляксандр Антоній, таксама ніяк не вызначыўся на службе ў Санкт-Пецярбургу. У самым пачатку XIX ст. ён падарожнічаў па Паўднёвай Еўропе, вынікам чаго стала праца «Падарожжа па славянскіх краінах». У 1807 г. на хвалі патрыятызму Аляксандр Антоній прыязджае ў Варшаву, дзе арганізуе знаходжанне Напалеона, за што апошні прызначае яго сваім ад'ютантам і афіцэрам гвардыі. У вайне 1812 г. Аляксандру Сапегу адводзілася значная роля – у ліпені ён увайшоў у склад Часовага ўрада Вялікага княства Літоўскага і ўзначаліў ваенны аддзел, але хутка выйшаў з яго па прычыне непаразуменняў з французскім камандаваннем. Адышоўшы ад спраў, Аляксандр Сапега праз 2 месяцы памёр ў родным маёнтку Дзярэчын. Яго сын Лявон ад шлюбу з графіняй Ганнай Замойскай, праўда, паслужыў у расійскім войску. Аднак пасля таго як за ўдзел у паўстанні 1830–1831 гг. Яўстафія Каэтана Сапегі ўсе маёнткі гэтага роду ў Расійскай імперыі былі канфіскаваныя, Лявон выязджае ў Аўстрыйскую імперыю, дзе першым з роду Сапегаў пацвярджае ў 1840 г. свой княскі тытул у дзяржаве, якая ўдзельнічала ў падзелах Рэчы Паспалітай. Ён добра адаптаваўся ў Аўстрыі, з 1843 г. займаў пасады маршалка, падчашага і інш. у Галіцыі [2, с. 103].

У цэлым, працэс прызнання тытулаў Герольдыяй мог займаць працяглы тэрмін. Паказальным тут з'яўляюцца адзначаныя дзеянні графаў Грабоўскіх. Яшчэ ў 1798 г. Віленскі Дваранскі Дэпуатацкі сход прыняў пастанову, паводле якой Вільгельм Грабоўскі з сынам прызнаны ў дваранскіх правах і графскай годнасці [3, акр. 14, 17]. Затым 13 лістапада 1814 г. Гродзенскае губернскае праўленне пацвердзіла, што «Его Императорское Величество высочайше изволил называть фамилию члена Государственного Совета Царства Польского Степана, его брата Станислава Грабовских, с их потомством в графском достоинстве без предъявления на то дальнейших доказательств» [6, арк. 2]. Ужо ў 1836 г. такая ж працэдура была распачата ў Мінскай губерні, паколькі род Грабоўскіх праходзіў па спісах дваран Ігуменскага павета, які ўваходзіў у склад губерні Мінскай. Толькі праз год імператарскім указам Грабоўскія былі канчаткова зацверджаны ў графскай годнасці. Далейшыя дзеянні адзначанай графскай фаміліі датычыліся толькі далучэння да тытула нованароджаных прадстаўнікоў роду.

Зацвярджэнне тытула графаў Корвін-Касакіўскіх адбывалася некалькі іншым шляхам. 25 ліпеня 1804 г. быў зацверджаны ў графскай

годнасці «бывший генерал войск польских» Іосіф Антонович Корвін-Касакоўскі [4, с. 160]. Астатнія прадстаўнікі гэтай фаміліі вымушаны былі даказваць сваю прыналежнасць да роду і, адпаведна, права карыстацца графскім тытулам, пакуль 19 сакавіка 1843 г. увесь род не быў прызнаны ў графскай годнасці [4, арк. 4].

Прадстаўнікі некаторых тытулаваных родаў займалі адныя і тыя ж пасады з пакалення ў пакаленне. Гэтак было, напрыклад, з графамі Борхамі, якія атрымалі тытул графаў Свяшчэннай Рымскай імперыі ў 1783 г. ад імператара Іосіфа II. З таго часу нашчадкі вознага Вялікага княства Літоўскага, старасты люцынскага Міхала Борха і карысталіся графскім тытулам. Вызначыліся графы Борхі на пасадзе прадвадзіцеляў дваранства Віцебскай губерні. У 1805–1809 гг. яе займаў Юзаф Генрык Борх, у 1838–1843 гг. маршалкам быў Караль Ежы Ян, які таксама вызначыўся як вайсковец, а потым старшыня дэпартаменту віцебскага губернскага суда і камер-юнкер імператарскага двара. Менавіта падчас знаходжання яго на пасадзе прадвадзіцеля дваранства Віцебскай губерні Сенат пацвердзіў права роду Борхаў на графскі тытул 20 верасня 1839 г. Акрамя Карала Ежы Борха, права на тытул атрымаў Аляксандр Антоній Станіслаў Борх, які быў камергерам і тайным саветнікам імператара. Яго шлюб з графіняй Сафіяй Лаваль-дэ-ла-Любрэр быў багаты на дзяцей. Так, у 1838 г. у сям’і Борхаў нарадзілася дачка Марыя, якая стала фрэйлінай вялікай княгіні Елізаветы Фёдараўны, а ў 19 год выйшла замуж за саветніка імператара князя Паўла Галіцына. Гэтакія набліжанасць адной з прадстаўніц графскага роду Борх да імператарскай сям’і непасрэдна дазваляе гаварыць аб ягонай канчатковай інтэграцыі ў склад дваранства Расійскай імперыі. Сапраўды, права новай княгіні Галіцынай з дому Борхаў на ўваходжанне ў пакоі імператрыцы дазваляе сцвярджаць, што яе графскі род адчуваў сябе нароўні з карэннымі расійскімі тытулаванымі фаміліямі. Дарэчы, і астатнія дзеці Аляксандра Антонія Борха таксама паказальна інтэграліся ў расійскае дваранства. Старэйшы сын Ежы быў генерал-паручыкам, камандзірам 21-й дывізіі расійскіх войскаў і камендантам Тэмір-хан-Шуры, а таксама флігель-ад’ютантам імператара, малодшы – Віктар – стаў камергерам цара, а малодшая дачка Вольга ва ўзросце 21 года выйшла замуж за князя Дзмітрыя Мікалаевіча Крапоткіна, генерал-маёра расійскай арміі.

Трэці з роду Борхаў, хто атрымаў графскі тытул у 1839 г., быў Ёзаф Казімір Пётр Борх, уладальнік маёнткаў у Рэжыцкім павеце. Яго асабістая кар’ера была больш сціплай, ён быў

«усяго толькі» камер-юнкерам Мікалая І. Нарэшце, граф Міхал Борх у 1850–1852 гг. таксама быў прадвадзіцелем дваранства Віцебскай губерні, аднак вызначыўся больш як літаратар і навуковец, а таксама меў непасрэднае дачыненне да смяротнай дуэлі А. С. Пушкіна і Ж. Дантэса [5, с. 119].

Прыведзеныя прыклады вымушаюць задаць пытанне аб прычынах такіх доўгіх разважанняў Герольдыі пра канчатковае зацвярджэнне дваранскай годнасці і тытулаў. Прынята лічыць, што галоўным тормазам тут былі занадта дарагія працэдурныя моманты: напрыклад, да 1867 г. усе дваранскія роды, зацверджаныя дваранскімі дэпутаткімі сходамі, а таксама тыя, хто з часоў Пятра I мелі замежнае дваранства, маглі быць зацверджаны Герольдыяй, толькі атрымаўшы дыплом (грамату) з гербам.

Дыплом з усімі прыладамі каштаваў 250 рублёў. Значнасць гэтай сумы выклікала памян-шэнне попыту на гэтыя акты, у сувязі з чым узнікла неабходнасць прыняць меры да прадастаўлення дваранству больш лёгкай магчымасці атрымання герба. У 1867 г. было дазволена выдаваць жадаючым замест дыпламаў асобныя гербы на пергаментным лісце, што абыходзілася нетытулаванаму дваранству ад 62 да 114 рублёў. Акрамя таго, у 1839 г. цэнтральныя ўлады зацвердзілі новую форму дваранскіх дыпламаў. Вырашана было ўніфікаваць гербы, каб пазбегнуць паўтарэння эмблематыкі, а таксама ў сувязі з тым, што да гэтага часу пачалі пераходзіць да новага спосабу выяўлення гербаў – літаграфіі. Паколькі па меры накаплення дваранскіх дыпламаў яны ўключаліся ў «Агульны Гербоўнік», з 12-га тома выдання ў яго ўносілі дваранскія гербы толькі паводле новых правілаў, што патрабавала перагляду зацверджаных раней дыпламаў.

З іншага боку, самі рашэнні ўладаў аб асноўных напрамках дзейнасці Герольдыі стваралі дадатковы бар’ер у хуткім зацвярджэнні дваранскага звання. Пасля паўстання 1830–1831 гг. Камітэт Заходніх губерняў заняўся рашэннем шляхецкай праблемы. У 1831 г. быў выдадзены закон «Аб разборы шляхты ў Заходніх губернях і аб упарадкаванні такога роду людзей». Паводле закону шляхецкае саслоўе былой Рэчы Паспалітай было падзелена на тры катэгорыі: дваран, аднадворцаў і грамадзян Заходніх губерняў. Дваранамі прызнавалася толькі тыя, за кім гэтае званне было зацверджана Герольдыяй. На аднадворцаў распаўсюджвалася рэкруцкая павіннасць, а грамадзяне мелі магчымасць яе пазбегнуць, заплаціўшы адну тысячу рублёў. Аднадворцы і грамадзяне абавязаны былі выплачваць падаткі і выконваць павіннасці. Гэта вык-

лікакла значнае павелічэнне колькасці зваротаў шляхты ў губернскія Дваранскія сходы. У 1832 г. Герольдыя вырашыла правесці рэвізію рашэнняў дваранскіх дэпутацкіх сходаў аб пацверджанні шляхецтва. Гэтым жа ўказам дваранскім дэпутацкім сходам забаранялася выдаваць пацвярджэнне дваранства без зацвярджэння Герольдыяй. У выніку патрэба ў захаванні сацыяльнага статусу вымушала звяртацца і ў гэтую ўстанову. Велізарная колькасць дакументаў, што датычыліся шляхецкага пытання, літаральна засыпала Віленскую губернскую канцылярыю. Гэтым можна патлумачыць марудную працу ў складанні спісаў асоб, якія канчаткова пацвердзілі сваё дваранскае паходжанне ў Герольдыі, а таксама спісаў шляхціцаў Віленскай губерні, якія атрымалі дзяржаўныя чыны. Напрыклад, аж да 1843 г. цягнулася праца па складанні спіса родаў, якія прызнаны ў шляхецтве па Віленскай губерні яшчэ 19 кастрычніка 1831 г. Усяго ў спісе 212 прозвішчаў, аднак шмат якія з іх выкраслены, таму нарэшце засталася толькі 179 родаў.

Само па сабе прадастаўленне дакументаў аб шляхецкім паходжанні не заўсёды дазваляла атрымаць статус двараніна Расійскай імперыі. Напрыклад, шляхцічы Гродзенскай губерні Грыгаровічы прыступілі да працэсу даказвання паходжання яшчэ ў пачатку XIX ст. Аднак, нягледзячы на прызнанні губернскім дэпутацкім сходам дваранскіх правоў у 1802 і 1838 гг., Герольдыяй Грыгаровічам двойчы было адмаўлена. Прычым губернскаму дваранскаму сходу асобна прадпісвалася прадаставіць звесткі «в какой разряд поступил». Падобны лёс напаткаў Івана Катоўскага, які ў 1830-я гг. быў запісаны ў мяшчане. У 1835 г. ён здолеў даказаць сваё шляхецтва на губернскім узроўні, але ў лістападзе 1840 г. быў выданы ўказ Сената, дзе гаварылася, што «Временное присутствие Герольдии не может признать Котовского в дворянском достоинстве». Матывацыя адмоўнага рашэння таксама грунтавалася на тым, што Катоўскія не маюць ва ўласнасці маёнтка. Не мелі сваёй зямлі і Маслоўскія з Дзісенскага павета. З рашэння дваранскага сходу ад 1802 г. аб прызнанні Маслоўскіх у шляхецкай годнасці вынікае, што яны арандавалі зямлю ў памешчыцы Грабніцкай. У 1834 г. Васіль Сямёнавіч Маслоўскі разам з сынамі Амброзіем і Францам яшчэ фігуруе як шляхціч. Падрабязнасці пазбаўлення іх дваранскіх правоў невядомыя, але ў 1862 г. Франц Маслоўскі, шараговы Віцебскага пяхотнага палка, які размяшчаўся ў г. Чанстахоў, звярнуўся да камандзіра гэтай вайскавай часткі з дакументамі на дваранства. Зразумела, што нават пасля перасылкі гэтых дакументаў у

дваранскі сход яго саслоўны статус застаўся без змен. Інакш складваўся працэс пацверджання шляхецкіх правоў роду Івашкевічаў. Справа ў тым, што ў іх не было дакументаў на маёнткі Хадаркевічы і Парадневічы, хаця дэ-факта гэтыя ўладанні ім належалі. Гэта пацвярджалася сведчаннямі «от дворян и помещиков Минской губернии», на аснове якіх, а таксама іншых дакументаў губернскі дваранскі дэпутацкі сход двойчы, у 1802 і 1809 гг., выносіў рашэнні аб пацверджанні шляхецтва Івашкевічаў і ўнясенні іх у першую частку радаводнай кнігі.

Нават баронскія роды, якія жылі ў беларускіх губернях, не адразу змаглі пацвердзіць свой тытул. Напрыклад, баронскі род фон Аффенбергаў: за некалькі стагоддзяў гэтая баронская фамілія падзялялася на некалькі ліній, адна з якіх жыла ў Курляндзі, а другая – у Мінскай губерні. Прызнанне баронскага тытула для апошняй зацягнулася амаль да першай сусветнай вайны. Курляндская лінія фон Аффенбергаў указам Сената ад 3 красавіка 1862 г. атрымала права насіць баронскі тытул у Расійскай імперыі. Мінская галіна роду ўказам Сената ад 24 чэрвеня 1842 г. «признана в дворянстве без баронского титула» [6, л. 2]. Каб нашчадкі Стэфана фон Аффенберга змаглі здабыць сабе баронскі тытул, спатрэбілася яшчэ больш за 50 гадоў, і толькі 31 кастрычніка 1913 г. імператарскім указам было дазволена карыстацца тытулам асобам, якія пацвердзілі дваранскія правы ў 1842 г., і быць перанесеным з шостаі у пятую частку дваранскай радаводнай кнігі. На заканамернае пытанне аб тым, ці валодаў род раней тытулам, у архіўнай справе маецца выписка з радаводнай кнігі, у якой указана, што Пётр фон Аффенберг, які памёр у 1788 г., быў баронам. Гэтакое доўгае па часе прызнанне, увогуле, законнага тытулу тлумачыцца пэўнымі аб'ектыўнымі прычынамі. Ян-Якуб фон Аффенберг быў усяго толькі тытулярным саветнікам і працаваў штатным урачом бальніцы Мінскага дабрачыннага таварыства. Падобная сітуацыя складалася з прызнаннем у Расійскай імперыі баронскага тытула роду Нолькен. У атэстаце, выданым шляхціцу Рэчыцкага павета Карлу Нолькену і падпісаным губернскім прадвадзіцелем дваранства Галынскім, сказана, што Карл Нолькен унесены ў першую частку радаводнай кнігі Магілёўскай губерні. Зразумела, аб баронскім тытуле не магло ісці ніякай гаворкі, тым больш што ён быў толькі партупей-юнкерам 22-га егерскага палка. Аднак унук Эрых-Мацыяса Нолькена, Густаў-Фрыдрых, зрабіў адносна больш удалую кар'еру на расійскай «стацкай» службе, атрымаўшы чын калежскага саветніка. Паводле ўказа Аляксандра II ад 27 сакавіка 1812 г. Г.-Ф. Нолькен быў «сопричислен» да

баронаў Вялікага княства Фінляндскага. Вызначэннем Сената ад 19 снежня 1855 г. род фон Нолькен уносіцца ў матрыкулы ўсіх трох губерняў Остзейскага краю, а таксама ў «Агульны гербоўнік». Пазней у баронскай годнасці былі зацверджаны цалкам паспяхова па службе нашчадкі Густава-Фрыдрыха – унук, палкоўнік Станіслаў Іванавіч, і праўнук, Карл Станіслававіч. Апошні ў 1908–1910 гг. служыў губернатарам Магілёўскай губерні і валодаў фальваркам Недайкавічы ў Рагачоўскім павеце.

Заклучэнне. Такім чынам, дзейнасць дваранскіх дэпутацкіх сходаў, засяроджаная вакол вырашэння «шляхецкага пытання», была толькі першым крокам. Праверка правамернасці надання шляхецкай годнасці дваранскімі дэпутацкімі сходамі Герольдыяй паказвала непадрых-

таванасць цэнтральных уладаў да напружанай працы па канчатковым замацаванні статусу дваранства (прычым не толькі ў заходніх губернях, але і ў маштабах усёй краіны). Нават тытулаванае дваранства вымушана было чакаць зацвярджэння Герольдыяй. Аналіз паказвае, што гэты перыяд звычайна цягнуўся 2–3 дзесяцігоддзі ці нават больш. Зразумела, што прадстаўнікі дваранства гэты час карысталіся ўсімі саслоўнымі правамі, а карысная і, здавалася б, прадукцыйная праца Герольдыі ніяк не спрыяла вырашэнню пытання ўключэння шляхты заходніх губерняў у склад дваранства Расійскай імперыі. Аднак, носьбіты шляхецкага звання вымушаны былі перадаваць у спадчыну не толькі багацце, але і неабходнасць чакання вырашэння свайго лёсу.

Літаратура

1. Швед В. В. Паміж Польшчай і Расіяй: Грамадска-палітычнае жыццё на землях Беларусі (1772 – 1863). Гродна: ГрДУ, 2001. 415 с.
2. Dunin-Borkowski J. *Almanach blekitny. Genealogie zyjących rodow polskich*. Lwow, 1908. 767 s.
3. НГАБ, фонд 319. Воп. 2. Справа 813. «Дело о дворянском происхождении графов Грабовских».
4. Васильевич С. А. *Титулованные роды Российской Империи*. СПб., 1910. 498 с.
5. Списки титулованным родам и лицам Российской империи. СПб.: Тип. Сената, 1892. 616 с.
6. НГАБ. Ф. 319. Воп. 2. Справа 2401. «Дело о дворянском происхождении рода фон Оффенбергов».

References

1. Shved V. V. *Pamizh Polszczaj i Rasiyaj: Gramadska-palitychnae zhyccyo na zemliah Belarusi (1772 – 1863)* [Between Poland and Russia: socio-political life on the territory of Belarus]. Grodna, GrDU Publ., 2001. 415 p.
2. Dunin-Borkowski J. *Almanach blekitny. Genealogie zyjących rodow polskich* [Blue Almanac. Genealogy of existing Polish families]. Lvov, 1908. 767 p.
3. NHARB. Fund 319. Minsk deputy assembly. Inv. 2. File 813 [The case for the nobility origin of dukes Grabovskin].
4. Vasiljevich S. A. *Titulovannye rody Rossijskoi imperii* [Titled families of Russian Empire]. St. Petersburg, 1910. 498 p.
5. *Spiski titulovannym rodam i litsam Rossijskoi imperii* [List of titled families and persons of Russian Empire]. St. Petersburg, Senate print Publ., 1892. 616 p.
6. NHARB. Fund 319. Minsk deputy assembly. Inv. 2. File 2401 [The case for the nobility origin of Fon Offenbergs family].

Инфармацыя пра аўтара

Дамарад Аляксей Анатольевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: domorad@belstu.by

Information about the author

Damarad Aliaksei Anatol'evich – Ph. D. History, assistant professor of the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Belarus). E-mail: domorad@belstu.by

Поступила 28.03.2015

УДК 325.1(470+571) «18/19»

П. С. Крючек

Белорусский государственный технологический университет

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ИЗ БЕЛАРУСИ В ЮЖНЫЕ ГУБЕРНИИ РОССИИ)

Белорусская история XIX – начала XX в. насыщена важными с точки зрения развития общества событиями. Важную роль в его эволюции играло переселенческое движение выходцев с белорусских земель в различные области Российской империи, и в частности в такой этнически непростой регион, как Юг России. Информация о специфике социокультурной адаптации переселенцев, стратегии совместной жизни с этническими соседями, способах сохранения и поддержания идентичности, методах этнического взаимопознания и взаимного узнавания позволяют сформировать компаративную базу для дальнейшего изучения проблем становления и трансформации белорусской идентичности.

Ключевые слова: переселение, этнос, Беларусь, Кавказ, Юг России, идентичность.

P. S. Kruchek

Belarusian State Technological University

RESETTLEMENT POLICY IN RUSSIA IN SECOND HALF OF XIXTH – EARLY XXTH C. (EXEMPLIFIED BY RESETTLEMENT FROM BELARUS TO THE SOUTHERN PROVINCES OF RUSSIA)

Belarusian history of XIXth – early XXth century is full of events that are important from the point of view of social development. A significant role in its evolution was played by resettlement movement of expatriates from Belarus to various areas of the Russian Empire and, in particular, to such ethnically perplexed region as the South of Russia. Information about specifics of sociocultural adaptation of immigrants, strategy of cohabitation with ethnic neighbors, ways of preservation and maintenance of cultural identity, methods of ethnic mutual understanding and mutual recognition allow to create comparative base for further studying of issues of formation and transformation of Belarusian identity.

Key words: resettlement, ethnicity, Belarus, the Caucasus, South Russia, identity.

Введение. География миграционных процессов с территории Беларуси достаточно разнообразна. В рамках данного исследования рассматривается крестьянское переселение с белорусских земель на Юг России (прежде всего на Кубань и Северный Кавказ), поскольку переселенческое движение населения Беларуси в данный регион исследовано в значительно меньшей степени, чем миграции в Сибирь и другие регионы России.

Основная часть. Начало переселенческому движению в России было положено Манифестом от 19 февраля 1861 г., согласно которому крепостные крестьяне получили личную свободу. С этого момента начинается период неофициального самостоятельного переселенческого движения. Главной его причиной явилась острая нехватка пахотной земли в центральных и западных губерниях, с одной стороны, и наличие свободных земель в Сибири и на Юге России – с другой. Все это требовало упорядочить процедуру переселения и предоставления земель на новых местах.

13 апреля 1868 г. был обнародован циркуляр Министерства внутренних дел «О порядке

переселения крестьян на свободные казенные земли». По этому циркуляру право на переселение получили все категории крестьян с предварительного разрешения правительства. Обнародование этого циркуляра повлекло за собой резкий рост переселенческого движения, в том числе и в Беларуси. Это вызвало беспокойство властей. К тому же в 1870 г. истекал 9-летний срок временнообязанного состояния крестьян, и правительство опасалось в связи с этим резкого усиления переселенческих настроений.

Особые опасения правительства вызывала ситуация в Беларуси, так как власти боялись, что в результате массовых переселений в крае снизится доля православного населения. По этому 5 ноября 1868 г. специальным циркуляром министра внутренних дел в Северо-Западном крае приостанавливалось действие циркуляра от 13 апреля 1868 г. Кроме того, Виленский генерал-губернатор А. Л. Потапов потребовал от губернаторов принять все необходимые меры для предотвращения любых переселенческих устремлений крестьян.

Указанные решения продемонстрировали, помимо прочего, расхождение ведомственных

интересов западных и южных губернских властей. Если первые, опасаясь оттока рабочей силы и снижения доли православного населения, с беспокойством констатировали, что самовольное переселение крестьян принимает «характер какого-то бесшабашного, чуть ли не поголовного бегства» [4, л. 202], то вторые, испытывая острую нехватку рабочих рук, были заинтересованы в переселенцах. Так, состоявшийся в 1878 г. съезд сельских хозяев Южной России констатировал факт недостатка местных рабочих рук. Поэтому делегаты съезда наметили программу обеспечения этого района пришлыми рабочими. С другой стороны, помещики западных и центральных губерний видели в миграции и способ решения социальных проблем, что стало особенно заметно на рубеже 70–80-х гг., когда наметился рост крестьянского недовольства малоземельем, выплатами за используемую землю, передачей так называемых «отрезков» в пользу помещиков.

Поэтому в начале 80-х г. правительство вновь занялось переселенческим вопросом. Так, 10 июля 1881 императором Александром III были утверждены «Временные правила о переселении». Согласно им официально разрешалось подавать ходатайства о переселении при определенных условиях, к которым в первую очередь относилась экономическая необходимость. Одновременно с целью разработки общего закона о переселениях была создана межведомственная комиссия, состоящая из представителей четырех министерств – внутренних дел, государственных имуществ, финансов и юстиции.

Проект закона, разработанный комиссией, был разослан губернаторам, которые должны были ответить на 11 вопросов, касающихся актуальности переселенческой проблемы в соответствующих губерниях. В результате две трети губернаторов отрицали наличие в их губерниях экономических причин для переселений, а потому отрицали их необходимость. В частности, губернаторы западных губерний, за исключением Виленской, выступили категорически против переселения крестьян из вверенных им губерний. По их мнению, для переселения не было экономических причин и, кроме того, это могло бы принести вред в политическом отношении и препятствовало бы обрусению края. Более того, губернаторы западных губерний предупреждали центральные власти, что даже слухи о возможном переселении оказывают на крестьян «зловредное воздействие, порождают дух своеволия и ложное понимание вещей». На основании этого губернаторы делали вывод о необходимости принятия решитель-

ных мер с целью запрета переселений вообще [1, с. 41].

Тем не менее стихийные переселенческие процессы набирали силу. Поэтому правительство было вынуждено активизировать работу над законом, который, наконец, был утвержден 13 июня 1889 г. В законе, в частности, подчеркивалось, что переселение является «единственным средством уменьшения крайней густоты населения и поправления хозяйственного быта тех крестьянских семейств, которым за недостатком земли угрожает безисходная нищета». Кроме того, переселение рассматривалось как способ «заселения отдаленных окраин государства русским элементом» [1, с. 46].

Однако и с этого момента действия центральных властей в данный период сложно назвать последовательными: с одной стороны, правительство отказалось внедрять практику принудительного возвращения переселенцев; с другой стороны, попытки рационализировать и организовать переселенческое движение привели к введению имущественного ценза («переселенческий капитал» должен был составлять от 125 рублей совокупной стоимости проданного на родине имущества) и чрезвычайной бюрократизации всего процесса (утверждение решения о переселении проходило по сложной цепочке: прошение губернатору – поручение местному земскому начальнику высказать свое мнение – согласование в Переселенческом управлении МВД России в Петербурге [3, с. 45]).

Переселение на Кавказ имело свои особенности и регулировалось специальным циркуляром Министра внутренних дел № 9 от 4 июля 1884 г. В нем отмечалось, что «из-за особых географических и климатических условий Кавказа, отличающихся от внутренних районов России, далеко не все свободные земли в этих местах годны для поселения русского элемента. Поэтому министр внутренних дел обратился к губернаторам с предложением не допускать переселения на Кавказ без согласования с соответствующими органами на Кавказе и без предварительной посылки ходяков для ознакомления с ситуацией на месте. Кроме того, в циркуляре подчеркивалось, что переселенцы на Кавказ не должны рассчитывать на какое-либо пособие от правительства» [5, л. 8]. В конце июля этот циркуляр был доведен всем уездным предводителям дворянства и уездным исправникам.

К переселению в Кубанскую область и Черноморскую губернию допускались лишь лица православного вероисповедования, лично занимающиеся земледелием, имеющие достаточное число рабочих рук и денежных средств

(300 рублей на семью), необходимых для первоначального обустройства хозяйством на новом месте, и сообщившие сведения о том, знакомы ли они с садоводством и виноградарством и имеют ли опыт разработки пахотных земель из лесных массивов.

Данные сведения собирались земским начальником соответствующего участка и доводились до сведения губернского присутствия. Губернское присутствие доводило эти сведения вместе со своими рекомендациями до переселенческого комитета Министерства внутренних дел, где и принималось окончательное решение. Например, в 1902 г. на имя Минского губернатора поступило прошение от крестьян Игуменского уезда Наума Сенько, Михаила Дыбако, Павла Соболя и Антона Лященко о выдаче им ходаческих свидетельств для избрания и зачисления казенной земли в Черноморской губернии. После сбора соответствующих сведений Минское губернское присутствие переслало всю переписку по этому делу в Министерство внутренних дел с резолюцией, что просители необходимым условием для переселения в Черноморскую губернию не удовлетворяют т. к. из имеющихся сведений о семейном и имущественном положении просителей не усматривается, что переселение вынуждается условиями их хозяйственного быта. Однако 31 августа 1902 г. переселенческое управление МВД сообщило Минскому губернатору, что ходатайства крестьян Сенько, Дыбако и Соболя удовлетворены, а ходатайство А. Лященко отклонено из-за недостаточности средств для переселения [6, л. 13]. Однако следует заметить, что это были единичные случаи. В основном переселенческое управление МВД соглашалось с рекомендациями губернских присутствий, решение которых, по-существу, было окончательным.

Наиболее значительных масштабов переселенческое движение достигло в Восточной Беларуси. Дело в том, что в отличие от западных белорусских губерний здесь сохранялось общинное землевладение, и хозяйственное положение крестьян было значительно хуже. Поэтому они более охотно покидали родные места и переселялись на новые земли. Например, по сведениям Могилевского губернского присутствия, за 1902 г. по губернии поступило 4737 ходатайств от крестьянских семей на переселение. Губернское присутствие разрешило переселиться 3048 семействам, остальным было отказано, как не имеющим средств на обустройство хозяйством на новом месте. Из числа получивших разрешение отказалось в итоге переселяться – 311, возвратилось обратно – 116 се-

мейств. Наибольшее число семейств из переселившихся пришлось на сибирские губернии – 785, а в Черноморскую губернию переселилось 25 семейств [7, л. 1–7].

Пик переселения на Юг России пришелся на 1904 г. По донесениям земских начальников в Могилевское губернское присутствие было выдано 208 ходаческих свидетельств, представляющих 1766 душ обоего пола. Их распределение по уездам было следующее: Рогачевскому – 99 (число душ в семействах, посланных ходоков, 628); Быховскому – 11 (214); Горьковскому – 24 (234); Чаускому – 40 (402); Чериковскому – 25 (228); Оршанскому – 5 (47); Сенненскому – 4 (13) [8, л. 10–84].

С чем был связан такой всплеск желающих переселиться именно в Черноморскую губернию, к сожалению, пока выяснить не удалось.

Заключение. Таким образом, несмотря на ограничительные мероприятия властей переселенческое движение в Беларуси в конце XIX – начале XX в. достигло значительных размеров. При этом пик переселений из Беларуси на Юг России пришелся на начало XX века.

Окончательные и систематизированные данные о точном количестве белорусского населения Юга России до сих пор не введены в научный оборот. Сравнительно хорошо изученным является белорусское сообщество только на территории Кубанской области и Черноморской губернии.

В частности, согласно данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в Кубанской области проживало 12356 человек, которые указали в качестве родного языка – белорусский (0,65% от всех жителей области), в Черноморской губернии белорусы составляли 1,2% от всех жителей (659 человек) [2, с. 136–137].

Имеющиеся данные позволяют сделать лишь предварительные выводы о характере социокультурной адаптации белорусов в новой среде, особенностях их самоидентификации, механизмах взаимопознания и стереотипах узнавания.

Большинство проблем переселенцев носили преимущественно экономический характер, что было связано в том числе и с тем, что после переезда белорусские переселенцы, как правило, не меняли характера занятости. При этом кто-то сравнительно быстро приспосабливался к местным условиям, а кому-то заниматься земледелием оказалось не под силу.

Тем не менее белорусы в основном быстро адаптировались к условиям Северного Кавказа, а коренным его жителям импонировала толерантность, спокойствие, выдержка и трудолюбие белорусов.

Литература

1. Верещагин П. Д. Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина XIX века). Минск: БГУ, 1978. 144 с.
2. Бондарь Н. И. Белорусы // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 4 / науч. ред., сост. О. В. Матвеев. Краснодар: Эдви, 2008. 375 с.
3. Кауфман А. А. Переселение и колонизация. М.: Либраком. 2012. 448 с.
4. НИАРБ. Фонд 242. Минское губернское по крестьянским делам присутствие. Оп. 1. Д. 2101. Ведомости о переселении в Сибирь и на Кавказ за 1881 год.
5. НИАРБ. Фонд 1595. Минское губернское присутствие. Оп. 1. Д. 2101. Циркуляр Министра внутренних дел № 9 от 4 июля 1884 года.
6. НИАРБ. Фонд 1595. Минское губернское присутствие. Оп. 1. Д. 526. Дела по ходатайству крестьян Игуменского уезда о переселении на Кавказ и в Черноморскую губернию за 1901–1903 гг.
7. НИАРБ. Ф. 2014. Могилевское губернское присутствие. Оп. 1. Д. 2804. Дело по ходатайству крестьян Могилевской губернии о переселении в Черноморскую губернию и на Кавказ за 1904 год.
8. НИАРБ. Фонд 2014. Могилевское губернское присутствие. Оп. 1. Д. 2529. Ведомость Могилевского губернского присутствия о переселенческом движении в губернии за 1902 год.

References

1. Vereshchagin P. D. *Krest'yanskiye pereseleniya iz Belorussii (vtoraya polovina XIX veka)* [Peasant resettlements of Belarus (second half of the XIXth century)]. Minsk, BGU Publ., 1978. 144 p.
2. Bondar' N. I. Belarusians *Mir slavyan Severnogo Kavkaza* [World of Northern Caucasus Slavs. Vol. 4]. Krasnodar, Edwy, 2008. 375 p. (In Russian).
3. Kaufman A. A. *Pereselenie i kolonizatsiya* [Resettlement and colonization]. Moscow, Librakom Publ., 2012. 448 p.
4. NHARB. Fund 242. Minsk provincial office of Peasant Affairs. Inv. 1. File 2101. Circular of the resettlement to Siberia and the Caucasus in 1881.
5. NHARB. Fund 1595. Minsk provincial office. Inv. 1. File 2101 [Circular of the Ministry of Internal Affairs No. 9 of July 4th, 1884].
6. NHARB. Fund 1595. Minsk provincial office. Inv. 1. File 526. The case for the request of peasants of Igumensky district for resettlement to the Caucasus and the Black Sea province for 1901–1903.
7. NHARB. Fund 2014. Mogilev provincial office. Inv. 1. File 2804. The case for the request of Mogilev province peasants for resettlement to the Black Sea province and the Caucasus in 1904.
8. NHARB. Fund 2014. Mogilev provincial office. Inv. 1. File 2529 Register of the Mogilev provincial presence on the migration movement in the province for 1902.

Информация об авторе

Крючек Петр Степанович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: kruchek@belstu.by

Information about the author

Kruchek Peter Stepanovich – Ph. D. Historical Sciences, assistant professor, assistant professor of the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: kruchek@belstu.by

Поступила 25.03.2015

УДК 371.1-058.237(476)«18/19»

В. М. Астрога

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

КРЫНІЦАЗНАЎЧАЯ БАЗА ПА ГІСТОРЫІ НАСТАЎНІЦКАЙ ІНТЭЛІГЕНЦЫІ БЕЛАРУСІ (ДРУГАЯ ПАЛОВА XIX – ПАЧАТАК XX СТ.)

Настаўніцтва, якое ў другой палове XIX – пачатку XX ст. складала значную частку інтэлігенцыі Беларусі, стала неаддзельнай часткай сацыяльнай структуры і адыгрывала ў жыцці грамадства важную асветніцкую ролю. Без разумення дасягненняў і праблем гістарычнага мінулага, якое залажыла асновы прафесійнага статусу педагога, немагчыма правільна і якасна сфармуляваць праграму сацыяльнага развіцця гэтай групы ў сучасных умовах. Вялікае значэнне ў рэканструкцыі мінулых падзей маюць гістарычныя крыніцы, якія дапамагаюць запоўніць прагалы ў навуковым пазнанні праблемы. Да іх адносяць усё, што створана ў працэсе дзейнасці людзей, што нясе інфармацыю аб розных баках грамадскага жыцця і службы асновай для навуковага пазнання.

Гістарычныя крыніцы па гісторыі настаўніцкай інтэлігенцыі другой паловы XIX – пачатку XX ст. умоўна можна падзяліць на некалькі груп: 1) заканадаўчыя акты і нарматыўныя дакументы, якія рэгламентавалі дзейнасць адміністрацыйных і грамадскіх органаў, адказных за развіццё народнай адукацыі; 2) справаводчая дакументацыя; 3) статыстычныя матэрыялы і дакументы даведчнага характару; 4) перыядычны друк; 5) крыніцы асабістага паходжання. Сярод іх ёсць як апублікаваныя, так і неапублікаваныя (у асноўным архіўныя) дакументы і матэрыялы.

Ключавыя словы: гістарычныя крыніцы, інтэлігенцыя, законы, палажэнні, інструкцыі, справаздачы, памятныя кніжкі, мемуары, дзённікі, успаміны.

V. M. Astroha

Belarusian State Technological University

HISTORICAL SOURCE BASE OF TEACHERS' INTELLIGENTSIA OF BELARUS (SECOND HALF OF THE XIXTH – EARLY XXTH C.)

The teachers were the biggest part of the intelligentsia in Belarus during the second half of the XIXth – early XXth centuries and became an integral part of social structure and played peculiar enlightening role in its life. Without an understanding of achievements and challenges of historical past that laid the foundation for teachers' professional status, it is impossible to formulate the social development program of the group in the current conditions correctly and qualitatively. Enormous role in the reconstruction of past events is played by historical sources, which help filling gaps in the scientific study of the problem. These include all that was created in the process of human activity, carries information about the diversity of social life and serves as a basis for scientific knowledge. Historical sources on the history of teachers' intelligentsia of the second half of XIX – early XX centuries can be divided into several groups: 1) laws and regulations governing the operation of administrative and public bodies involved in the development of national education; 2) record keeping documentation; 3) statistical materials and background documents; 4) periodic press; 5) sources of personal origin. Among them are both published and unpublished (mostly archival) documents and materials.

Key words: historical sources, the intellectuals, laws, statutes, instructions, reports, memoirs, diaries, memories.

Уводзіны. Вывучэнне розных аспектаў гістарычнай рэчаіснасці патрабуе ад даследчыка шырокага выкарыстання гістарычных крыніц, разнастайных па змесце і характары. Гістарычныя крыніцы – гэта матэрыяльныя аб'екты, якія маюць сацыяльную прыроду паходжання, адлюстроўваюць гістарычнае мінулае грамадства і, уцягнутыя ў сферу гістарычнага даследавання, служаць важным сродкам гістарычнага пазнання [1, с. 5]. Гэтыя веды неабходны не толькі гісторыкам, але і больш шырокаму кругу спецыялістаў гуманітарных навук. Чалавечы вопыт, паўсядзённы лад жыцця, адносіны паміж

людзьмі розных пакаленняў, звычкі і норавы, уменне існаваць у прыродным асяроддзі, жаданне ведаць мінулае свайго горада, вёскі, краю, свайго народа альбо этнічнай групы застаўляюць людзей звяртацца да дакументаў, архіваў, старажытных прадметаў, фотаздымкаў [2, с. 5]. Гістарычныя крыніцы даюць невычэрпны рэсурс новай інфармацыі не толькі аб розных сферах чалавечай жыццядзейнасці, але і аб саміх людзях, іх прафесійных і творчых здольнасцях, духоўных каштоўнасцях, марах і спадзяваннях. Крыніцы нясуць у сабе суб'ектыўны пачатак, які адлюстроўвае свайго стваральніка-

чалавека, яго патрэбнасці, свядомасць і магчымасці [3, с. 277]. У іх змяшчаецца інфармацыя двух тыпаў: яўная, якую бачыць і апісвае сам аўтар і стваральнік крыніцы, і схаваная, разгледзець якую можна толькі шляхам скрупулёзнага аналізу.

Асноўная частка. Шырокае ўвядзенне ў навуковы ўжытак разнастайных гістарычных крыніц садзейнічае пазнанню невядомых фактаў і старонак з жыцця краіны, а падчас пераасэнсавання і ўдакладнення тых высноў, якія былі зроблены папярэднімі навукоўцамі. У гэтай сувязі, несумненна, першаснае і вельмі важнае значэнне маюць пісьмовыя крыніцы, якія ствараюць падмурак гістарычных даследаванняў. У дачыненні да гісторыі настаўніцкай інтэлігенцыі другой паловы XIX – пачатку XX ст. яны дастаткова шматлікія, прычым у значнай ступені ўжо апрацаваныя і апублікаваныя. Аднак большасць дакументаў на сённяшні час захоўваецца ў архівах. Як сапраўдныя сведкі гісторыі, адлюстроўваючы канкрэтныя ўмовы жыцця і дзейнасці людзей, яны дазваляюць адчуць эпоху, аб'яднаць у сабе аб'ектыўнае і суб'ектыўнае. Пры вывучэнні становішча настаўніцтва Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. архіўныя дакументы ў пэўнай меры дапамагаюць закрыць такія прагалы ў гістарычных ведах, як сацыяльны статус настаўніцтва розных тыпаў школ, шляхі паляпшэння матэрыяльнага становішча і яго дынаміку, дзейнасць педагогічных таварыстваў узаемадапамогі, сістэма ніжэйшай і сярэдняй педагогічнай адукацыі, адносіны сельскага і гарадскога насельніцтва да школы і яе настаўніка, роля земстваў у арганізацыі школьнай справы і інш. У першую чаргу да гэтага тыпу крыніц варта аднесці матэрыялы, якія захоўваюцца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі: фонды дырэктый народных вучылішчаў Мінскай, Магілёўскай, Віцебскай губерняў (Ф. 458, 2254, 2507), фонды Бабруйскай, Полацкай, Гомельскай, Рагачоўскай настаўніцкіх семінарыяў (Ф. 480, 2566, 2918, 3260), Мінскага, Магілёўскага і Віцебскага настаўніцкіх інстытутаў (Ф. 478, 2258, 2645), фонд апекуна Віленскай навучальнай акругі (Ф. 2416), мужчынскіх і жаночых гімназій, гарадскіх і павятовых вучылішчаў, фонды Віцебскай і Магілёўскай губернскай управы па справах земскай гаспадаркі і губернскай земскай управы і інш. У фондах Нацыянальнага гістарычнага архіва ў г. Гродна захоўваюцца гістарычныя крыніцы, якія дазваляюць прасачыць стан школы і настаўніка гэтага рэгіёна: фонд Гродзенскай дырэкцыі народных вучылішчаў, фонд Гродзенскага павятовага аддзялення Гродзенскіх епархіяльных вучылішчаў (Ф. 535), фонд таварыства ўзаемадапамогі вучачым і вучы-

шым у царкоўных школах Гродзенскай епархіі (Ф. 103) і інш. Цікавыя матэрыялы фондаў Мінскага абласнога краязнаўчага музея ў г. Маладзечна па гісторыі Маладзечанскай настаўніцкай семінарыі. Несумненную цікавасць уяўляе факталагічны матэрыял, які змешчаны ў замежных архівах: Гістарычным архіве Літоўскай Рэспублікі ў г. Вільнюсе і Цэнтральным Дзяржаўным гістарычным архіве Расіі.

Крыніцы па гісторыі настаўніцтва Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. можна падзяліць на некалькі груп: 1) заканадаўчыя акты і нарматыўна-прававыя дакументы, якія рэгулявалі дзейнасць адміністрацыйных і грамадскіх органаў; 2) дакументацыя справаводства; 3) статыстычныя матэрыялы і дакументы дэдачнага характару; 4) матэрыялы перыядычнага друку; 5) дакументы асабістага паходжання.

Дастаткова аб'ёмную і цікавую групу дакументаў для вывучэння праблемы маюць заканадаўчыя акты Расійскай імперыі. У Расіі законам лічылася ўсё, што зацвярджалася асабіста імператарам. Заканадаўчыя акты выдаваліся ў форме законаў, статутаў, палажэнняў, правілаў, інструкцый, загадаў, думак Дзяржаўнага савета і інш., змяшчаліся ў «Зводзе законаў Расійскай Імперыі» і адлюстроўвалі адукацыйную палітыку царскага ўрада ў парэформенны перыяд. Сярод іх – «Часовыя правілы для народных школ Віленскай, Ковенскай, Мінскай, Магілёўскай і Віцебскай губерняў» (1863), «Палажэнне аб царкоўных школах ведамства праваслаўнага веравызнання» (1902), «Палажэнне аб Маладзечанскай настаўніцкай семінарыі» (1870), «Палажэнне аб пачатковых народных вучылішчах» (1864), «Палажэнне аб прыняцці на грамадзянскую службу» (1896), «Часовыя правілы аб з'ездах вучачых у пачатковых народных вучылішчах» (1899), «Статут таварыства ўзаемнай дапамогі навучэнцам і настаўнікам» (1894), «Статут аб пенсіях і аднаразовых дапамогах па ведамствах вучонаму і вучэбнаму» (1896) і шэраг іншых. Заканадаўчыя акты, якія рэгламентавалі арганізацыю школьнай справы ў імперыі, дазваляюць прасачыць асноўныя кірункі і эвалюцыю адукацыйнай палітыкі ў сувязі са змяненнем гістарычных умоў, а таксама мерапрыемствы ўрада (маецца на ўвазе юрыдычны аспект) у дачыненні да пачатковай і сярэдняй школ і іх настаўнікаў.

Важнае значэнне для вывучэння гісторыі настаўніцтва маюць матэрыялы афіцыйнага справаводства, прадстаўленыя цыркулярамі, інструкцыямі, правіламі, праграмамі, распараджэннямі, рапартамі, дакладамі і інш. Сярод іх: нарматыўныя дакументы (інструкцыі, правілы, прадпісанні, палажэнні), пратаколы, дзелавае перапіска (прадпісанні, афіцыйныя пісьмы,

дакладныя запіскі, рапарты, даносы), матэрыялы ўліку дакументаў, справаздачы, балансы, даклады і інш. Іх змест вызначаўся функцыямі ўстаноў, у сценах якіх яны ствараліся, і мэтамі, якія ставілі складальнікі. Толькі невялікая частка такіх дакументаў (нарматыўна-прававога характару) апублікавана. З канца XIX – пачатку XX ст. пад рэдакцыяй вядомых педагагічных дзеячаў публікуюцца зборнікі дакументаў і матэрыялаў, якія змяшчаюць юрыдычныя акты і, такім чынам, дапамагаюць вызначыць правы статус розных катэгорый настаўніцтва Расійскай імперыі. Асобае месца сярод іх займаюць цыркуляры Міністэрства народнай асветы і кіраўніцтва Віленскай навучальнай акругі, якія змяшчаюць розныя ўказанні па арганізацыі вучэбна-выхаваўчай справы ў педагагічных навучальных установах, пачатковай і сярэдняй школах. У інструкцыях вызначаліся правы і абавязкі педагагічных саветаў настаўніцкіх семінараў, вучылішчых і епархіяльных саветаў, інспектараў і назіральных саветаў, абавязкі і адносіны настаўнікаў да вышэйшага начальства, святароў, бацькоў вучняў, а таксама правілы, якія павінен быў выконваць настаўнік у працэсе выкладання [4, с. 1882]. Былі складзены спецыяльныя правілы паводзін і спаганняў для выхаванцаў настаўніцкіх семінараў і інстытутаў, правілы для арганізацыі народных чытанняў, педагагічных музеяў і бібліятэк. Аб'ёмы і змест прадметаў выкладання ва ўсіх навучальных установах Міністэрства асветы і духоўнага ведамства адлюстроўваюць вучэбныя праграмы. У прадпісаннях апекуноў, дырэктарыяў вучылішчаў паведамляецца аб праходзячых ці плануемых мерапрыемствах, загадах, кірунках працы ў школьнай справе. Часткова дадзеныя матэрыялы апублікаваныя. Разам з тым, праца гісторыка ў дадзеным выпадку аснована таксама на дакументах, якія захоўваюцца ў архівах. Гэта, у тым ліку, рапарты і даносы вучылішчым і акружным органам па народнай адукацыі, якія змяшчаюць інфармацыю настаўнікаў аб стане вучэбнай справы ў вучылішчах, гімназіях і настаўніцкіх семінарах, аб наведванні іх інспектарамі і высокапастаўленымі асобамі, аб дзейнасці «тайных школ», адносінах з валаснымі праўленнямі і інш. У архівах знаходзіцца шмат прашэнняў: ад настаўнікаў і выхаванцаў педагагічных навучальных устаноў аб матэрыяльнай дапамозе, пераводзе на іншае месца, дазvole на шлюб і адпачынак; ад сельскіх грамадстваў аб адкрыцці пачатковых школ, назначэнні настаўнікаў, высылцы грошай і падручнікаў і г. д., якія даюць уяўленне аб фінансавым становішчы настаўніка, школы, насельніцтва, адносінах апошняга да асветы, таксама даклады інспектараў і дырэктараў народных вучылішчаў кіраўніцтву акругі

аб выкананні загадаў, хадайніцтваў аб назначэнні прэмій і дапамог, ганаровых узнагарод настаўнікам, дазvole на педагагічныя з'езды.

Каштоўнай крыніцай, а ў шэрагу выпадкаў і адзінай, з'яўляюцца статыстычныя матэрыялы, якія арганічна звязаны са справаводствам. Яны ўзнікаюць у працэсе збору, перапрацоўкі, аналізу і публікацыі інфармацыі аб аб'екце вывучэння. Найперш трэба адзначыць матэрыялы «Аднадзённага перапісу пачатковых школ у імперыі, праведзенага 18 студзеня 1911г.» [5], у якіх ёсць звесткі аб узроўні адукацыі насельніцтва, складзе настаўніцкіх кадраў, іх узросце, сацыяльным паходжанні, адукацыі, узроўні матэрыяльнага забеспячэння, умовах працы ў вучылішчах, а таксама «Справаздачы аб стане навучальных устаноў Віленскай навучальнай акругі» [6], «Памятныя кніжкі дырэктарыяў народных вучылішчаў», адрас-календары. Гэтыя матэрыялы паведамляюць прозвішчы настаўнікаў і законанастаўнікаў, назвы навучальных устаноў, звесткі аб кадравых перамяшчэннях, узроўні адукацыі настаўніка, памеру іх заробку і інш. Справаздачы дырэктарыяў народных і епархіяльных вучылішчаў змяшчаюць інфармацыю аб колькасці школ, настаўнікаў, іх матэрыяльным стане і прафесійнай падрыхтоўцы. Справаздачы педагагічных таварыстваў ўзаемадапамогі паведамляюць аб асноўных кірунках іх дзейнасці, што дазваляе вызначыць месца гэтых суполак у жыцці настаўніцтва Беларусі. Акрамя гэтага, шмат цікавых і карысных звестак можна здабыць з картчак уліку настаўніцкіх кадраў – фармулярных спісаў, анкет, ведамасцей, і інш.

Багаты і разнастайны матэрыял змяшчаецца ў перыядычным друку другой паловы XIX – пачатку XX ст., які фіксуе інфармацыю аб найбольш важных падзеях і з'явах рэчаіснасці, у тым ліку папаўняе недахоп звестак аб праблемах падрыхтоўкі і становішчы вясковага і гарадскога настаўніцтва. Гэта афіцыйныя часопісы: «Журнал Министерства народного просвещения», «Циркуляр по Виленскому учебному округу», «Народное образование в Виленском учебном округе», а таксама ў буйнейшых прыватных агульнапедагагічных часопісах: «Русская школа», «Вестник воспитания», «Русский начальный учитель», дзе ёсць багатая інфармацыя аб прынятых заканадаўчых і цыркулярных дакументах, фінансаванні народнай адукацыі, адкрыцці навучальных устаноў, працы настаўнікаў. Важнай крыніцай з'яўляюцца часопісы, што выдавалі настаўніцкія таварыствы ўзаемадапамогі («Педагогическое дело», «Голос учителя», «Белорусский учитель», «Белорусский учительский вестник»), у якіх паведамлялася аб становішчы і патрэбах народных настаўнікаў. Пэўны факталагічны матэрыял змяшчаюць

газеты «Губернские ведомости», а таксама «Епархиальные ведомости», што выходзілі ў Мінску, Магілёве, Віцебску, Гродне. У беларускамоўным легальным друку: газетах «Наша Доля» і «Наша Ніва» змяшчаюцца цікавыя і арыгінальныя артыкулы, якія дапамагаюць аднавіць у першую чаргу многія старонкі з жыцця вясковай школы, стаўлення да яе сялянства, а іншым чынам мары і спадзяванні закінутага ў глуш настаўніка. Тут знайшлі адлюстраванне праблемы ўвядзення ўсеагульнага навучання, пазашкольнай адукацыі, стану навучальных устаноў і іх настаўнікаў у краінах замежжа і інш.

Цікавым і каштоўным матэрыялам для вывучэння гісторыі народнай адукацыі і сацыяльнага становішча настаўніцкай інтэлігенцыі з'яўляюцца крыніцы асабістага паходжання, да якіх адносяцца дзённікі, успаміны, прыватная перапіска і мемуары. Для даследчыка вельмі важная такога роду інфармацыя, у якой педагогі дастаткова шчыра і непасрэдна даюць ацэнку падзеям, якія адбываліся іншы раз на працягу ўсяго жыцця: дзейнасці сваім сучаснікам, вучням і іх бацькам, калегам, інспектарам, дзеляцца сваімі цяжкасцямі, перажываннямі і дасягненнямі. Дадзены від крыніц, нягледзячы на суб'ектыўнасць, з'яўляецца незамянімым пры вывучэнні культурнага і маральнага вобліку настаўніка, яго псіхалогіі, ментальнасці. Не звязаныя фармальнымі канонамі, аўтары прыводзяць звесткі, якія звычайна не ўмяшчаюцца ў афіцыйныя дакументы. Гэтыя матэрыялы, як правіла, носяць даверлівы і праўдзівы характар, дапамагаюць пранікнуць у непаўторную атмасферу вывучаемых падзей, у пэўнай ступені зразумець і адчуць «дух часу». Як пісаў савецкі гісторык М. К. Пакроўскі, яны ўяўляюць той псіхалагічны фон і тую сувязь, без якой асобныя дакументы, якія мы маем у сваіх руках, могуць здацца незразумелымі ці зразумелымі няправільна. Людзі не могуць жыць, не аглядаючыся ў мінулае, не ўдумваючыся ў сучаснае і не імкнучыся зазірнуць у будучыню. Выпрацаваная вякамі неабходнасць дзеляцца набытым вопытам, рабіць асабіста перажытае набыткам многіх знаходзіць сваё выйсце ў мемуарыстыцы. Без такой перадачы і пераемнасці нельга было б існаваць чалавечаму грамадству. Кожнае

пакаленне знаходзіць у мінулым нешта асабліва яму блізкае, чамусьці вучыцца, штосьці пераймае, а штосьці адваргае, хаця мінулае не можа даць універсальных і вычэрпных адказаў на любыя пытанні новага часу [7, с. 13]. Сярод іх можна вылучыць такія апублікаваныя працы, як «Тяжёлая доля. Отрывки из дневника сельской учительницы, работавшей в Белоруссии» [8], «Запіскі вясковай настаўніцы» А. А. Штэвен, «Дзённік вясковай настаўніцы» Н. Д. Кіўшэнка, успаміны М. Рэмаравы «На ніве народнай», «Вясковыя ўражанні» настаўніка І. П. Балаконскага, «Педагагічныя ўспаміны» Я. В. Беляўскага, «Запіскі настаўніка» М. Белазёрскага і інш. Каштоўнасць уяўляюць аўтабіяграфічныя творы І. Д. Гарбачэўскага і Я. Коласа. Ад грамадскіх памкненняў сведкаў пэўных падзей, іх жадання і інтэлектуальных магчымасцей залежыць ахоп прадстаўленай рэчаіснасці і пранікненне ў яе сутнасць. На старонках мемуараў аўтар ператвараецца ў аднаго з герояў, уступае ў складаныя ўзаемасувязі са сваімі сучаснікамі, знаёмымі, сябрамі і нядобразычліўцамі, апісваючы саміх сябе і акружэнне ў самых розных жыццёвых сітуацыях. Мемуары, дзённікі і пісьмы даюць не толькі жывы каментарый да гістарычных падзей і працэсаў, але і факты, якія часам нельга замяніць іншымі крыніцамі.

Заклучэнне. Такім чынам, даследаванне любой праблемы гісторыі заўсёды апіраецца на комплекс крыніц. Крынічная база дазваляе запоўніць пэўныя прагалы ў гістарыяграфіі праблемы. Менавіта на падставе архіўных крыніц прадстаўляецца магчымым дастаткова глыбокае і комплекснае асветленне некаторых аспектаў падрыхтоўкі педагагічных кадраў, прававога і матэрыяльнага становішча настаўніцтва. У цэлым, заканадаўчыя акты, матэрыялы афіцыйнага справаводства, перыядычны друк, статыстычныя матэрыялы і крыніцы асабістага паходжання дапамагаюць прааналізаваць дзяржаўную палітыку ў дачыненні да настаўніцтва, яго сацыяльны, нацыянальны, адукацыйны, палавы, узроставы склад, стаўленне сялян і жыхароў горада да навучання і педагогаў, мерапрыемствы міністэрства асветы, духоўнага ведамства і земскіх органаў па арганізацыі школьнай справы ў Беларусі адзначанага часу.

Літаратура

1. Матюшевская М. И. Источниковедение истории Беларуси: учеб-метод. комплекс. В 3 ч. Ч. 1. Материалы законодательства на Беларуси IX–XXI вв. Могилев: УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2010. 44 с.
2. Источниковедение / И. Н. Данилевский [и др.]. М.: Издат. центр РГГУ, 2000. 701 с.

3. Грыцкевіч В. Крыніцы гістарычныя // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. рэдкал.: Г. П. Пашкоў (галоўны рэд.) [і інш.]. Мінск: БелЭН, 1997. Т. 4. 432 с.
4. Инструкция народным учителям Виленского учебного округа / Настольная книга по народному образованию: в 3 т. / сост. Г. Фальборк, В. Чарнолуцкий. СПб.: Тип. Б. В. Вольфа, 1904. Т. III. С. 1539–2623.
5. Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 года. Выпуск VIII. Виленский учебный округ. СПб.: Тип. Т-ва Екатерингофское Печатное Дело, 1914. 134 с.
6. Отчет о состоянии учебных заведений и учреждений Виленского учебного округа за 1914 год. Вильно: Тип. А. Г. Сыркина, 1914. 787 с.
7. В. К. Тяжелая доля. Отрывки из «Дневника» сельской учительницы (работавшей в Белоруссии). Витебск, 1903. 42 с.
8. Кардин В. Сегодня о вчерашнем. Мемуары и современность. М.: Воениздат, 1961. 191 с.

References

1. Matyushevskaya M. I. *Istochnikovedenie istorii Belarusi: ucheb-metod. kompleks. V 3 ch. Ch. 1. Materialy zakonodatel'stva na Belarusi IX – XXI vv.* [Belarusian source-study: educational and methodological complex. Vol. 1. Legislation materials of Belarus IX–XXI cc.]. Mogilev, UO «MGU im. A. A. Kuleshova» Publ., 2010. 44 p.
2. Danilevsky I. N., Kabanov V. V., Medushevskaya O. M., Rumyantseva M. F. *Istochnikovedenie* [Source studies]. Moscow, Izd. tsentr RGGU Publ., 2000. 701 p.
3. Grytskevich V. *Krynitsy gistorychnyya. Entsyklapedyya gistoryi Belarusi: u 6 t. T. 4.* [Historical sources. Encyclopedia of Belarusian history: in 6 vol.]. Minsk, BelEN Publ., 1997, vol. 4. 432 p.
4. Fal'bork G., V. Charnolutskiy V. *Instruktsiya narodnym uchitelyam Vilenskogo uchebnogo okruga / Nastol'naya kniga po narodnomu obrazovaniyu: v 3 t. T. III* [Instructions for people's teachers of Vilna school district. Reference book on public education]. St. Petersburg, Tip. B. V. Vol'fa Publ., 1904, vol. III, pp. 1539–2623 pp.
5. *Odnodnevnyaya perepis' nachal'nykh shkol v imperii, proizvedennaya 18 yanvarya 1911 goda. Vypusk VIII. Vilenskiy uchebnyy okrug* [One-day census of elementary schools in empire carried out on January 18th, 1911. Issue VIII. Vilna school district]. St. Petersburg, Ekateringofskoe Pechatnoe Delo Publ., 1914. 134 p.
6. *Otchet o sostoyanii uchebnykh zavedeniy i uchrezhdeniy Vilenskogo uchebnogo okruga za 1914 god* [Report on state educational institutions and organizations of Vilna school district]. Vilna, A. G. Syrkin Publ., 1914. 787 p.
7. В. К. *Tyazhelaya dolya. Otryvki iz «Dnevnik» sel'skoy uchitel'nitsy (rabotavshey v Belorussii)* [Unhappy lot. Passages from the "Diary" of rural teacher (who worked in Belarus)]. Vitebsk, 1903, 42 p.
8. Kardin V. *Segodnya o vcherashnem. Memuary i sovremennost'* [Today's story about yesterday. Memoirs and modern times]. Moscow, Voenizdat Publ., 1961. 191 p.

Інфармацыя пра аўтара

Астрога Валянціна Міхайлаўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: ostroha@belstu.by

Information about the author

Astroha Valyantsina Mikhaylauna – Ph. D. History, assistant professor, assistant professor of the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroha@belstu.by

Паступіў 28.03.2015

УДК 947.6.«1917»

I. М. Рыжанкоў

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**ХАРЧОВАЯ ПАЛІТЫКА ЧАСОВАГА ЎРАДА НА БЕЛАРУСІ
НА ПЕРШАПАЧАТКОВЫМ ЭТАПЕ РАЗГОРТВАННЯ
ЛЮТАЎСКАЙ РЭВАЛЮЦЫІ**

У артыкуле раскрываецца становішча, якое склалася з харчаваннем у прыфрантавой зоне да лютага 1917 г., а таксама роля і месца харчовага пытання ў палітыцы Часовага ўрада з сакавіка па май 1917 г. Аўтар адзначае, што з першых дзён сакавіка значныя намаганні дзяржаўных структур і «рэвалюцыйнай дэмакратыі» былі накіраваны на павышэнне эфектыўнасці агітацыйна-прапагандысцкай работы на вёсцы. Для паспяховага будаўніцтва новай дэмакратычнай дзяржавы і працягу вайны неабходна было забяспечыць стабільныя пастаўкі прадуктаў харчавання на фронт і ў горад. Новая палітычная эліта на чале з М. Радзянка, а далей Г. Львовым дэманстравала гатоўнасць абараняць дэмакратыю і не рабіла спроб рэанімаваць ранейшы дзяржаўны лад. Гэтыя намеры пацвердзілі першыя рашэнні ўрада: дэмакратызацыя грамадска-палітычнага жыцця, рэквізіцыя хлебных запасаў у памешчыкаў, права сялянам на арэнду на льготных умовах пустуючых памешчыцкіх зямель. У сакавіку – красавіку 1917 г. сялянства Беларусі са свайго боку выказала гатоўнасць выконваць пастаўкі па рэквізіцыях.

Ключавыя словы: рэвалюцыя, «цвёрдыя цэны», хлебныя запасы, аграрнае пытанне, рэквізіцыя, Устаноўчы сход, дэмакратыя.

I. M. Ryzhankou

Belarusian State Technological University

**FOOD POLICY OF PROVISIONAL GOVERNMENT ON BELARUS
AT AN INITIAL STAGE OF EXPANSION OF FERVALSKY REVOLUTION**

The article deals with the food situation in the frontal zone by February 1917, and the role and place of the food problem in the policy of the Provisional Government during the period from March to May 1917. The author notes that from the first days of March considerable efforts of government agencies and «revolutionary democracy» were aimed at improving the effectiveness of advocacy in the countryside. For the successful construction of a new democratic state and a continuation of the war it was necessary to ensure a stable supply of food to the front and to the city. The new political elite headed by N. Rodzyanko, and then H. Lvov demonstrated willingness to defend democracy, and did not attempt to revive the old political system. These intentions have confirmed the first decision of the government: the democratization of social and political life, rekvizitsyya grain stocks from the landlords, the right to peasants for rent on favorable terms the lands which are empty landowners' estates. In March–April 1917, the peasants of Belarus for its part, expressed its willingness to vypolneniyuyat supply requisition.

Key words: revolution, «fixed prices», grain stocks, the agrarian question, requisition, the Constituent Assembly, democracy.

Уводзіны. Гістарыяграфія перыяду Лютаўскай рэвалюцыі характарызуецца вялікім масівам аўтарскіх і калектыўных выданняў савецкага і найноўшага часу. Для перыяду панавання марксісцка-ленінскай метадалогіі галоўным аб'ектам даследавання з'явіўся рух народных мас – салдат, рабочых і сялян пад кіраўніцтвам партыі бальшавікоў у барацьбе з Часовым ўрадам і буржуазнымі партыямі і арганізацыямі. Невыпадкова таму дзяржаваўтваральная, зямельная, харчовая палітыка Часовага ўрада набыла выключна адмоўную ацэнку. Тэматыка жыццядзейнасці сялянства і яго гаспадарчых клопаты ва ўмовах дзяржаўнай палітыкі 1917 г. не падлягалі грунтоўнаму асвятленню. Разам з тым савецкія аўтары: М. Д. Кандрацьеў, Л. П. Ліпінскі,

І. М. Ігнаценка і іншыя, узялі велізарны па меры аб'ём архіўных і дакументальных матэрыялаў. Прычым назапашаныя веды сталі глебай для разваг наступных пакаленняў гісторыкаў.

З распадам СССР эканамічная палітыка Часовага ўрада знайшла адлюстраванне ў працах П. У. Валабуева, В. С. Поршневай, Э. У. Пішчэўскай і інш. Гаспадарчае жыццё вяскоўцаў па сакавік 1917 г. адбіта ў калектыўным творы – «Гісторыя сялянства Беларусі» [1].

Асноўная частка. Сялянскае саслоўе ў Расійскай імперыі заўсёды адчувала нястачу, а з пачатку Першай сусветнай вайны, адпаведна ўвядзеннем ваеннага становішча, яшчэ больш пагоршылася [2]. Жорсткі прыфрантавы рэжым, прыцягненне да ваенна-прымусовых работ, рэк-

візіцыі і мабілізацыя адмоўна адбілася на сялянскай гаспадарцы [1, с. 421]. Прыфрантавая зона зрабілася асноўнай крыніцай харчовага забеспячэння салдат Заходняга і Паўночнага франтоў, Мінскай і Дзвінскай вайсковых акруг, а таксама мясцовага насельніцтва. Тут нарыхтоўкай прадуктаў і фуражу па ўсталяваных дзяржавай «цвёрдых» цэнах займаліся вайсковыя (Снабзап, Снабсев), грамадскія (Усерасійскі земскі саюз, Земгар, Усерасійскі Саюз гарадоў), а таксама цывільныя (харчовыя камісіі) службы на чале з Асобай нарадай па харчовых справах пры Міністэрстве земляробства.

Кожнаму вытворцу сельскагаспадарчай прадукцыі была вызначана колькасць прадуктаў для абавязковага продажу. У той жа час найбольшы іх аб'ём прыпадаў на сялянства, якое, акрамя вайскавай і працоўнай, павінна было выконваць яшчэ і харчовую павіннасць. Менавіта за кошт дробных гаспадарак адбывалася задавальненне харчовых патрэб гараджан і вайскоўцаў на Беларусі. Нягледзячы на тое, што беларускія губерні адносілася да спажываўцаў, а не вытворцаў [3], цяжар абавязковых паставак прадуктаў на патрэбы салдат і гараджан нічым не абмяжоўваўся.

У выніку існуючая сістэма ўліку, нарыхтоўкі і дастаўкі прадуктаў на фронт і ў гарады не магла быць эфектыўнай. Велізарныя дзяржаўныя затраты на вайну ўзмацнялі інфляцыю, нарыхтоўкі на фронт – дэфіцыт спажывецкіх тавараў і, адначасова, іх дарагоўлю. Буйныя вытворцы збожжа, фуражу, мяса мелі магчымасць ухіліцца ад рэквізіцыі і прадаць прадукты перакупшчыкам. Мелі такую магчымасць і асобныя сялянскія гаспадаркі [4].

Нягледзячы на ўсебаковае (праз асвету, царкву, прэсу і г. д.) уздзеянне ўрада з мэтай давядзення вайны да пераможнага канца [5] на патрыятычныя і грамадзянскія пачуцці насельніцтва Расіі, яго стаўленне да патрэб дзяржавы не вызначалася адпаведнай аддачай. Як падкрэслівалася на старонках газеты «День» ад 17 лютага 1917 г., па Расіі харчовыя паступленні ў мінулым годзе «на патрэбы арміі далі моцны недабор». Неэфектыўнасць рэпрэсіўных метадаў барацьбы супраць парушальнікаў «хлебнай павіннасці» добра ўсведамлялася ў сталіцы.

Трэба адзначыць, што ва ўмовах узмоцненага ваенна-паліцэйскага рэжыму сялянства беларускіх губерняў не выяўляла ніякіх прыкмет сацыяльнай актыўнасці, накіраванай на абарону ўласных інтарэсаў, спрабуючы прытрымаць харчовыя прадукты ад продажу дзяржаве па «цвёрдых цэнах».

10 лютага 1917 г. на пасяджэнні Асобай нарады з удзелам Міністра земляробства А. А. Рытціха ў ліку прапаноў, скіраваных на паляпшэн-

не харчовай справы ў краіне, адзначалася прыцягненне «ўсіх народных сіл». Праўда кажучы, цікавасць народа да патрыятычных лозунгаў імкліва зніжалася. Па-першае, ваенныя пазыкі не давалі чакаемых вынікаў. Па-другое, у грамадстве ўзмацнілася тэндэнцыя да ўхілення ваеннаабавязаных ад прызыву на службу. Па-трэцяе, законы капіталістычнага рынку выяўляліся мацней, чым загады ваеннага часу.

У выніку гэтага ўзбагачаліся буйныя вытворцы сельскагаспадарчай прадукцыі і спекулянты, узмацняўся дэфіцыт прадуктаў (мукі, круп, цукру), разлічаных на іх рэалізацыю па «цвёрдых цэнах» у гарадах. Пра мноства харчовых «хвастоў» на вуліцах Мінска паведамлялі карэспандэнты газеты «Мінскі голас» ад 23 лютага 1917 г. Названы артыкул пабачыў свет практычна ў той момант, калі ў сталіцы на глебе недахопу прадуктаў распачаліся хваляванні, якія ў далейшым перараслі ў антыўрадавыя ўзброеныя дэманстрацыі і прывялі да пагібельнага, здавалася б, непарушнага самадзяржаўя.

Новая палітычная эліта ў асобе Часовага камітэта Дзяржаўнай думы не рабіла спроб аднавіць царызм, энергічна прыступілася да заснавання новага, на дэмакратычных пачатках дзяржаўнага ладу; дасягнення ганаровага міру; стабілізацыі эканомікі ў мэтах задавальнення найважнейшых жыццёвых патрэб насельніцтва і салдат. Так, ужо ў першым сваім звароце ад 1 сакавіка 1917 г. да грамадзян Расіі старшыня адзначанага камітэта М. У. Радзянка заявіў аб тым, што галоўны клопат ўрада – забяспечыць армію і насельніцтва прадуктамі харчавання. Наступныя звароты Часовага камітэта Дзяржаўнай думы да гарадскіх і земскіх самакіраванняў змяшчалі заклікі захоўваць грамадскі парадак і наладзіць харчовую справу і рэквізіцыі запасаў хлеба ў зямельных уласнікаў і арандатараў, якія мелі не менш за 50 дзесяцін ворыва. Грамадска-палітычныя, прафесійныя, нацыянальныя і іншыя арганізацыі, якія ўзніклі на Беларусі ў выніку рэвалюцыі, падтрымалі новы лад у асобе Часовага ўрада і яго мясцовыя органы, а таксама далучыліся да рэарганізацыі і далейшага развіцця харчовай справы.

З пачатку сакавіка настроі і паводзіны непасрэдных вытворцаў сельскапрадуктаў – сялян – знаходзіліся пад асобай увагай адзначаных арганізацый. На сходах, малебнах з нагоды вітаня новага ладу і абрання органаў улады вяскоўцам тлумачыўся сэнс падзей, якія адбыліся ў краіне. На гэтых мерапрыемствах арганізатары мусілі прадухіліць стыхійны рух, скіраваны на захоп памешчыцкай маёмасці. Безумоўна, што ранейшыя сродкі маральнага ўздзеяння на сялян прыйшлося пераглядаць і прыстасоўваць да новых рэалій. Таму сялянам прапаноўвалася

падтрымаць «імкненне [урада] давесці вайну да пераможнага канца і перабудаваць радзіму на новых пачатках, якія выпрацуе Устаноўчы сход» [6]. Ва ўрадавых зваротах рабіўся акцэнт на неабходнасць аказання ўсеабдымнай дапамогі арміі і гораду. Гэтай жа лініі прытрымліваліся арганізатары валасных сходаў, якія дамагаліся вынясення адпаведных рэзалюцый і, што яшчэ больш важна, збору сям'янамі ахвяраванняў для фронту.

Так, у «Вестнике Минского губернского комиссара» ад 12 красавіка паведамлялася пра акты ахвяраванняў удзельнікаў валасных сходаў. У прыватнасці, сход Ераміцкай воласці пастанавіў: «перайсці да новага ўраду... сярод нас і насельніцтва воласці захаваць цішыню і пакой, а для задавальнення вайны да пераможнага канца асыгнаваць з сум мірскіх запасных грошаў трыста рублёў і для забеспячэння нашай арміі і тыла ахвяраваць хлеба ў зерне па 2 пуда з кожнага поўнага ўчастка».

Варта адзначыць, што ў сакавіку – маі 1917 г. падобныя акты мелі масавы характар. У выніку гэтага сялянскі аграрны і пагромны рух быў прадухілены, новая ўлада прызнана і значна актывізавалася дапамога франтавікам.

У сваю чаргу, Часовы ўрад пад кіраўніцтвам Г. Я. Львова з першых дзён працы актыўна прыступіў да заснавання харчовых камітэтаў. У ліку задач камітэтам загавалася назіранне за «харчова-эканамічным жыццём» на пэўнай тэрыторыі: улік сельскагаспадарчай прадукцыі, правядзенне рэквізіцый, усталяванне норм спажывання і тэрмінаў збору ўраджаю, размеркаванне пайкоў, барацьба са скупшчыкамі і інш. Выказаная гатоўнасць аказаць дапамогу ўраду і арміі дазваляла вырашыць харчовую праблему адразу і ў маштабе ўсёй краіны. Так, 25 сакавіка ўрад аб'явіў аб увядзенні дзяржаўнай манополіі на хлебныя запасы і ўраджай 1917 г. Пастанова абмяжоўвала ўсе прыватныя здзелкі з хлебам яго здачай па «цвёрдых цэнах» дзяржаўным нарыхтоўчым службам.

У прыватнасці, перапіс прадугледжваў падрыхтоўчы этап, на якім належала падлічыць харчовыя, кармавыя запасы і жывёлу да збору ўраджаю, «дзесяціны пасеваў». Затым улічыць ураджай у копах; далей – перапісаць новы ўраджай і высветліць стан азімых пасеваў [7]. Планавалася правесці правільнасць праведзенай развёрсткі нарыхтоўчых заданняў паміж рэгіёнамі і агульную колькасць жыхароў (едакоў). У выніку былі закладзены важкія правыя перадумовы для паспяховага вырашэння харчовай праблемы.

Выказваючы клопат аб новым ураджай, 11 красавіка Часовы ўрад сваёй пастановай «Аб

ахове пасеваў» дазволіў харчовым камітэтам здаваць у арэнду пуставаўшыя землі, у тым ліку тыя, якія знаходзіліся ва ўласнасці памешчыкаў.

Па прычыне недахопу працоўных рук уладальнікі не мелі магчымасцяў справіцца з пасяўной, і таму сяляне набывалі магчымасць зусім легальна «прапаноўваць свае паслугі» і, натуральна, на сваіх умовах. Зразумела, што адзначаная пастанова выклікала моцную зацікаўленасць у малазямельнага сялянства і стымулявала яго ўдзел у фарміраванні харчовых камітэтаў. З другога боку, яе ажыццяўленне ўвасобілася ва ўзрастанні сацыяльнай напружанасці паміж сялянствам і памешчыкамі.

Паводле пастановы Савета міністраў ад 12 мая «ў мэтах забеспячэння арміі, насельніцтва мясам і хлебам, таксама атрымання матэрыялаў для зямельнай рэформы» абвешчалася аб правядзенні Усерасійскага сельскагаспадарчага і пазямельнага перапісу. Перапісам падлягала займацца земскім установам. Рашэнні Часовага ўрада па харчовым пытанні актыўна пастаянна прапагандаваліся ў прэсе, абмяркоўваліся на сходах і пасяджэннях, тыражыраваліся ў адзых і інструкцыях [8].

Дапамаглі вяскоўцам зразумець сэнс мерапрыемстваў у харчовай сферы, задачах і сутнасці манополіі на хлеб арганізатары з'ездаў сялянскіх дэпутатаў у красавіку – маі 1917 г.

Вясной 1917 г. падтрыманы ўсімі коламі грамадства Часовы ўрад меў надзею паспяхова пераадолець харчовыя цяжкасці. Праваднікамі і выканаўцамі яго палітыкі з'яўляліся створаныя дэмакратычным шляхам харчовыя камітэты. На Беларусі першыя з іх сталі стварацца ў губернскіх, затым у павятовых і валасных цэнтрах. У выніку харчовыя камітэты Мінскай, Віленскай, Віцебскай, Магілёўскай губерняў узначалілі Б. Самойленка, І. Касперовіч, М. Кандрацьеў і І. Мусерскі.

Арганізацыя выбараў валасных камітэтаў надавала сялянам значнае прадстаўніцтва ў параўнанні з іншымі слоўямі. Часцей даверам у выбаршчыкаў карысталіся аўтарытэтныя на вёсцы гаспадары. Траплялі ў камітэты таксама памешчыкі, святары, настаўнікі, земскія служачыя, прадпрымальнікі і інш.

Разам з улікам сялянскай і памешчыцкай гаспадаркі харчовыя камітэты атрымалі магчымасць прыступіць да рэалізацыі другога важнага ўрадавага задання – цэнтралізаванай рэквізіцый прадуктаў (збожжа, мяса, фуражу і інш.) па «цвёрдых цэнах». У пачатку лета 1917 г. у прыфрантавой зоне цэны былі прыкладна аднолькавымі – пуд жыта – па 2 руб. 65 кап. – 2 руб. 70 кап.

Пры гэтым харчовым камітэтам надаваліся шырокія паўнамоцтвы, нават прыцягненне да

крымінальнай адказнасці гаспадароў за падачу недакладных звестак аб сваіх запасах. Праўда, больш распаўсюджаным сродкам пакарання за гэта з'яўлялася рэквізіцыя прадуктаў за палову «цвёрдай цаны».

Заклучэнне. Са звяржэннем самадзяржаўя харчовая палітыка Часовага ўрада набыла з першых дзён рэвалюцыі надкласавы характар і знайшла ў беларускага сялянства спачуванне і падтрымку. Часовы ўрад рэальна ацаніў значнасць харчовага пытання для грамадства і дзяр-

жавы, вызначыў прыцягальныя арыенціры для сялян (вырашэнне зямельнага пытання, скліканне Устаноўчага сходу і інш.), забяспечыў абранне дэмакратычных выканаўчых органаў, маральны і практычны ўдзел усіх пластоў грамадства і г. д.

У далейшым абвешчаная закупка збожжа новага ўраджаю ва ўмовах хлебнай манаполіі ў беларускай вёсцы не стымулявала сялянскай актыўнасці з-за істотнага разыходжання «цвёрдых» і рыначных цэн.

Літаратура

1. Гісторыя сялянства Беларусі. Са старажытных часоў да нашых дзён. У 3 т. Т. 2: Гісторыя сялянства Беларусі ад рэформы 1861 г. да сакавіка 1917 г. / З. Е. Абезгауз [і інш.]; пад рэд. В. П. Панюціча. Мінск: Бел. навука, 2002. 553 с.
2. Рыжанкоў І. М. Беларускае сялянства і харчовая палітыка Часовага ўрада (сакавік – кастрычнік 1917 г.) // Весті Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сер. гум. навук. 2006. № 3. С. 70–78.
3. VI очередное губернское земское собрание // Минский голос. 1917. 27 февраля. С. 3.
4. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). Фонд 60. Воп. 3. Спр. 143. Л. 11.
5. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. Фонд 1265. Воп. 1. Спр. 3. Л. 8.
6. Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі. Фонд 1778. Воп. 1. Спр. 143. Л. 50.
7. НАРБ. Фонд 624. Воп. 1. Спр. 4. Л. 499.
8. НАРБ. Фонд 640. Воп. 1. Спр. 7. Л. 3.

References

1. Abezgauz S. E., Beylkin H. Yu., Buhovets A. G. [and others]. *Istoriya krest'janstva Belarusi. S drevnih vremen do nashih dnei. V 3 t. T. 2: Istoriya krest'janstva Belarusi ot reformy 1861 do marta 1917 goda* [History of the peasantry of Belarus. From ancient times to the present day: The 3 tons. T. 2: The history of the peasantry of Belarus from the reform of 1861 to March 1917]. Ed. V. P. Panyutsicha. Minsk, Belaruskaja navuka Publ., 2002. 553 p.
2. Ryzhankou I. M. Belarusian peasants and food policy of the Provisional Government (March – October 1917). *Vesti Nacional'noj Akademii nauk Belarusi. Seriya gumanitarnykh nauk* [Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Series of humanitarian Sciences]. 2006, no. 3, pp. 70–78 (In Belorussian).
3. The sixth ordinary provincial zemstvo assembly. *Minskiy golos* [Minsk golos]. 1917, 27 February, P. 3. [In Russian].
4. The National Archives of the Republic of Belarus (hereinafter NARB). Foundation 60. Inventory 3. Case 143. L. 11.
5. National Historical Archives of Belarus. Foundation 1265. Inventory 1. Case 3. L. 8.
6. The State Archive of the Russian Federation. Foundation 1778. Inventory 1. Case 143. L. 8.
7. NARB. Foundation 624. Inventory 1. Case 4. L. 499.
8. NARB. Foundation 640. Inventory 1. Case 7. L. 3.

Інфармацыя пра аўтара

Рыжанкоў Ігар Міхайлавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свярдлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: im@belstu.by

Information about the author

Ryzhankou Igar Mikhaylavich – Ph. D. History, assistant professor, assistant professor of the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: im@belstu.by

Паступіў 22.03.2015

УДК 94(476)«917/1918»:321.74

Н. Е. Семенчик

Белорусский государственный технологический университет

**СТАНОВЛЕНИЕ И КРАХ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИИ
В БЕЛАРУСИ (1917–1918 ГГ.)**

Статья освещает не исследованный ранее аспект истории Беларуси периода Февральской и Октябрьской революций 1917 года. Раскрывается содержание понятия «революционная демократия». Показана роль Петроградского Совета в революционном движении. Сообщается о составе революционной демократии в России и Беларуси, о целях и задачах этого движения, о реальных достижениях по упрочению завоеваний революции и демократического строя. Определяется отношение революционной демократии в идее сотрудничества социалистов и либералов в составе Временного правительства. Обращается внимание на всеобщую поддержку революционной демократии Беларуси лозунга коалиционного правительства. Характеризуется место большевиков в среде революционной демократии. Подчеркивается стремление населения России и Беларуси осуществить свои чаяния с помощью Учредительного собрания. Показывается отношение революционной демократии Беларуси к вооруженному восстанию в Петрограде. Раскрываются итоги деятельности революционной демократии, причины ее упадка и краха.

Ключевые слова: Февральская революция, революционная демократия, Временное правительство, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Октябрьская революция, Учредительное собрание.

N. E. Semenchyk

Belarusian State Technological University

**FORMATION AND COLLAPSE OF REVOLUTIONARY DEMOCRACY
IN BELARUS (1917-1918)**

The article dwells upon the previously unexplored aspect of the history of Belarus during the February and October revolutions of 1917. The role of the Petrograd Soviet in the revolutionary movement is shown. The article reports on the structure of revolutionary democracy in Russia and Belarus, the aims and objectives of the movement, the real achievements to consolidate the gains of the revolution and the democratic system. The author tells about revolutionary democracy's attitude to the idea of cooperation of socialists and liberals in the Provisional Government and draws attention to the overwhelming support of the slogan of the Coalition Government by revolutionary democracy. The place of the Bolsheviks in revolutionary democracy is characterised. The author puts an emphasis on the aspiration of Belarus's and Russia's population to realise their goals with the help of the Constituent Assembly. The article shows Belarus's revolutionary democracy attitude to the armed insurrection in Petrograd and reveals the results of revolutionary democracy's activity, the reasons for the decline and collapse.

Key words: February revolution, revolutionary democracy, the Provisional government, the Soviets of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies, the October Revolution, Constituent Assembly

Введение. В историографии событий 1917–1918 гг. в Беларуси тема революционной демократии отсутствует. К ней причисляют «политически активные слои городской буржуазии, крестьянства и радикальной интеллигенции, вставшие на позиции антифеодальной, антиимпериалистической, а также антикапиталистической борьбы; выражающие их интересы партии, организации и группы» [1, с. 234]. На наш взгляд, это определение мало соответствует истине. Что из себя представляла революционная демократия в Беларуси, какой след она оставила в истории – следует рассмотреть более внимательно.

Основная часть. После свержения самодержавия российская общественность высказала доверие Временному правительству. В ее

числе был и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, снискавший славу оплота революции. По его примеру по всей стране, в том числе и в Беларуси, стали возникать Советы для организации рабочих и солдат в целях укрепления нового строя и защиты их классовых интересов. Та же роль отводилась Советам крестьянских депутатов. Все они ориентировались на Петроградский Совет и также оказывали поддержку Временному правительству.

Делегаты крупнейших в Беларуси Советов приняли участие во Всероссийском Совещании в Петрограде, которое выработало линию поведения для трудящихся и солдат. После этого форума в политическом лексиконе укрепилось понятие «революционная демократия». Она возникла как движение в защиту завоеваний

революции, прежде всего, в интересах трудящихся. К ней причислялись Советы, другие организации (солдатские комитеты, профсоюзы), левые партии, а также демократизированные городские и земские самоуправления. Организационно революционная демократия не имела четкой структуры. Право говорить от ее имени имели, прежде всего, представители партий, которые присутствовали в Советах депутатов. До лета ее центром являлся Исполком Петроградского Совета. Иногда его мероприятия, затрагивавшие компетенцию Временного правительства, вызывали обвинения либеральной демократии в создании «двоевластия».

Всенародная поддержка Временного правительства, реальное осуществление им прав и свобод, демократизация армии и другие нововведения консолидировали общество, поэтому в марте – апреле резкой дифференциации в нем не наблюдалось. И либеральная, и революционная демократии были озабочены решением общих проблем – укрепления нового строя, правопорядка и боеспособности армии.

Равновесие в обществе стало теряться после возвращения из эмиграции В. И. Ленина. Встречавший его председатель Исполкома Петросовета Н. С. Чхеидзе высказал мнение, что «главной задачей революционной демократии является сейчас защита нашей революции от всяких на неё посягательств как изнутри, так и извне». Ленин же в числе важнейших задач назвал подготовку новой революции [2], что дало Г. В. Плеханову обвинить его в призыве к «гражданской войне в среде революционной демократии» [3, с. 28]. В те дни большевики не отмежевывались от нее, но о принадлежности к ней заявляли по мере необходимости.

В Беларуси первым объединением революционной демократии стал избранный в апреле 1917 г. Исполком Западного фронта (Минск). Большим влиянием на местах пользовались губернские (Витебск, Могилев) Советы рабочих и солдатских, а также губернские (Дисна, Витебск, Минск, Могилев) Советы крестьянских депутатов. В этих же городах, а также в Бобруйске, Гомеле, Мозыре, Орше, Полоцке, Рогачеве действовали Советы, созданные местными рабочими, служащими и солдатами гарнизонов.

В мае 1917 г. был создан Исполком Совета рабочих и солдатских депутатов Западной области, но руководящим центром революционной демократии Беларуси он не стал. Все указанные организации проводили в жизнь линию Петроградского, а после созыва Всероссийских крестьянского и рабоче-солдатского Советов – их Исполнительных комитетов [4].

Революционная демократия достигла успеха в формировании новых органов власти,

сплочении трудящихся и демократизации вооруженных сил. В Беларуси возникшие разногласия о целесообразности сотрудничества с буржуазией решались в пользу коалиции. Так, Минский Совет в своей резолюции от 4 мая высказался за вхождение в правительство «представителей революционной демократии» [5]. 7 августа объединенный съезд Советов Витебщины одобрил идею второго коалиционного правительства, опирающегося «на поддержку революционной демократии» [6]. В Беларуси эта поддержка постоянно высказывалась почти всеми Советами и другими организациями, считавшими себя демократическими. Несмотря на идейные расхождения между отдельными группами революционной демократии, им удалось обеспечить свое превосходство в земельных и продовольственных комитетах, городских и земских самоуправлениях, отстранить от власти назначенных ранее комиссаров, ограничить власть военного командования и т. д. Так же единодушно местная революционная демократия одобрила наступательную политику Временного правительства и осудила большевиков за попытку его свержения 3–4 июля 1917 г. [7].

Увлеченность революционной демократии классовый борьбой против буржуазных партий, помещичьих, офицерских и других организаций вкуче с недалекновидной политикой Временного правительства не способствовали консолидации общества, усиливали анархические процессы на фронте и в тылу. Характерно, что применение властями репрессий в отношении большевиков вызывали акции протеста со стороны всех товарищей по классовой борьбе. А вину за ухудшение экономического и политического положения в стране большевики возлагали не только на Временное правительство, но и на «соглашателей», то есть тех же товарищей.

В Беларуси подчеркнуто отдельная от остальной революционной демократии деятельность большевиков не способствовала возрастанию их авторитета среди рабочих и крестьян и почти полностью сосредоточилась на фронте и в местных гарнизонах. Летом их весомые фракции были созданы лишь в Советах Минска, Витебска, Гомеля, Городка. Итоги выборов в городские думы, помимо прочего, показали, что шансы этой партии на приход к власти демократическим путем были невелики. Не случайно их разрушительная деятельность усилилась настолько, что, помимо прочего, вызвала необходимость созыва 12 августа Государственного совещания. В свою очередь большевики представили его как подготовку контрреволюционного переворота. Когда же такая опасность реально возникла после выступления Корнилова, то революционная демократия, за-

быв о внутренних противоречиях, встала за защиту завоеваний революции и добилась успеха.

В дальнейшем, несмотря на то, что Временное правительство с каждым разом становилось все более «левым», именно с ним большинство населения связывало ухудшение положения в стране. Соответственно позиции партий революционной демократии значительно слабели, главным образом из-за их обвинений в соглашательстве с буржуазией. Все же основная масса трудящихся и солдат связывала надежды на лучшее с созывом Учредительного собрания.

Выступление большевиков в Петрограде 25 октября 1917 г. не только свергло Временное правительство, но и внесло раскол в стан самой революционной демократии. Левая ее часть поддержала переворот, названный его организаторами «рабоче-крестьянской революцией», а правая и центристская объединились в комитетах спасения революции, завоеваниями которой, по их мнению, угрожали большевики. Но после разгрома войск Керенского – Краснова, посланных против участников восстания, указанные комитеты повсеместно распались, обнаружив реальную слабость этой части революционной демократии.

Победе «рабоче-крестьянской революции» в Беларуси, помимо прочего, поспособствовало и то, что ее поддержали отдельные левые национальные партии. Значительная часть остальных соратников по классовой борьбе полагалась на недолгое, лишь до Учредительного собрания пребывание большевиков у власти. Иные считали возможным формирование общесоциалистического правительства. Наконец, были убежденные противники насилия, видевшие в борьбе с большевиками опасность гражданской войны и срыва выборов в Учредительное собрание. В то же время наличие у большевиков Беларуси вооруженных сил позволило им в краткие сроки уничтожить органы революционной демократии – городские, возглавляемые эсерами, меньшевиками либо бундовцами, подконтрольные эсерам крестьянские Советы, а затем переизбрать новые, под большевистским или левозсеровским руководством, но уже как органы государственной власти, опирающиеся на военно-революционные комитеты [8].

Кризис общероссийской революционной демократии, помимо прочего, способствовал

возникновению ее разновидностей на национальной основе. Так, 21 ноября 1917 г. в Бобруйске участники собрания белорусов-военнослужащих под председательством Ф. Шантыря высказали мнение, что до созыва Учредительного собрания управление краем должно осуществляться «революционной демократией Беларуси через свои Советы солдатских, крестьянских и рабочих депутатов» [9].

Подобная мысль высказывалась на Всебелорусском съезде. «Вы, представители революционной демократии Беларуси, – говорил П. Алексюк, обращаясь к делегатам, – должны взять в свои руки устройство судьбы своего народа» [10, с. 53]. Однако местные большевики попросту разогнали съезд.

Долгожданные выборы в Учредительное собрание принесли победу (более 50%) кандидатам от революционной демократии. Разумеется, что большевикам, у которых уже была реальная власть, такой парламент не был нужен. С его разгоном парламентаризм, как и иные ценности Февральской революции, отбрасывались. В условиях усиления репрессий со стороны органов «диктатуры пролетариата» революционная демократия теряла остатки организованных сил. В Беларуси ее последние объединения – городские и земские собрания – либо разгонялись, либо реорганизовывались в соответствующие отделы городских или сельских Советов. После освобождения Беларуси от германской оккупации революционная демократия уже не заявляла о своем существовании.

Заключение. Революционная демократия в Беларуси возникла и действовала как часть всероссийской. Она внесла весомый вклад в укрепление нового строя, сплочение трудящихся и солдат, но по многим причинам не смогла достичь поставленных целей. Ее увлечение классовыми лозунгами и недооценка политического потенциала большевиков позволила последним захватить власть и ликвидировать все завоевания Февраля, в том числе Советы как органы революционной демократии. Разгон большевиками Учредительного собрания не позволил законно избранным представителям революционной демократии осуществить свои идеалы и усилил ее дальнейший распад, завершившийся полным крахом.

Литература

1. Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. Санкт-Петербург: Лань, 1999. 528 с.
2. <http://www.magister.msk.ru/library/history/xx/suhanov/suhan003.htm> (дата обращения 01.02.2015).
3. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии: док. и материалы. Белоруссия в период подготовки социалистической революции (февраль – октябрь 1917 г.): в 2 т. Минск: Госиздат БССР, 1957. Т. 1. 1008 с.

4. Семенчик Н. Е. Общественно-политическая жизнь в Беларуси в период Февральской и Октябрьской революций (март 1917 – март 1918 гг.): в 2 ч. Минск: БГТУ, 2001. Ч. 1. Общественно-политическая жизнь в условиях демократического режима. 200 с. (на белорусском языке).
5. Минская газета. 1917. 6 мая.
6. Свободное слово. 1917. 11 мая.
7. Известия Витебского Совета. 1917. 13 июля; Могилёвская жизнь. 1917. 2 авг.; Молот. 1917. 25 июля; Рабочая мысль. 1917. 8 июля.
8. Семенчик Н. Е. Общественно-политическая жизнь в Беларуси в период Февральской и Октябрьской революций (март 1917 – март 1918 гг.): в 2 ч. Минск: БГТУ, 2001. Ч. 2: Общественно-политическая жизнь в условиях складывания тоталитарного режима. 160 с. (на белорусском языке).
9. Национальный архив Республики Беларусь. Фонд 35, оп. 1, д. 764, л. 15–16.
10. Усебеларускі з'езд 1917: сведчанне сучасніка // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 4. С. 53.

References

1. Yatsenko N. E. *Tolkoviy slovar' obshchestvedcheskih terminov* [Explanatory dictionary of social science terms]. St. Petersburg, Lan' Publ., 1999, p. 528.
2. <http://www.magister.msk.ru/library/history/xx/suhanov/suhan003.htm> (accessed 01.02.2015).
3. *Velikaya Oktyabrskaya sotsialisticheskaya revolyutsiya v Belorussii: Doc. i materialy. Belorussiya v period podgotovki sotsialisticheskoy revolyutsii (fevral' – oktyabr' 1917 g.)* [Great October socialistic revolution is in Belorussia. Documents and materials. Belorussia in the period of preparation of socialistic revolution (February – October 1917)]. 2 ch. Minsk, Gosizdat BSSR Publ., 1957, vol. 1, p. 1008.
4. Semenychk N. E. *Obstchestvenno-politicheskay zhizn' v Belarusi v period Fevral'skoy i Oktyabr'skoy revolyutsiy* (mart 1917 – mart 1918 gg.) [Social and political life in Belarus in the period of February and October revolutions (march 1917 – march 1918)]. 2 ch. Ch. 1. Social and political life in the conditions of the democratic mode. Minsk, BGTU Publ., 2001, p. 200.
5. Minskaya gazeta. 1917. 6 of May.
6. Svobodnoe slovo. 1917. 11 of May.
7. Izvestiya Vitebskogo Soveta. 1917. 13 of July; Mogiliovskaya zhizn'. 1917. 2 of August; Molot. 1917. 25 of July; Rabochaya misl'. 1917. 8 of July.
8. Semenychk N. E. *Obstchestvenno-politicheskay zhizn' v Belarusi v period Fevral'skoy i Oktyabr'skoy revolyutsiy* (mart 1917 – mart 1918 gg.) [Social and political life in Belarus in the period of February and October revolutions (march 1917 – march 1918)]. 2 ch. Ch. 2. Social and political life in the conditions of stowage of the totalitarian mode. Minsk, BGTU Publ., 2001, p. 160.
9. National Archive of Republic of Belarus. Found 35, inv. 1, col. 764, p. 15–16.
10. Belarussian convention 1917: certificate of contemporary. *Belaruski gistarychny chasopis*. [Belarusian historical magazine]. 1993, no. 4, p. 53 (in Belarusian).

Информация об авторе

Семенчик Николай Ефимович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Сverdlova, 13а, Республика Беларусь). E-mail: polity@bk.ru

Information about the author

Semenychk Nikolai Efimovich – D. Sc. History, professor, Head of Department of History of Belarus and Political Science. Belarussian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: polity@bk.ru

Поступила 01.03.2015

УДК. 94(476):323.17 «1917»

А. А. Райчонак

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

САВЕТЫ У ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНЫМ ЖЫЦЦІ БЕЛАРУСІ (САКАВІК – ЛІПЕНЬ 1917 Г.)

У дадзеным артыкуле разглядаецца працэс ўзнікнення і трансфармацыі Саветаў на тэрыторыі Беларусі з сакавіка па ліпень 1917. Прасочваюцца змены ў стратэгіі і тактыцы дзеянняў Саветаў, характар іх узаемаадносін з іншымі грамадскімі арганізацыямі, а таксама з новымі органамі дзяржаўнай улады, паступовае ўключэнне Саветаў у працэс барацьбы за палітычную ўладу. Працэс барацьбы за ўладу характарызуецца паступовым абвастрэннем адносін паміж органамі Часовага ўрада і Саветаў, што, па сутнасці, адлюстроўвае агульнарасійскі працэс заканчэння двоеўладдзя пасля ліпенскіх падзей у Петраградзе. Асаблівасцю дзейнасці Саветаў на Беларусі было тое, што ў найбольш уплывовым Мінскам Савета з самага пачатку пераважалі бальшавікі. Акрамя таго, з усіх тыпаў Саветаў (сялянскіх, рабочых і салдацкіх), апошнія, у сілу прыфрантавога становішча Беларусі, былі найбольш шматлікімі і ўплывовымі. Таксама даследуецца пытанне аб узаемаадносінах Саветаў і беларускага нацыянальнага руху, падыходы да вырашэння нацыянальнага пытання як аднаго з ключавых у ходзе Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г.

Ключавыя словы: Саветы, Беларусь, улада, часовы ўрад, лютаўская рэвалюцыя, нацыянальны рух.

A. A. Raichonak

Belarusian State Technological University

THE SOVIETS IN PUBLIC AND POLITICAL LIFE IN BELARUS (MARCH-JULY 1917).

The emergence and transformation of the Soviets in the territory of Belarus in the period from March to July 1917 are studied in the article. The Soviets strategy and tactics changes, the nature of their relationships with other social movements as well as with the new authorities. Gradual involvement of the Soviets in the struggle for political power is examined in the article. This period is characterized by a gradual deterioration of relations between the Provisional Government and the Soviets. It reflects the nationwide process of the end of dual power in consequence of July events in Petrograd. The peculiarity of the Soviets activity in Belarus was the fact that from the very beginning the most influential Minsk Soviet was dominated by the Bolsheviks. In addition, of all the Soviets types (including peasants, workers and soldiers), the Soldiers' Soviets were the most numerous and influential ones because of a frontline position of Belarus. In addition, the question of the relationship between the Soviets and the Belarusian national movement as well as some approaches to solve the national question as one of the key questions during the February Revolution of 1917 are studied in the paper .

Key words: Soviet, Belarus, power, Provisional Government, February Revolution, national movement.

Уводзіны. Першыя весткі аб Лютаўскай рэвалюцыі патрапілі на Беларусь 28 лютага. Першага сакавіка больш дакладныя дадзеныя былі атрыманы ў Віцебску, 2–3-га сакавіка гэтае паведамленне даходзіць да ўсіх губернскіх цэнтраў неакупаванай Беларусі.

Адразу ж пасля звяржэння царызму пачалася актыўная праца па стварэнні органаў, якія спрабавалі вырашыць пытанне аб уладзе ў Беларусі. Гэтая праца, на наш погляд, вялася адразу па чатырох накірунках, што было выклікана розным разуменнем будучага рэвалюцыйнай Расіі ўвогуле і Беларусі ў прыватнасці. Асноўная дзейнасць у гэтым накірунку была разгорнута: 1) Саветаў рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў; 2) органамі, утворанымі Часовым урадам; 3) органамі вайсковага каманда-

вання Заходняга фронту; 4) Беларускім нацыянальным камітэтам.

Асноўная частка. Працэс стварэння Саветаў пачаўся 4-га сакавіка, калі ўтварыўся Мінскі Савет рабочых дэпутатаў і быў абраны Часовы выканаўчы камітэт, у якім да Кастрычніцкай рэвалюцыі бальшавікі займалі дамінуючае становішча, што адыграла немалаважную ролю ў далейшым развіцці падзей. 6-га сакавіка было прынята рашэнне аб аб'яднанні рабочых і салдацкіх дэпутатаў у адзіны Савет рабочых і салдацкіх дэпутатаў. На гэтым скончыўся працэс фарміравання Савета рабочых і салдацкіх дэпутатаў у Мінску.

У той жа час быў створаны Савет рабочых і салдацкіх дэпутатаў у Гомелі, але там самай шматлікай групай з'яўляліся меншавікі. 4–8 сакавіка паўстае Віцебскі Савет. Фарміруюцца

Советы ў Полацку, Оршы, Бабруйску. Што ж тычыцца Магілёва, то там стварэнне саветаў было замаруджана знаходжаннем Стаўкі Галоўнакамандавання.

Сярод першых мерапрыемстваў, праведзеных Саветамі рабочых і салдацкіх дэпутатаў у Беларусі, трэба адзначыць стварэнне міліцыі, узброеных атрадаў для падтрымання парадку і барацьбы з контррэвалюцыяй. У Мінску ўжо 5 сакавіка грамадскі парадак падтрымлівала 200 міліцыянераў і атрад салдатаў. Гэты атрад дзейнічаў настолькі добра, што створаным к гэтаму часу органам Часовага ўрада нічога не заставалася як узаконіць гэтую міліцыю.

Адносна агульнапалітычных задач заўважым, што на сваім пасяджэнні 8 сакавіка Мінскі Савет вызначыў іх наступным чынам: «Вітаючы Часовы ўрад, Мінскі савет рабочых і салдацкіх дэпутатаў падкрэсліў, што падтрымку Часоваму ўраду ён акажа толькі ў тым выпадку, калі ён будзе весці няўхільную барацьбу з прыхільнікамі скінутага царскага ўрада, калі будзе абараняць палітычныя правы і свабоды ўсяго насельніцтва, будзе падрыхтоўваць скліканне Устаноўчага сходу і ўсталяванне дэмакратычнай рэспублікі» [1].

У пачатку сакавіка ў Беларусі пачалі стварацца і органы Часовага ўрада. Ужо вечарам 3-га сакавіка ў Мінску ў спешным парадку была склікана нарада, на якой прысутнічалі гласныя гарадской думы, прадстаўнікі Земскага і гарадскога саюзаў, губернскага і павятовага земстваў, прадстаўнікі духавенства, мясцовых нацыянальных грамадстваў (рускага, яўрэйскага, польскага) – увогуле 70 чалавек, у тым ліку 2 прадстаўнікі ад рабочых [2]. У ходзе гэтай нарады грамадзянскім камэндантам Мінска быў прызначаны Б. М. Самойленка – старшыня Мінскай губернскай земскай управы і Вайскова-прамысловага камітэта.

6-га сакавіка Часовы ўрад прызнаў неабходным адхіліць ад улады губернатара і віцэ-губернатара, а іх абавязкі па кіраўніцтве губерняй ускласці на Б. М. Самойленку. 7-га сакавіка быў утвораны Гарадскі камітэт грамадскай бяспекі, у які ўваходзіла па аднаму дэлегату ад беларускай, рускай, польскай і яўрэйскай нацыянальнасцей, 3 дэлегаты ад Савета рабочых дэпутатаў і 6 ад гарадской управы. Адно месца было пакінута для вайскоўцаў [3].

Практычна ва ўсіх беларускіх губернях фармаванне органаў новай улады адбывалася адначасова. У гэты ж час ствараліся органы Часовага ўрада ў Віцебску, Магілёве, Гомелі, Оршы, Бабруйску, Полацку, Рагачове і іншых гарадах і павятовых цэнтрах.

Такім чынам, можна канстатаваць, што з атрыманнем звестак аб Лютаўскай рэвалюцыі

ў пачатку сакавіка рэвалюцыйны рух у асноўным ахапіў губернскія і павятовыя цэнтры. У вёсцы ж пераўтварэнні пачаліся некалькі пазней, пераважна ў красавіку – пачатку мая.

У рэвалюцыйных падзеях нельга пакінуць без увагі пазіцыю вайсковага камандавання. У сувязі з тым, што Беларусь (неакупаваная яе частка) знаходзілася фактычна ў прыфрантавой паласе, усе дзяржаўныя ўстановы і грамадскія арганізацыі былі вымушаны лічыцца з меркаваннем вайсковых уладаў, якія складаліся пераважна з кансерватыўна настроенага генералітэту. Фармальна не ўмешваючыся ў дзеянні грамадзянскіх уладаў, вайсковае камандаванне мела дастаткова сіл, каб прымусіць лічыцца з яго пазіцыяй грамадзянскія органы.

Пацвярджэннем гэтаму можа служыць загад № 1 Стаўкі Вярхоўнага галоўнакамандуючага, які прапанаваў органам Часовага ўрада, а таксама штабу Заходняга фронту стаць на шлях кампрамісу з Саветамі рабочых дэпутатаў, калі яны складаліся з памяркоўных элементаў і стаялі на пазіцыі неабходнасці працягу вайны да перамогі [4, с. 137]. Гэта ж тэлефанаграма патрабавала ад камандзіраў вайсковых часцей устанавіць кантроль за выбарамі салдацкіх дэпутатаў з мэтай правядзення ў іх склад асоб, якія падтрымліваюць лінію ўрада.

Пасля лютага беларускі нацыянальны рух пачынае набываць шырокі, арганізаваны характар. 15 сакавіка прымаецца Дэкларацыя Беларускай народнай арганізацыі ў Петраградзе, якая ў хуткім часе была надрукавана ў «Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов». У ёй, у прыватнасці, гаварылася: «Мы верым, што Устаноўчы сход правільна вырашыць пытанне і пераўтварыць Расію на пачатках Федэратыўнай Рэспублікі» [5]. Выстаўляліся патрабаванні: ўвядзенне выкладання ў школах на нацыянальнай мове, удзел мясцовага насельніцтва ў самакіраванні, адміністрацыя, якая прызначаецца цэнтральным кіраўніцтвам, павінна быць знаёма з краем, бытам і мовай народа, які пражывае ў дадзенай мясцовасці.

З першых дзён рэвалюцыі ў Мінску ўтваралася Беларускай нацыянальнай камітэт, які распачынае энергічную арганізацыйную і прапагандыскую працу. Так, 25 сакавіка ў Мінску адбыўся з'езд беларускіх нацыянальных арганізацый, на якім прысутнічала каля 150 дэлегатаў. З'езд выказаўся за аўтаномію Беларусі ў складзе Расійскай Федэрацыі. У дэкларацыі, прынятай з'ездам, у прыватнасці, гаварылася: «Беларускі нацыянальны з'езд... упэўнены, што яго нацыянальны Урад, апіраючыся на ўсіх жыхароў Беларусі, прынясе карысць агульнадзяржаўнаму будаванню на фундаменце федэратыўнага

строю, даручае сваім дэлегатам давесці аб гэтым да ведама часовага ўраду» [6]. У дэлегацыю ўвайшло 7 чалавек.

Агульнай тэндэнцыяй усіх палітычных рухаў у дадзены час было імкненне падпарадкаваць сабе сялянскі рух. Як ужо адзначалася вышэй, рэвалюцыйныя пераўтварэнні ў вёсцы пачаліся пазней, у красавіку – пачатку мая 1917 г. Гэта было звязана з тым, што ў беларускую глыбінку звесткі аб звяржэнні самаўладдзя траплялі са значным спазненнем. Сведчаннем гэтаму, а таксама паказчыкам агульнасялянскіх настрояў служыць справаздача эмісараў Часовага ўрада, якія працавалі ў пачатку красавіка ў Палескай воласці. Яны адзначалі: «Ва ўсіх вёсках воласці сяляне даведаліся аб перавароце напрыканцы сакавіка. Безумоўна, вельмі задаволены тым, што здарылася і да новага парадку ставяцца спачувальна. Заўважана, што да нашага наведвання баяліся, каб не вярнулася старая ўлада і не паўтарыўся 1905 год» [7].

У красавіку сялянскія з'езды на Беларусі праводзяць бальшавікі, эсэры і Беларускі нацыянальны камітэт (БНК). Што тычыцца пастаноў, то яны ў прынцыпе адлюстроўвалі праграмныя палажэнні арганізацый, якія іх склікалі. З'езды сялян Мінскай і Віленскай губерняў, падрыхтаваныя бальшавікамі і эсэрамі, выказаліся супраць аўтаноміі Беларусі, а з'езд БНК падтрымаў гэтую ідэю, але ён быў малапрадстаўнічым.

На працягу лета адбывалася дыферэнцыяцыя беларускага руху. На з'ездзе беларускіх арганізацый і партый 8–10 ліпеня 1917 г. адбыўся раскол, у выніку якога перамогу атрымала Беларуска-сацыялістычная грамада. БНК быў ліквідаваны, а замест яго быў абраны Выканаўчы камітэт Цэнтральнай Рады беларускіх арганізацый, да якой перайшло кіраўніцтва беларускім рухам.

Гэта была не проста перамога «левай плыні» над «правай». Пасля з'езда лозунг палітычнай аўтаноміі Беларусі канчаткова пачынае пераважаць над лозунгам абласной аўтаноміі.

Калі характарызаваць адносіны Часовага ўрада і Саветаў да дзейнасці беларускіх арганізацый у той час, то органы Часовага ўрада адмаўляліся як-небудзь вырашаць беларускае пытанне, спасылаючыся на тое, што гэта знаходзіцца ў кампетэнцыі Устаноўчага сходу. Што ж тычыцца Саветаў, то, як пісаў Кнорын: «усё лета паміж Саветамі і Беларускай грамадой не было сутыкненняў» [8, с. 54], але гэта працягвалася толькі да таго часу, пакуль бальшавікі не ўбачылі ў беларускім руху праціўнікаў у барацьбе за ўладу.

Працэс барацьбы за ўладу ў гэты перыяд характарызуецца рэзкім абвастрэннем адносін

паміж органамі Часовага ўрада і Саветамі, што, па сутнасці, адлюстроўвае агульнарасійскі працэс заканчэння двоеўладдзя пасля ліпеньскіх падзей у Петраградзе.

На Беларусі, у прыватнасці ў Мінску, гэты працэс пачаўся яшчэ раней. Так, у тэлеграме губкамисара Дземідзецкага на імя Міністра ўнутраных спраў ад 18 чэрвеня 1917 г. гаварылася, што ў адрозненне ад іншых Саветаў, дзе большасць належала эсэрам і меншавікам, у Мінску гэты Савет складаецца пераважна з бальшавікоў. Кантакт з імі вельмі цяжкі, паколькі яны ігнаруюць мясцовыя органы ўлады, а пастановы іх непрымальныя. Ён прасіў дазволу на правядзенне новых выбараў у Саветы, якія ў цяперашніх умовах, на яго думку, павінны быць станоўчымі для ўрада. Не змянілася гэтае становішча і праз месяц. У дакладнай запісцы таварыша Міністра ўнутраных спраў Р. Лявонцьева, датаванай 22 ліпенем 1917 г., гаворыцца аб тым, што Мінскі Савет займае крайне варажае становішча да Часовага ўрада і па сутнасці з'яўляецца партыйным органам бальшавікоў [9].

Вывады. Падводзячы вынікі развіцця грамадска-палітычнага жыцця на неакупаванай тэрыторыі Беларусі пасля Лютаўскай рэвалюцыі, можна зазначыць, што ўтвораныя Саветы рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў адыгрывалі значную ролю. Працэсы станаўлення і развіцця Саветаў у сакавіку – ліпені 1917 г., у агульных рысах, нагадвалі аналагічныя працэсы, што адбываліся ва ўсёй былой Расійскай імперыі, аднак меліся і свае характэрныя асаблівасці. Першае – найбольш буйнымі і ўплывовымі былі аб'яднанні Саветы рабочых і салдацкіх дэпутатаў, з відавочным дамінаваннем апошніх, што было звязана з прыфрантавым становішчам беларускіх зямель. Другое – сялянскія Саветы пачалі ўтварацца значна пазней і былі менш уплывовымі ў параўнанні з Саветамі рабочых і салдацкіх дэпутатаў. Трэцяе – у Мінскім Савеце амаль адразу пачалі пераважаць прадстаўнікі бальшавікоў, таму гэты Савет значна раней стаў на шлях канфрантацыі з органамі часовага ўрада, у той час як у іншых Саветах гэты працэс пачаўся толькі ў канцы лета, падчас іх бальшавізацыі. Чацвёртае – вясной-летам 1917 г. Саветы пераважна аб'якава ставіліся да нацыянальнага беларускага руху, разглядаючы нацыянальнае пытанне як другаснае. Увогуле ў дадзены перыяд можна вызначыць тэндэнцыю, якая характарызуецца тым, што Саветы разглядалі сябе не як органы, якія прэтэндуюць на ўладу, а як органы, што назіраюць і кантралююць дзяржаўныя ўстановы Часовага ўрада з мэтай захавання рэвалюцыйных заваёў і недапушчэння рэстаўрацыі.

Літаратура

1. НАРБ. Ф. 4. Воп. 2. Сп. 52. Арк. 21.
2. Минский голос. 1917. 5 марта.
3. Вестник Минского губернского секретариата. 1917. 9 марта.
4. Игнатенко И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1986. 343 с.
5. НАРБ. Ф. 60. Воп. 3. Сп. 175. Арк. 1.
6. Сяменчык М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.). Мінск: Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка. 2001. Ч. 1: Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах дэмакратычнага рэжыму. 199 с.
7. НАРБ. Ф. 60. Воп. 3. Сп. 143. Арк. 22.
8. Кнорин В. Г. 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте. Истпарт, Комиссия по истории Октябрьской революции и КП(б)Б Минск: Государственное издательство Белоруссии, 1925. 75 с.
9. НАРБ. Ф. 60. Воп. 3 Сп. 151. Арк. 10. Арк. 34

References

1. NARB (National Archives of the Republic of Belarus). F. 4. Ser. 2. F. 52. Sh. 21.
2. Minskij golos. 1917.5.03 (newspaper) (in Russian).
3. Vestnik Minskogo gubernskogo sekretariata. 1917. 9.03 (gazette) (in Russian).
4. Ignatenko I. M. *Fevral'skaja burzhuazno-demokraticheskaja revoljucija v Belarusi* [February bourgeois-democratic revolution in Belarus]. Minsk, Nauka i tehnika Publ., 1986. 343 p.
5. NARB. F. 60. Ser. 3. F. 175. Sh. 1.
6. Sjamenchyk M. Ja. *Gramadska-palitychnae zhyccjo na Belarusi ў peryjad Ljutaŭskaj i Kastrыchnickaj rjevaljucyj (sakavik 1917 – sakavik 1918 gg.)* [Social and political life in Belarus during the February and October revolutions (March 1917 – March 1918)]. Minsk, Bel. dzjarzh. ped. un-t imja M. Tanka. Publ., 2001. Ch. 1: Gramadska-palitychnae zhyccjo va umovah djemakratychnaga rjezhymu. 199 p.
7. NARB. F. 60. Ser. 3. F. 143. Sh. 22.
8. Knorin V. *1917 v Belorussii i na Zapodnom fronte* [1917 in Belarus and on the Western Front]. Minsk, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Belorussii Publ., 1925. 75 p.
9. NARB. F. 60. Ser. 3. F. 151. Sh. 34

Інфармацыя пра аўтара

Райчонак Аляксандр Аляксандравіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт, (220050 г. Мінск вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). alray@tut.by

Information about the author

Raichonak Aliexander – Ph. D. Histori, assistant professor of the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). alray@tut.by

Паступіў 16.03.2015

УДК 070:930.1(477)«1918/1939»

В. У. Коваль

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**БЕЛАРУСКАМОЎНАЯ ВІЛЕНСКАЯ ПЕРЫЁДЫКА
ЯК ГІСТАРЫЧНАЯ КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ
ЎКРАЇНСКАЙ ДЫЯСПАРЫ (1918–1939)**

Дадзены артыкул ілюструе выдавецкую дзейнасць беларусаў Вільна ў міжваенны перыяд. Беларускамоўныя газеты і часопісы з'яўляюцца яскравай гістарычнай крыніцай у галіне палітычных, сацыяльных, эканамічных, нацыянальных, адукацыйных і культурных сувязей паміж беларускімі і ўкраінскімі эмігрантамі. У артыкуле засяроджваецца ўвага на гісторыі беларускамоўнай прэсы, беларускай і ўкраінскай эміграцыі.

Кансалідаваная ўкраінская дыяспара адыграла асаблівую ролю ў развіцці беларусаў замежжа. Сродкі масавай інфармацыі ў Вільна стваралі пазітыўны вобраз украінскіх эмігрантаў. Беларускае прэса надавала спецыяльную ўвагу ўкраінцам, асабліва іх палітычнай і грамадскай актыўнасці.

Матэрыял можа быць запатрабаваны не толькі беларускімі гісторыкамі, але і спецыялістамі Украіны. Тэма ўзаемасувязей беларускіх і ўкраінскіх эмігрантаў у міжваенны перыяд з'яўляецца вельмі актуальнай для прынцыповых палітычных рашэнняў у сучаснай геапалітычнай сітуацыі.

Ключавыя словы: беларускамоўная перыёдыка, прэса, гістарычная крыніца, дыяспара, беларуская эміграцыя, украінская дыяспара.

V. U. Koval

Belarusian State Technological University

**BELARUSIAN-LANGUAGE PERIODICALS OF WILNO
AS A HISTORICAL SOURCE IN THE HISTORY
OF UKRAINIAN DIASPORA (1918–1939)**

The article illustrates the publishing activity of Belarusians in Wilno during the inter-war period. Belarusian-language newspapers and magazines are the significant historical source of the political, social, economic, national, educational and cultural ties between Belarusian and Ukrainian emigrants. It is focused on the history of Belarusian-language press, Belarusian and Ukrainian emigration.

The consolidated Ukrainian Diaspora played a particular role for the development of Belarusians abroad. The printed mass media in Wilno depicted the positive image of Ukrainian emigrants. Belarusian press devoted special attention to Ukrainians, especially their political and public activity.

The material may be useful not only for Belarusian historians, but also for the experts of Ukraine. The cooperation between Belarusian and Ukrainian emigrants during the inter-war period is a very actual topic for the principal political decision in the modern world situation.

Key words: Belarusian-language periodicals, press, historical source, Diaspora, Belarusian emigration, Ukrainian Diaspora.

Уводзіны. Беларускамоўная прэса, якая выдавалася ў Вільна ў міжваенны перыяд, з'яўлялася адной з асноўных крыніц інфармацыі для жыхароў Заходняй Беларусі. На старонках газет і часопісаў друкаваліся звесткі публічнага характару, навіны палітычнага, эканамічнага і культурнага жыцця. Перыёдыка, як правіла, цудоўным чынам адлюстроўвала настроі грамадства і перакананні ў віленскім асяродку беларусаў, меркаванні нацыянальна-арыентаванай інтэлігенцыі, а таксама ідэалагічную палеміку ў Заходняй Беларусі. Безумоўна, палітычны кірунак газет і часопісаў вызначаўся пазіцыямі аўтараў ці выдаўцоў перыёдыкі, таму ацэнкі адных і тых жа фактаў у артыкулах выданняў розных арганізацый не заўжды супадалі.

Віленскую перыёдыку неабходна разглядаць у якасці масавай гістарычнай крыніцы пры вывучэнні мінулага беларускай і ўкраінскай дыяспар міжваеннага часу. У адрозненне ад эмігранцкай беларускай прэсы адзначанага перыяду шматлікія выданні Заходняй Беларусі былі больш папулярнымі і пашыранымі, пэўныя газеты і часопісы мелі вялікі тыражы, большасць з іх выдавалася рэгулярна.

Асноўная частка. У міжваенны перыяд Вільня стала культурным і палітычным цэнтрам Заходняй Беларусі, якая на той час уваходзіла ў склад Другой Рэчы Паспалітай. Менавіта там праводзілі яскравыя акцыі найбольш уплывовыя беларускія палітычныя аб'яднанні, разгарнулі сваю дзейнасць

культурныя цэнтры і нацыянальныя грамадскія арганізацыі. Суполкі віленскіх журналістаў, палітычных дзеячоў і настаўнікаў намагаліся сваёй перыёдыкай задаволіць густ любога чытача, там фактычна рыхтавалі да друку газеты і часопісы для кожнай чытацкай аўдыторыі і сацыяльнай групы. У Вільні рэгулярна выходзілі дзесяткі беларускамоўных газет і часопісаў, дзе надавалася асабліва ўвага пытанням палітычных перспектываў беларускай нацыі, эканамічным аспектам развіцця яе этнічных тэрыторый, а таксама актуальным культурным навінам. З усяго масіву прэсы можна вылучыць найбольш папулярныя групы выданняў: грамадска-палітычныя, літаратурна-мастацкія, рэлігійныя, прафесійныя, гумарыстычныя.

Найбольш поўная і багатая калекцыя прэсы мінскай Вільні захоўваецца ў аддзеле рэдкіх кніг і рукапісаў Цэнтральнай нацыянальнай бібліятэкі імя Якуба Коласа Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Частка нумароў адзначаных газет і часопісаў размешчана ў Нацыянальнай бібліятэцы Беларусі, асобныя экзэмпляры – у Беларускім дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва.

Дадзеная група масавых гістарычных крыніц выкарыстоўваецца спецыялістамі не ў поўнай ступені. Існуе патрэба ў распрацоўцы метадыкі выкарыстання матэрыялаў перыёдыкі спецыялістамі ў галіне крыніцазнаўства, бо нярэдка артыкулы на старонках газет і часопісаў могуць адзначацца суб'ектывізмам аўтараў, рэкламным характарам ці ідэалагічным ціскам на рэдакцыю.

Разам з тым шэраг маладых сучасных беларускіх даследчыкаў на высокім прафесійным узроўні звярнуліся да матэрыялаў прэсы Заходняй Беларусі, выкарыстоўваючы апошнія метадалагічныя распрацоўкі. Сур'ёзным аналізам і наватарскімі ацэнкамі адрозніваюцца публікацыі А. Горнага [1], у якіх перыёдычны друк Заходняй Беларусі выкарыстоўваецца як шматаспектная гістарычная крыніца, унікальная і каштоўная па сваёй сутнасці.

Ступень свабоды выдаўцоў віленскай прэсы цалкам адпавядала ўнутранапалітычнай сітуацыі ў Другой Рэчы Паспалітай. Максімальная колькасць матэрыялаў пра дзейнасць беларусаў замежжа і пра навіны ўкраінскай дыяспары была апублікавана на пачатку 1920-х гадоў. Першапачатковы п'юралізм думак у перыёдыцы быў спынены ўзмацненнем польскай цензуры, што дэманструюць віленскія газеты і часопісы другой паловы 1920-х гадоў. У 1930-я гады аўтары матэрыялаў намагаліся не кранаць тэму складанага жыцця эмігрантаў, бо за падобныя артыкулы польскія чыноўнікі маглі канфіскаваць увесь тыраж. З 1930-х гадоў ужо складалася

жорсткая мадэль кантролю за прэсай нацыянальных меншасцей.

Прыкладам польскіх рэпрэсіўных метадаў у дачыненні да беларускага перыёдычнага друку стала справа папулярнай беларускамоўнай газеты «Крыніца», якую ўлады зачынілі ў 1925 г. Варта адзначыць, што дадзенае выданне мела сваіх шматлікіх прыхільнікаў у асяродку эмігрантаў, адводзіла нямала месца іх навінам і падзеям, сістэматычна пісала пра супрацоўніцтва беларусаў і ўкраінцаў замежжа. На аснове той жа віленскай прэсы можна зрабіць выснову, што ў 1925 г. рэдактара газеты Б. Туронка арыштавалі, а выданне зачынілі. «17/VIII.1925 г. па загаду сьледавацеля III вобласці м. Вільні быў арыштаваны рэдактар «Крыніцы» Б. Туронак і пасаджаны ў вастрог на Лукішках» [2], – пісалася ў газеце «Жыцьцё беларуса».

Б. Туронку было прад'яўлена абвінавачанне ў дзесяці эпیزодах парушэння закона на старонках розных нумароў «Крыніцы». Нягледзячы на тое, што польскія ўлады зачынілі дадзенае перыёдычнае выданне, беларуская інтэлігенцыя не магла пагадзіцца з ліквідацыяй газеты. «Крыніца» была адной з найстарэйшых беларускамоўных газет у Вільні, якая выдавалася 9 гадоў, з якіх 2 гады – у Мінску і Петраградзе, а апошнія 7 – у Вільні [3]. Фактычна ўся рэдакцыя «Крыніцы» ўвайшла ў склад новай газеты пад назвай «Беларуская крыніца», якая пераняла традыцыю ўсебакова асвятляць дзейнасць эмігрантаў у розных краінах свету.

Згодна з польскім законам, журналісты мелі права не падпісваць свае артыкулы, таму вялікая колькасць вострых палітычных матэрыялаў публікавалася без імёнаў ці псеўданімаў аўтараў. Пры аналізе віленскай прэсы гэты факт значна ўскладняе працу гісторыкаў, бо ў большасці выпадкаў на сённяшні дзень аўтарства ўзнавіць проста немагчыма. Разам з тым крымінальная адказнасць за выхад прэсы ўскладалася на рэдактара ці выдаўца перыёдыкі, які меў права не называць аўтара [4]. Менавіта па дадзенай юрыдычнай схеме ўся віна за публікацыі «Крыніцы» ўскладалася на яе рэдактара Б. Туронка.

Нягледзячы на ціск польскіх улад, прэса Заходняй Беларусі і беларускай эміграцыі намагалася ўздываць пытанне нацыянальнай дыскрымінацыі ў Другой Рэчы Паспалітай. Карэспандэнты ў віленскіх газетах і часопісах рэгулярна падкрэслівалі, што беларускі і ўкраінскі народ разам вымушаны змагацца з палітычным і эканамічным ціскам у Польшчы.

Віленская прэса з абурэннем публікавала матэрыялы не толькі пра масавыя арышты беларусаў, але і пра барацьбу за нацыянальныя правы ўкраінцаў. «Як і ў мінулыя гады, і сёлета

польскія ўлады зрабілі масавыя арышты сярод украінцаў, асабліва на Валыні і ў Палессі. ... Пролі 7-мільённага ўкраінскага народа тасуецца пляновая сыстэма гвалтаў, пазбаўляючы яго элементарных нацыянальных правоў», – пісала газета «Жыццё беларуса» [5]. У падобных артыкулах беларусы разам з украінцамі выступалі саюзнікамі і змагарамі за свае нацыянальныя правы.

Вялікая ўвага на старонках перыёдыкі надавалася пытанням развіцця Заходняй Украіны, УССР і дзейнасці ўкраінскай дыяспары. У пэўных выданнях нават вылучалася асобная рубрыка, каб размяшчаць інфармацыю пра навіны ўкраінскага народа. Напрыклад, выдаўцы газеты «Беларуская крыніца» вялі спецыяльную рубрыку «З украінскага жыцця», якая рыхталася сістэматычна, што пераконвае ў яе папулярнасці.

Да выданняў, якія надавалі значную ўвагу дзейнасці эмігрантаў, неабходна аднесці наступныя газеты і часопісы: «Наша праўда», «Воля працы», «Беларускі Звон», «Жыццё беларуса», «Вольны сыцяг», «Наш сыцяг», «Голас Беларуса», «Родны край», «Сын Беларуса», «Беларуская доля», «Калосьсе», «Бюлетэнь Таварыства Беларускае Школы», «Змаганьне», «Biełaruskaja Krynica», «Krynica», «Kaladny zwon». Большасць перыядычных выданняў рыхтавалася да друку кірыліцай, аднак частка газет і часопісаў выходзіла лацінкай.

Віленская прэса актыўна выпісвалася беларусамі замежжа, з матэрыялаў газет і часопісаў эмігранты маглі даведацца пра стан рэчаў на радзіме, пра эканамічную і палітычную сітуацыю на Бацькаўшчыне. Найбольшую папулярнасць віленскія выданні мелі ў Чэхаславакіі і Злучаных Штатах Амерыкі. Амерыканскія беларусы напісалі шчыры ліст у газету «Крыніца», тэкст якога быў апублікаваны ў адным з нумароў за 1926 г. «Užo hod, jak ty atrymliwaem «Krynica» i čytajuču jaje, jana nam mocna padabałasia, bo hrupaminaje nam rodny kraj, swaju wiosku» [6], – пісалася ў лісце. Дадзены матэрыял на сённяшні дзень тлумачыць нам: выдаўцы віленскіх газет і часопісаў добра ўсведамлялі, што да іх кола чытачоў адносяцца таксама беларусы замежжа. Менавіта таму на старонках перыядычных выданняў Вільні спецыяльна публікавалі рубрыкі пра дзейнасць беларусаў у Чэхаславакіі, Аргенціне, ЗША, Латвіі, Літве, Францыі і г. д. Пытаннем узаемадзеяння беларускіх і ўкраінскіх эмігрантаў надавалася асобная ўвага, бо фактычна ўсе падобныя артыкулы прадстаўлялі ўкраінскую дыяспару ў выключна пазітыўным святле.

У сваёй прэсе беларусы падрабязна апісвалі адкрыццё ўкраінскіх музеяў, навуковых цэнт-

раў і ўніверсітэтаў замежжа. Не абышлі ўвагай беларускія карэспандэнты набор студэнтаў у вышэйшыя ўкраінскія навукальныя установы замежжа («Весткі з Прагі») [7], а таксама ў прэсе апісваліся кірункі дзейнасці навуковых інстытутаў ўкраінскай дыяспары («Адкрыццё ўкраінскага навуковага інстытута ў Берліне») [8]. Аўтары выданняў сачылі за дзейнасцю ўстаноў, пісалі пра іх уплыў на беларускую грамаду, аналізавалі магчымасць выкарыстання ўкраінскага арганізацыйнага вопыту для беларусаў у эміграцыі. Прыкладам можа быць артыкул «Музей Вызвольнай Барацьбы Украіны» з газеты «Беларуская Крыніца» за 1926 г. «U Prázie Českej, z inicjatywy Źkrajinsk. Uniw. SarhanizawaŹsia Muzej Wyzwolnaje Baračby Źkrajny. Meta muzeju – žbirańnie i pierachawańnie pamiatok, dakumantaŹ, słowam, usialakich rečaŹ, što majuć biezpasiaredni abo pasiaredni Źwiazak z wyzwolnaju baráčboju Ukrainy, a asabliwa Źsiešwietnaje wajny, rewalucyj, dy nacyjanalnaj wajny za niezaleźnašć Ukrainy» [9], – пісалася ў газеце.

У рэпартажы падкрэслівалася магчымасць і неабходнасць наведання украінскіх музеяў беларусамі Прагі, таму там быў апублікаваны дакладны адрас установы. Для тых асоб, якія не мелі такой магчымасці, але зацікавіліся музеем, аўтар матэрыяла (артыкул не падпісаны) прапанаваў пашукаць неперыядычны часопіс «Вісці», што рыхтаваўся да друку супрацоўнікамі Музея вызвольнай барацьбы Украіны.

Тэма супрацоўніцтва беларускага і ўкраінскага студэнцтва ў Празе патрабуе глыбокага і ўсебаковага даследавання. Віленская прэса пераконвае, што беларусы з энтузіязмам далучаліся да мерапрыемстваў украінскай моладзі ў Чэхаславакіі. Напрыклад, газета «Крыніца» сістэматычна друкавала матэрыялы пра ўзаемасувязі студэнцкіх арганізацый.

Выданне падкрэслівала, што на Кангрэсе ўкраінскага студэнцтва, які ў 1925 г. адбываўся ў Празе, выступалі з прадмовай таксама беларускія дэлегаты: «Dziela sławiansaje «gruźaźni» cikaŹna adznačuć, što, aprača biełarusaŹ, ničto z sławianaŹ nia witaŹ» [10]. Публічна прывітаў удзельнікаў Кангрэса член Студэнцкай арганізацыі беларускага сялянскага саюза Федар Клаўсыч.

Таксама газета «Крыніца» пісала пра актыўны ўдзел беларускай моладзі ў Тыдні ўкраінскіх высокіх школ у Празе ў артыкуле «З жыцця ўкраінскіх бежанцаў у Празе» [11]. Правядзенне акцыі рэгулярна суправаджалася разнастайнай і цікавай культурнай праграмай, выконваліся народныя ўкраінскія танцы і песні.

Часам пэўныя матэрыялы з віленскай прэсы пра дзейнасць устаноў дапаўняюць сучасныя беларускія даследаванні фактурай пра іх працу

і каштоўнымі дэталямі кірункаў уплыву ці крыніц фінансавання. Безумоўна, апублікаваная ў міжваенны час інфармацыя, можа пашырыць звесткі пра ступень уздзеяння інстытуцыянальных цэнтраў украінскай дыяспары на беларускіх эмігрантаў.

У адным з такіх артыкулаў з газеты «Беларуская крыніца» пад назвай «Новая Беларуская ўстанова ў Празе» [12] апісваецца адкрыццё Беларускага навуковага кабінета ў лістападзе 1927 г. пры Украінскім інстытуце грамадазнаўства. Пра ўкраінскі інстытут сучасныя вучоныя ўзгадваюць часта, але варта падкрэсліць выключную ролю ўстановы для беларускай эміграцыі, пры якой дзейнічаў беларускі навукова-даследчы цэнтр.

Матэрыял артыкула падрабязна пералічвае кірункі дзейнасці Беларускага навуковага кабінета, што цудоўным чынам дэманструе маштабную падтрымку ўкраінскага грамадства. Кабінет займаўся збіраннем і сістэматызацыяй матэрыялаў па гісторыі, літаратуры, геаграфіі, мастацтву Беларусі; арганізацыяй бібліятэкі беларускіх выданняў, таму выпісваў беларускую перыёдыку ў Прагу; навуковым вывучэннем культурна-гістарычнай спадчыны беларускага народа, яго сацыяльна-эканамічных, геаграфічных і гаспадарчых асаблівасцей; развіваў сталы міжнародны сувязі; намагаўся вызначыць месца і ролю беларусаў у гісторыі Заходняй Еўропы і г. д.

Асобную групу артыкулаў складаюць матэрыялы пра культурнае супрацоўніцтва беларускіх і ўкраінскіх эмігрантаў. Распаўсюджанай практыкай для беларусаў замежжа стала запрашэнне прафесійных украінскіх спевакоў на нацыянальныя святы і вечарыны. Блізкая пеўчая традыцыя дазволіла ўкраінскім музыкам выконваць беларускія песні, нібыта свае родныя. Напрыклад, у артыкуле «Вечар беларускай песні ў Празе» [13] апісваецца правядзенне беларускага мерапрыемства, на якім сваім майстэрствам і талентам вызначыліся ўкраінскія спевакі. Дадзены матэрыял і ацэнкі аўтара былі тыповымі для беларускіх эмігрантаў, бо ўкраінскія музыкі нярэдка дапамагалі ў арганізацыі культурных вечарын. Аўтар падкрэслівае, што асаблівы поспех мела выступленне вядомай ўкраінскай спявачкі, прафесара Украінскага інстытута ў

Празе пані Д'ячэнка, яна выконвала лірычныя, абрадавыя, сямейныя і жартаўлівыя песні. Украінскі прафесар пані Д'ячэнка спецыяльна для публікі прачытала лекцыю пра песенную традыцыю, а яе педагагічная дзейнасць была дапоўнена чароўным выкананнем спеваў.

Беларускія эмігранты неаднаразова пачыналі дабрычынныя акцыі па збіранню матэрыяльных сродкаў на карысць сірот Заходняй Беларусі, студэнтаў ці малазабяспечаных грамадзян. Віленская газета «Новае жыццё» намагалася сістэматычна публікаваць звесткі пра сумы ахвяраванняў, а часам на старонках выдання друкаваліся і прозвішчы саміх ахвярадаўцаў. На жаль, падобныя акцыі мелі нерэгулярны характар. Менавіта таму выдаўцы віленскай прэсы часта звярталіся да прадстаўнікоў беларускай дыяспары з просьбамі аб дапамозе, пры гэтым прапанавалася выкарыстаць паспяховы ўкраінскі вопыт. «Amerykanskija Ukraincy afiarawali blizu 1.500 dalaraŭ na narodnuja ratreby ŭ Zachodniaj Ukrainie. Pryhoży hety pastupak Amerykankich Ukraincaŭ rawinien służyć prykladam našym Bielarusam u Amerycy» [14], — пісалася на старонках газеты «Беларуская крыніца». Рэгулярна публікаваліся матэрыялы пра дабрачынны характар дзейнасці ўкраінскіх эмігрантаў на карысць свайго народа, што на старонках віленскай прэсы ставілася ў прыклад беларусам.

Заклучэнне. Такім чынам, віленская прэса міжваеннага перыяду з'яўляецца комплекснай гістарычнай крыніцай мінулага беларускай эміграцыйнай хвалі. Разам з тым матэрыялы дадзеных газет і часопісаў могуць значна дапоўніць сучасныя даследаванні па гісторыі ўкраінскай дыяспары, якая рабіла выразны ўплыў на дзейнасць беларусаў замежжа. На старонках выданняў пад жорсткім наглядом польскай цензуры апісваюцца супольныя палітычныя, эканамічныя і культурныя беларуска-ўкраінскія праекты. Унікальнасць беларускамоўнай міжваеннай прэсы ў яе поўнай адпаведнасці часу. Сістэма зваротнай сувязі з чытачамі дазволіла карэспандэнтам перыёдыкі адлюстраваць актуальную грамадскую думку пэўнага перыяду, а таксама зрабіць уплыў на масавую свядомасць аўдыторыі ў фарміраванні пазітыўнага вобраза ўкраінскай эміграцыі.

Літаратура

1. Горны А. Вобраз беларускага паланафільства на старонках беларускамоўнага друку міжваеннай Польшчы // Acta Albaruthenica. 2013. Т. 13. С. 293–304.
2. Доля «Кгунісу» і яе рэдактара // Жыццё беларуса. 1925. № 7. С. 3.
3. Доля «Кгунісу» і яе рэдактара // Жыццё беларуса. 1925. № 7. С. 3.
4. Сарока П. В. Умовы развіцця польскага і беларускага перыядычнага друку на тэрыторыі Заходняй Беларусі (1920–1939 гг.) // Наука – 2009: сб. науч. статей: в 2 ч. 2009. Ч. 2. С. 37.
5. Апэляцыя украінцаў да сусветнай апініі // Жыццё беларуса. 1925. № 14. С. 1.

6. Awin L. Bielarusy ŭ Amerycy // Bielaruskaja Krynica. 1926. № 5. С. 6–7.
7. Весткі з Прагі // Беларускі Звон. 1922. № 15. С. 4.
8. Adkrycćie ŭkrainskaha nawuķowaha instytutu ŭ Berline // Bielaruskaja Krynica. 1926. № 43. С. 6.
9. Muzej Wyzwolnaje Baraćby Ŭkrainy // Bielaruskaja Krynica. 1926. № 5. С. 7.
10. Kanhres ukrainskaha studenstwa // Krynica. 1925. № 30. С. 7.
11. К. Z жыćcia ukrainskich biežancaŭ u Prazie // Krynica. 1924. № 4. С. 6.
12. Nowaja Bielaruskaja ŭstanowa ŭ Prazie // Bielaruskaja Krynica. 1928. № 14. С. 3.
13. N. Wiečar bielaruskaj pieśni ŭ Prazie // Bielaruskaja Krynica. 1927. № 27. С. 1.
14. Z жыćcia ŭkrainskaha // Bielaruskaja Krynica. 1927. № 30. С. 3.

References

1. Gorny A. Image of Polish patriotism among Belarusians on the pages of the Belarusian-language press of Poland during inter-war period. *Acta Albaruthenica*, 2013, vol. 13, pp. 293–304 (In Belarusian).
2. Destiny of «Krynitsa» and the editor. *Zhyts'tse belarusa* [Life of Belarusian]. 1925, no. 7, p. 3 (In Belarusian).
3. Also.
4. Saroka P. V. Conditions of development in Polish and Belarusian periodicals on the Western Belarus (1920–1939 гг.). *Nauka – 2009* [Science – 2009], 2009, part. 2, p. 37 (In Belarusian).
5. Address of Ukrainians to world consciousness. *Zhyts'tse belarusa* [Life of Belarusian], 1925, no. 14, p. 1.
6. Awin L. Belarusians in America. *Belaruskaya Krynitsa* [Belarusian Source], 1926, no. 5, pp. 6–7. (In Belarusian).
7. News from Prague. *Belaruskij zvon* [Belarusian toll], 1922, no. 15, p. 4 (In Belarusian).
8. Opening of scientific institute in Berlin. *Belaruskaya Krynitsa* [Belarusian Source], 1926, no. 43, p. 6 (In Belarusian).
9. Museum of struggle for freedom of Ukraine. *Belaruskaya Krynitsa* [Belarusian Source], 1926, no. 5, p. 7. (In Belarusian).
10. Congress of Ukrainian students. *Krynitsa* [Source], 1925, no. 30, p. 7 (In Belarusian).
11. К. About life of Ukrainian emigrants in Prague. *Krynitsa* [Source], 1924, no. 4, p. 6.
12. New Belarusian institution in Prague. *Belaruskaya Krynitsa* [Belarusian Source], 1928, no. 14, p. 3. (In Belarusian).
13. N. Party of Belarusian sings in Prague. *Belaruskaya Krynitsa* [Belarusian Source], 1927, no. 27, p. 1 (In Belarusian).
14. About Ukrainian life. *Belaruskaya Krynitsa* [Belarusian Source], 1927, no. 30, p. 3 (In Belarusian).

Інфармацыя пра аўтара

Коваль Вольга Уладзіміраўна – кандыдат гістарычных навук, старшы выкладчык кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: koval@belstu.by

Information about the author

Koval Volha Uladzimirauna – Ph. D. History, senior lecturer of the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., Minsk, Republic of Belarus). E-mail: koval@belstu.by

Пасцымніў 14.03.2015

УДК 94(1-04)(476) «1920»

Л. И. Шанец

ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь»

**ОСОБЕННОСТИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ
ПОГРАНИЧНОЙ ОХРАНЫ КРАСНОАРМЕЙЦАМИ В БССР В 1920-Х ГГ.**

В статье на основе нормативных правовых документов, а также архивных источников анализируются вопросы комплектования красноармейским составом советской пограничной охраны, в том числе и на территории БССР в 1920-х гг. Автор отмечает, что для Вооруженных Сил под комплектованием понимается пополнение органов военного управления, соединений, воинских частей, организаций Вооруженных Сил личным составом до установленных штатами норм и накопление военно-обученного личного состава резерва, необходимого для развертывания войск с началом войны, а для пограничной службы более актуальной является задача по обеспечению частей личным составом для выполнения задач по охране государственной границы в мирное время. Освещены основные отличительные особенности и принципы комплектования пограничной охраны. Сделан вывод, что политика советского государства в области военного строительства, несмотря на сложные политические и социально-экономические обстоятельства, в целом удовлетворяла потребность пограничной охраны решать задачи по охране и обороне государственной границы.

Ключевые слова: Государственное политическое управление, Западный пограничный округ, пограничная охрана, военная реформа, комплектование

L. I. Shanets

State-owned Educational Establishment

«The Institute of Border Guard Service of the Republic of Belarus»

**PECULIARITIES OF RECRUITING THE RED ARMY SERVICEMEN
FOR THE SOVIET BORDER GUARD SERVICE IN THE BSSR IN THE 1920**

In this paper, on the basis of legal documents, as well as archival sources analysed questions acquisition part of the Soviet Red Army, Border Guard us, including the territory of the Byelorussian SSR in the 1920s. The author notes that the Armed Forces under the manning understood completion of military control, formations, military units and organizations of the Armed Forces personnel to the established norms of the states and the accumulation of military-trained reserve personnel necessary for the deployment of troops to the war, and for the Border Service more urgent task is to ensure the part of staff to the task of protecting the state border in peacetime. Highlights the key features and principles of acquisition of the Border Guard. It is concluded that the policy of the Soviet state in the field of military construction, despite the difficult political and socio-economic circumstances, as a whole meets the needs of the Border Guard to solve problems for the protection and defense of the state border.

Key words: State Political Administration, West Frontier Oak pyr, border security, defense reform, acquisition.

Введение. Исследование проблемы комплектования частей советской пограничной охраны красноармейцами в БССР в 1920-е гг. вызвано тем, что способы и принципы комплектования, применявшиеся на заре строительства Вооруженных Сил Советского государства, находят свое отражение в настоящее время как в Вооруженных Силах, так и в органах пограничной службы Республики Беларусь.

Комплектование Вооруженных Сил – совокупность мероприятий государства по удовлетворению потребностей Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований в личном составе, оружии, военной технике и других материальных средствах для выполнения возложенных задач в мирное и военное время –

является важнейшей частью военного строительства государства.

После Октябрьской революции в Советской республике в связи с переходом войск на мирное положение и массовой демобилизацией из армии вопрос комплектования частей пограничной охраны красноармейским составом приобрел актуальное значение.

В рамках провозглашенной в 1923 г. военной реформы в Красной Армии одним из важнейших мероприятий явилось широкое внедрение в национальных республиках территориально-милиционному принципу комплектования в сочетании с кадровым, что погранохране совершенно не подходило. Вследствие этого комплектование пограничной охраны, как состав-

ной части военной организации государства, в тот период имело свои особенности.

Основная часть. После того как с «политическим бандитизмом» в западной части БССР было покончено, и передача охраны границы регулярным частям Красной Армии [1, с. 115] в военном отношении полностью себя оправдала, 27 сентября 1922 г. постановлением Совета Труда и Оборона (СТО) охрана границы передается в ведение Государственного политического управления (ГПУ). Для чего создается Отдельный пограничный корпус войск ГПУ [2, с. 198]. Соответственно остро встает вопрос о его укомплектовании.

Части Отдельного погранкорпуса войск ГПУ комплектовались красноармейцами, а также санитарно-ветеринарным персоналом на общем с Красной Армией основании в соответствии с декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) и Совета Народных Комиссаров (СНК) «Об обязательной воинской повинности для всех граждан Р.С.Ф.С.Р. мужского пола» от 28 сентября 1922 года. Действие этого декрета распространялось на все советские республики, еще до объединения РСФСР, Украины, Белоруссии и Федерации Закавказских Республик в единый Союз Советских Социалистических Республик [3, с. 1373].

В соответствии с декретом срок отбывания действительной военной службы в рядах пограничной охраны войск ГПУ определялся: для сухопутных войск ГПУ – 1,5 года, для морских частей ГПУ – 4,5 года. Призыв очередного возраста предполагалось объявлять декретом СНК и производить ежегодно весной в течение февраля и марта.

На действительную военную службу призывались граждане, которым к 1 января года призыва исполнилось 20 лет. Начальный срок обязательной военной службы всем призванным исчислялся с 1 апреля.

Части граждан предусматривались льготы по семейному и имущественному положению. Эти граждане должны были поступать в войска ежегодно между 15 августа и 15 сентября и проходить сокращенный срок обязательной службы в течение 6 месяцев, который исчислялся с 1 октября.

По окончании срока службы военнослужащие увольнялись в бессрочный отпуск и зачислялись в запас армии и флота, из которого при приведении армии на военное положение призывались на действительную службу. Увольнение предполагалось производить ежегодно осенью.

Наряду с призываемыми гражданами, на обязательную военную службу могли приниматься и добровольцы, в том числе «иностран-

цы, выразившие желание служить в русских войсках и принимать участие в защите завоеванной русской революции».

В соответствии с «Положением об отдельном пограничном корпусе войск ГПУ» план укомплектования частей погранохраны устанавливался военным ведомством по соглашению с ГПУ. Увольнение красноармейцев в бессрочный отпуск производилось также порядком, установленным в Красной Армии. Обязательным требованием было комплектование частей пограничной охраны не из числа уроженцев близлежащих губерний [4, с. 150].

С переходом по окончании войны к мирному строительству и в связи с особенно тяжелым экономическим положением Советской республики, Пленум Центрального Комитета партии 18 декабря 1922 года подтвердил решение Политбюро о сокращении Красной Армии к 1 февраля 1923 года до 600 тыс. человек. Руководство ГПУ также считало возможным некоторое сокращение и пограничных войск.

В соответствии с постановлением СТО от 27 сентября 1922 г. Отдельный пограничный корпус создавался общей численностью в 50 тыс. едоков, из которых одна шестая часть должна быть конной. Однако по настоянию Л. Д. Троцкого, наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета РСФСР, было принято решение сократить пограничные войска до 25 тыс. человек, т. е. практически на половину от численности [5, с. 23]. Учитывая напряженную обстановку на границе, Ф. Э. Дзержинский не согласился с таким необоснованным сокращением. В результате на вечернем заседании Центрального Комитета партии 18 декабря 1923 г. Ф. Э. Дзержинский выступил с докладом о необходимости пересмотра решения по численности пограничных войск. Вследствие его активной позиции по данному вопросу была назначена комиссия, которая в трехдневный срок рассмотрела данный вопрос и внесла предложение увеличить численность пограничных войск до 30 тыс. человек [6, с. 152].

СТО своим постановлением от 10 января 1923 года «О численности пограничных войск и комплектовании их добровольцами» утвердил это решение комиссии. Постановление предписывало: «...ввиду невозможности обучения новобранцев в пограничных частях войск ГПУ предложить ГПУ перейти к укомплектованию частей добровольцами, для чего подготовить на рассмотрение и утверждение СТО Положение о наборе и службе добровольцев» [7, с. 151].

До перехода комплектования войск ГПУ полностью добровольцами военное ведомство было обязано пополнять пограничные войска ГПУ военнослужащими, прошедшими обучение

в рядах Красной Армии, из уроженцев непограничных губерний.

Также в целях противодействия втягивания пограничников в противоправную деятельность при несении службы было предложено ГПУ договориться с Революционным Военным Советом Республики (РВСР) относительно замены той части войск пограничной охраны, которая состоит из местного населения, уроженцами других местностей. Было дано поручение в течение недели комиссии в составе представителей: ГПУ, Народного Комиссариата Финансов, Народного Комиссариата Внешней Торговли и РВСР подготовить предложения по обеспечению денежным довольствием личного состава пограничных войск, которые легли в основу постановления СТО от 31 января 1923 года «Об улучшении материального положения пограничных войск». В данном постановлении ряд положений касался также денежного содержания добровольцев [8, с. 208].

Для исполнения постановления СТО от 10 января 1923 г. ГПУ было подготовлено и 16 марта 1923 года подписано «Положение о наборе и службе добровольцев-красноармейцев отдельного пограничного корпуса войск Государственного Политического Управления» [9, с. 493].

В качестве добровольцев на службу принимались граждане РСФСР и союзных с ней республик, происходящие из рабочих и крестьян, физические и умственно здоровые, грамотные, политически удовлетворительно развитые, свободные от действительной службы, уволенные в бессрочный отпуск, не подвергавшиеся по суду или в административном порядке наказанию за правонарушения, не бывшие в рядах белых армий. Преимущество при приеме имели отбывшие полный срок действительной военной службы в рабоче-крестьянской армии или флоте и имеющие удовлетворительную военную или военно-морскую подготовку, знакомые специально с уходом за лошадью, знающие какие-либо ремесла или имеющие какую-либо техническую подготовку. Все условия должны были быть подтверждены документально или по возможности отзывами организаций и военных частей. Не подлежали приему в войска пограничного корпуса уроженцы закордонных областей (губерний, районов). Уроженцы приграничных губерний или областей, а также проживающие в данной местности принимались на службу при условии согласия переброски их в другие губернии.

Срок службы добровольцев определялся в четыре года и мог быть прекращен только по врачебному заключению, по приговору суда, в случае тяжелых семейных и хозяйственных

обстоятельств. Добровольцы получали денежное содержание по восьмому разряду (из 26-разрядной сетки военного ведомства) с надбавкой в 200% к основному окладу содержания. Существовал также ряд стимулирующих денежных надбавок в процессе военной службы, которые сохранялись до назначения добровольца на должность командира взвода. По истечении месяца со времени зачисления на службу добровольцу выдавалось единовременное пособие в размере двухмесячного оклада содержания. Ежегодно выдавалось единовременное вознаграждение в размере 25% получаемого им годового оклада содержания.

При продлении службы на второе четырехлетие ежегодное единовременное вознаграждение устанавливалось в размере 50% годового оклада содержания. Кроме денежного содержания, добровольцы удовлетворялись всеми видами довольствия на одинаковых основаниях с военнослужащими строевых частей пограничного корпуса. Все предметы вещевого довольствия по выслуге установленных сроков обращались в собственность добровольцев. Семьи добровольцев пользовались льготами и преимуществами, установленными для семей лиц младшего командного состава Красной Армии (флота).

Комплектование пограничных войск за счет добровольцев, имевших достаточную военную подготовку, позволило повысить уровень службы по охране государственной границы. Но такой порядок комплектования требовал больших расходов на содержание пограничных войск. Поэтому через несколько лет от комплектования пограничных войск добровольцами отказались. Так, из 5112 человек, числившихся по списку на 1 апреля 1925 года в Западном пограничном округе, 21,8% составляли добровольцы [10, л. 199, 11, л. 55].

На добровольную (сверхсрочную) службу стали оставлять только наиболее подготовленных и дисциплинированных красноармейцев и младших командиров, отслуживших срочную службу. Принятое решение о значительном сокращении армии и переход к строительству армии на милиционных началах вызывал необходимость пересмотра порядка подготовки мобилизационного резерва в мирное время.

В результате ошибочных решений военного ведомства по призыву, в 1923 г. красноармейский состав армии сменился за год на 100%, а в некоторых частях до 10 раз. В итоге не было накоплено 300 тыс. комплектов обмундирования для пополнения [12, с. 23].

Призыв граждан, родившихся в 1902 году, на действительную военную службу, намеченный к проведению в 1923 г., был сорван. Дек-

ретом ВЦИК и СНК от 22 марта 1923 г. призыв был отсрочен на весну 1924 г. [13, с. 470].

Для покрытия потребности Красной армии, так же как и для ГПУ, в конце 1923 г. был объявлен набор добровольцев из граждан 1902 г. рождения (т. е. из очередного призывного возраста). В 1923–1924 гг. был издан ряд новых нормативных правовых актов по вопросам комплектования пограничных войск и прохождения службы, существенно изменявших и дополнявших декрет 1922 г.

Важное значение имели «Правила о льготах по семейному положению для граждан, призываемых на действительную военную службу в 1924 году» от 5 марта 1924 г. [14, с. 539], а также «О сроках службы в Рабоче-Крестьянской Красной Армии, Рабоче-Крестьянском Красном Флоте и войсках Объединенного Государственного Политического Управления», узаконенные декретом ЦИК и СНК СССР от 21 марта 1924 г. [15, с. 572].

Срок действительной военной службы для сухопутных войск Объединенного Государственного Политического Управления (ОГПУ) устанавливался в два года, для морских частей войск ОГПУ – четыре года. Отменялся сокращенный срок службы для льготников, начиная с 1925 г. призыв осуществлялся один раз в год, осенью. Призывной возраст был повышен с 20 до 21 года.

Постановление СТО от 10 марта 1924 г. «Об отсрочках при призыве на действительную военную службу граждан, родившихся в 1902 г.», предоставляло отсрочку призыва научным работникам, обучающимся и учащимся советских, профессиональных, партийных и других учебных заведений и научных учреждений [16, с. 548].

Во изменение и дополнение постановления от 21 марта 1924 г. было принято «Временное положение о прохождении действительной военной службы в Рабоче-Крестьянской Красной Армии гражданами, окончившими рабочие факультеты, школы 2-й ступени и высшие учебные заведения» 25 сентября 1924 г. [17, с. 63].

Призыв весной 1924 г. граждан, родившихся в 1902 г., стал первым призывом в условиях мирного времени. В целях экономии бюджета было решено весной 1924 г. призвать лишь 2/3 потребности, с тем чтобы осенью допризвать остальную часть [18, с. 73]. Пополнение для пограничной охраны осенью 1924 г. прибывало в воинские части Красной Армии, расположенные на территории Белоруссии [19, л. 5], так как возможности размещения пополнения при пограничных частях не было. Также не было учебной материально-технической базы для обучения молодого пополнения.

Основной состав красноармейцев в частях пограничной охраны в конце 1924 г. составляли

русские – 67%, украинцы – 14%, белорусы – 12%, остальные национальности по 1–2%. Белорусы и украинцы были разбросаны по отрядам по несколько человек [20, л. 30]. После подписания Рижского мирного договора 18 марта 1921 г. и до марта 1924 г. территория БССР практически вся была приграничной, а поэтому действовали требования к призыву в пограничные войска граждан, проживающих в непограничных губерниях [21, с. 45].

Мероприятия по военному строительству, проведенные после 1922 г., подготовили издание нового закона об обязательной военной службе, который был утвержден 18 сентября 1925 г., действовавшего три года [22, с. 850]. По сравнению с законом 1922 г. он более подробно регламентировал порядок комплектования и прохождения военной службы и закреплял то новое в этой области, что внесла военная реформа. Закон определял войска Объединенного Государственного Политического Управления как специальные войска, которые входят в состав Красной Армии.

Приветствуя выпускников Высшей пограничной школы, нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета республики М. В. Фрунзе 19 августа 1925 г., сказал: «...Эти войска должны помнить, что на них лежит обязанность не только охраны границ в мирное время, но и труднейшая задача: принять первый удар вражеских армий. Особенно обращаю внимание на стрелковое дело. <...> Наши пограничники должны в этом отношении занять первое место в нашей Красной Армии» [23, с. 221].

В соответствии с требованиями для службы в пограничных войсках считались годными призывники физически здоровые, имеющие рост 160–174 см, вес средний, не больше 73 кг, телосложение крепкое, мускулистое, не коротконогие. Хорошее зрение и слух.

Грамотные и политически развитые рабочие от призыва должны составлять 25%, члены ВКП (б) – 4%, члены ВЛКСМ – 15%. Обязательно владеющие русским языком. Знакомые с уходом за лошадьми и желающие служить в кавалерии. Частично знающих шорное и кузнечно-ковочное ремесло [24, с. 228]. Для сравнения, процент рабочих в направляемых в броневые части определялся – 50%, а в морской флот и береговую охрану – 60%. В пехоту и артиллерию направлялось 8% и 10% от призыва соответственно.

Хорошее физическое развитие (крепкое телосложение) призывника характеризовалось следующими признаками: правильное строение грудной клетки, окружность грудной клетки ни в коем случае не менее половины роста и хорошее

развитие мускулатуры. Коротконогими назывались лица, у которых длина туловища с головой превосходит длину ног более чем на 12 см. Хорошее зрение – острота зрения на правый глаз ниже 0,6 и при остроте на левый глаз не ниже 0,1, нормальное поле зрения и отсутствие помутнения преломляющих сред. Хороший слух, когда шепотная речь воспринимается на расстоянии 6–8 м. Под понятие «грамотный» подходили все лица, умеющие читать и писать. К хорошо грамотным относятся лица, окончившие школы 1-й ступени и равные им по своим познаниям. Пополнение призыва 1925 г. в Западном пограничном округе по социальному положению было в основном крестьянским, по национальности преимущественно русские и украинцы.

По партийности прибывшие на службу пограничники подразделялись таким образом: членов партии – 64 человек, или 1,74% по отношению к общему числу прибывших, кандидатов – 76 человек или 2,08%, комсомольцев – 365, или 9,96 % [25, л. 55].

Встречей пополнения, размещением, питанием, проведением занятий занимались представители военного ведомства [26, л. 5]. Для подготовки пополнения в части Западного военного округа выделялся командно-политический состав пограничных войск [27, л. 36]. Представители пограничной охраны, выезжая в части Красной Армии для контроля размещения и подготовки призванного пополнения для пограничных войск, отмечали при этом слабую заинтересованность командования данных частей в этих вопросах [28, л. 5]. При наличии множества своих нерешенных вопросов в армии в то время [29, с. 434] дополнительная нагрузка на части по подготовке не только своего личного состава, но и пограничников воспринималась не везде добросовестно. Командиры и военкомы на занятиях почти не бывали, редко посещали казармы, которые для приема пополнения не снабжались инвентарем, постельные принадлежности, за исключением соломенных матрасов, не выдавались. Денежное довольствие выдавалось несвоевременно.

В ряде случаев пополнение в результате неудовлетворительной подготовки для дальнейшего обучения переводилось в пограничные отряды. Несмотря на трудности, новобранцы высказывали удовлетворение от службы и проявляли желание учиться военному делу [30, л. 42].

Основными источниками комплектования Отдельного пограничного корпуса пограничниками были лица из числа рабочих и крестьян. Так, в 1925 г. 44% всех пограничников корпуса по социальному положению были рабочими, 46% – крестьянами [31, с. 353], однако Западный пограничный округ был укомплектован

личным составом из рабочих – 16,72%, из крестьян – 78,88%, прочих – 4,4% [32, л. 55].

8 августа 1928 г. закон об обязательной военной службе получил новую редакцию [33, с. 3]. В соответствии с новыми требованиями условия отбора в пограничные войска ОГПУ были ужесточены.

Так, призывники должны были быть все грамотные (из них 50% хорошо грамотные) и политически развитые, обязательно владеющие русским языком. Рабочие должны были составлять – 25%, члены ВКП(б) – 6%, члены ВЛКСМ – 20%. Физические требования должны были соответствовать требованиям, установленным для родов войск РККА. Острота зрения – не ниже 0,6 на каждый глаз, хороший слух. Для направляемых в пограничную охрану рост должен был быть в пределах 160–174 см.

В войска ОГПУ не подлежали направлению: политически неблагонадежные, подследственные, подсудные, с уголовным прошлым, когда-либо болевшие малярией, большие венерическими заболеваниями, с дефектами барабанной перепонки, а также пользовавшиеся отсрочками призыва по болезни. Кроме того, в кавалерийские части войск ОГПУ и погранохрану не должны были направляться: имеющие расширенные паховые кольца, рубцы брюшных стенок после операций, какие-либо дефекты конечностей или пальцев. Морская охрана комплектовалась на равных основаниях с морским флотом [34, с. 12].

Заключение. Нормативные правовые акты по вопросам призыва и комплектования пограничной охраны обеспечили правовую составляющую данной системы.

Отличительной особенностью комплектования пограничной охраны на территории БССР было то, что она комплектовалась из призывников в основном из центральных областей страны. По национальной принадлежности это были русские и украинцы, белорусы составляли незначительный процент. Сохранялся классовый подход к комплектованию, подавляющее большинство призывников было из крестьян и рабочих.

В условиях острого дефицита финансовых и материальных ресурсов принцип комплектования пограничной охраны из числа добровольцев не прижился.

Таким образом, выработанная руководством Советского государства эффективная политика в области военного строительства в отношении системы комплектования, в сложных военно-политических и социально-экономических условиях, в целом удовлетворяла потребность пограничной охраны в красноармейском составе, способном решать задачи по охране и обороне государственной границы.

Литература

1. В. И. Ленин и охрана государственной границы СССР: сборник документов и статей / [ред. коллегия: ген.-полк. П. И. Зырянов (отв. ред.) [и др.]: предисл. ген.-полк. П. И. Зырянова]. М.: Воениздат, 1970. С.115.
2. Пограничные войска СССР 1918–1928: сборник документов и материалов. М.: Наука, 1973. С. 198.
3. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1922 г. М.: Управделами Совнаркома СССР, 1950. С. 1373.
4. В. И. Ленин и охрана государственной границы СССР ... С. 150.
5. Красная Армия в 20-е годы. М.: Вестник Архива Президента Российской Федерации, 2007. С. 23.
6. В. И. Ленин и охрана государственной границы СССР ... С. 152.
7. В. И. Ленин и охрана государственной границы СССР ... С. 151.
8. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. М.: Юридическое Книгоиздательство, 1917–1924. С. 208.
9. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. С. 493.
10. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4 п. Оп. 1. Ед. хр. 2069. Л. 199.
11. НАРБ. Ф. 4. п. Оп. 1. Д. 2186. Л. 55.
12. Красная Армия в 20-е годы. С. 23.
13. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. С. 470.
14. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. С. 539.
15. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. С. 572.
16. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. С. 548.
17. Вестник Центрального исполнительного комитета, Совета народных комиссаров и Совета труда и обороны Союза Советских Социалистических республик. М., 1924. № 4. С. 63.
18. Саттеруп Д. В. Комплектование сухопутных вооруженных сил / СССР. Воен. акад. РККА им. М. В. Фрунзе. Л.; М.: Гос. изд-во. Отд. воен. лит., тип. «Красный пролетарий», 1930. С. 73.
19. НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 1. Ед. хр.1642. Л. 5.
20. НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 1. Ед. хр.1642. Л. 30.
21. Круталевич В. А. Административно-территориальное устройство БССР / Акад. наук Бел. ССР, Ин-т философии и права. Минск: Наука и техника, 1966. 133 с.
22. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических республик. Отдел первый / Совет Народных Комиссаров СССР. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1925. № 62. С. 850.
23. Пограничные войска СССР 1918–1928. Сборник документов и материалов. М.: Наука, 1973. С. 221.
24. Руководство по очередным призывам в РККА. М.: Упр. по войсковой мобилизации и укомплектованию Глав. Упр. РККА, Воен. тип. Гл. Упр. РККА, 1926. С. 228.
25. НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 2186. Л. 55.
26. НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 1. Ед. хр.1642. Л. 5.
27. НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 1. Ед. хр.1965. Л. 36.
28. НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 1. Ед. хр.1642. Л. 5.
29. Реформа в Красной Армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг.: в 2 кн. Кн. 1. М.; СПб.: Летний сад, 2006. С.434.
30. НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 1. Ед. хр.1642. Л. 42.
31. На страже границ Отечества. История Пограничной службы: краткий очерк. М.: Граница, 1998. С. 353.
32. НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 2186. Л. 55.
33. Закон пра абавязковую вайскавую службу. Мінск: Белдзяржвыд, 1930. 96 с.
34. Руководство по очередным призывам в РККА. Л.: Центр. тип. Наркомвоенмора, 1929. С. 12.

References

1. *V. I. Lenin i okhrana gosudarstvennoi granitsy SSSR* [Lenin and the protection of the state border of the USSR: collection of documents and articles [Ed. Board: General-regiment. P. I. Zyryanov (resp. ed.), [and others]. Pre. General-regiment. P. I. Zyryanova]. Moscow, Voenizdat Publ., 1970, p. 115.
2. *Pogranichnye voiska SSSR 1918–1928* [Border Troops of the USSR 1918–1928: collection of documents and materials]. Moscow, Nauka Publ., 1973. p. 198.
3. *Sobranie zakonov i rasporyazhenii pravitel'stva za 1922 g.* [Collection of Laws and regulations of the Government for 1922]. Moscow, Upravdelami Sovnarkoma SSSR Publ., 1950. P. 1373.
4. Lenin and the protection of the state border of the SSSR ... P. 150.
5. *Krasnaia Armiia v 20-e gody* [The Red Army in the 20s.]. Moscow, Vestnik Arkhiva Prezidenta Rossiiskoi Federatsii Publ., 2007, p. 23.

6. Lenin and the protection of the state border of the USSR ... P. 152.
7. Lenin and the protection of the state border of the USSR ... P. 151.
8. *Sobranie zakononii i rasporyazhenii rabocheho i krest'ianskogo Pravitel'stva* [Collection of Laws and Orders workers' and peasants government]. Moscow, Iuridicheskoe Knigoizdatel'stvo Publ., 1917–1924, p. 208.
9. *Sobranie zakononii i rasporyazhenii rabocheho i krest'ianskogo Pravitel'stva* [Collection of Laws and Orders workers' and peasants government], p. 493.
10. The National Archives of the Republic of Belarus (NARB). F.4 p. Op. 1. Ed. hr. 2069. L. 199.
11. NARB. F. 4 n. Op. 1 D. 2186. L.55.
12. The Red Army in the 20s. P. 23.
13. Collection of Laws and Orders workers' and peasants government. P. 470.
14. Collection of Laws and Orders workers' and peasants government. P. 539.
15. Collection of Laws and Orders workers' and peasants government. P. 572.
16. Collection of Laws and Orders workers' and peasants government. P. 548.
17. *Vestnik Central'nogo ispolnitel'nogo komiteta, Soveta narodnyh komissarov i Soveta truda i oborony Sojuza Sovetskikh Socialisticheskikh respublik* [Bulletin of the Central Executive Committee of the Council of People's Commissars and the Council of Labor and Defense of the Union of Soviet Socialist Republics]. Moscow, 1924, no. 4, p. 63 (In Russian).
18. Satterup D. V. *Komplektovanie suhoputnyh vooruzhennyh sil* [Acquisition of land forces. USSR. Mil. Acad. Red Army them. M. V. Frunze]. L.; Moscow: Gos. izd-vo Otd. voen. lit. tip. «Krasnyj proletarij» Publ., 1930, p. 73.
19. NARB. F. 4 p. Op.1. Ed. hr. 1642. L. 5.
20. NARB. F. 4 p. Op.1. Ed. hr. 1642. L. 30.
21. Krutalevich V. A. *Administrativno-territorial'noe ustrojstvo BSSR* [Administrative and Territorial BSSR. Acad. Bel Sciences. SSR, Institute of Philosophy and Law]. Minsk, Nauka i tehnika Publ., 1966, 133 p.
22. *Sobranie zakonov i rasporyazhenij Raboche-krest'janskogo pravitel'stva Sojuza Sovetskikh Socialisticheskikh respublik. Otdel pervyj* [Collection of Laws and Decrees of the Workers 'and Peasants' Government of the Union of Soviet Socialist Republics. First Division. Council of People's Commissars of the USSR]. Moscow, Iuridicheskoe izdatel'stvo NKJu SSSR, 1925, no. 62, p. 850.
23. *Pogranichnyye voyska SSSR 1918 – 1928* [Border Troops of the USSR 1918–1928. Collection of documents and materials]. Moscow, Nauka Publ., 1973, p. 221.
24. *Rukovodstvo po ocherednym prizyvam v RKKA* [Guidelines for the next call in the Red Army]. Moscow, mgmt-set by the military mobilization and recruiting chapter. Ex-Red Army of the military. type. Ch. Ex. Red Army, 1926, p. 228.
25. NARB. F. 4 p. Op. 1. D. 2186. L. 55.
26. NARB. F. 4 p. Op. 1. Ed. hr. 1642. L. 5.
27. NARB. F. 4 p. Op. 1. Ed. hr. 1965. L. 36.
28. NARB. F. 4 p. Op. 1. Ed. hr. 1642. L. 5.
29. *Reforma v Krasnoj Armii* [Reform in the Red Army. Documents and materials. 1923–1928 gg.: in 2 b.]. Moscow; St. Petersburg, Letnij sad Publ., 2006, Vol. 1, p. 434.
30. NARB. F. 4 p. Op. 1. Ed. hr. 1642. L. 42.
31. *Na strazhe granic Otechestva. Istorija Pogranichnoj sluzhby* [Guarding the borders of the Fatherland. The history of the Border Guard Service]. A short essay. Moscow, Granica Publ., 1998. 353 p.
32. NARB. F. 4 n. Op. 1. D. 2186. L. 55.
33. *Zakon pra abavyazkovuju vajskaevuju sluzhbu* [Law abavyazkovuyu vayskavuyu great service]. Minsk, Beldzjarzhvyd Publ., 1930. 96 p.
34. *Rukovodstvo po ocherednym prizyvam v RKKA* [Guidelines for the next call in the Red Army]. Moscow: Centr. tip. Narkomvoenmora Publ., 1929, p. 12.

Информация об авторе

Шанец Леонид Игоревич – заместитель начальника факультета № 2 – начальник магистратуры. ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь» (220103, г. Минск, ул. Калиновского, 4, Республика Беларусь). E-mail: shanes@tut.by

Information about the author

Shanets Leonid Igorevich – deputy Head of Faculty № 2 – Head of Magistracy. State-owned Educational Establishment “The Institute of Border Guard Service of Republic of Belarus” (4, Kalinowski str., 220103, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: shanes@tut.by

Поступила 23.03.2015

УДК 9:331.105(476)+331.45+368.4

А. А. Дубовік

Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт

**УДЗЕЛ ПРАФСАЮЗАЎ БЕЛАРУСІ Ў АРГАНІЗАЦЫІ АХОВЫ ПРАЦЫ
І САЦЫЯЛЬНАГА СТРАХАВАННЯ Ў ПЕРЫЯД НЭПА**

У перыяд новай эканамічнай палітыкі ў 1920-я гг. былі закладзены асновы савецкай сістэмы арганізацыі аховы працы і сацыяльнага страхавання, у якой значная роля адводзілася прафсаюзам. Яны накіроўвалі сваіх прадстаўнікоў у органы Наркамата працы, заслухоўвалі іх справаздачы, выбіралі на пленумах інспектараў працы і страхавыя органы, праводзілі абследаванні ўмоў працы на прадпрыемствах. Пытанні аховы працы знаходзілі адлюстраванне ў калектыўных дагаворах, якія прафсаюзы заключалі з гаспадарчымі органамі. У 1927 г. быў створаны Інстытут аховы працы пры НКПБ. Важным накірункам работы прафсаюзаў, цесна звязаным з аховай працы, выступала сацыяльнае страхаванне. Колькасць застрахованых у БССР рабочых і служачых вырасла з 28,6 тыс. у 1922 г. да 263,7 тыс. у 1929 г. За кошт сродкаў сацыяльнага страхавання рабочыя і служачыя забяспечваліся дапамогай па часовай і пастаяннай страце працаздольнасці, па беспрацоўі і г. д., карысталіся бясплатным медыцынскім абслугоўваннем. Прафсаюзы надавалі ўвагу арганізацыі санаторна-курортнага лячэння працоўных, пашырэнню сеткі дамоў адпачынку. Дзейнасць дзяржаўных органаў і прафсаюзаў па ахове працы і развіцці сацыяльнага страхавання, нягледзячы на меўшыя месца цяжкасці, садзейнічала сацыяльнай абароне і паляпшэнню ўмоў жыцця працоўных.

Ключавыя словы: новая эканамічная палітыка (НЭП), прафсаюзы, Наркамат працы, умовы працы, ахова працы, сацыяльнае страхаванне.

A. A. Dubovik

Belarusian National Technical University

**PARTICIPATION OF THE TRADE UNIONS OF BELARUS
IN THE ORGANIZATION OF LABOUR PROTECTION
AND SOCIAL INSURANCE IN THE NEP PERIOD**

Trade Unions of Belarus played an important role in the soviet system of labour protection and social insurance foundations of which were worked out in the NEP period (1920s). They sent their representatives to the departments of the People's Commissariat of Labour, listened to their reports, elected labour inspectors and social insurance offices, conducted the inspections of working conditions at factories. Labour protection issues were included in the collective agreements between the trade unions and economic structures. In 1927 the Institute of labour protection was established. An important area of trade union work was social insurance. The number of insured workers and employees increased in the BSSR from 28,6 thousands in 1922 to 263,7 thousands in 1929. At the expense of social insurance workers and employees were provided with assistance for temporary and permanent disability, unemployment, enjoyed free medical care. The Trade Unions have paid attention to the organization of sanatorium treatment of workers, expansion of rest homes network. Activity of the Belarusian state institutions and Trade Unions on labour protection and social insurance, despite difficulties occurred, contributed to the social security and welfare of workers.

Key words: new economic policy (NEP), Trade Unions, People's Commissariat of Labour, working conditions, labour protection, social insurance.

Уводзіны. У палітычнай сістэме грамадства важная роля належыць грамадскім арганізацыям, найбольш масавая з якіх – прафсаюзы. Асноўнай задачай прафсаюзаў з'яўляецца абарона інтарэсаў працоўных, клопат аб іх дабрабыце і якасці жыцця. Важнымі інструментамі ў гэтым накірунку выступаюць ахова працы і сацыяльнае страхаванне. Заслугоўваюць увагі пытанні дзейнасці прафсаюзаў Беларусі ў перыяд новай эканамічнай палітыкі (НЭПа), калі былі закладзены асновы савецкай сістэмы арганізацыі аховы працы і сацыяльнага страхавання,

у якой першачарговая роля адводзілася прафсаюзам.

Асноўная частка. Мэтанакіраваны пачатак ажыццяўленню НЭПа паклаў Х з'езд РКП(б), які адбыўся ў сакавіку 1921 г. У сувязі з перадачай Саўнаркомам краіны 12 мая 1921 г. аховы працы ад Наркамата працы (НКП) прафсаюзам пададзел аховы працы Саўпрафбела быў пераўтвораны ў самастойны аддзел, які ўзначальваў М. Е. Міленькі, а пасля зацвярджэння яго ў лютым 1922 г. наркомам працы БССР – А. М. Краснаперка. Але ў красавіку 1922 г.,

згодна з пастановай кіраўніцтва краіны аб перадачы дзяржаўных функцый аховы працы НКП, аддзел аховы працы ў Саўпрафбеле быў ліквідаваны, яго пададзел нагляду перададзены ў НКП БССР (НКПБ), а пададзел быту – у склад тарыфна-эканамічнага аддзела Саўпрафбела.

Аднак мерапрыемствы па паляпшэнні ўмоў і ахове працы, якія праводзіліся НКПБ, абавязкова ўзгадніліся з прафсаюзамі. Прэзідыум Саўпрафбела (з 1924 г. ЦСПСБ) разглядаў і зацвярджаў усе пастановы НКПБ, і асабліва па ахове працы на вытворчасці. Прафсаюзныя органы пасылалі сваіх прадстаўнікоў у кіруючыя калегіі НКПБ, у яго аддзел аховы працы, заслухоўвалі іх справаздачы. Так, Прэзідыум Саўпрафбела 11 студзеня 1923 г. заслухаў даклад аддзела аховы працы НКПБ і палічыў неабходным перагледзець персанальны склад інспекцыі працы, выбраць інспектараў на адным з бліжэйшых пленумаў [1, л. 2]. Згодна з арт. 147 КЗаП РСФСР 1922 г., дзеянне якога распаўсюджвалася на БССР, участкавых інспектараў працы выбіралі прафсаюзы і зацвярджалі кіруючыя органы НКП. Галоўнай формай работы інспектараў працы з'яўлялася абследаванне прадпрыемстваў. Толькі з мая да канца 1923 г. было праведзена ў БССР 1981 абследаванне, выяўлена 1987 выпадкаў парушэнняў аховы працы, у асноўным на прыватных прадпрыемствах [1, л. 2]. Узмацніўся кантроль за ўмовамі працы і на дзяржаўных прадпрыемствах. У 1923/24 г. іх удзельная вага ў агульным ліку ўсіх абследаванняў інспекцыі працы складала 29%, а ў 1927/28 г. – 68% [2, л. 15]. Гэта не азначала аслабленне ўвагі да працуючых на прыватных прадпрыемствах, абследаванні ўмоў працы тут праводзіліся прафсаюзамі. У 1925 г. у камісіях па ахове працы ФЗМК налічвалася 1138 прафактывістаў, з іх 702 рабочыя, 238 жанчын [3, л. 224].

5 лютага 1926 г. на пасяджэнні Прэзідыума ЦСПСБ былі разгледжаны вынікі абследавання стану аховы працы ў БССР, праведзенага Наркаматам Рабоча-сялянскай інспекцыі (НК РСІ). Яно паказала адсутнасць на многіх прадпрыемствах неабходных умоў працы. Інспектары РСІ адзначалі, што сувязь аддзела аховы працы НКПБ з вышэйшымі прафсаюзнымі органамі нармальная, аднак у цэлым прафарганізацыі пытанням аховы працы надавалі недастаткова ўвагі. Больш за тое, меліся асобныя факты супрацьдзеяння з боку прафсаюзных камітэтаў у прыцягненні адміністрацыі прадпрыемстваў да адказнасці за парушэнні правіл аховы працы. Прэзідыум ЦСПСБ прызнаў, што стан аховы працы ў БССР значна адстае ад агульнага развіцця беларускай прамысловасці; прафарганізацыі слаба рэагуюць на сістэматычныя парушэн-

ні гаспадарчымі органамі прадпісанняў інспекцыі працы, недастаткова ўвагі надаюць якаснаму падбору інспектараў працы [4, л. 64–65].

Пытанні аховы працы знаходзілі адлюстраванне ў калектыўных дагаворах, якія прафсаюзы заключалі з гаспадарнікамі, пачынаючы з канца 1921 г. Трэба адзначыць, што выкананне норм аховы працы, прадпісаных КЗаП, стварэнне ўмоў для бяспечнай і эфектыўнай вытворчасці патрабавала значных капіталаўкладанняў. Ва ўмовах гаспадарчай разрухі ў першыя гады НЭПа, а потым індустрыялізацыі з вялікімі затратамі на новае будаўніцтва і рэканструкцыю прадпрыемстваў дзяржаве цяжка было знайсці неабходныя сродкі. Таму з другой паловы 20-х гг. НКПБ і прафсаюзы прыступілі да заключэння з гаспадарчымі органамі спецыяльных дагавораў на ажыццяўленне мерапрыемстваў па ахове працы. У 1926/27 г. былі заключаны дагаворы на суму 399 тыс. руб., у 1927/28 г. – 500 тыс. руб., у 1928/29 г. – 650 тыс. руб. [2, л. 16]. У выніку паступова паляпшаўся санітарна-тэхнічны стан прамысловых прадпрыемстваў, зніжалася колькасць няшчасных выпадкаў на вытворчасці: з 9,5 выпадкаў на 100 рабочых у 1926/27 г. да 8,5 у 1927/28 г. [2, л. 18].

Для даследавання ўмоў працы, вывучэння прычын прамысловага траўматызму і захворваемасці, выпрацоўкі практычных рэкамендацый пастановай Прэзідыума ЦСПСБ у чэрвені 1927 г. быў створаны Інстытут аховы працы пры НКПБ. Пачаўшы дзейнасць з 9 супрацоўнікаў, інстытут хутка вырас у буйную ўстанову з 40 працаўнікамі. У 1929 г. ён меў аддзелы: прамысловай гігіены, тэхнікі бяспекі і санітарыі, псіхалогіі працы, арганізацыі працы, хімічную лабараторыю, а таксама статыстычны кабінет, музей працы і сацстрахавання, бібліятэку. Філіялы інстытута былі створаны ў Гомелі і Віцебску [5]. Інстытут працаваў у цесным кантакце з прафсаюзамі, па заданнях фабкамаў і заўкамаў даваў заключэнні на праекты і пабудаваныя тэхнічныя ўстаноўкі аб іх адпаведнасці патрабаванням аховы працы і тэхнікі бяспекі. Заслухаўшы 7 сакавіка 1929 г. даклад дырэктара інстытута С. Р. Дзіхцяра, Прэзідыум ЦСПСБ прызнаў правільнай сістэму працы ўстановы; падкрэсліў неабходнасць, каб у ёй прымалі актыўны ўдзел інжынерна-тэхнічныя секцыі прафсаюзаў [6, л. 138].

У канцы 20-х гг. на мерапрыемствы па ахове працы ў БССР пачалі выдзяляцца больш значныя сродкі (750 тыс. руб. у 1928/29 г., 1 млн. 185 тыс. руб. у 1929/30 г.). Аднак стан аховы працы заставаўся не на належным узроўні. У 1928/29 г. было выкарыстана толькі 66% з сумы сродкаў, прадугледжаных па дагаворах, заключаных з гаспадарчымі арганізацыямі. У пас-

танове Прэзідыума УсеЦСПС па дакладзе аб рабоце прафсаюзных органаў БССР (жнівень 1929 г.) прыводзіліся факты, што за папярэдні год завод «Чырвоны Пралетарый» зрасходаваў толькі 40% асігнаванняў, фабрыка «Дзвіна» – 25%, трэст «Белшчаціна» нічога не выкарыстаў з 10 тыс. руб., выдзеленых на ахову працы [7, с. 29]. У выніку дрэнны стан аховы працы веў да вялікай колькасці выпадкаў вытворчага траўматызму. На канец 1929 г. на ўтрыманні органаў сацыяльнага страхавання БССР знаходзіліся 846 інвалідаў працы. Выплаты ім, сем'ям пацярпелых і дапамогі па часовай непрацаздольнасці складалі амаль палову ўсёй сумы сродкаў, асігнаваных на мерапрыемствы па ахове працы [8, л. 20].

Адным з накірункаў работы прафсаюзаў, цесна звязаным з аховай працы, выступала сацыяльнае страхаванне. Пры пераходзе да НЭПа ўзніклі праблемы ў сацыяльным забеспячэнні, пачасціліся канфлікты паміж рабочымі і адміністрацыяй на глебе выдчы дапамогі пры страце працаздольнасці. 10 кастрычніка 1921 г. Палітбюро ЦК РКП (б) падтрымала прапанову У. І. Леніна даручыць Прэзідыуму УсеЦСПС сумесна з ВСНГ, НК аховы здароўя і Сабесам распрацаваць пытанне аб страхаванні рабочых у сувязі з новай эканамічнай палітыкай. Асноўныя палажэнні дзяржаўнага сацыяльнага страхавання былі выкладзены ў выдадзеным 15 лістапада 1921 г. дэкрэце СНК РСФСР «Аб сацыяльным страхаванні асоб, занятых наёмнай працай». Устанаўлівалася, што яно павінна праводзіцца ва ўсіх прадпрыемствах і ўстановах – дзяржаўных, кааператыўных, прыватных, канцэйсных. Абавязковае сацстрахаванне распаўсюджвалася на ўсіх асоб наёмнай працы і ажыццяўлялася для работнікаў дзяржаўнай прамысловасці за кошт прадпрыемстваў, прыватнай і арэнднай – за кошт прадпрымальнікаў. Сістэма сацыяльнага страхавання з'яўлялася выгаднай для працоўных. Бюджэт страхавання склаўся з узносаў наймальнікаў, а таксама дзяржаўных асігнаванняў, самі рабочыя і служачыя ніякіх узносаў у страхавы фонд не рабілі.

Прафсаюзы БССР разгарнулі працу па ажыццяўленні пастановы савецкага ўрада. 25 снежня 1921 г. пашыраны пленум Саўпрафбела рэкамендаваў неадкладна прыняць да выканання дэкрэт аб сацыяльным страхаванні рабочых і служачых, аказаць садзейнічанне органам сацыяльнага забеспячэння ў іх рабоце [9, л. 23]. У студзені 1922 г. быў створаны аддзел сацыяльнага страхавання пры наркамаце сацзабеспячэння БССР. Практычнае ажыццяўленне сацыяльнага страхавання стала праводзіцца ў лютым, калі пачалася рэгістрацыя прадпрыем-

стваў і працуючых на іх; паступленне ўзносаў пачалося ў сакавіку 1922 г. [10, с. 66].

Другі з'езд прафсаюзаў Беларусі (красавік 1922 г.) распрацаваў мерапрыемствы, накіраваныя на развіццё сацыяльнага страхавання ў рэспубліцы. У выніку на 1 лістапада 1922 г. было зарэгістравана па БССР для ажыццяўлення сацыяльнага страхавання 3299 прадпрыемстваў з колькасцю рабочых і служачых 22 460 чал. [10, с. 68–69].

Асновы сістэмы забеспячэння рабочых і служачых па сацыяльным страхаванні былі замацаваны КЗаП 1922 г. (гл. XVII). За кошт сродкаў сацстраху рабочыя і служачыя забяспечваліся дапамогай па часовай і пастаяннай страце працаздольнасці, а таксама па беспрацоўі; аказвалася дапамога па доглядзе за нованароджаным; застрахаваныя карысталіся бясплатным медыцынскім абслугоўваннем; праводзіліся прафілактычныя мерапрыемствы. У сувязі з дэнацыяналізацыяй значнай часткі прамысловых прадпрыемстваў і пераводам іх на гаспадарчы разлік дэкрэтам УсеЦВК і СНК РСФСР ад 21 снежня 1922 г. права ажыццяўлення сацыяльнага страхавання на вытворчасці перадавалася ад Наркамата сацыяльнага забеспячэння ў распараджэнне НКП. У БССР работа па сацыяльным страхаванні працоўных была сканцэнтравана ва Упраўленні сацыяльнага страхавання НКПБ.

Усе свае дзеянні органы сацыяльнага страхавання ўзгаднялі з прафсаюзамі. Па выразу наркома сацыяльнага забеспячэння БССР М. А. Мар'ясіна, справа сацыяльнага страхавання ў Беларусі «ўвесь час праходзіла ў прафесійным акружэнні» [10, с. 70]. У пачатку сакавіка 1923 г. у Мінску быў заснаваны Страхавы савет, у склад якога ўвайшлі 4 прадстаўнікі Саўпрафбела і па адным ад наркаматаў сацзабеспячэння, аховы здароўя і НКПБ. Некаторыя прадпрыемствы і ўстановы не ўносілі своечасова страхавыя ўзносы, што ставіла справу пад пагрозу зрыву. Таму па прапанове Саўпрафбела Прэзідыум ЦВК БССР у пачатку 1923 г. стварыў камісію па ліквідацыі запазычанасці па страхаванні, яе ўзначаліў Старшыня ЦВК А. Р. Чарвякоў [11]. Гэтыя меры садзейнічалі росту паступленняў узносаў у фонд дзяржаўнага сацстрахавання. На працягу 1924 г. паступіла страхавых узносаў на суму 2,4 млн. руб., у 1925 г. – каля 5,6 млн. руб. У лістападзе 1925 г. у БССР налічвалася ўжо больш за 99 тыс. застрахаваных рабочых і служачых [12, с. 80].

Па заканадаўству не існавала адзінага для ўсіх страхаватэлытарыфу, працэнт узносаў ад зарплаты будаваўся на прынцепах сувязі паміж страхавой рызыкай і санітарна-тэхнічнымі ўмовамі працы. Страхавы тарыф быў дыферэнцы-

раваны таксама па сацыяльна-класавым прынцыпе. Для прыватных прадпрыемстваў ён складаў у БССР 20%, для дзяржаўных – 10% фонду зарплат, у 1926/27 г. быў павялічаны да 13,1% [13, с. 313].

У сярэдзіне 20-х гг. у БССР існавала даволі разгалінаваная сетка страхавых органаў. У кожнай з 10 акруг мелася акружная страхкаса, у кожным раёне – страхавы пункт або страхавы ўпаўнаважаны. Штат акружных страхкас складаўся ў 1925 г. з 168 супрацоўнікаў, акрамя таго, былі ўтвораны камітэты страхкас, у якія ўваходзілі прафактывісты [14, л. 140]. Справаздачы страхавых органаў заслухоўваліся на з'ездах прафсаюзаў.

У 1927/28 г. сацыяльным страхаваннем у БССР было ахоплены 96,7% усіх рабочых. Колькасць застрахованых вырасла да 167 тыс. Асноўная маса застрахованых (76,5%) працавала на дзяржаўных прадпрыемствах і ва ўстановах, 13,7% – у кааператыўных арганізацыях і толькі 9,9% – на прыватных прадпрыемствах [15, л. 354–357]. Даволі значнай у БССР у параўнанні з іншымі рэспублікамі краіны была ступень забяспечанасці страхавой дапамогай беспрацоўных. У 1925 г. у СССР на адну тысяччу застрахованых прыходзілася 39,1 беспрацоўнага, у РСФСР – 39,3, Украіне – 49,5, а ў БССР – 63 беспрацоўных [14, л. 150]. Павялічваліся памеры дапамогі беспрацоўным. Калі ў 1926/27 г. ім было выдадзена 1688 тыс. руб., дык у 1927/28 г. – 2119 тыс. руб. [16, с. 153].

Бюджэт і расходы сацыяльнага страхавання ўвесь час раслі. Калі ў 1925/26 г. яго бюджэт складаў у БССР 11,7 млн. руб., дык у 1928/29 г. расходная частка склала 18,6 млн. руб. У цэлым колькасць застрахованых у БССР вырасла да 263,7 тыс. у 1929/30 г. [16, с. 152–153]. Дзейнасць дзяржавы і прафсаюзаў па развіцці страхавання садзейнічала сацыяльнай абароне і павышэнню дабрабыту працоўных. Разам з тым праведзеная ў 1929 г. праверка выявіла больш за 360 чалавек, якія незаконна атрымлівалі дапамогу па лініі сацыяльнага страхавання [16, с. 154].

Шмат увагі прафсаюзы надавалі арганізацыі санаторна-курортнага лячэння працоўных, пашырэнню сеткі дамоў адпачынку. Важнае значэнне мела прадастаўленне, пачынаючы з 1921 г., рабочым і служачым аплачваемых водпусकाў. Прафсаюзы зацвярджалі чарговасць водпусकाў, клапаціліся аб тым, каб працоўныя своечасова атрымлівалі адпачынак. У выніку ўжо ў 1922 г. большая частка рабочых выкарыстала свой водпуск [17, с. 94]. У сярэдзіне 20-х гг. ва ўсіх акругах БССР функцыянавалі прафсаюзныя дамы адпачынку. У іх у 1925 г. толькі за кошт сродкаў сацстраху адпачыла 4674 рабочыя і служачыя [12, с. 81]. У 1927/28 г. пад Віцебскам быў адкрыты санаторый «Сасноўка», разлічаны на лячэнне штогод каля 1700 чалавек [2, л. 26]. У 1928 г. у санаторыях і дамах адпачынку па пуцёўках сацстраху пабылі 9,4 тыс. чал. [18, с. 478]. Дзейнасць прафсаюзаў па паляпшэнні санаторнага і медыцынскага абслугоўвання працоўных садзейнічала ўмацаванню здароўя рабочага класа і, у сваю чаргу, росту прадукцыйнасці працы.

Заклучэнне. Такім чынам, у перыяд НЭПа прафсаюзы адыгрывалі значную ролю ў савецкай сістэме арганізацыі аховы працы і сацыяльнага страхавання. У цэлым стварэнне такой сістэмы ў 20-я гг. з'яўлялася пазітыўным працэсам, служыла, нягледзячы на меўшыя месца цяжкасці, важным сродкам павышэння матэрыяльнага дабрабыту рабочых і служачых. У БССР колькасць застрахованых рабочых і служачых вырасла ў 1922–1929 гг. у 9,2 разу. Аднак трэба адзначыць, што фонд сацстраху часам распыляўся, выплаты прадастаўляліся асобам, якія ў іх не вельмі мелі патрэбу, і адмаўлялася тым, для каго фінансавая падтрымка была жыццёва неабходнай. У пэўнай ступені гэта абумоўлівалася класавым прынцыпам сацыяльнага страхавання. У 1933 г. усе пытанні і сродкі аховы працы і сацыяльнага страхавання былі перададзены ад органаў НКП прафсаюзам, якія фактычна ператварыліся ў дзяржаўную структуру.

Літаратура

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Фонд 265. Вопіс 1. Справа 1352.
2. НАРБ. Фонд 44. Воп. 1. Спр. 1149.
3. НАРБ. Фонд 4 п. Воп. 1. Спр. 1562.
4. НАРБ. Фонд 265. Воп. 1. Спр. 1871.
5. Дзіхцяў С. Р. Інстытут аховы працы пры НКП БССР. Мінск: Дзяржпрацвыд-ва, 1930. 19 с.
6. НАРБ. Фонд 265. Воп. 1. Спр. 2437.
7. Бюлетень ВЦСПС. 1929. № 5. С. 28–33.
8. НАРБ. Фонд 44. Воп. 1. Спр. 1285.
9. НАРБ. Фонд 265. Воп. 1. Спр. 157.
10. Неманский И. Рабочее страхование в Белоруссии в 1922 г. // Народное хозяйство Белоруссии. 1923. № 2. С. 66–78.

11. Звезда. 1923. 24 февраля.
12. Профессиональные союзы Белоруссии за 1924–1925 гг. Минск, 1925. 144 с.
13. Развитие экономики Белоруссии в 1921–1927 гг. Минск: Наука и техника, 1973. 332 с.
14. НАРБ. Фонд 44. Воп. 1. Спр. 142.
15. НАРБ. Фонд 265. Воп. 1. Спр. 2303. Т. 2.
16. Якубовский В. Н. Деятельность профсоюзов Беларуси по организации социального страхования трудящихся в годы индустриализации (1926–1941 гг.) // Труды Минского института управления. 2008. № 2. С. 152–155.
17. Отчет о деятельности Президиума Совета профессиональных союзов Белоруссии (апрель 1922 – июнь 1923 г.). Минск, 1923. 126 с.
18. Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т. Минск: Навука і тэхніка, 1973. Т. 3. 696 с.

References

1. National archives of Republic of Belarus (NARB), fund 265, inventory 1, case 1352.
2. NARB, fund 44, inventory 1, case 1149.
3. NARB, fund 4 p, inventory 1, case 1562.
4. NARB, fund 265, inventory 1, case 1871.
5. Dzikhtsyar S. R. *Instytut akhovy pratsy pry NKP BSSR* [Institute of labour protection at the People's Commissariat of Labour of the BSSR]. Minsk: Dzyarzhpratsvydavetsva Publ., 1930. 19 p.
6. NARB, fund 265, inventory 1, case 2437.
7. *Byulleten' VTSSPS* [Bulletin of All-Union Central Council of Trade Unions], 1929, no. 5, pp. 28–33 (In Russian).
8. NARB, fund 44, inventory 1, case 1285.
9. NARB, fund 265, inventory 1, case 157.
10. Nemanskiy I. Working insurance in Belarus in 1922. *Narodnoye chozyaystvo Belorussii* [National Economy of Belarus], 1923, no. 2, pp. 66–78 (In Russian).
11. Zvezda, 1923, 24 February.
12. *Professional'nye soyuzы Belorussii za 1924–1925 gg.* [Trade Unions of Belarus in 1924–1925]. Minsk, 1925. 144 p.
13. *Razvitiye ekonomiki Belorussii v 1921–1927 gg.* [Development of the economy of Belarus in 1921–1927]. Minsk: Nauka i tekhnika Publ., 1973. 332 p.
14. NARB, fund 44, inventory 1, case 142.
15. NARB, fund 265, inventory 1, case 2303, vol. 2.
16. Yakubovskiy V. N. Activity of Trade Unions of Belarus in the organization of social insurance in industrialization years (1926–1941). *Trudy Minskogo Instituta upravleniya* [Proceedings of the Minsk Institute of Management], 2008, no 2, pp. 152–155 (In Russian).
17. *Otchet o deyatel'nosti Prezidiuma Soveta professional'nyh soyuzov Belorussii* [Report about activity of the Presidium of Trade Union Council of Belarus (April 1922 – June 1923)]. Minsk, 1923. 126 p.
18. *Gistorya Belaruskay SSR: u 5 t.* [History of the Belarusian SSR: in 5 vol.]. Minsk: Navuka i tekhnika Publ., 1973, vol. 3, 696 p.

Інфармацыя пра аўтара

Дубовік Алена Аляксандраўна – магістр гістарычных навук, выкладчык кафедры паліталогіі, сацыялогіі і сацыяльнага кіравання. Беларускае нацыянальнае тэхнічнае ўніверсітэт (220013, г. Мінск, пр. Незалежнасці, 65, Рэспубліка Беларусь). E-mail: Dubovik.elena@inbox.ru

Information about the author

Dubovik Alena Aliaksandravna – master of History, lecturer of the Department of Political Science, Sociology and Social Management. Belarusian National Technical University (65, Independence avenue, 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Dubovik.elena@inbox.ru

Пасцымніў 15.03.2015

УДК:9(476):32(476) «1930»:908

А. У. Дзянісаў

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

ДЗЕЙНАСЦЬ ІНТЭЛЕКТУАЛАЎ-КРАЯЗНАЎЦАЎ ВА ЎМОВАХ КАМПАНІІ ПА БАРАЦЬБЕ З «НАЦЫЯНАЛ-ДЭМАКРАТЫЗМАМ» У БССР У 1930 Г.

У артыкуле разглядаецца праблема ўзаемаадносінаў інтэлектуалаў і ўлады ў БССР у пачатку 1930-х гг. Гэты перыяд вызначаецца кардынальнымі зменамі ў розных сферах грамадска-палітычнага і культурнага жыцця беларускага грамадства. У першую чаргу тут можна адзначыць узмацненне ідэалагічнага ўціску, падпарадкаванне навуковай дзейнасці задачам сацыялістычнага будаўніцтва, кампаніі па выкрыцці і крытыцы разнастайных ухілаў і памылак у дзейнасці інтэлектуалаў і навукоўцаў. Краязнаўчы рух БССР, які амаль цалкам складаўся з прадстаўнікоў айначыннай інтэлегенцыі, быў трансфармаваны савецкімі ўладамі адна з першых. У гэтых складаных умовах вядучыя інтэлектуалы-краязнаўцы імкнуліся захаваць вынікі саёй працы, адстаяць свае погляды на ажыццяўленне навукова-даследчай дзейнасці і вызначыць напрамкі даследаванняў, якія б дазволілі захаваць пэўны баланс паміж ідэалогіяй і навукай.

Ключавыя словы: інтэлектуалы, краязнаўства, краязнаўчы рух, ідэалагічны ўціск, нацыянал-дэмакратызм.

A. U. Dzanisau

Belarusian State Technological University

ACTIVITIES OF THE INTELLECTUALS IN THE LOCAL MOVEMENT UNTIL THE TIME OF THE CAMPAIGN AGAINST “THE NATIONAL DEMOCRATIC” IN THE BSSR IN THE 1930’TH.

The problem of the relationship of intellectuals and power in the Byelorussian SSR in the early 1930s. This period is determined by the dramatic changes in various spheres of social, political and cultural life of the Belarusian society. First of all, we can note increased ideological pressure submission of scientific activity tasks of socialist construction, the company for opening and criticism of various biases and errors in the work of intellectuals and scientists. Local lore movement BSSR, almost entirely composed of representatives of the national intelligentsia, was transformed by the Soviet authorities to one of the former. In these difficult circumstances leading intellectuals historians sought to preserve their work, defend their views on the implementation of research activities and to identify areas of research that would maintain a certain balance between ideology and science.

Key words: intellectuals, local history, local history movement, ideological pressure, national democracy.

Уводзіны. Да сённяшняга часу праблема ўзаемаадносінаў інтэлектуалаў і прадстаўнікоў ўлады, наладжвання камунікацыі паміж імі, застаецца даволі актуальнай. Канец 20-х – пачатак 30-х гадоў ХХ ст. вызначаецца вялікімі і радыкальнымі зменамі ў сацыяльна-палітычным і культурным жыцці БССР, узмацненнем ідэалагічнага ўціску, шматлікімі кампаніямі крытычнага і выкрывальніцкага характару і рэпрэсіямі ў адносінах да разнастайных слаёў беларускага грамадства. Карыстаючыся тэрмінам Р. П. Платонава, можна ахарактарызаваць гэты перыяд як «круты паварот». Гэтыя пературбацыі не абмінулі і краязнаўчы рух. Аднак, нягледзячы на пэўныя цяжкасці і рызыкі, менавіта найбольш актыўная частка інтэлектуалаў-краязнаўцаў імкнулася працягваць сваю працу.

Асноўная частка. У канцы 1929 – пачатку 1930 г. у ССРСР адбываюцца кардынальныя змены ў палітыцы Савецкай улады да краязнаўчага руху. Пачынаюцца шматлікія «выкрывацель-

скія» кампаніі, якія закранулі навуку, мастацтва, грамадскае жыццё. У 1929 г. Камісія Народнага камісарыята Рабоча-сялянскай інспекцыі па «чыстцы» пачала праверку спраў ЦБК РСФСР. У выніку камісія прыйшла да высновы, што краязнаўчая сетка ўяўляе сабою сукупнасць разрозненых краязнаўчых таварыстваў са сваімі ўласнымі статутамі, якія даюць магчымасць доступу варожым элементам. Гэта, па меркаванні камісіі, патрабавала неабходнасць чысткі краязнаўчай сеткі ад старых, непрыгодных і варожых элементаў, якія скажаюць сутнасць савецкага краязнаўства [1, с. 2].

За праверкай адбылася серыя арыштаў вядомых дзеячаў расійскага краязнаўства. Аб’яднанае дзяржаўнае палітычнае ўпраўленне (АДПУ) займалася справай так званай «ленінградскай групы» краязнаўства, былі арыштаваныя вядомы біолаг і краязнавец Б. Е. Райкоў, актывісты Ленінградскага аддзялення ЦБК Д. А. Святскі, Г. Э. Петры, Н. Н. Паўлаў-Сільванскі і інш. Частка

кразнаўцаў была арыштавана ў сувязі са справаю Акадэміі навук РСФСР [1, с. 3].

Адначасова адбыўся паварот кразнаўчай справы да праблемаў класавай барацьбы, калектывізацыі, павышэння ўраджайнасці і інш. [2, с. 36–37].

З канца 1929 г. спыняецца выданне часопісаў «Краеведение» і «Вести ЦБК РСФСР», а са студзеня 1930 г. пачынае выдавацца новы часопіс «Советское краеведение». Першы артыкул «Новый этап в краеведении» агучыў напрамку новага выдання: «паварот кразнаўства тварам да сацыялістычнага будаўніцтва», перабудова арганізацыі кразнаўства для актыўнага ўдзелу ў сацыялістычным будаўніцтве, замена старых задач акадэмічнага кразнаўства новымі, якія адпавядалі парабаванню дыктатуры пралетарыату [3, с. 3].

На новым этапе развіцця кразнаўства РСФСР апеку над ім пачала здзяйсняць Камуністычная акадэмія грамадскіх навук. Перад апошняй была пастаўлена задача «ўзмацнення ідэалагічнай вытрыманасці кразнаўства». Пры акадэміі была створана кразнаўчая секцыя, якая пазней трансфармавалася ў таварыства кразнаўцаў-марксістаў [4, с. 538]. Гэтыя тэндэнцыі агульнасаюзнага маштабу не маглі не закрануць кразнаўчы рух у БССР, у першую чаргу яго кіруючыя органы – Цэнтральнае бюро кразнаўства пры Беларускай Акадэміі навук (БАН) [5, арк. 174].

25–26 студзеня 1930 г. адбылася Трэцяя Усебеларуская кразнаўчая канферэнцыя. На ёй былі агучаны ўсе тыя спрэчныя і дваістыя тэндэнцыі, якімі характарызаваўся кразнаўчы рух у 1930 г. У канферэнцыі прынялі ўдзел прадстаўнікі ад акруговых таварыстваў кразнаўства і навуковых устаноў, ад 34 раённых таварыстваў – усяго 83 чал. [6, с. 50–51].

На канферэнцыі былі названы асноўныя недахопы, якімі вылучаўся кразнаўчы рух, і якія ЦБК не здолела пераадолець – спад масавасці, недастатковае наданне ўвагі калгаснаму будаўніцтву і індустрыялізацыі. У кразнаўчай працы не былі ў поўнай меры рэалізаваны агульныя метады сацыялістычнага будаўніцтва як сацыялістычнае спаборніцтва і кампаніі самакрытыкі. Слабай была прызнана кразнаўчая праца сярод сацыялістычных меншасцяў.

Са справаздачы аб дзейнасці ЦБК вынікала, што ў рэспубліцы дзейнічалі 8 акруговых таварыстваў кразнаўства, 84 раённыя таварыствы, 103 гурткоў, 130 школьна-кразнаўчых гурткоў. Усяго налічвалася каля 333 кразнаўчых арганізацый. Дзейнічалі 32 музеі з агульнай колькасцю экспанатаў 16 735 адзінак [6, с. 69].

Па колькасці не атрымалася дасягнуць запланаваных вынікаў. Па плане кразнаўчых гур-

ткоў пры сельсаветах павінна было быць 300 адзінак. Не лепшым было становішча і з колькасцю членаў кразнаўчых арганізацый. Калі на Другой кразнаўчай канферэнцыі была агучана лічба 10 500 чалавек, то ў 1930 г. яна паменшылася да агульнага ліку 8819 чалавек.

У працэнтных суадносінах адзначалася невялікае павелічэнне ліку партыйцаў – 9% (у 1929 – 8%), членаў ЛКСМБ – 15% (у 1929 – 11, 7%). Сялян і рабочых налічвалася па ранейшаму (2 і 4% ад агульнай колькасці кразнаўцаў), а колькасць настаўніцтва нават паменшылася (да 50%) [6, с. 61].

Старшынёй ЦБК Казаком А. было адзначана, што мэтавая ўстаноўка дапамагчы сацыялістычнаму будаўніцтву, якая была агучана на Першым Усебеларускім кразнаўчым з’ездзе ў 1926 г., застаецца правільнай. Пры гэтым падкрэслівалася, што ў сучасных умовах гэта ўстаноўка патрабуе ўдакладнення – дапамагачь сацыялістычнаму будаўніцтву праз ўдзел у ім. Прынцыпы добраахвотнасці, масавасці кразнаўчай справы павінны будучь захаваны. Таксама надалей правільным прызнаваўся галоўны прынцып усебаковага вывучэння раёна.

На канферэнцыі з боку большасці выступаючых прагучалі папрокі ў адрас дзейнасці ЦБК і кразнаўчых арганізацый. Былі агучаны патрабаванні больш паглыбленага вывучэння, асветлення і фіксавання розных аспектаў калектывізацыі. Кразнаўчыя арганізацыі абвінавачваліся ў «інтэлігенцкім ухіле». Прагучалі і больш ураўнаважаныя меркаванні аб недахопе метадычнага і інструкцыйнага матэрыялу, кразнаўчай літаратуры. Намеснік старшыні ЦБК Каспяровіч М. на канферэнцыі для большай эфектыўнасці працы прапанаваў ліквідаваць нацыянальныя секцыі пры таварыствах кразнаўства. Аднак яго меркаванне не было падтрымана большасцю дэлегатаў [6, с. 65].

Прынятая пленумам Трэцяй Усебеларускай кразнаўчай канферэнцыі рэзалюцыя прадпісвала ЦБК прыняць усе неабходныя меры па пераводзе кразнаўчай сеткі на новы напрамак, у бок арганізацыі вытворчага кразнаўства. Сярод галоўных напрамкаў вылучаліся: індустрыялізацыя краіны, вывучэнне энергетычных рэсурсаў, вывучэнне калгаснага руху, эканамічнага стану раёна, павышэнне вытворчасці сельскай гаспадаркі, вытворчых прыродных сіл, антырэлігійнага руху і інш. ЦБК павінна было дагаварыцца з народным камісарыятам асветы аб вызначэнні пэўнага зместу і форм школьна-кразнаўчай працы, кразнаўчыя арганізацыі былі закліканы да актыўнага ўдзелу ў сацыялістычных спаборніцтвах, трохмесячніках беларускай сацыялістычнай культуры, культуры нацменшасцяў і інш.

Вынікі канферэнцыі сведчаць аб тым, што кіраўніцтва ЦБК, улічваючы тых тэндэнцыі, якія адбываліся ў расійскім краязнаўчым руху, імкнуліся перабудаваць краязнаўчую працу ў Беларусі, паставіць яе на новыя рэйкі. Разам з тым меркавалася зрабіць гэта дастаткова плаўна, без канкрэтных абвінавачанняў і адмаўлення каштоўнасці ранейшай працы, якую вялі краязнаўчыя арганізацыі пад кіраўніцтвам ЦБК. Менавіта аб гэтым сведчаць рэзалюцыі канферэнцыі [6, с. 3–5].

Кіраўніцтва ЦБК старалася прывесці краязнаўчы рух у адпаведнасць з апошнімі ідэалагічнымі ўстаноўкамі. Вельмі важным аспектам з'яўлялася скарачэнне колькасці ўдзельнікаў краязнаўчага руху (з 10 500 чалавек у 1929 г. да 8800 чалавек у пачатку 1930 г.). Гэта сведчыла аб тым, што ў выніку ўзмацнення ідэалагічнага ўціску пачаўся выхад з краязнаўчых арганізацый пэўнай часткі ўдзельнікаў.

У рэзалюцыях і зваротах ЦБК гаварылася, што краязнаўчыя арганізацыі ў першую чаргу павінны канцэнтравалі ўвагу на вывучэнні калгаснага руху, фабрычна-завадскіх і саматужна-прамысловых прадпрыемстваў ды на падрыхтоўку да ўдзелу ў сельскагаспадарчай і прамысловай выставе БССР. Краязнаўцы павінны былі накіраваць свае намаганні на арганізацыю краязнаўчых таварыстваў у калгасах і на прадпрыемствах. ЦБК прымала ўдзел у папулярных на той час сацыялістычных спаборніцтвах.

Са студзеня па сакавік 1930 г. ЦБК і краязнаўчыя арганізацыі прынялі ўдзел у трохмесячніку беларускай пралетарскай культуры нацменшасцяў БССР. Краязнаўчыя таварыствы на месцах вялі планавыя вывучэнне гісторыі мясцовага рэвалюцыйнага руху, прымалі меры па папулярызацыі пяцігадовага плана гаспадарчага і культурнага будаўніцтва раёна. Таксама краязнаўцы займаліся вывучэннем працы мясцовых прафесійных і аматарскіх тэатраў, кінематографа і інш. Працягваліся фэналагічныя даследаванні, асветная праца, даследаванні быту сялян і рабочых, прамысловасці.

Пасля канферэнцыі ў часопісе з'яўвіўся артыкул старшыні ЦБК Казака А. «*Краязнаўчую працу на новыя рэйкі*». Краязнаўцы заклікаліся не толькі вывучаць мясцовы край, але і ўдзельнічаць у яго развіцці, змяняючы на карысць сацыялістычнаму будаўніцтву.

Дзеля актывізацыі далейшай дзейнасці ў сферы мясцовага краязнаўства ЦБК прапанавала наладзіць больш цесны кантакт з навукова-даследчымі ўстановамі (Адзел прыроды і гаспадаркі БАН, Навукова-даследчы інстытут імя Леніна, Інстытут прамысловасці і інш.). Краязнаўчыя арганізацыі прынялі ўдзел ва Усе-

беларускай выставе сельскай гаспадаркі і прамысловасці.

25 сакавіка 1930 г. у Маскве адбылася Чацвёртая Усерасійская краязнаўчая канферэнцыя, дзе быў абраны новы склад ЦБК РСФСР. На гэтай канферэнцыі было пастаноўлена ліквідаваць усе грамадскія краязнаўчыя арганізацыі і паставіць на іх месца краязнаўчыя бюро. Фактычна добраахвотныя арганізацыі замяняліся органамі, якія выконвалі выключна адміністрацыйныя функцыі. У № 4 часопіса «Наш край» быў надрукаваны аналіз А. Казака па выніках Чацвёртай Усерасійскай краязнаўчай канферэнцыі. Таксама быў прадсаўлены праект рэарганізацыі структурнага падзелу краязнаўчых арганізацый БССР, распрацаваны ЦБК. З яго вынікала, што дзяленне краязнаўчых таварыстваў на тры асноўныя секцыі (прыродна-геаграфічная, грамадска-эканамічная і культурна-гістарычная) і секцый па нацыянальнай (яўрэйская і польская) і школьнай справе (школьная) не апраўдала сабе. У далейшым было прапанавана правесці наступны арганізацыйны падзел краязнаўчых арганізацый на секцыі: прамысловая, сельскагаспадарчая і школьная. Гэтыя тры секцыі павінны былі стаць абавязковымі для ўсёй краязнаўчай сеткі, уключаючы і раённыя таварыствы краязнаўства. «Вывучэнне прыроды, географіі і культуры павінна цяпер адбывацца ў рамках апісання і вывучэння саўгаса або прамысловага аб'екта».

Нягледзячы на змены арыенціраў, часопіс «Наш край» працягваў публікаваць матэрыялы, якія тычыліся не толькі вытворчага краязнаўства, але і гістарычнага і мастацкага напрамкаў. У пачатку 1930 г. быў выдадзены: зборнік «Случчына» (вынік працы Слуцкага таварыства краязнаўства), з'явілася выданне яўрэйскага сектара БАН, якое змяшчала краязнаўчыя працы. ЦБК рабіла спробы паступовай перабудовы краязнаўчага руху ў адпаведнасці з устаноўкамі ўладаў. Аднак гэтыя намаганні былі перапынены падзеямі другой паловы 1930-га года.

Заклучэнне. Такім чынам, бачна, што ў палітыцы савецкіх уладаў да краязнаўчага руху ў 1930 г. адбываюцца карэнныя змены. Гэтаму спрыялі, па-першае, агульнасаюзныя тэндэнцыі ў краязнаўчай справе, а па-другое, згортванне палітыкі беларусізацыі і кампанія па барацьбе з нацыянал-дэмакратызмам. Фактычна ад краязнаўчых арганізацый пачынаюць патрабаваць непасрэднага ўдзелу ў сацыялістычным будаўніцтве, прапагандзе поспехаў калектывізацыі і індустрыялізацыі. Нягледзячы на гэта, найбольш актыўныя ўдзельнікі краязнаўчага руху працягвалі сваю працу ў складаных і нават небяспечных умовах.

Літаратура

1. Борина Е. Н. (Буринская). Из истории деятельности Центрального бюро краеведения (1922–1927 гг.) // Труды (ЛГИК). 1967. Т. 17. С. 285–296.
2. Увага краязнаўцы! // Наш край. 1930. № 1. С. 3–4.
3. Размустова Т. О. Музеи и эволюция российского краеведения // Экология и культура [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aonb.ru/depart/sik/main.phtml?op=606>.
4. Соболев В. С. Академия наук и краеведческое движение // Вестник РАН. 2000. № 6. Т. 70. С. 535–541.
5. Цэнтральны навуковы архіў Акадэміі навук Беларусі (ЦНА АНБ). Фонд 1. Воп. 1. Спр. 6. «Протоколы заседаний президиума Академии наук БССР». 272 л.
6. Трэцяя Усебеларуская краязнаўчая канферэнцыя // Наш край. 1930. № 2. С. 50–69.

References

1. Borina E. N. (Burinskaja). *Iz istorii dejatel'nosti Central'nogo bjuro kraevedenija 1922–1927* [From the history of the Central Bureau of Local History] Scientific Proceedings of the Leningrad Institute of Culture named after N. K. Krupskaya [Trudy LGIK], 1967, vol. 17, pp. 285–296 (In Russian).
2. Attention, historians! *Nash kraj* [Our region]. 1930. № 1, pp. 3–4 (In Belarusian).
3. Razmustova T. O. Museum of Local History and Evolution of the Russian *Jekologija i kul'tura* [Ecology and Culture]. [Electronic resource]. Available at: <http://www.aonb.ru/depart/sik/main.phtml?op=606> (accessed 10.03.2015).
4. Sobolev V. S. *Akademija nauk i kraevedcheskoe dvizhenie* [Academy of Sciences and Regional Studies Movement] Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2000, no. 6, vol. 70, pp. 535–541 (In Russian).
5. *Sjentral'ny navukovy arhiŭ Akadzemii navuk Belarusi (CNA ANB)* [Central Scientific Archive Academy of Sciences of Belarus]. Fond 1. Vop. 1. Spr. 6. Protokoly zasedanij prezidiuma Akademii nauk BSSR. 272 l (In Russian).
6. *Trjecjaja Usebelaruskaja krajaznaŭchaja kanferjencyja* [Third All-Belarus Studies Conference. *Nash kraj* [Our region]. 1930, № 2, pp. 50–69 (In Russian).

Інфармацыя пра аўтара

Дзянісаў Антон Уладзіміравіч – кандыдат гістарычных навук, асістэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь) dzianisau_s@tut.by

Information about the Author

Dzyanisau Anton – Ph. D. History, assistant of the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlowa str., 220006, Minsk, Republic of Belarus) contact: dzianisau_s@tut.by.

Паступіў 11.03.2015

УДК 930(477)«1917/21»

А. А. Житков

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

**ПРОБЛЕМНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ
ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ АГРАРНЫХ РЕФОРМ
1917–1921 ГГ. В УКРАИНЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР**

Историографический анализ кандидатских и докторских диссертаций, посвященных изучению проблемы аграрных реформ 1917–1921 гг. в украинских этнических землях, обусловлен, прежде всего, пересмотром советской исторической схемы Октябрьской революции и гражданской войны в СССР. В статье подведены итоги историографического обзора кандидатских и докторских диссертаций, посвященных политическим, социально-экономическим и правовым аспектам аграрных преобразований 1917–1921 гг. в Украине. Автором определены приоритеты изучения проблемы аграрной революции, социально-экономических (земельных) реформ периода Центральной Рады, Гетманата и Директории с учетом развития междисциплинарных исследований середины 1990 – 2010-х годов.

Ключевые слова: историография, исторический источник, Украинская революция, украинское крестьянство, аграрная политика, аграрное законодательство.

A. A. Zhitkov

Taras Shevchenko National University of Kyiv

**PROBLEMATIC AND THEORETICAL PRIORITIES OF THESIS STUDIES
OF 1917 – 1921 LAND REFORMS IN UKRAINE: HISTORIOGRAPHICAL REVIEW**

Historiographical analysis of theses devoted to the study of the problem of agrarian reform in 1917–1921 years in Ukrainian ethnic lands caused primarily revision of Soviet historical scheme of the October Revolution and civil war in the Soviet Union. In the article historiographical review of PhD and doctoral theses, where political, social and economic, and legal aspects of 1917–1921 land reforms in Ukraine had been illustrated, has been summarized. The priorities of study of the issue of agricultural revolution and social and economic (land) reforms of the period of Central Rada, Hetmanate and the Directorate, taking into account the development of interdisciplinary studies of middle 1990s – 2010s, have been determined by the author.

Key words: historiography; historical source; Ukrainian revolution; rebel peasants movement; agricultural policy; land law.

Введение. Историографический анализ кандидатских и докторских диссертаций, посвященных изучению проблемы аграрных реформ 1917–1921 гг. в украинских этнических землях, обусловлен, прежде всего, пересмотром советской исторической схемы Октябрьской революции и гражданской войны в СССР. Актуальной остается потребность координации усилий многочисленного отряда историков, работающих в области аграрных исследований Республики Беларусь и Украины.

Мы отдаем себе отчет в том, что общее количество работ, привлеченных к изучению проблемы в объеме данной научной публикации, ограничено. В то же время тематически они являются вполне презентативными как источник содержательного исследования социально-экономических, правовых аспектов аграрных отношений (земельных реформ) периода Украинской революции.

Основная цель данной публикации состоит в изучении методологии диссертационных ис-

следований, их проблемно-хронологической классификации, что позволит выйти на новый, более высокий концептуальный уровень осмысления аграрной истории независимых украинских государств.

Основная часть. Аграрные исследования в современной украинской историографии базируются, в основном, на эклектике неонароднической идеологии и ценностях государственной школы. Движущий механизм революционных событий 1917–1921 гг. в Украине рассматривается многими историками, главным образом, в социально-культурном (ментальном) конфликте города и деревни. В силу этого противостояния революция, по их мнению, с весны 1918 г. приобрела характер повсеместного вооруженного крестьянского повстанческого движения.

Так, известный историк, автор диссертационного исследования «Махновщина. Крестьянское повстанческое движение в Украине (1917–1921)» профессор Верстюк В. Ф. пришел к выводу, что масштаб повстанческого движения

позволяет говорить об украинской революции преимущественно как о революции крестьянской [1, с. 349].

Экономические и национальные интересы крестьянства, особенно на первом этапе революции времен Украинской Центральной Рады, тесно переплетались с политическими задачами укрепления автономного статуса Украины в составе демократической России образца 1917 года. Общеизвестно, что в массовом сознании национальной элиты, равно как и большинства населения Украины, идея федерализации Российской империи всегда ассоциировалась с обретением прав самоуправления.

Весной 1917 г. в связи с обострением наметившихся противоречий по аграрному вопросу между Временным правительством и «своим», «близким» к народу (крестьянству) – Генеральным Секретариатом Украинской Центральной Рады, автономия воспринималась как гарантия осуществления эффективных социальных реформ [2, с. 527].

Провозглашение 10 июня 1917 года Первого Универсала УЦР, в котором были задекларированы политические идеалы «свободной автономии Украины» в составе будущей демократической России, а также утвердилось создание национального парламента (Сойма), верховенство украинских законов, право народа распоряжаться природными ресурсами, свидетельствует о неразрывном единстве национальных и социальных перспектив, выдвигаемых Украинской революцией [3, с. 1].

Исследователи правомерно позиционируют достижения освободительного движения весны 1917 – весны 1918 гг. с ролью крестьянства в общественной жизни Надднепрянщины. Они отмечают аграрный характер мировоззрения, религиозность, традиционализм народной культуры, но в то же время подчеркивают значительный потенциал крестьянских масс, их приверженность демократическим идеалам возрождения национальной государственности.

По мнению Г. Ф. Кривоший, пик поддержки Центральной Рады со стороны крестьянства пришелся на осень 1917 г. Так, на выборах во Всероссийское Учредительное собрание за парламентскую партию украинских эсеров-социалистов (далее УПСР) крестьяне отдали более 52% голосов [4, с. 117]. Основной причиной потери властью их доверия, полагает Г. Ф. Кривоший, стало принятие УЦР запоздалого, социально несбалансированного земельного закона, который предусматривал сохранение земельной собственности в размерах 40 десятин. Этот Закон, по мнению историка, не обеспечил окончательное решение земельного вопроса в деревне. Тем самым Централь-

ная Рада оттолкнула от украинских властей как безземельное, так и зажиточное крестьянство. Последнее, как известно, вскоре поддержало переворот П. П. Скоропадского, обещавшего отказаться от «социалистических экспериментов», т. е. реформ [4, с. 119].

В резюме диссертации В. П. Малькина находим сходную интерпретацию: «Крестьяне были уверены в том, что Генеральный Секретариат Центральной Рады хорошо осведомлен о чаяниях и нуждах простого земледельца и знает лучше, чем Временное правительство, каким способом их можно реализовать на практике, однако не смог этого сделать продуманно и взвешенно» [5, с. 28].

Проблемы исследования крестьянского (аграрного) движения 1918 г. в советской историографии критически рассматривались в кандидатской диссертации Н. И. Земзюлиной. Она обратила внимание на ошибочность статистики учета крестьянских выступлений, классификации форм и характера протестов, а также указала на отсутствие, в отдельных публикациях, анализа деятельности наиболее известных украинских партий и общественных организаций, их влияния на решение аграрного вопроса. Н. И. Земзюлина имела в виду уже упоминаемую нами партию украинских эсеров и сателлита УПСР – Украинский крестьянский союз. Известно, что они зарекомендовали себя как наиболее последовательные сторонники социализации помещичьей, кабинетской, церковной земельной собственности [6].

Обоснованно критикуя советских историков, освещающих революционные события как «вторую классовую войну в деревне», осуществляемую под руководством РСДРП, современные исследователи кинулись в другую крайность, изображая крестьянское движение как некий образец украинской «жакерии» XX столетия.

В работах указанного периода оно рассматривалось однобоко, как стихийное восстание против любой власти, направленное на осуществление «черного передела» собственности помещиков, церкви, государства [6, л. 118]. Только в одном Уманском уезде Киевской губернии к весне 1918 г. было полностью уничтожено 50% помещичьих хозяйств (экономий). Крестьяне рассматривали свои действия не иначе как восстановление социальной справедливости. Руководствуясь этими соображениями, они экспроприировали сельхозинвентарь, рабочий и продуктивный скот, элитные посевоматериалы, предметы быта и культурные ценности.

Известный исследователь крестьянского движения профессор Захарченко П. П. отмечал,

что только 15% наиболее крупных помещичьих и крестьянских хозяйств удалось уберечь от разгромов благодаря вмешательству местных отрядов вольного казачества [7, л. 32].

Анализ комплекса документов центральных и местных (областных) государственных архивов, материалов периодической печати, ранее неизвестных широкому кругу историков, позволил исследователю Г. А. Питыку сделать вывод о том, что истоки крестьянского движения в целом, как и причины массового участия беднейших слоев украинской деревни в «аграрной революции 1917–1921 годов», следует рассматривать под углом проявления самоорганизации крестьянства, защищающего, в первую очередь, свои экономические и сословные интересы [8, с. 172–177].

Следует отметить, что в последние два десятилетия заметно оживилось изучение проблемы крестьянского движения в отдельных регионах Левобережной и Правобережной Украины. Возрождение научного интереса к теме, достаточно «обкатанной» в советской историографии 1950–1970-х гг., было обусловлено, в первую очередь, сменой парадигмы крестьяноведческих исследований, открытием более широкого доступа историков к базе государственных архивов, специальных фондов научных библиотек, публикацией академических сборников документов и материалов, в которых отражалась деятельность органов центральной власти, земельных комитетов, возглавляющих ход аграрной революции 1917–1918 гг. в Украине [9].

Авторы большинства диссертационных работ увязывали истоки крестьянских волнений и бунтов с особенностями мобилизации земельной собственности, формированием фермерского крестьянского хозяйства и региональной спецификой осуществления аграрной реформы П. Столыпина. Теневой стороной этих процессов являлось аграрное перенаселение, острый социальный кризис, усугубленный экономическими последствиями Первой мировой войны, ставший причиной революционного взрыва в России [10].

На конкретных материалах Харьковской губернии указанные проблемы освещались в работах Я. В. Мотенко [11, с. 10], Черниговской губернии – И. И. Еткиной [12, с. 11]. Итоги крестьянских выступлений на Левобережье были подведены в кандидатской диссертации Ю. А. Хоптяра. Им было установлено, что с марта 1917 по январь 1918 г. произошло более 1730 столкновений крестьян с помещиками и местными властями на почве аграрных отношений [13, с. 197].

В указанный период на Правобережье историками было зафиксировано примерно 3738 кре-

стьянских выступлений. Аграрный кризис стимулировал проведение радикальных земельных реформ. Основная масса крестьян видела их смысл в безотлагательном изъятии из рыночного оборота помещичьей, церковной, кабинетской, а в отдельных уездах и волостях, земельной собственности сельских общин, «кулаков», с целью ее последующей передачи в трудовое землепользование [14, с. 181].

Итоги изучения крестьянского движения с марта 1917 по апрель 1918 г. были подведены в диссертации И. В. Куташева. На наш взгляд, автору удалось создать наиболее полную классификацию форм и методов борьбы украинского крестьянства за землю. Он реконструировал процесс организации коммун, сельскохозяйственных кооперативов и артелей, товариществ взаимопомощи (супряг).

В то же время статистика аграрных выступлений украинского крестьянства в диссертации И. В. Куташева ограничена октябрём 1917 г. (2600 случаев). Не отвечает действительности утверждение автора о повсеместном влиянии на крестьянство установок левых политсил, УПСР и партии большевиков – РСДРП(б) [15].

Анализ проблемы засвидетельствовал, что аграрно-крестьянский вопрос лишь отчасти освещался в историографии как неотъемлемая часть проекта УЦР (уэнеровская точка зрения) [16, с. 41, 65].

С образованием на Полтавщине в мае 1917 г. Украинской партии хлеборобов-демократов (УДХП) в украинском политикуме появилась правая политическая альтернатива, которая, как утверждали исследователи, существенно изменила наше представление о социальной составляющей аграрной реформы. Помещики, крестьяне-собственники, отчасти духовенство, отстаивали иной механизм решения земельных отношений в Украине [17].

Анализ основ внутренней политики украинского парламента – Центральной Рады, впервые был осуществлен в кандидатской диссертации А. В. Воронянского в 1995 г.

Автор обратил внимание на расхождение интересов безземельного и малоземельного крестьянства, стремящегося как можно быстрее решить вопрос о разделе помещичьей, государственной, церковной и монастырской земельной собственности к началу весенних полевых работ 1917 г. с политической линией УЦР. Являясь «de jure» подвластным Временному правительству, Генеральный Секретариат земельных дел Центральной Рады вынужден был отложить до созыва Всероссийского Учредительного собрания проведение аграрной реформы в Украине, что имело в дальнейшем необратимые последствия [18, с. 128–131]. Зако-

нодательная инициатива Центральной Рады в области урегулирования земельных отношений, как полагает автор диссертационного исследования О. Е. Гомотюк, ограничивалась законодательной базой Временного правительства, а значит, осуществлять эффективную экономическую политику она не могла [19, с. 105–129].

Аграрные реформы Украинской державы П. Скоропадского, УНР Директории, оценка деятельности центрального аппарата власти, реакция общественных кругов и сословий, заинтересованных в решении земельного вопроса, представлены Н. А. Ковалевой [20].

Как составная часть внутренней политики правительства П. Скоропадского земельный вопрос освещался в кандидатских диссертациях Ф. Н. Проданюка и О. Е. Мякоты [21].

Глубиной проникновения в проблему становления аграрного законодательства 1917–1921 гг. отличаются работы историков и правоведов Пашенко А. Н., Подковенко Т. А., Зарицкой И. М. [22, с. 38, 227].

Анализ диссертационных исследований, защищенных в последние десятилетия, свидетельствует о своеобразной «смене вех», произошедшей под влиянием зарубежной историографической традиции, использующей антропологические, социолингвистические и другие методы исследования закрытых социальных групп, к которым принадлежит крестьянство.

Одновременно с «видимой», внешней стороной взаимоотношений власти и крестьянских масс, осуществления аграрных реформ, историки начали изучать внутренние проблемы – т. н. «моральную экономику» крестьянского хозяйства фермерского типа, архетип агрария-земледела, коллективное бессознательное «безмолвного большинства».

Социоментальная история украинского крестьянства второй половины XIX – начала XX столетия. (архетип, народные традиции, рабочие и лечебные практики) исследовалась в трудах историка Присяжнюка Ю. П. [23].

Докторские диссертации В. А. Михайлюка и В. С. Лозового, вызвавшие определенную дискуссию в кругах исследователей крестьянской проблематики, были посвящены изучению

эволюции социального поведения крестьянства, его установок и стереотипов, типологии массового сознания, трансформации ментального восприятия действительности в условиях кризиса аграрного строя [24].

Эта дискуссия, по общему мнению историков, способствовала формированию контуров междисциплинарного направления исторических исследований, более известного в современной отечественной историографии как крестьяноведение.

В этих обстоятельствах главная задача историков-аграрников состояла в том, чтобы воссоздать на материалах отдельных сельских сообществ, т. н. громад, реальную историю «*rag excellence*» украинского крестьянства, а не летопись крестьянства вообще как «воображаемого большинства», т. е. теоретически абстрактной исследовательской конструкции [25, с. 291].

Заключение. Таким образом, в центре пересечения основного конфликта революции во всех сюжетных линиях украинского исторического нарратива оказывалась аграрно-крестьянская проблематика, вернее, ее социально-экономический, политический, юридический аспекты. Они освещались авторами диссертационных исследований преимущественно с позиций позитивизма либо конвенционализма. Основное внимание в диссертационных работах историков уделялось изучению аграрной политики Украинской Центральной Рады, правительств Павла Скоропадского и УНР времен Директории.

Историков привлекали не столько проблемы классовых антагонизмов, сколько аграрный дискурс социально-экономических, аграрных реформ украинской власти.

Вместе с тем правовые нормы, которые регулировали землепользование и землевладение в украинском селе, изучались историками лишь фрагментарно, как доказательство политического популизма той или иной власти, специфики правовой разработки узловых вопросов аграрного законодательства в чрезвычайно сложных условиях революции, вмешательства иностранной интервенции.

Литература

1. Верстюк В. Ф. Махновщина. Селянський повстанський рух на Україні. (1918–1921). Київ, 1991. 368 с.
2. Історія українського селянства. Т. 1. Київ, Наукова думка, 2006. 632 с.
3. Вісті з Української Центральної Ради. 1917. № 9. С. 1.
4. Кривоший Г. Ф. Етносоціальна база Української революції (березень 1917 – лютий 1918 рр.): дис. ... канд. історичних наук: 07.00.01. Запорізький державний університет. Запоріжжя, 1997. 218 арк.
5. Малькін В. П. Земельне питання в Україні в умовах революції 1917 – 1920 рр.: дис. ... канд. історичних наук: 07.00.01. Національний університет «Острозька Академія». Острог, 2009. 189 арк.

6. Земзюліна Н. І. Селянське питання в Україні 1917–1918 рр. (Історіографія проблеми): дис. ... канд. історичних наук: 07.00.06. Київський університет імені Тараса Шевченка. Київ, 1998. 207 арк.
7. Захарченко П. П. Селянсько-повстанський рух за доби Української Держави (квітень – грудень 1918 року): дис. ... канд. історичних наук: 07.00.01. Київський університет імені Тараса Шевченка. Київ, 1997. 176 арк.
8. Пітик Г. А. Селянське питання в політиці Української Держави, Директорії УНР, Раднаркому УСРР (квітень 1918 – серпень 1919 рр.): дис. ... канд. історичних наук: 07.00.01. Національний педагогічний університет імені М. П. Драгоманова. Київ., 2008. 220 арк.
9. См. Українська Центральна Рада. Документи і матеріали. – У двох томах. / Ред. П. П. Толочко. Т. 1. К.: Наукова думка, 1996. 592 с.; Директорія, Рада Народних Міністрів Української Народної Республіки. Листопад 1918 – листопад 1920 рр.: Документи і матеріали: У 2-х тт., 3-х ч. / Упорядник В. Верстюк (керівник) [та ін.]. Т. 2. К.: Вид. ім. Олени Теліги, 2006. 744 с. и др.
10. См. Ісаков П. М. Селянський повстанський антикомуністичний рух на Лівобережній Україні (березень 1919 – листопад 1921 рр.): автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01. Інститут історії України. Київ, 2001. 18 с.; Даценко А. С. Селянство Донбасу в Українській національно-демократичній революції 1917 – 1920 рр.: автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01. Донецький національний університет. Донецьк, 2010. 21 с. та ін.
11. Мотенко Я. В. Селянський рух в Харківській губернії (1917 – 1921 рр.): автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01. Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна. Харків, 2005. 22 с.
12. Еткіна І. І. Земельне питання в Чернігівській губернії (лютий 1917 – березень 1921 рр.): автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01. Чернігівський державний педагогічний університет імені Т. Г. Шевченка. Чернігів, 2007. 17 с.
13. Хоптяр Ю. А. Крестьянское движение на Левобережной Украине: дис. ... канд. исторических наук: 07.00.01. Киевський Ордена Леніна и Ордена Октябрьской революции государственный университет имени Т. Г. Шевченка. Киев, 1990. 224 арк.
14. Завальнюк А. М. Крестьянское аграрное движение на Правобережной Украине (март 1917 – январь 1918 г.): 07.00.02. Киевський государственный педагогический институт им. А. М. Горького. Киев, 1979. 224 арк.
15. Куташев І. В. Селянський рух в Україні (березень 1917 р. – квітень 1918 р.): автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01. Національний педагогічний ун-т. ім. М. П. Драгоманова. К., 2003. 14 с.
16. См. Дем'янюк О. М. Лютнева революція та становлення української національної державності (лютий 1917 – січень 1918 рр.): дис. ... канд. іст. наук: 07.00.02. Київський університет імені Тараса Шевченка. К., 1995. 200 арк.
17. Малиновський Б. В. Аграрна політика Австро-Угорщини та Німеччини в Україні, 1918 р.: автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.02. Дніпропетровський національний університет. Дніпропетровськ, 2001. 21 с.
18. Воронянський О. В. Економічна політика Центральної Ради: дис. канд. іст. наук: 01.00.02. Дніпропетровський державний університет. Дніпропетровськ, 1995. 214 арк.
19. См. Гомотюк О. Є. Центральна Рада в українському державотворчому процесі (березень 1917 – квітень 1918 рр.): дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01. Тернопільська Академія народного господарства. Тернопіль, 1997. 186 арк.
20. Ковальова Н. А. Аграрна політика українських національних урядів (1917 – 1921 рр.): дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01. Дніпропетровський державний університет. Дніпропетровськ, 1999. 185 арк.
21. М'якота С. Є. Економічна політика уряду Української Держави (травень – грудень 1918 р.): автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01. Київський державний університет ім. Т. Шевченка. К., 1997. 23 с.; Проданюк Ф. Н. Внутренняя политика Украинского государства (29 апреля – 14 декабря 1918 г.): автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01. Інститут історії України. Киев, 1997. 23 с.
22. См. Заріцька І. М. Земельне законодавство доби Української революції 1917 – 1921 рр.: монографія. К.: «Атіка», 2010. 240 с.
23. См. Присяжнюк Ю. Українське селянство Наддніпрянської України: соціоментальна історія другої половини XIX – початку XX ст. Черкаси, «Вертикаль», 2007. 640 с.
24. Михайлюк О. В. Селянство України в перші десятиліття XX с.: Соціокультурні процеси. Дніпропетровськ, ТОВ «Інновація», 2007. 456 с.; Лозовий В. С. Аграрна революція в Наддніпрянській Україні: ставлення селянства до влади в добу Центральної Ради. Кам'янець-Подільський, П. П. «Мошак», 2008. 480 с.

25. См. Портнова Тетяна. Присяжнюк Ю. Українське селянство Наддніпрянської України: соціоментальна історія другої половини XIX – початку XX ст. Черкаси, «Вертикаль», 2007. 640 с.; Михайлюк О. В. Селянство України в перші десятиліття XX с.: Соціокультурні процеси. Дніпропетровськ, ТОВ «Інновація», 2007. 456 с. // Україна модерна. 2010. Вип. 6 (17). С. 285–291.

References

1. Verstyuk V. F. *Makhnovshchina. Krest'yanskoe povstancheskoe dvizhenie na Ukraine (1918–1921)* [The Makhno. The Peasant insurgency in Ukraine (1918–1921)]. Kiev, 1991. 368 p.
2. *Istoriya ukrainskogo krest'yanstva. T.1* [The history of the Ukrainian peasantry Vol. 1]. Kiev, Naukova dumka Publ., 2006. 632 p.
3. *Vesti s Ukrainskoy Tsentral'noy Rady* [News from the Ukrainian Central Rada], 1917, no. 9, p. 1 (In Russian).
4. Krivoshiy G. F. *Etno-sotsial'naya osnova Ukrainskoy revolyutsii (mart 1917 – fevral' 1918 gg.)*. Diss. kand. istoricheskikh nauk [Ethnic base of the Ukrainian revolution (March 1917 – February 1918). Cand. Diss.]. Zaporozhye, 1997. 218 p.
5. Mal'kin V. P. *Zemel'nyy vopros v Ukraine v usloviyakh revolyutsii 1917–1920 gg.* Diss. kand. istoricheskikh nauk [The land question in Ukraine in the conditions of the revolution of 1917–1920. Cand. Diss.]. Ostrog, 2009. 189 p.
6. Zemlyulina N. I. *Krest'yanskiy vopros v Ukraine 1917–1918 gg. (Istoriografiya problemy)*. Diss. kand. istoricheskikh nauk [The peasant question in Ukraine 1917–1918 (Historiography of the problem). Cand. Diss.]. Kiev, 1998. 207 p.
7. Zakharchenko P. P. *Krest'yansko-povstancheskoe dvizhenie v period Ukrainskogo Gosudarstva (aprel' – dekabr' 1918 goda)*. Diss. kand. istoricheskikh nauk [The Peasant insurgency in the period of the Ukrainian State (April – December 1918). Cand. Diss.]. Kiev, 1997. 176 p.
8. Pityk G. A. *Krest'yanskiy vopros v politike Ukrainskogo Gosudarstva, Direktorii UNR, Sovnarkoma USSR (aprel' 1918 – avgust 1919 gg.)*. Diss. kand. istoricheskikh nauk [The peasant question in the policy of the Ukrainian State, the UNR Directory, the Soviet government of the Ukrainian SSR (April 1918 – August 1919). Cand. Diss.]. Kiev, 2008. 220 p.
9. *Ukrainskaya Tsentral'naya Rada. Dokumenty i materialy. T. 1* [The Ukrainian Central Rada. Documents and materials. Vol. 1]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1996. 592 p.; *Direktoriya, Sovet Narodnykh Ministrov Ukrainskoy Narodnoy Respubliki. Noyabr' 1918 – noyabr' 1920 gg.: Dokumenty i materialy. T. 2* [Directory, The Council of Ministers of The Ukrainian National Republic. November 1918 – November 1920: Documents and materials. Vol. 2]. Kiev, Izdatel'stvo im. Eleny Teligi Publ., 2006. 744 p.
10. Isakov P. M. *Krest'yanskoe povstancheskoe antikommunisticheskoe dvizhenie na Levoberezhnoy Ukraine (mart 1919 – noyabr' 1921 gg.): Avtoref. dis. kand. istoricheskikh nauk* [The rebellion of peasants anti-Communist movement in the left-Bank Ukraine (March 1919 – November 1921). Abstract of thesis cand. of historical sciences]. Kiev, 2001. 18 p.; Datsenko A. S. *Krest'yanstvo Donbassa v Ukrainskoy natsional'no-demokraticheskoy revolyutsii 1917–1920 gg.: Avtoref. dis. kand. istoricheskikh nauk* [The peasantry of Donbass in the Ukrainian national-democratic revolution of 1917–1920. Abstract of thesis cand. of historical sciences]. Donetsk, 2010. 21 p.
11. Motenko Ya. V. *Krest'yanskoe dvizhenie v Khar'kovskoy gubernii (1917–1921 gg.): Avtoref. dis. kand. istoricheskikh nauk* [Peasant movement in Kharkov province (1917–1921). Abstract of thesis cand. of historical sciences]. Kharkiv, 2005. 22 p.
12. Etkina I. I. *Zemel'nyy vopros v Chernigovskoy gubernii (fevral' 1917 – mart 1921 gg.): Avtoref. dis. kand. istoricheskikh nauk* [The land question in the province of Chernigov (February 1917 – March 1921). Abstract of thesis cand. of historical sciences]. Chernigov, 2007. 17 p.
13. Khoptyar Yu. A. *Krest'yanskoe dvizhenie na Levoberezhnoy Ukraine. Diss. kand. istoricheskikh nauk* [Peasant movement in left-Bank Ukraine. Cand. Diss.]. Kiev, 1990. 224 p.
14. Zaval'nyuk A. M. *Krest'yanskoe agrarnoe dvizhenie na Pravoberezhnoy Ukraine (mart 1917 – yanvar' 1918 gg.)*. Diss. kand. istoricheskikh nauk [Peasant agrarian movement in right-Bank Ukraine (March 1917 – January 1918). Cand. Diss.]. Kiev, 1979. 224 p.
15. Kutashev I. V. *Krest'yanskoe dvizhenie v Ukraine (mart 1917 – april' 1918 gg.): Avtoref. dis. kand. istoricheskikh nauk* [Peasant movement in Ukraine (March 1917 – April 1918). Abstract of thesis cand. of historical sciences]. Kiev, 2003. 14 p.
16. Dem'yanko O. M. *Fevral'skaya revolyutsiya i stanovlenie ukrainskoy natsional'noy gosudarstvennosti (fevral' 1917 – yanvar' 1918 gg.)*. Diss. kand. istoricheskikh nauk [The February revolution and the formation of Ukrainian national statehood (February 1917 – February 1918). Cand. Diss.]. Kiev, 1995. 200 p.

17. Malinovs'kiy B. V. *Agrarnaya politika Avstro-Vengrii i Germanii v Ukraine v 1918 g.: Avtoref. diss. kand. istoricheskikh nauk* [Agricultural policy of Austria-Hungary and Germany in Ukraine in 1918. Abstract of thesis cand. of historical sciences]. Dnepropetrovsk, 2001. 21 p.

18. Voronyans'kiy O. V. *Ekonomicheskaya politika Tsentral'noy Rady. Diss. kand. istoricheskikh nauk* [The economic policy of the Central Rada. Cand. Diss.]. Dnepropetrovsk, 1995. 214 p.

19. Gomotyuk O. E. *Tsentral'naya Rada v ukrainskom gosudarstvennom protsesse (mart 1917 – april' 1918 gg.). Diss. kand. istoricheskikh nauk* [The Central Council of the Ukrainian state process (March 1917 – April 1918). Cand. Diss.]. Ternopil, 1997. 186 p.

20. Koval'ova N. A. *Agrarnaya politika ukrainskikh natsional'nykh pravitel'stv (1917–1921 gg.). Diss. kand. istoricheskikh nauk* [Ukrainian agricultural policy of national governments (1917–1921). Cand. Diss.]. Dnepropetrovsk, 1999. 185 p.

21. M'yakota S. E. *Ekonomicheskaya politika pravitel'stva Ukrainского Gosudarstva (may – dekabr' 1918 g.): Avtoref. dis. kand. istoricheskikh nauk* [The government's economic policy of the Ukrainian State (May – December 1918). Abstract of thesis cand. of historical sciences]. Kiev, 1997. 23 p.; Prodanyuk F. N. *Vnutrennyaya politika Ukrainского gosudarstva (29 aprelya – 14 dekabrya 1918 g.): Avtoref. dis. kand. istoricheskikh nauk* [Internal politics of the Ukrainian state (April 29 – December 14, 1918). Abstract of thesis cand. of historical sciences]. Kiev, 1997. 23 p.

22. Zarits'ka I. M. *Zemel'noe zakonodatel'stvo vremen Ukrainской revolyutsii 1917–1921 gg.* [The land legislation during the Ukrainian revolution of 1917–1921]. Kiev, “Atika” Publ., 2010. 240 p.

23. Prisyazhnyuk Yu. *Ukrainskoe krest'yanstvo Naddneprianskoy Ukrainy: sotsio mental'naya istoriya vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [The Ukrainian peasantry of Naddnipyrianska Ukraine: the socio mental history of the second half of XIX – early XX century]. Cherkasy, “Vertikal” Publ., 2007. 640 p.

24. Mikhaylyuk O. V. *Krest'yanstvo Ukrainy v pervye desyatiletiya XX veka: Sotsiokul'turnye protsessy* [The peasantry of Ukraine in the first decades of the twentieth century: Sociocultural processes]. Dnepropetrovsk, TOV «Innovatsiya» Publ., 2007. 456 p.; Lozoviy V. S. *Agrarnaya revolyutsiya v Pridneprovskoy Ukrainy: otnoshenie krest'yanstva k vlasti v period Tsentral'noy Rady* [The Agrarian revolution in Prydniprovskya Ukraine: the relation of the peasantry to authorities in the period of the Central Rada]. Kamianets-Podilskyi P. P. “Moshak” Publ., 2008. 480 p.

25. Portnova T. Prisyazhniuk Y. *Ukrainian peasantry Dnipro of Ukraine: something the history of the second half of XIX – early XX century.* Cherkassy, “Vertical”, 2007. 640 p.; Mikhailyuk, A. V. *the Peasantry of Ukraine in the first decades of the twentieth century: Sociocultural processes.* Dnepropetrovsk, LLC “Innovation”, 2007. 456 p. *Ukraina moderna [Ukraine art Nouveau]*, 2010. no. 6 (17), pp. 285–291 (in Russian).

Информация об авторе

Житков Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры этнологии. Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина (Украина, 01601 г. Киев, ул. Владимирская, 64/13). E- mail: gitkov_oa@ukr.net

Information about the author

Zhitkov Alexander Anatol'yevich – Ph. D. History, assistant professor, Doctorate of the academic Department of ethnology. Taras Shevchenko National University of Kyiv (64/13, Volodymyrska str., City of Kyiv, 01601, Ukraine). E- mail: gitkov_oa@ukr.net

Поступила 29.03.2015

УДК 378.25-057.85+94«654»

В. А. Острога

Белорусский государственный университет

**ПОДГОТОВКА ДОКТОРОВ НАУК В ОБЛАСТИ НОВОЙ
И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В БЕЛОРУССКОЙ ССР**

В статье рассматривается подготовка докторов наук в области Новой и Новейшей истории зарубежных стран в БССР. Отмечается, что в Беларуси система рекрутирования научных кадров берет свое начало в довоенный период, однако до 1941 г. защиты докторских диссертации не было. Автор подчеркивает, что в послевоенное время центром подготовки ученых в области Новой и Новейшей истории стала кафедра Новой и Новейшей истории БГУ, где в 1963 г. Л. М. Шнеерсон защищал первую в БССР докторскую диссертацию в области Новой истории, а в 1977 г. Д. С. Климовский впервые успешно защитил докторскую диссертацию по Новейшей истории. Подчеркивается, что в других научных центрах БССР (АН БССР, университетах и педагогических институтах) работа над диссертациями осуществлялась в меньших масштабах. Причиной была ограниченность в командировках, а также трудности в публикации монографий. Важно заметить, что защита докторских диссертаций проходила и вне пределов БССР, в Москве или за рубежом. Но объективно существовавшие проблемы не позволили эффективно решить эту задачу. В итоге к 1991 г. в области Новой и Новейшей истории в БССР было защищено 13 докторских диссертаций, а общее число докторов наук в этой сфере было незначительным для успешного развития данной отрасли исторической науки.

Ключевые слова: историческая наука, всеобщая история, Новая и Новейшая история, кадровый потенциал, соискатель, диссертация, доктор наук, Белорусский государственный университет, Академия наук БССР, монография.

V. A. Astroha

Belarusian State University

**TRAINING DOCTORS OF SCIENCES IN THE FIELD
OF MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY
OF FOREIGN COUNTRIES IN THE BYELORUSSIAN SSR**

The article discusses training of doctors of Sciences in the field of modern and contemporary history of foreign countries in the BSSR. It is noted that in Belarus the system of recruitment of scientific personnel originates in the pre-war period, however, until 1941 the doctoral dissertations were not defended. The author emphasizes that in the postwar period the chair of modern and contemporary history of the BSU became the center for the training of scientists in the field of modern and contemporary history. It was the place where the first doctoral dissertation in the field of modern history in the BSSR was defended by L. M. Schneerson in 1963, and D. S. Klimovsky successfully defended the first doctoral dissertation on the contemporary history in 1977. It is emphasized that in other scientific centers of the Byelorussian soviet socialist republic (Academy of Sciences of the BSSR, universities and teacher training institutions) work on the thesis was carried out at a smaller scale because of the limitations on business trips, as well as difficulties in the publication of monographs. It is important to note that the dissertation defence took place outside of the BSSR, in Moscow or abroad. However, objectively existing problems have not helped to solve this problem effectively. As a result, by 1991, 13 doctoral theses were defended in the field of modern and contemporary history in the BSSR, and the total number of PhDs in this field was negligible for the successful development of this branch of historical science.

Key words: historical science, General history, modern and contemporary history, human resources, applicant, dissertation, doctor of Sciences, Belarusian state university, Academy of Sciences of the BSSR, monograph.

Введение. Успешное развитие научных исследований невозможно без высококвалифицированных специалистов – кандидатов и докторов наук. Оптимальные системы их подготовки важны не только для простого воспроизводства кадров высшей квалификации, но и для наращивания кадрового потенциала науки. Особую роль в этой сфере занимает система подготовки докторов на-

ук, как элемент приращения ученых самого высокого научного уровня, чьи труды являются принципиальным и фундаментальным вкладом не только в изучаемую ими отрасль знания, но и в науку в целом. В этой связи представляется актуальным анализ организации и результатов подготовки докторов наук в области Новой и Новейшей истории зарубежных стран в Белорусской ССР.

Основная часть. В Беларуси система подготовки научных кадров высшей квалификации уровня, аналогичного современной докторантуре, берет свое начало в довоенный период. Ликвидация прежних «старорежимных» ученой степени доктор и ученого звания профессор вскоре потребовала предложить нечто взамен. Эта проблема стала реально решаться лишь в 1930-х гг. В 1933 г. ЦИК СССР принял постановление, в котором указывалось, что аспирантуры при общесоюзной и республиканских Академиях наук необходимо формировать из лиц, которые закончили аспирантуру в вузах и НИУ. С 1934 г. в БССР в аспирантуру БелАН стали приниматься только лица, защитившие диссертации на степень кандидата наук или имевшие научные работы. Последние должны были защитить кандидатскую диссертацию на первом году обучения. Этот тип аспирантуры получил наименование «академической» и предназначался для подготовки докторов наук. С 1936 г. в академическую аспирантуру стали принимать исключительно лиц со степенью кандидата наук. Она имела такой характер до 1938 г., когда была снова открыта дополнительная аспирантура «вузовского типа». За все время в аспирантуре АН БССР обучение по Новой истории не проводилось из-за отсутствия кандидатов наук в этой области. Постановлением СНК СССР от 13 января 1934 г. «Об ученых степенях и званиях» были установлены ученая степень доктор наук и ученое звание профессор. Для получения степени вводилась публичная защита диссертации, также степень доктора наук могла быть присуждена и без защиты. В БССР ее получили известные специалисты по всеобщей истории: С. Ю. Матулайтис, Н. М. Никольский, В. Н. Перцев, В. А. Сербента. В июне 1937 г. Бюро ЦК КП(б)Б, посчитав объемы подготовки ученых неудовлетворительными, возложило на АН БССР задачу организации докторантуры, в которую разрешило направить 6 кандидатов наук – 2 по специальности «История Беларуси», 2 – по истории народов СССР, 2 – по всеобщей истории [1, л. 20], но среди них специализировавшихся по Новой истории не было. Отметим, что до войны в БССР в БГУ функционировал совет по защите докторских диссертаций (по историческим наукам). Однако до 1941 г. никто из историков на защиту докторской диссертации так и не вышел.

После окончания Великой Отечественной войны система подготовки докторов наук получила свое дальнейшее развитие. Так, в ноябре 1947 г. вышло постановление Совета Министров СССР «О подготовке научных кадров высшей квалификации в Академии наук СССР»,

согласно которому имеющаяся система соискательства была дополнена докторской аспирантурой. Но в 1956 г. Постановлением ЦК КПСС «О мерах по улучшению подготовки и аттестации научных и педагогических кадров» институт докторантуры был ликвидирован. Отныне подготовка докторской диссертации проходила в форме завершения самостоятельной научной работы и опубликования ее в виде монографии. В республике право приема диссертаций по историческим наукам предоставлялось БГУ. Проблема дефицита докторов наук не разрешилась, а лишь усугубилась. В 1961 г. в соответствии с Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по улучшению подготовки научно-педагогических кадров» вузам было разрешено направлять активно работающих в сфере науки доцентов на должности научных сотрудников на срок до двух лет для подготовки докторской диссертации. В начале 1960-х гг. известный партийный деятель, академик Пономарев Б. Н. отмечал: «Мы – великая социалистическая держава, которая идет во главе культурного развития человечества ... нам пора поставить перед собой задачу – во всех областях исторического знания иметь ученых такого масштаба, которые задавали бы тон в мировой науке ... это будет нашим лучшим вкладом в борьбу за коммунизм ...» [2, с. 13].

С 1970-х гг. подготовка специалистов высшей квалификации приобрела плановый характер. Координатором этой работы выступал Республиканский межведомственный совет при Госплане БССР по вопросам подготовки и аттестации научных и научно-педагогических кадров. В 1975 г. правительство утвердило «Положение о порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий», в котором новшеством стало создание специализированных советов по защите докторских диссертаций. Один из них по специальности «Всеобщая история» (07.00.03) был создан в БГУ. Предпринимаемые меры желаемых результатов не давали: количество докторов наук было незначительным. Так, на 1958 г. в университетах СССР работало 67 докторов исторических наук, из них – 22 (30%) специализировались по всеобщей истории [3, с. 42]. В 1979 г. из почти 2000 преподавателей всеобщей истории – 11% являлись докторами наук, а 50,3% – кандидатами наук [4, с. 146].

Анализ числа защит докторских диссертаций по всеобщей истории показывает следующую динамику: 1920–1930-е гг. – 0 (без учета массового присуждения ученой степени доктора наук академиком БАН в 1934 г.), 2-я половина 1940-х гг. – 0, 1950-е гг. – 0, 1960-е гг. – 2, 1970-е гг. – 4, 1980-е гг. – 1991 г. – 7. В итоге –

13 защищенных докторских диссертаций, из них в 1940–1960-х – 2, а в 1970-х – 1991 г. в 6 раз больше – 11. Пик защит диссертаций пришелся на 1970–1980-е гг. Рекордным стал 1988 г., когда было успешно защищено 3 диссертации в области Новой и Новейшей истории (почти 25% от общего числа за десятилетие). Практически единственным в БССР центром подготовки докторов наук в этой области стала кафедра Новой и Новейшей истории. Если сравнить число защит докторских диссертаций по всеобщей истории с другими сферами исторических наук – истории КПСС, КПБ, СССР и БССР, то их количество было незначительным, 73 против 10 (7 по Новой и Новейшей истории) [5]. Первая в исторической науке БССР защита Л. М. Шнеерсоном докторской диссертации в области Новой истории состоялась 26 ноября 1963 г. на тему «Австро-пруссакая война 1866 г. и политика великих европейских держав (Из истории германского вопроса)». В мае 1977 г. Д. С. Климовский впервые в белорусской историографии успешно защитил в БГУ докторскую диссертацию по Новейшей истории на основе опубликованной монографии – «Германия и Польша в локарнской системе европейских отношений». Отзывы на книгу поступили из Института истории АН БССР, Черновицкого и Гомельского университетов, Минского, Пензенского, Гродненского педагогических институтов, Ростокского университета имени Вильгельма Пика (ГДР), Йенского университета имени Фридриха Шилера (ГДР), Западного института (ПНР) [6, с. 212].

Нехватка докторов наук продолжала оставаться проблемой. В 1990 г. на заседании совета истфака БГУ рассматривался вопрос подготовки кадров высшей квалификации и было отмечено, что «важной проблемой для факультета является проблема подготовки докторских кадров. Наибольший прогресс здесь достигнут на кафедрах всеобщей истории. В ближайшие годы ожидаются защиты 3–5 докторских диссертаций по всеобщей истории. Между тем ни в БССР, ни в Прибалтике не имеется ни одного специализированного совета по защите докторских диссертаций данной специальности. Факультет подготовил предложения по созданию спецсовета на базе БГУ по защите докторских диссертаций по специальности «Всеобщая история», «История СССР», «История КПСС». Однако ВАК отказал в утверждении такого совета, сославшись на то, что в республике уже имеются докторские советы по истории СССР (АН БССР) и истории КПСС (Истпарт). Факультет считает отказ необоснованным (еще 10 лет назад действовали одновременно все три совета) и подготовил новые предложения по созда-

нию на базе БГУ спецсовета по защите докторских диссертаций по двум специальностям – «Всеобщая история» и «История СССР». В БГУ сформировалась своя научная школа по всеобщей истории, признанная в научных кругах, и это логично требует создания соответствующей научно-аттестационной структуры [7, л. 104].

В других вузах БССР работа над докторскими диссертациями осуществлялась фактически в единичных случаях из-за крайней ограниченности в получении командировок и практически полном отсутствии возможностей публикации монографий по всеобщей истории. Так, в Гомельском госпединституте в 1952 г. преподаватель кафедры всеобщей истории Коробочко А. И. начал работу над докторской диссертацией по теме «Развитие капитализма в сельском хозяйстве Франции в XVIII в.», но впоследствии тему изменили [8, л. 115]. Преподаватель той же кафедры Модина Э. Б. изучала тему «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на национально-освободительное движение народов Востока», но по причине ее увольнения в 1960 г. исследование было прекращено. Попытки работы над докторской диссертацией предпринимались и позднее, но первый доктор наук в области Новой и Новейшей истории уже в Гомельском университете появился лишь в 2001 г. – Г. Г. Лазько. В Гродненском госпединституте в конце 1950-х гг. преподаватель кафедры истории Милюкевич И. М. проводил исследования по теме своей докторской диссертации «Советско-польские отношения в период Рижского мира» [9, л. 10]. В 1974 г. была утверждена тема докторской диссертации заведующего кафедрой всеобщей истории Дешко И. Ф. – «Рабочее движение в Польше в предвоенные годы (1934–1939 гг.)». Докторскую работу с конца 1970-х гг. писала и доцент Станкевич Е. Е. – «Силезский пролетариат в революции 1848–1849 гг.». Но первый доктор наук в области Новой и Новейшей истории также уже в Гродненском университете появился в 1993 г., им стал А. Н. Нечухрин. В педагогических институтах ситуация была еще более сложной. В рассматриваемый период докторами исторических наук в области Новой и Новейшей истории смогли стать только доценты Минского педагогического института. Так, в 1975 г. преподаватель МГПИ И. Л. Петрович защитил в ООН АН БССР докторскую диссертацию на тему «В. И. Ленин о единстве социальных и национальных задач в революционной борьбе польского пролетариата (1895–1918 гг.)». Но на профильной кафедре всеобщей истории этого института первый доктор наук в области Новой и Новейшей истории

появился в 1990 г. Им стал Г. А. Космач, успешно защитивший диссертацию на тему «Рабочий класс в политике правящих буржуазных партий Вермарской Германии. 1924–1929 гг.». С 1987 г. над докторской диссертацией на тему «Рабочее движение в Англии. 1921–1929 гг.» работал доцент Варивончик И. В. В Могилевском пединституте с 1949 г. на кафедре всеобщей истории В. М. Хайцман работал над докторской диссертацией на тему «Дипломатическая борьба вокруг проблемы разоружения между Первой и Второй войнами (1919–1934 гг.)», уехавший и защитивший ее позднее в Москве. Среди остальных вузов БССР можно упомянуть только Минскую ВПШ. В ней первым доктором наук в области Новой и Новейшей истории в 1989 г. стал доцент кафедры «Мировой революционный процесс» А. А. Челядинский, защитивший диссертацию на тему «Борьба коммунистических партий Латинской Америки против фашизма (60–80-е годы)», а также А. А. Розанов, защитивший в 1991 г. докторскую диссертацию «Западные концепции по военно-политическим проблемам международной безопасности (80-е гг.)».

В 1970–1980-х гг. свой вклад в увеличение числа докторов наук в области всеобщей истории внесли и академические ученые. Так, в 1978 г. С. Д. Войтович защитил докторскую диссертацию на тему «Белорусская ССР в борьбе Советского Союза против колониализма, за независимость, прогресс и безопасность развивающихся стран (1945–1970 гг.)». Он стал первым в БССР доктором наук в области истории международной деятельности Белорусской ССР. В 1982 г. защитил диссертацию «Белорусская ССР в общественно-политических, экономических и культурных отношениях Советского Союза с развитыми капиталистическими странами (50–70-е годы)» Н. С. Воробей.

Защита докторских диссертаций по всеобщей истории неоднократно проходила и за пределами БССР. Так, в 1978 г. в Институте востоковедения АН СССР защитил диссертацию С. Д. Войтович В 1988 г. в Институте стран Азии и Африки при МГУ была успешно защищена докторская диссертация В. С. Кошелевым на тему «Социально-политическая борьба и антиколониальное движение в Египте (1879–1924)». Это стало первой в Беларуси защитой докторской диссертации по историческому востоковедению. В 1989 г. А. А. Челядинский защитил диссертацию в Академии общественных наук при ЦК КПСС (Москва), а в 1991 г. – А. А. Розанов. В 1988 г. за рубежом, впервые в белорусской исторической науке, в Берлинской академии общественных наук при ЦК СЕПГ А. В. Шарапо защитил

докторскую диссертацию на тему «Опыт Социалистической Единой партии Германии по совершенствованию подбора, расстановки и воспитанию руководящих кадров в условиях строительства развитого социалистического общества (1971–1985 гг.)».

Однако некоторым ученым не удалось успешно окончить исследования. В 1977 г. доцент БГУ Елисеев М. Г. завершал работу над докторской диссертацией на тему «От конфронтации к сосуществованию. Политические партии ФРГ и проблема взаимоотношений между двумя германскими государствами (1949–1973 гг.)» и подготовил рукопись монографии. В 1980 г. он сдал в издательство монографию «От конфронтации к сосуществованию. СвДП в составе парламентских партий ФРГ: проблемы «восточной» и «германской» политики (конец 40-х – начало 70-х гг.)». Но объективные причины не позволили ему подготовить диссертацию к сроку. Монография вышла из печати только в 1989 г. После трансформации в общественно-политической жизни ФРГ потребовали внесения значительных изменений в диссертацию, что ученый, видимо, решил уже не делать. В другом случае изменения политической ситуации повлияли на научную карьеру ученого-полониста из АН БССР Толстого В.С. Его работа над докторской диссертацией в области истории белорусско-польских отношений в межвоенный период в 1980-х гг. была остановлена вследствие событий в Польше. Вскоре началась «перестройка», тема стала не актуальной, и ученый ее оставил.

Заключение. Можно констатировать, что на протяжении всего рассматриваемого периода в Советской Беларуси велась достаточно активная деятельность по созданию системы подготовки кадров высшей квалификации и формированию достаточного по численности корпуса научно-педагогических и научных кадров в области всеобщей истории уровня доктора исторических наук. Но большое количество субъективных и объективных причин не позволило решить эту задачу. Полноценно историки различных вузовских и академических центров БССР проблемами Новой и Новейшей истории (за исключением БГУ) начали заниматься в последнее 20-летие советского периода. Первая в исторической науке БССР защита докторской диссертации в области Новой истории состоялась 26 ноября 1963 г. В итоге в области Новой и Новейшей истории в БССР было защищено 13 докторских диссертаций, а общее число докторов наук в этой сфере было неудовлетворительным для успешного развития этой отрасли исторической науки.

Литература

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Фонд 4. Оп. 3. Д. 414.
2. Пономарев Б. Н. Задачи исторической науки и подготовка кадров // Всесоюзное совещание историков, Новая и новейшая история. 1963. № 2. С. 4–43.
3. Шабанов А. Ф. О перестройке исторического образования в университетах // Вопросы истории. 1959. № 9. С. 30–43.
4. Кирилин С. И. Обзор откликов на статью «О подготовке кадров высшей квалификации по всеобщей истории (по статистическим материалам ВАК при Совете Министров СССР» // Новая и новейшая история. 1983. № 4. С. 146–151.
5. Подсчитано автором по: Докторские и кандидатские диссертации по историческим наукам в Белоруссии 1944–1987 гг.: Библиограф. указ. 2-е изд. перераб. и доп. / Гос. б-ка им. В. И. Ленина, Ин-т истории АН БССР; сост.: В. Н. Михнюк, Л. Н. Новицкая. Минск, 1988. 126 с.
6. Трухнов Г. М. Защита докторской диссертации // Новая и новейшая история. 1977. № 6. С. 212.
7. НАРБ. Фонд 205. Оп. 8. Д. 3991.
8. НАРБ. Фонд 205. Оп. 8. Д. 53.
9. НАРБ. Фонд 205. Оп. 8. Д. 434.

References

1. The National Archives of The Republic of Belarus. Fund 4. Inv. 3. File 414.
2. Ponomarev B. N. The tasks of historical science and personnel training. *Novaya i noveishaya istoriya* [All-Union conference of historians, Modern and contemporary history], 1963, no. 2, pp. 4–43 (In Russian).
3. Shabanov A. F. On the restructuring of history education in universities. *Voprosy istorii* [Questions of history], 1959, no. 9, pp. 30–43 (In Russian).
4. Kirilin S. I. Overview of feedback on the article On the training of highly qualified personnel on world history (based on statistical materials of Higher Attestation Commission under the Council of Ministers of USSR). *Novaya i noveishaya istoriya* [Modern and contemporary history], 1983, no. 2, pp. 146–151 (In Russian).
5. Calculated by the author by: doctoral and master's thesis on historical sciences in Belarus during 1944–1987: Bibliographic indications – 2nd ed. revised. and enlarged. State library named after Lenin, Institute of History of the Academy of Sciences of Byelorussian SSR; Comp.: V. N. Mikhnyuk, L. N. Nowickaya. Minsk, 1988. 126 p.
6. Trukhnov G. M. Habilitation. *Novaya i noveishaya istoriya* [Modern and Contemporary History], 1977, no. 6, p. 212.
7. The National Archives of The Republic of Belarus. Fund 205. Inv. 8. File 3991.
8. The National Archives of The Republic of Belarus. Fund 205. Inv. 8. File 53.
9. The National Archives of The Republic of Belarus. Fund 205. Inv. 8. File 434.

Информация об авторе

Острога Виктор Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой таможенного дела. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, ул. Ленинградская, 20, Республика Беларусь). E-mail: ostroga.v@mail.ru

Information about the author

Ostroha Viktor Aleksandrovich – Ph. D. History, assistant professor, Head of the Department of Customs Affairs. Belarusian State University (20, Leningradskaya str., Minsk, 220030, Republic of Belarus). E-mail: ostroga.v@mail.ru

Поступила 16.03.2015

УДК 316.334.3:338.48(476)«1970/1980»

Н. М. Якуш

Белорусский государственный технологический университет

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И РАЗВИТИЕ ТУРИСТСКОЙ РЕКРЕАЦИИ
В БЕЛОРУССКОЙ СССР (1970–1980-Е ГГ.)**

В данной статье рассматривается взаимосвязь процессов социальной переориентации советской экономики Беларуси с процессами комплексного развития материально-технической базы туризма, нарастанием массовости туристского движения и интенсивным формированием туристско-рекреационной системы. Изучены принципы и практика советского рекреационного членения территории республики, приоритетные направления развития туристского комплекса, структурно-функциональная направленность оздоровительных учреждений, система управления отраслью. Сделаны выводы о том, что социально-экономическая политика способствовала нарастанию спроса на туруслуги, стимулировала структурную организацию самостоятельного туризма и профессионализацию туристского путешествия, сделала туризм составной частью быта советских граждан.

Ключевые слова: социальная политика, туризм, рекреация, массовость, комплексность, коммуникация, районирование.

N. M. Yakush

Belarusian State Technological University

**SOCIAL POLICY AND DEVELOPMENT OF TOURIST RECREATION
IN BELARUSIAN SOVIET SOCIALIST REPUBLIC (1970–1980'S.)**

In the present article the author studies the interconnection between the social reorientation processes of Belarusian soviet economy with the comprehended development processes of material and technical basis of tourism, increasing large-scale involvement of touristic movement and intensive formation of touristic and recreational system. The main principles and practical experience of soviet recreational division of republican territory, priority directions of tourism, structural and functional orientation of health-improving institutions, and the system of sector management are studied. It is concluded that socio-economic policy favored the increase of demand on travel services, stimulated the structural organization of free-wheeling tourism and professionalization of touristic vacations, made tourism a constituent part of soviet people's lives.

Key words: social policy, tourism, recreation, large-scale involvement, all-inclusiveness, communication, regionalization.

Введение. Туризм выступает крупным общественным явлением в системе современных отношений мирового сообщества, является высокоэффективной и динамичной отраслью хозяйства. Его ежегодная доля оборота в производственно-сервисном рынке планеты составляет около 3,8 трлн. дол. Подобные масштабы туристской деятельности позволяют отчетливо выявить все ее социально-культурные и экологические эффекты, положительные и отрицательные последствия. Международное сообщество обеспокоено необходимостью создания долгосрочной научно обоснованной концепции организации туризма, гарантирующей устойчивое развитие в рамках триады «человек – природа – экономика». На разработку подобной концепции ориентировано и научное сообщество Республики Беларусь, что актуализировало задачу исследования вопросов ресурсной и информационной составляющих туризма, особенностей организации отрасли туристской индустрии по новым моделям развития, исторических и современных предпосылок и факторов туристского движения, принципов организации устойчивого туризма, природно-рекреационного и культурно-исторического рекреационного туристского ресурса.

Развитие туризма всегда органически связано с этнической и социальной историей народа. Предпосылки и элементы туристско-экскурсионной деятельности на белорусских землях складывались в XVIII–XIX вв. в русле общей социально-культурной и хозяйственной мотивации туристского общественного движения в Российской империи. Однако экскурсионно-туристская деятельность этого периода не имела завершенных культурно-досуговых форм и организационной системы.

Основная часть. В 1920–30-х гг. происходила становление советского туризма, который был четко обозначен как особая форма общественно-политического движения, связанная с за-

дачами индустриального строительства, коллективизации, культурной работы среди народных масс и выявляющая классовый пролетарский характер своей организации. Туристское движение в БССР было представлено в основном детско-школьным и молодежно-студенческим преимущественно краеведческим, спортивно-военным и научно-познавательным туризмом. После Великой Отечественной войны стал стремительно расти и приобретать массовость экскурсионный туризм, тематическую направленность которого определяли идеолого-политические установки и география партизанско-подпольного сопротивления фашизму. В конце 1950-х гг. туризм в Белорусской ССР вошел в фазу активного формирования материально-технической базы, географии туристских маршрутов и реорганизации управленческой структуры. Все эти процессы были прямо и косвенно опосредованы социальной политикой, проводимой партийно-советским руководством БССР.

Одной из острых и актуальнейших задач послевоенного хозяйственного развития республики стало повышение материально-культурного уровня жизни населения. Это нашло отражение в попытках социальной переориентации экономики, включивших систему мер социального и экономического характера по следующим основным направлениям: повышение реальных доходов людей; совершенствование социального обеспечения; развитие торговли и сферы обслуживания; ускорение жилищного строительства; улучшение охраны здоровья.

Задача значительного подъема материально-культурного уровня жизни советского человека стала целевой установкой при реализации народнохозяйственных планов развития Белорусской ССР в 1970-х – первой половине 1980-х гг. Преимущественно экстенсивный характер развития советской экономики значительно ограничивал решение социальных задач. Однако исследователи единодушно отмечают повышение номинальных доходов трудящихся, увеличение их покупательной способности, рост товарооборота внутренней и внешней торговли. Значительно улучшилось обеспечение населения выплатами и льготами за счет общественных фондов потребления, которые выросли почти в 2,5 раза.

Достаточно быстро развивалась сфера обслуживания, сегментом которой выступали спорт и туризм, демонстрировавшие постоянный рост туристских хозяйств и объемов обслуживания. В 1958 г. на берегу озера Нарочь вступила в строй первая в Беларуси туристическая база на 80 мест. К началу 1970-х гг. рес-

публика имела уже 5 собственных и 5 арендованных турбаз, 1 кемпинг, 101 туристско-оздоровительный лагерь, 89 домов рыболовов и охотников, 416 пунктов проката и баз выдачи снаряжения, располагала 23 турпоездами и фрегатом 1 теплоход по Волге [1].

Социально-экономическими факторами, которые в дальнейшем детерминировали содержание и направление развития туристского движения, стали:

- система экономической взаимопомощи стран социалистического лагеря (СЭВ), создавшая возможность организации безвалютного туристского обмена между ними;

- введение хозяйственного расчета в механизм управления промышленными предприятиями, позволившее эффективно работающим хозяйствам включиться в республиканское и союзное строительство учреждений санаторного и оздоровительного типа, а также развернуть материальное стимулирование отдыха своих работников;

- увеличение продолжительности оплачиваемых отпусков;

- введение четких норм чередования режимов труда и отдыха в течение рабочей недели, способствующее повсеместному распространению туристско-экскурсионной рекреации в выходные и праздничные дни;

- развитие системы общественного транспорта и обеспечение авиа-, авто-, железнодорожного сообщения между областями республики и всеми регионами СССР;

- денежные дотации со стороны государства и профсоюзов на санаторно-туристские путевки в размере 70–90% их общей стоимости.

Все эти изменения социально-экономического плана определили новый этап в развитии советского туризма. Сложилась ситуация, позволявшая рабочим, в меньшей степени крестьянам и интеллигенции легко включаться самим и включать своих детей в туристскую рекреационную сферу. Туризм проявляется как отчетливое социальное явление, что заметно отражается на его географии, транспортной организации и социологии. Начинается интенсивное развитие туристско-рекреационной системы Белорусской ССР.

Создание организационной и территориально-пространственной сети туристской рекреации в БССР опиралось на принципы антропоцентризма и рационализации. Эти установки были определены постановлением ЦК КПБ, Совета Министров БССР и Белсовпрофа «О мерах по дальнейшему развитию туризма и экскурсий в республике» (28 июня 1969 г.). При этом предлагался проект развития отрасли на перспективу до 2000 г. с его реализацией в три

этапа – 1971–1975 гг., 1976–1980 гг., 1981–2000 гг. Он предусматривал создание 10 районов познавательного и 8 – оздоровительного профилей, а также расширение рекреационных возможностей туристских учреждений. Предполагалось довести вместимость сети туристских учреждений к 1980 г. до 81 тыс. мест, в т. ч. на 31 тыс. мест круглогодичного пользования, а к 2000 г. увеличить ее соответственно до 296 и 85 тыс. мест [2].

Во исполнение постановления развернулась значительная работа по строительству, благоустройству, расширению туристских объектов, формировалась практика советского туристско-рекреационного членения территорий БССР и комплексность их ресурсной природно-территориальной и культурно-исторической оценки. Принципы рекреационного районирования страны были взяты за основу при проектировании «Схемы развития и размещения зон отдыха и туризма» (Белиспроект, 1969 г.), «Схемы развития и размещения туристской сети БССР» (Минский филиал ЦНИИП и градостроительства, 1971 г.), «Генеральной схемы размещения и развития курортов и зон отдыха Белорусской ССР».

Геофизической основой лечебной, оздоровительной и природоохранной туристской рекреации в Беларуси стали гидрография, рельеф, климат, флора и фауна. С их учетом на 214 рекреационных территориях общей площадью 1,5 млн. га (7,6% территории республики) в рассматриваемый период активно формировались соответствующие зоны и инфраструктура. При этом приоритетным стало водно-рекреационное направление развития туристского комплекса. Структурно-функциональную направленность туристских учреждений задавали аттрактивность территорий, качество воды, разнообразие животного и растительного мира, наличие целебно-оздоровительных компонентов, живописность ландшафтов. С учетом ландшафтных условий шло формирование озерных и озерно-речных рекреационных систем с комплексами трех типов: лесозерные (например, Браславские озера, курорт «Ушачи»), лесоречного с водохранилищами (зоны отдыха «Вилейка», «Вяча») [3]. Купально-пляжный отдых, водно-спортивные и промыслово-охотничьи туры, теплоходные прогулки и экскурсии составили основную часть территориально-природной туристской рекреации.

В русле проводимой социальной политики по развитию сферы обслуживания Белорусский совет по туризму в рассматриваемый период получил широкие возможности для проектирования и строительства фундаментальных комплексов турбаз. Перспективу создания собст-

венных благоустроенных мест туристского отдыха имели все области и крупные промышленные центры. Это дало возможность совершенно обновить туристский комплекс «Нарочь», значительно увеличить мощность базы, построить турбазу «Днепр», гостиницы «Турист» в Минске и Бресте по 600 мест, ввести эксплуатацию турбазы «Неман», «Нарочанка», гостиничный комплекс «Горизонт» в Барановичах. К 1980 г. действовало 154 туристских учреждения, вели работу 26 бюро путешествий и экскурсий, расширилась сеть общественного питания туристских объектов, а в областных советах по туризму появились специализированные автохозяйства, насчитывающие 300 единиц подвижного состава [4]. Помимо туристского отдыха в Беларуси, свыше 50 тысяч ее жителей ежегодно отдыхали на арендованных базах Черноморского побережья Кавказа, Крыма, Азовского и Балтийского морей, Прибалтики.

В середине 1980-х гг. было проведено первое комплексное туристское районирование Беларуси, территория которой в целом рассматривалась как макрорайон СССР. В свою очередь в нем выделялись Центральный, Северный, Восточный, Юго-Восточный и Западный мезорайоны, включающие в себя 18 микрорайонов познавательного и оздоровительного профилей. Пространственная картина рекреационного районирования свидетельствовала о достаточно широком освоении природных и культурно-познавательных ресурсов.

Быстрый рост туризма сопровождался усилением его давления на естественную среду. Проблема усугублялась тем, что крупное промышленно-индустриальное строительство, химизация производства, мелиорация земель вызвали нарушение экологического равновесия природных биосистем. Ощущалась необходимость системного научного изучения всех направлений рекреационной деятельности человека, что привлекло внимание к географическим проблемам отдыха и туризма. В их числе: определение оптимальных параметров туристского использования природных ресурсов; перспективная география рекреационных систем; определение сезонности туристских потоков и оптимальных туристских маршрутов; средства и методы охраны природы в туристских районах. В Советском Союзе появляются научные исследования туристско-рекреационной деятельности, представленные трудами В. С. Преображенского, Ю. Н. Веденина, О. А. Калангорова, И. М. Смоляра, Е. Г. Шеффера и др. В Белорусской ССР активизируется разработка научной методики организации школьного и молодежного туризма, появляются работы с выявлением проблем и перспектив туристского

движения. Их практическим результатом стало формирование методологических основ и принципов оценки рекреационного спроса, природных и культурно-исторических ресурсов, инфраструктуры, обеспечивающей рациональное функционирование и развитие рекреационных районов.

Постоянное расширение туристско-рекреационной сферы и быстрый рост туристско-экскурсионной деятельности сопровождались становлением системы межотраслевого управления. К участию в развитии советского белорусского туризма привлекались различные республиканские министерства и ведомства, комитеты профсоюзов и спортивные общества, военные организации. Это помогало развивать на местных маршрутах нетрадиционные для планового туризма виды туров и совершенствовать работу по профессионализации туристского путешествия. При Белорусском республиканском совете по туризму были организованы секции водного, пешеходно-лыжного туризма, горного туризма и альпинизма, туризма автотранспортного. Работали аттестационная и маршрутно-квалификационная комиссии, а также комиссии организационно-методической работы и пропаганды, по туристским базам и туристско-оздоровительным лагерям, детского и юношеского туризма. Их усилиями туристские путешествия популяризировались, приобретали черты организованности и нормативности, превращались в одну из очень популярных форм отдыха граждан республики. Наиболее стремительно в рамках природоохранного и культурно-познавательного спроса развивалась сеть и расширялась география железнодорожных туристских маршрутов, включающих путешествия и экскурсионные поездки выходного дня. К середине 1980-х гг. республиканский, все областные и районные советы по туризму имели маршруты с использованием железнодорожного транспорта.

Массовость туристской рекреации и ее популярность в 1970–80-х годах расширили объемы и формы самостоятельного туризма, который развивался в рамках молодежно-спортивного. Организационная структура самостоятельного туризма оформилась посредством разворачивания секционн-клубного движения. К началу 1970-х гг. сложилась следующая структура самостоятельного туризма: 1) секции туризма при коллективах физкультуры; 2) районные и городские спортивные туристские клубы; 3) комиссии и секции по самостоятельному туризму при областных и республиканском советах по туризму и экскурсиям. В феврале 1977 г. была образована Федерация туризма БССР, перед которой ставилась задача привести самостоя-

тельное туристское движение в соответствие с существующими правилами организации и проведения самостоятельных туристских походов по территории СССР.

Квалификационный уровень самостоятельного туризма определялся комплексом нормативов значков БГТО и ГТО. В республике были разработаны 42 эталонных маршрута первой и второй категорий сложности для самостоятельных путешествий. В их числе 9 пешеходных, 9 лыжных и 24 водных. Они проходили через 94 населенных пункта, по 24 рекам и 19 озерам Беларуси и стали хорошими путеводителями для всех любителей самостоятельного путешествия [5].

Постоянное вовлечение общественного актива республиканского производства в оздоровительно-туристскую работу определило восходящее развитие самостоятельного туризма с 1970-х по начало 1980-х гг. Спортивные туристские клубы работали на всех крупнейших предприятиях республики, в вузах страны, в больших городах. Высокий организационный уровень и творческий подход к работе проявляли клуб объединения «Интеграл», клуб «Горизонт» Минского педагогического института имени А. М. Горького, спортивные клубы Гомельского завода сельскохозяйственного машиностроения, Витебского завода радиодеталей, Светлогорского завода искусственного волокна, Оршанского завода легкого машиностроения, Барановичского хлопчатобумажного комбината. Главным направлением туристской работы клубов стала организация походов по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа, а также тесно связанных с военно-патриотическим воспитанием совместных походов молодежи и воинов Советской Армии, трудовых десантов, встреч с ветеранами, звездных туристских походов.

Определенной проблемой при организации и популяризации самостоятельного туристского движения было отсутствие высококачественной туристской литературы, ярких путеводителей и буклетов. Во многом это объясняется тем, что плановыми изданиями в Институте истории АН БССР и вузах являлись монографии, учебники, сборники, статьи, а не научно-популярная литература. Авторы путеводителей, используя краеведческую и научную информацию, придерживались однотипных идеологических схем, что приводило к растворению интересных сообщений и фактов в маловыразительных текстах.

Поиски путей расширения социальной базы туризма и активизации культурно-познавательной составляющей туристской рекреации подчас были очень удачными. Так, в апреле 1962 г. Президиум Белорусского республиканского

Совета профсоюзов принял постановление «Об организации перевозки туристов в БССР попутным автотранспортом (по системе «Автостоп»)» в целях дальнейшего развития массового самостоятельного туризма и создания наиболее благоприятных условий для активного отдыха трудящихся, ознакомления туристов с родным краем. Система «Автостоп» обеспечивала перевозку путешествующих туристов попутным автомобильным транспортом при общем контроле за этим процессом органами ГАИ и администрации автохозяйств. Количество воспользовавшихся системой к концу 1960-х гг. исчислялось десятками тысяч человек [6]. В 1970–80-х годах система «Автостоп» продолжала развиваться, но темпы развития постепенно замедлялись.

Заключение. На основании вышеизложенного материала можно сформировать опреде-

ленные положения о развитии туризма в Белорусской ССР в 1970–80-х годах.

В целом в рассматриваемый период туристское движение в республике разворачивалось на плановой и самостоятельной организационных основах, подчинялось идеологическим установкам и стимулировалось административно-нормативными методами со стороны государства. Вместе с тем экономические реформы и социальная политика привели к нарастанию спроса на туристские услуги, вовлекли в туризм значительную часть взрослого трудящегося населения, сделали его составной частью быта советских граждан. Это заметно усилило рекреационную функцию туризма, что нашло отражение в комплексном развитии материально-технической базы, складывании территориально-рекреационной туристской системы и масштабном расширении туристской коммуникации Беларуси во внутрисоюзных туристских связях.

Литература

1. Шаповал Г. Ф. История туризма Беларуси: монография. Минск: РИВШ, 2006. 166 с.
2. Туризм в Беларуси: учеб. пособие / Л. М. Гайдукевич [и др.]. Минск: БГУ, 2001. 131 с.
3. Туризм и туристские ресурсы в Республике Беларусь: стат. сб. / Нац. стат. комитет Республики Беларусь. Минск: Нац. стат. комитет, 2011. 131 с.
4. Ефременко Е. В. Туризм в БССР: История, проблемы, перспективы. Минск: БГУ, 1981. 101 с.
5. Методические указания по самостоятельному туризму / сост.: В. Дементьев, А. Шкляр. Минск, 1974. С. 101–134.
6. Кокарев Ю. М. Туризм – школа воспитания. Минск: Полымя, 1982. 78 с.

References

1. Shapoval G. F. *Istoriya turizma Belarusi: monografiya* [History of Belarusian tourism: monograph]. Minsk, RIVSh Publ., 2006. 166 p.
2. Gaydukevich L. M. [i dr.]. *Turizm v Belarusi: ucheb. posobie* [Tourism in Belarus: learning aid]. Minsk, BGU Publ., 2001. 131 p.
3. *Turizm i turistskie resursy v Respublike Belarus': stat. sb.* [Tourism and touristic resources in Republic of Belarus: collected articles]. Minsk, Nats. stat. komitet Publ., 2011. 131 p.
4. Efremenko E. V. *Turizm v BSSR: Istoriya, problemy, perspektivy* [Tourism in BSSR: history, issues, prospects]. Minsk, BGU Publ., 1981. 101 p.
5. *Metodicheskie ukazaniya po samodeyatel'nomu turizmu* [Methodical guidance to amateur tourism]. Comp.: V. Dement'ev, A. Shklyar. Minsk, 1974, pp. 101–134 (In Russian).
6. Kokarev Yu. M. *Turizm – shkola vospitaniya* [Tourism as the upbringing school]. Minsk, Polymya Publ., 1982. 78 p.

Информация об авторе

Якуш Надежда Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: yakush@belstu.by

Information about the author

Yakush Nadzeshda Mikhailovna – Ph. D. History, assistant professor, assistant professor of the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: yakush@belstu.by

Поступила 28.03.2015

УДК 947.6-058.232.6

Н. В. Зайцева

Белорусский национальный технический университет

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО СЕЛА**

Статья посвящена вопросам развития сельских территорий республики, которые всегда вызвали острый интерес не только у специалистов данной области, но и простых обывателей. Именно агропромышленный комплекс является основным поставщиком продуктов питания населения республики. И от уровня его развития и качественного состояния зависит продовольственное будущее нашей республики, которое является неотъемлемой составляющей экономической безопасности страны. Анализ положения в АПК республики подтверждает, что причины трудностей реформирования села не только экономические, но и психологические. Они коренятся в сфере сознания и психологии людей. Немаловажную роль здесь играет религия, культура, система общественных взглядов и в целом духовно-нравственные отношения.

Ключевые слова: сельское население; сельская территория, деревенский образ жизни, агропромышленный комплекс, бытовые условия.

N. V. Zaitseva

Belarusian national technical University

**SOCIO-ECONOMIC ASPECTS OF THE DEVELOPMENT
OF MODERN BELARUSIAN VILLAGE**

The article is devoted to the development of rural territories of the Republic, which has always aroused a keen interest not only specialists in this area, but also ordinary people. The agroindustrial trade-industrial complex is a major provider of food to the population. And the level of development and quality food depends the future of our Republic faces, which is an integral component of the economic security of the country. Analysis of regulations in the agroindustrial complex of the Republic confirms that the reasons for the difficulty of reforming the village not only economic, but also psychological. They are rooted in the sphere of consciousness and the psychology of the people. Important role is played by religion, culture, public opinions, and generally moral relations.

Key words: rural population, rural area, rural life, agriculture, household conditions.

Введение. Вопросы социально-бытового переустройства сельской жизни всегда остро стояли перед государством. Сельскохозяйственный труд всегда был неразделим с крестьянским бытом.

Со времен т. н. «великого перелома» в результате огосударствления сельскохозяйственного производства, поспешного и непродуманного стирания граней между городом и деревней, массовой миграции сельских жителей в город связи деревенского труда и быта были нарушены. Это, как известно, характер труда и бытовых условий, средства и формы удовлетворения потребностей, в значительной мере, определяется самим способом производства, политической системой, идеологией, общим уровнем культуры общества в конкретный исторический период.

Основная часть. Необходимо отметить, что в социальной политике государства советского периода наблюдалась явная недооценка места и роли крестьянства в жизни общества, общественном прогрессе, что явилось следствием его заниженной роли в марксистско-ленин-

ской идеологии. Все это негативно сказалось на развитии как экономики, так и социальной и духовной жизни не только советской деревни, но и всего государства. Последствия такой идеологии невозможно ликвидировать указами, распоряжениями и постановлениями. Необходимо время, чтобы вернуть крестьянство в социально значимый класс.

Государство не единожды делало попытку в сближении качества и уровня жизни населения города и села. Еще в прошлом столетии Государственная программа в данной области предусматривала комплекс мер по развитию и улучшению социально-бытовых условий. Это обеспечение роста доходов сельского населения путем введения повсеместной гарантированной оплаты труда в колхозах по нормам и расценкам, действовавшим в совхозах, сближение заработка колхозников с заработной платой работников совхозов, а последних – с заработной платой рабочих и служащих промышленности.

Данная программа предусматривала также введение социальных гарантий для жителей села (введение пенсионного обеспечения

и социального страхования колхозного крестьянства), сближение уровней потребления промышленных и некоторых продовольственных товаров сельского и городского населения на основе создания условий и возможностей более высокого роста розничного товарооборота и разветвления сферы бытовых услуг на селе. Однако сам агропромышленный комплекс республики безнадежно отставал от требований конкурентной организации и мирового хозяйства, что в последствии могло привести к необходимости самоликвидации под натиском высокоэффективных зарубежных поставщиков готовой продукции и продовольствия.

Чтобы не допустить очередного аграрного кризиса на современном этапе, руководство Республики Беларусь с целью проведения коренных и масштабных рыночных реформ в АПК пошло на государственное вмешательство в процессы реформирования сельхозорганизаций. Это дало свои положительные результаты. Аграрный сектор республики стал достаточно активно финансироваться и развиваться.

Фактически уже с 2005 г. был обеспечен существенный рост производства, до минимума сокращено число убыточных хозяйств, восстановлен баланс продовольственного рынка, расширены объемы внутреннего сбыта и экспорта. В документах Евразийской экономической комиссии зафиксировано, что к 2017 году объемы субсидирования сельского хозяйства должны сократиться до 10%. Белорусским властям придется серьезно пересмотреть протекционистские подходы к АПК еще и потому, что все сложнее с деньгами.

Сегодня техническое перевооружение и строительство жилья на селе осуществляются за счет долгосрочных кредитов банков. Из-за отсутствия собственных оборотных средств используются краткосрочные кредиты для выполнения сезонных работ. Это привело к росту внутреннего долга сельскохозяйственных организаций. Процесс наращивания долгов продолжается и сегодня.

Программа возрождения и развития села (которая, в частности, подразумевала выдачу кредитов на «суперльготных» условиях) во многом изменила облик белорусского сельского хозяйства. За пять лет ее реализации были построены новые фермы, хозяйства приобрели новую технику, за счет чего существенно выросли объемы производства сельхозпродукции и ее качество.

Однако агропромышленный комплекс весь перестроечный период работал лишь за счет доходов от реализации продукции [1, с. 254]. Поддержка в виде огромных кредитных вливаний лишь на короткое время решала отдельные

проблемы. Последствия такой поддержки – рост затрат на производство продукции и постоянное ухудшение финансового состояния сельскохозяйственных организаций, а следовательно, и самих жителей села.

Сближение жизненных условий городского и сельского населения и решение ряда социальных, бытовых и культурных вопросов не может происходить автоматически. Для этого требуется помимо решений, принимаемых государством, еще и ускорение роста производительности труда, повышение эффективности производства, соединение научно-технических достижений с менталитетом самого населения.

Появились серьезные изменения в традиционном экономическом поведении работающих в реформированных колхозах сельских жителей. Среди них оказалось достаточно высокое число желающих открыть собственное дело, стать фермером, предпринимателем, что говорит об их высокой экономической активности. Поиск дополнительной работы и расширение личного подсобного хозяйства для потребления в семье почти для четверти сельчан являются основными способами улучшения их материального благосостояния; некоторые повышают свой доход всеми возможными способами для решения материальных проблем. Тем не менее в системе общественного производства не в полной мере исполняются такие мотивы, как зависимость заработка сельчан от результатов их труда.

Проведенные исследования показали, что для рядовых крестьян собственность – не капитал, приносящий доход или прибыль, а средство пропитания и помощи детям. Личное подсобное хозяйство не носит товарного характера, что подтверждается ориентацией реализации продукции личного подсобного хозяйства в основном на потребление.

Постоянно увеличивающийся фонд жилищного строительства на селе, демонстрирует нам положительную динамику в этой области, хотя он по-прежнему как отставал, так и отстает от городского. При этом заметим, что некоторые аспекты решения жилищной проблемы сельских тружеников до сих пор несут на себе отпечаток прошлого. Особенно это было связано с проблемой перспективных и неперспективных населенных пунктов. На современном этапе это приобрело название «агрогородки».

Однако на современном этапе развития деревни строительство агрогородков явилось основой для развития производственной инфраструктуры на селе расширения рынка труда и улучшения его условий, модернизации техники, технологических процессов и повышения качества сельскохозяйственной продукции. Хотя

и здесь уже видны проблемы и противоречия. Это – низкое качество жилых и хозяйственных построек (плохая теплоизоляция, некачественное выполнение строительных работ); недостаточно развитая инфраструктура; низкая заработная плата; невозможность сменить место работы и проживания и др. В то же время сравнение социальной инфраструктуры агрогородков и традиционных сел говорит в пользу первых. По условиям труда и быта, возможностям получения образования и профессии, по оплате труда агрогорожане находятся в более выгодном положении.

Серьезные недостатки в решении этих проблем влекут рост потока миграции из деревни в город. В Беларуси процесс сокращения сельского населения наблюдается с начала 70-х гг. прошлого столетия. При этом деревню покидала в основном молодежь, т. е. наиболее активная и перспективная часть населения, что, естественно, не могло отрицательно не отразиться на всей социально-экономической и культурной жизни села. В 1975 г. сельское население уже не составляло и половины граждан нашей республики [2, л. 54]. Правда, урбанизация не в одинаковой мере коснулась всех географических районов Беларуси.

В Брестской и Гродненской обл. доля сельских жителей была значительно выше, чем в других местах республики. Наименьший процент сельского населения сохранился в Витебской обл. Здесь более зримо были выражены последствия миграции. И на сегодняшний день ситуация не изменилась. Как и раньше, наименьший процент сельского населения остается в Витебской и Могилевской обл. [3, с. 12].

Отток сельского населения в город был и остается постоянным. Деревню покидала и покидает главным образом молодежь, т. е. наиболее самостоятельная, активная и перспективная часть населения. Это вызывает разные негативные последствия и, прежде всего, отрицательно сказывается на производственной деятельности, социальной активности, на культурных процессах, на всем сельском образе жизни. Миграция ведет к «старению» деревни, т. е. к увеличению в общей массе жителей старших возрастов, пенсионеров.

Миграционные процессы последних десятилетий привели к негативным изменениям в социально-демографической структуре сельского населения, выразившимся в возрастании доли пенсионеров, лиц с невысоким образованием и техническим уровнем подготовки. С 1960 по 2000 г. сельское население Беларуси сократилось на 45%. На ее территории перестало существовать 11 тысяч поселений; в 1999 г. в республике насчитывалось около 800 де-

ревень, где нет ни одного жителя [4, с. 231]. В настоящее время сельское население страны насчитывает около 2,8 млн. человек, которые проживают в 24 тыс. населенных пунктов, причем в половине из них – от 5 до 50 жителей. Только за последние пять лет численность трудоспособного населения сократилась вдвое и теперь составляет чуть более 400 тыс. человек.

Изучение состояния современных аграрных отношений в региональном разрезе демонстрирует не только многоаспектность демографической ситуации в сельской местности, но и ее негативное влияние на процессы воспроизводства белорусского этноса. Для наиболее инициативной части сельчан перспективы городской жизни явно перевешивают при определенном пути.

В то же время продовольственные ресурсы нашей планеты ограничены и не в состоянии обеспечить полноценное питание семимиллиардного населения планеты. Как прогнозирует академик Гусаков В. Г., среднедушевое производство зерна в Китае к 2030 г. может снизиться на 55% (164 кг), Индии – на 15% (158 кг), Пакистане – на 30% (90 кг), Иране – на 31% (140 кг). В то же время в Беларуси среднедушевое производство зерна в 2010 г. составило 700 кг, причем тенденции к снижению этого показателя не наблюдается [5, с. 112].

Поскольку «в ближайшей перспективе ожидается рост цен на все виды продовольствия, особенно на зерно», то в этих условиях становится крайне важным исследование жизнедеятельности сельского населения, которое производит продукты питания и создает сырьевую основу для многих отраслей промышленности.

Решать проблемы современного села достаточно сложно, и самые радикальные меры не приведут к успеху, если не будет решен главный вопрос – возвращение в село человека. Житель белорусской деревни давно привык к тому, что его трудовые усилия не получают достойного вознаграждения, а часть произведенного продукта изымается безвозмездно. Отсутствие достойной оплаты подрывало веру в честный труд, в законное хозяйствование. Из поколения в поколение передавалось это настроение, неприятие перемен, иницируемых сверху. Эта установка продолжает сохраняться и сегодня. Как показывает опыт последних лет развития сельхозпроизводства Беларуси, низкая заработная плата работников сельского хозяйства является одним из факторов снижения эффективности аграрного производства. В 2013–2014 гг. среднемесячная заработная плата работников аграрного сектора экономики была почти в 2 раза ниже, чем у рабочих и служащих.

Заключение. Анализ современного аграрного сектора показывает, что под влиянием изменяющихся экономических условий, урбанизации трансформируется весь уклад сельского образа жизни. Наряду с этим следует принимать во вни-

мание особенность социального пространства белорусского села, связанного как со спецификой трудовой деятельности, так и с тем, что нормы и ценности сельского населения сохраняют существенный консерватизм и традиционность.

Литература

1. Сакович В. С. Сельское хозяйство Республики Беларусь в 1980–2007 гг. Минск: Беларуская думка, 2008. 277 с.
2. НАРБ. Ф. 48. Оп. 14. Д. 1066. Документы об экспериментально-показательном строительстве за 1975 г. 174 л.
3. Лихачев Н. Е. Белорусское село в социальном измерении. Минск: А. Н. Вараксин, 2007. 304 с.
4. Сельское хозяйство Республики Беларусь: статистический сборник. Минск: Минстат Республики Беларусь, 2004. 697 с.
5. Гусаков В. Г. Вопросы рыночного развития АПК: избранные труды: в 2 кн. Минск: Беларуская навука, 2012. Кн. 1. 689 с.

References

1. Sakovich V. S. *Selskoe khosyaystvo Respubliki Belarus'* [Agriculture of the Republic of Belarus] 1980–2007. Minsk, Belaruskaya Dumka Publ., 2008. 277 p.
2. NARB. F. 48. Op.14. D. 1066. Documents about experimental demonstration building for 1975. 174 HP.
3. Likhachev N. E. *Belorusskoe selo v sotsialnom uzmerenii* [Belarusian village in the social dimension]. Minsk, A. N. Varaksin Publ., 2007. 304 p.
4. *Selskoe khosyaystvo Respubliki Belarus'* [Agriculture of the Republic of Belarus], Statistical collection. Minsk, 2004. 697 p.
5. Gusakov V. Questions of market development agriculture: selected works: in 2 vol. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2012, vol. 1. 689 p.

Информация об авторе

Зайцева Надежда Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии. Белорусский национальный технический университет (220056, Минск, ул. 50-лет Победы, 12, Республика Беларусь).

Information about the author

Zaitseva Nadezhda Viktorovna – Ph. D. History, assistant professor, assistant professor of the Department of Politology. Belarusian National Technical University (12, str. of 50 years of Victory, 220056, Minsk, Republic of Belarus).

Поступила 10.03.2015

УДК 355.42.424

А. А. Зайцев

Военная академия Республики Беларусь

РЕФОРМИРОВАНИЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО СООБЩЕСТВА США В XXI ВЕКЕ

В статье очерчены основные реформы американского разведывательного сообщества (РС), осуществленные в начале нынешнего века; рассмотрены современные приоритеты деятельности американской разведки, обозначенные в документах администрации Барака Обамы; сделаны выводы о преемственности установок работы секретных ведомств США в начале XXI в. при некотором смещении акцентов в соответствии с политикой демократической администрации. Вместе с тем нельзя не видеть очевидных успехов американской разведки в предотвращении насильственных посягательств на все сферы жизнедеятельности государства и экономики (за исключением, пожалуй, киберпространства, где успехи постоянно компенсируются сбоями и провалами).

Ключевые слова: разведка, контрразведка, разведывательное сообщество, приоритеты, стратегия, угроза.

A. A. Zaitsev

Military Academy of the Republic of Belarus

**REFORMING THE U.S. INTELLIGENCE COMMUNITY
IN THE TWENTY-FIRST CENTURY**

The article outlines the main reform the U.S. intelligence community (IC), implemented in the beginning of this century; considers the current priorities of the American intelligence indicated in the documents of the administration of Barack Obama; the conclusions about the succession of units of work the secret agencies of the United States in the early twenty-first century, with some shift in accordance with the policy of the democratic administration. However, it is impossible to see the obvious successes of American intelligence in preventing violent attacks on all spheres of the state and the economy (with the exception, perhaps, of cyberspace, where success is constantly offset by the faults and failures).

Key words: intelligence, counterintelligence, intelligence community, priorities, strategy, risk.

Введение. В годы холодной войны основными целями разведывательных структур США были обеспечение информацией и выполнение задач, направленных на разрушение социалистического лагеря и СССР. После успешного выполнения этих задач военно-политическое руководство США пыталось выстроить сообщество разведки и контрразведки под появившиеся новые задачи. Однако главным стимулом коренной перестройки разведсообщества стали события 11 сентября 2001 г., которые заставили администрацию США коренным образом пересмотреть работу американских спецслужб как несправившихся со своими задачами.

Основная часть. Сразу же после теракта было создано *Управление (затем Министерство) внутренней безопасности* (МВБ) с огромными по охвату полномочиями, в 2002 г. была проведена реформа контрразведывательных служб [1].

В марте 2002 г. было объявлено о создании *Совета по внутренней безопасности (СВБ) при президенте США*. Его постоянными членами стали президент, вице-президент, помощник президента по внутренней безопасности (глава

МВБ), министры обороны, финансов, транспорта, внутренних дел, здравоохранения, директора ЦРУ, ФБР и Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям. Главной задачей Совета являлась координация действий ведомств и организаций, решающих вопросы внутренней безопасности.

Значительным событием и кульминацией эпохи реформ в разведывательном сообществе США стал закон 2004 г. «О реформе разведки и противодействии терроризму». В рамках закона был упразднен пост директора центральной разведки, который почти 60 лет занимали директор ЦРУ, и было учреждено *Управление директора национальной разведки США во главе с директором национальной разведки*, которому поручалось общее руководство и координирование деятельности всех разведывательных агентств США [2].

В 2005 г. был создан *Объединенный совет по разведке при президенте*. В него вошли директор Национальной разведки, госсекретарь, министры финансов, обороны, энергетики и внутренней безопасности. Совет во многом дублировал функции Совета Национальной

безопасности (СНБ) и СВБ. Также в 2005 г. были опубликованы два важнейших документа администрации – «*Стратегия национальной контрразведки*» и «*Стратегия национальной разведки*», ставшие доктринальным подкреплением законодательства о реформах в разведсообществе, которые функционировали в новой структуре разведки США. По замыслу творцов реформ, разведсообщество США должно было стать единым организмом в системе национальной безопасности, действующим по единому плану, по единым программам (*NIP*, охватывающая так называемые «гражданские» ведомства разведсообщества, и *MIP* – программа деятельности военной разведки и контрразведки). Особо надо подчеркнуть нацеленность реформ на непрерывную *координацию* усилий всех членов разведсообщества, подчиненного единым, утвержденным на высшем уровне целям и задачам. Словом, в течение пяти лет было создано огромное количество не только практических подразделений в сфере безопасности, но и множество явно избыточных советов и комитетов, функции которых до сих пор недостаточно ясны.

Следует отметить, что в эпоху Дж. Буша была очевидна *милитаризация* разведки и контрразведки. Речь идет о постоянно возраставшем политическом весе министра обороны Д. Рамсфелда, фактически сделавшего все, чтобы ведомства разведсообщества если не подчинились, то во многом зависели от Пентагона.

Смена президентов в США с Буша на Обаму и, соответственно, администрации в Белом доме обозначила смену приоритетов в вопросах национальной безопасности. В новой администрации просматривается стремление избавиться от избыточных органов в сфере национальной безопасности и, прежде всего, упразднить СВБ и передать его функции всецело СНБ США. Постепенно идет ослабление роли военных в правоохранительной, разведывательной и внутривнутриполитической деятельности.

Новые приоритеты разведывательного сообщества изложены в «Стратегии национальной разведки США», опубликованной в сентябре 2009 г. Документ выдержан в намного более умеренных тонах по сравнению со «Стратегией» 2005 г. В нем уже не говорится о продвижении любыми способами свободы и демократии. Сложная и иерархическая система целей и задач, изложенная в этом документе, в целом отражает традиционные установки на поддержание и укрепление американской безопасности посредством своевременного оповещения о всевозможных угрозах Соединенным Штатам и их союзникам и на осуществление мероприятий, направленных на ликвидацию

этих угроз. Отдельный раздел «Стратегии национальной разведки» посвящен государствам, потенциально способным нанести ущерб интересам США. Первые два места занимают Иран и КНДР, чьи ядерные программы вызывают серьезное беспокойство американских властей, третье и четвертое место – Китай и Россия. В тексте «Стратегии» сказано: «Не исключено, что Россия продолжит искать способы утверждения своей мощи и влияния способами, противоречащими интересам США».

«Стратегия разведки – 2009» достаточно точно совпадает с аналитическим докладом Национального разведывательного совета (НРС) – «Глобальное управление: критическое стечение обстоятельств» (сентябрь 2010 г.), на основании которых определены исходные позиции для выдвижения приоритетов деятельности американской разведки:

– глобальные вызовы потребуют глобальных решений, и только модель, основанная на *мультилатерализме*, сможет дать результаты. При этом мультилатерализм подразумевает вовлечение в первую очередь американских и европейских структур;

– опасаясь посягательств на свое могущество, американские разведывательные органы тщательно сканируют горизонт в поисках держав с мировым потенциалом. ЕС кажется наиболее логичным союзником;

– такова: *глобализация ведет к консолидации мира на условиях более развитой его части*. В настоящее время США вынуждены признать наряду с Западом развитие других «экономических цивилизаций», а соответственно, и усложнение глобальных процессов, контроль над которыми отныне не принадлежит ни Западу, ни кому-либо еще;

– «глобальным управлением» понимается не «мировое правительство», а задействование широкого спектра мировых институтов в решении глобальных проблем.

Исходя из принятых руководящих документов *практическими приоритетами* деятельности разведсообщества США в настоящее время считаются: **противодействие экстремизму: выявление, отслеживание и ликвидация экстремистских группировок, которые планируют нанести материальный ущерб или иным образом навредить государству, народу или интересам США и их союзникам;**

нераспространение оружия массового поражения и средств его доставки государствами или негосударственными субъектами;

стратегическая разведка и предупреждение об угрозах: эффективное реагирование на угрозы и использование открывающихся возможностей для надлежащего обеспечения на-

циональной безопасности. Среди проблем и тенденций, которые будут определять состояние безопасности США в будущем, отмечаются: экономическая нестабильность, подрыв государства, снижение темпов демократизации, появление мощных региональных сил, изменения в области демографии и социальной сфере, климатические изменения, доступ к космосу, эпидемии, распространение опасных технологий;

интеграция контрразведки в систему разведывательного сообщества: глобализация рынка и открытость современных информационных каналов облегчают задачи противников США – террористов, международной преступности, кибервзломщиков, агентов иностранных разведок и др. При этом контрразведка США должна сосредоточиться: на *определении лиц, имеющих доступ к конфиденциальной информации и использующих служебное положение для нанесения вреда интересам США; проникновении в разведывательные органы противников в целях выяснения их намерений, возможностей и конкретных действий; осуществлении контрразведки в киберпространстве для защиты объектов жизнеобеспечения; защите поставок от внедрения иностранных разведывательных служб.*

Разведывательное сообщество (РС) США в настоящее время состоит из 16 структур [3–7]. Их место и задачи определены Исполнительным приказом президента США от 4 декабря 1981 г. № 12333 «Разведывательная деятельность Соединенных Штатов» [4].

Центральное разведывательное управление является главным органом стратегической разведки США, на который возложены следующие задачи:

- добывание и обработка разведывательной и контрразведывательной информации о деятельности иностранных государств;
- разработка и реализация программы сбора политической, экономической, научной, технической, военной и другой информации, необходимой для обеспечения безопасности США;
- осуществление и координация контрразведывательной деятельности за пределами США;
- проведение специальных операций, одобренных президентом;
- обеспечение безопасности спецопераций, сохранности объектов и сооружений безопасности от внедрения иностранных разведслужб;

усиление информационной безопасности: конфигурация национальной цифровой инфраструктуры, базирующаяся в основном на сети Интернет, недостаточно защищена. Указывается, что главным инструментом в

этой работе должна быть контрразведка страны, действующая в единстве с разведкой. Задачи: *использовать разработки в области информационной безопасности, сотрудничать со смежными разведывательными службами, с представителями промышленности и научными кругами;*

поддержание текущих операций: разведка по-прежнему будет играть ключевую роль в выполнении серии текущих задач: *подавлении Талибана в Афганистане, стабилизации ситуации в Ираке, борьбе с наркокартелями, обеспечении свободной и законной миграции населения и товаров, а также в противодействии новым вызовам по мере их возникновения.*

В число приоритетов разведывательного сообщества США впервые включены вопросы налаживания эффективного сотрудничества с крупным бизнесом в сфере обеспечения национальной безопасности.

Таким образом, представляется вполне справедливым тезис о набирающей обороты сознательной частичной передаче государством одной из своих традиционных функций – обеспечения безопасности – частному капиталу посредством *аутсорсинга* и взаимодействия с частными компаниями в сфере войны и разведки безопасности сотрудников и режима секретности главных управлений ЦРУ.

Организационно-штатная структура ЦРУ включает: главные управления – информации, науки и техники, административное, а также национальную службу тайных операций, отделы, занимающиеся обеспечением разведывательного процесса: по связям с конгрессом, генерального юрисконсультанта, генерального инспектора, по связям с общественностью, протокольный, планирования и программ и проч.

Под руководством *директора национальной разведки* разведывательное сообщество функционирует как единая организация, обеспечивающая органы политического и военного руководства достоверной разведывательной информацией, касающейся национальных стратегических интересов государства в политической, военной и экономической сферах.

Заключение. Созданная система спецслужб США, включающая разведку, контрразведку, силы спецназначения и проч., какой бы монолитной она ни выглядела, ни в одной стране мира никогда не была «единой организацией». Поэтому в современных условиях главной задачей РС США является превращение большого количества его подразделений, выполняющих порой одинаковые, порой различные задачи, в *единую организацию, способную противостоять беспрецедентному числу вызовов современности.*

Руководящие документы разведывательно-сообщества органично интегрируют аналитические и прогностические наработки НРС США последних лет в повседневную практику. Указанные документы стали отражением эпохи пересмотра руководством США роли и места страны в современном мире, но при этом нис-

колько не дезавуировали нацеленность Соединенных Штатов на мировое лидерство и поддержание своего экономического, технологического, политического и военного превосходства с использованием в качестве важнейшего инструмента уникальных и интегрированных возможностей

Литература

1. Семин Н. Л. Разведывательное сообщество США в начале XXI века: реформы и приоритеты / [Электронный ресурс]: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=266> (дата обращения: 14.01.2015).
2. Разведывательное сообщество (Intelligence Community) США. <http://j-times.ru/specsluzhby/razvedyvatelnoe-soobshhestvo-intelligence-community-ssha.html> (дата обращения: 14.01.2015).
3. Разведывательное сообщество США. Информация ГРУ ГШ, июнь 2012 г. 5 с.
4. Исполнительный приказ президента США № 12333 от 4 декабря 1981 г. «Разведывательная деятельность США». Executive Order 12333 // United States Intelligence Activities: <http://www.tscm.com/EO12333.html>. (дата обращения: 14.01.2015).

References

1. Semin N. L. Razvedyvatelnoe community of the USA in the XXI-st century beginning: reforms and priorities [An electronic resource]: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=266> (date of treatment: 14.01.2015).
2. Prospecting community (Intelligence Community) the USA <http://j-times.ru/specsluzhby/razvedyvatelnoe-soobshhestvo-intelligence-community-ssha.html>: (date of treatment: 14.01.2015).
3. Prospecting community of the USA. Prospecting information ГРУ ГШ, June, 2012. 5 p.
4. The executive order of the US president № 12333 from December, 4th, 1981 "Prospecting activity of the United States". Executive Order 12333. United States Intelligence Activities, <http://www.tscm.com/EO12333.html>. (date of treatment: 14.01.2015).

Информация об авторе

Зайцев Александр Александрович – кандидат военных наук, доцент, профессор кафедры военной стратегии. Военная академия Республики Беларусь (220056, Минск, ул. 50-лет Победы, 12, Республика Беларусь).

Information about the author

Zaitsev Alexander Alexandrovich – Ph. D. of military sciences, assistant professor, professor of the Department of military strategy. Military Academy of Republic of Belarus (12, 50 years of Victory, 220056, Minsk, Republic of Belarus).

Поступила 16.03.2015

УДК 930,1(100)«9»

А. В. ДергачевКировоградский государственный педагогический университет
имени В. Винниченко**НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК ВО ВЗГЛЯДАХ ВЛАДИМИРА ВИННИЧЕНКО**

Организация межнационального взаимодействия путем формирования глобальной институциональной среды, а также согласование межгосударственных противоречивых интересов мирным путем, в условиях угрозы взаимоуничтожения, являются чрезвычайно актуальной проблемой. Формирование будущей системы международных отношений и ее возможной структуры стало объектом создания в XX–XXI веках различных историософских и политологических схем. Статья посвящена детальному рассмотрению этой проблемы в теоретико-практических взглядах и идеях В. Винниченко. Особое внимание уделяется интерпретации становления и структуре создания нового мирового порядка через призму его концептуальной схемы конкордизма.

Ключевые слова: мировой порядок; дискордизм; конкордизм; конвергенция; мондиализм.

A. V. Derhachov

Kirovograd State Pedagogical University

THE NEW WORLD ORDER IN THE VIEWS OF VLADIMIR VYNNYCHENKO

Organization of international cooperation through the formation of a global institutional environment, as well as the coordination of interstate conflicting interests peacefully, under the threat of mutual destruction, are extremely important issue. Forming the future system of international relations and its possible structure became the object of creation various political and historiosophical schemes. The article is devoted to a detailed consideration of this issue in theoretical and practical views and ideas of Vynnychenko. Particular attention has been paid to the interpretation of the formation and structure of a new world order through the prism of his conceptual scheme concordism.

Key words: world order; discordism; concordism; convergence; mondialism.

Введение. Новый мировой порядок как прогнозируемая система международных отношений на основе различных явлений современности стал объектом выражения многих линейных и циклических трехмерных концептуальных теоретических идей, пространственно-временных форм будущего всемирного исторического процесса человечества. Философы, политики, историки, социологи, экономисты, психологи и писатели – начиная от утопических моделей идеального общества Т. Мора, Т. Кампанеллы и заканчивая футурологическими прогнозами А. Тоффлера, К. Ясперса, П. Сорокина, С. Хантингтона, в разные эпохи выражали собственное видение нового мирового порядка [1, с. 128–129, 268–366]. Размышления по этой проблеме представлены также Владимиром Винниченко (1880–1951 гг.) – известным украинским общественно-политическим и государственным деятелем периода Украинской революции 1917–1921 гг. (один из лидеров Центральной рады, председатель Генерального Секретариата УНР, первый председатель Директории УНР), талантливым и известным во всем мире писателем-новатором и публицистом.

Исследование политического, историософского и литературно-художественного миро-

воззрения Владимира Винниченко на социально-экономические, политические и культурные явления всемирного исторического процесса начали привлекать внимание историков, политологов и философов лишь в начале XXI века. В историографии первые шаги изучения эволюции общественно-политических взглядов В. Винниченко в контексте его политической деятельности, осуществили известные украинские ученые В. Солдатенко и С. Кульчицкий. Общее постижение его историософии представлено исследованиями А. Удота и Т. Бевз [2, с. 20–81, 245–267], социальных и философских проблем экзистенциализма и феноменологии – Л. Павлишин [3], Г. Сиваченко [4].

Историософские взгляды В. Винниченко на проблему формирования нового международного порядка изложены в его социально-философском труде – «Конкордизм» [5]; историко-политическом произведении – «Завещание борцам за освобождение» (здесь и далее – перевод наш, авт.) [6]; публицистике – «Перед новым этапом», «Отставка сталинизма», «Мировой мир без войны, ни горячей ни холодной» [7, с. 209–249, 267–287, 345–356], и др.; дневнике [8; 9; 10; 11; 12; 13]; социально-политическом романе «Новая заповедь» [14].

Основная часть. Находясь под влиянием, с одной стороны, исторических трудов предшественников украинской школы в украинской историографии – Н. Костомарова [15, л. 81] и М. Грушевского, а с другой – марксизма, фрейдизма, учений философов и психологов – Ж. Гюйо, А. Бергсона, А. Шопенгауэра [8, с. 391–564; 16, л. 1–91] а также французских социологов, создателей концепции конвергенции – Г. Арона и Ж. Фурастье, Владимир Винниченко развил эклектическое мировоззрение на социально-политические и экономические исторические явления в мире [4, с. 39]. Такие убеждения в условиях нестабильной геополитической, социально-экономической и мировоззренческой тенденций первой половины XX века, а также двух ужасающих мировых войн, стали толчком к поиску решения основных противоречий эпохи. В результате чего он разработал общеисторическую трехмерную схему исторического процесса линейной формы, подобную «Формационной модели исторического процесса» К. Маркса и «Теории столкновения цивилизаций» С. Хантингтона [1, с. 268–317], которая состояла из двух концепций дискордизма – прошлого и современного ему времени, и конкордизма – будущего.

Термин «дискордизм», имеющий французское происхождение от слова *discord* – расстройство, впервые был использован во второй половине 1930-х годов В. Винниченко на страницах собственного дневника [10, с. 93]. Через экзистенцию отдельного сознания этим термином он раскрывает деградацию, «болезнь» человечества, во всех сферах жизни, которая характеризуется нарушением равновесия во времени и пространстве человеческого бытия – расстройством в обществе физических и психических сил. Как результат этого происходит усиление гипертрофированного эгоизма, агрессии, вражды, инстинкта власти и господства, что неизбежно приводит к войнам, военным конфликтам и вооруженным революциям [5, с. 68–75; 13, с. 115]. Таким образом, концепция дискордизма Владимира Винниченко является попыткой толкования регрессивных изменений исторического процесса – психологического и физического расстройства и несчастья человечества [7, с. 276], что не является чем-то новым для современной общественности, похожие взгляды в свое время высказывались Ж. Руссо, М. Хайдеггером и другими [1, с. 118, 175].

Конкордизм (от лат. *concordia* – согласие, согласование) как дефиниция имеет общепринятое значение – это концепция, согласно которой истина едина между религиозными догмами

и объективными данными науки. Однако В. Винниченко вкладывает в содержание этого термина, который появляется на страницах дневника во второй половине 1930-х годов [9, с. 94], свою историософскую схему формирования будущего нового мирового порядка и идеального общества. В его основу он вкладывает принцип строительства счастья – душевного равновесия и физической гармонии во всех сферах общественной жизни как альтернативы преодоления регресса – несчастья человечества через систему мирных методов гармонизации противоположностей в социальных, международных и межгосударственных отношениях [5, с. 26–30; 10, с. 96]. Похожие теоретические взгляды в 50-х годах были выдвинуты создателями концептуальных теорий социальной и экономической конвергенции (от лат. *converge* – сближаться) человечества – Дж. Гелбрейтом, О. Тоффлером, Г. Ароном и другими, в разных интерпретациях обосновавшими идею, согласно которой экономические и идеологические различия между капиталистической и социалистической системами в будущем должны исчезнуть и в перспективе дойти до полного слияния [1, с. 381]. Поэтому концепция конкордизма Владимира Винниченко – это своеобразный аналог концептуально-теоретических принципов конвергенции – поиска компромиссных путей взаимоотношений между государствами с различными социально-политическими системами [7, с. 348–351].

Подвергая историософскому и общественно-политическому рефлексивному осмыслению событий и явлений всемирного исторического процесса, В. Винниченко был убежден, что I половина XX в. стала вершиной регресса человечества [5, с. 185–186]. В этот период мир, в условиях искажения гипертрофированного инстинкта личного, классового и национально-эгоизма в капиталистической, национал-социалистической, фашистской, коммунистической и религиозной идеологической дискордистской морали [13, с. 116; 5, с. 187–188], превратился в «огромную богадельню», «массовое помешательство» с худшими проявлениями дискордизма – вражды и борьбы за господство классов и наций в мире [11, с. 64]. Проанализировав две мировые войны, как результат взаимодействия названных факторов, а также угрозу третьей [12, с. 93–94] (нарастание противостояния на Земле во время «холодной войны» – социализма (СССР) и капитализма (США) [13, с. 119]) с возможным применением оружия массового уничтожения [7, с. 345–347], В. Винниченко в конце 40-х годов предложил программу установки конкордистского нового мирового порядка, что, по его утверждению, ос-

новывается не на политически-идеологической или военно-экономической борьбе, а на признании норм международного права, универсальной морали, равенства стран и народов, которые способны регулировать мир без войны. Поэтому в основе этой будущей международной системы отношений ведущей темой является идея мира через утопические приоритеты всесторонне-духовного, правового, физического и материального согласования противоположностей в мире [6, с. 84]. Появление нового международного порядка, основанного на этих принципах, предусматривает всеобъемлющее мировое реформирование – становление единой конкордистской морали (морального равенства), введение трудовой коллектокрации (социально-экономического равенства) и создание «Мировой Конкордистской Федерации Наций» (межнационального и межгосударственного равенства) [11, с. 67–74].

Формирование новой системы международных отношений, по мнению В. Винниченко, должно начинаться с разрушения, прежде всего, старых дискордистских морально-этических норм, через установление единой универсальной конкордистской морали для всего человечества, что должно стать залогом создания идеального, мирного и счастливого общества [11, с. 67]. Основой этой морали должно быть духовное и психологическое равенство, а также равновесие внутренних и внешних сил (моральный и физический баланс) человека и общества [9, с. 94], во взаимодействии с природой [10, с. 98], ведь, по его словам: «...вечно уравновешивать свои силы, постоянно поддерживать свой позитивный моральный и физический баланс – это закон всего сущего» [8, с. 519], где «Равенство – это все то же равновесие сил...», что принесет не только удовлетворение и успокоение для человечества – счастье, но и освобождение его от всех дискордистских пут религиозного, капиталистического и коммунистического догматизма [5, с. 187–188, 206–216]. Практическим воплощением данной идеи в жизнь является, прежде всего, соблюдение 13 правил индивидуального морально-этического поведения, среди которых можно выделить следующие: «Во всех отраслях жизни твоей освободись от гипноза религии и будь простой частицей природы»; «Всегда помни, что все люди и ты сам больны страшной болезнью дискордизма. Борись с ней не догмой, не ненавистью, не карой, а пониманием, жалостью, утешением»; «Не властвуй и не подпадай господству» [5, с. 185]. А с другой, развитие в середине каждой личности политической, социально-экономической и биологической свободы, без которой ничто в природе не может нормально

развиваться [6, с. 91–92]. Вышеуказанные мнения не являются чем-то новым, похожие теоретические взгляды в свое время высказывал К. Ясперс, предлагая установить духовное единство людей на Земле как одно из средств спасения от экономического и политического тоталитаризма [1, с. 270–273].

Универсальная конкордистская мораль для всего человечества в свою очередь создала бы условия для введения новой справедливой системы социально-экономических производственных отношений и равенства в обществе – трудовой коллектокрации (власти коллектива), как залог преодоления дискордизма в этой сфере. В основе такой системы, по его мнению, должно быть: во-первых, закрепление института личной собственности с запретом эксплуатации и использования наемного труда; во-вторых, утверждение вместо частной или государственной коллективной собственности – на промышленных, сельскохозяйственных, финансовых и других кооперативах, где каждый член коллектива будет иметь право на средства и результаты производства. Практическое воплощение данной системы в реальной жизни должно происходить только мирным интенсивно-постепенным законодательным путем как в капиталистических, так и социалистических странах при посредничестве ООН, через действие юридически-нормативных документов, важнейшими из которых являются по содействию всем зачаткам кооперативных предприятий всеми государственными средствами, субсидиями, кредитами и выплате компенсаций владельцам предприятий, которые перейдут на коллективную форму собственности [6, с. 88–90]. Поэтому трудовая коллектокрация как альтернативная форма социально-экономических отношений является важным элементом модели будущего мирового порядка, благодаря которой преодоление дефектов существующих геоэкономических систем (капитализма и социализма) – эксплуатации человека человеком, социального неравенства и классовой борьбы, что является основным источником любого конфликта, способствует окончательному устранению угрозы социальной войны [7, с. 346–356]. Фактически указанные выше взгляды концептуально совмещают теоретические идеи коммунизма и американского «народного капитализма».

По глубокому убеждению В. Винниченко, трудовая коллектокрация должна стать базой для дальнейшей конвергенции двух враждующих геополитико-экономических систем, в результате чего «Мировая Конкордистская Федерация Наций» станет реальной и практической необходимостью [7, с. 349–350] на завершающем

этапе формирования новой системы международных отношений. Целью такой федерации является создание мирным демократическим путем (через ООН или всемирный референдум) [12, с. 103] одной единой общечеловеческой семьи свободных и равных братьев-народов и государств [7, с. 348–351]. Поэтому основными элементами такого глобально-международного объединения должны быть: свободное самоопределение каждого народа по принципу этнографического равенства, самостоятельность каждого федеративного государства [7, с. 281], единый мировой парламент и правительство, а также совместная объединенная мировая экономика, на равных правах для каждой нации [12, с. 100]. Объединенная мировая экономика, по его утверждению, установит общую собственность государств на рынки сбыта и сырья, что положит конец экономической борьбе между странами, как первопричине любых конфликтов, устранив тем самым навсегда угрозу интернациональных войн [11, с. 67]. Похожие глобальные взгляды высказывал в свое время А. Тойнби – предусматривая интеграцию всех цивилизаций и образование «Мирового федеративного государства» на основе «Всемирной религии» [1, с. 297–302].

Новый конкордистский мировой порядок, основой формирования которого являются единая конкордистская мораль, коллектократия и мировая федерация, по утверждению В. Винниченко, приведет к интеграции геополитических и экономических противоположностей

в мире, установлению подлинной народной демократии на Земле [7, с. 279–281, 356], всеобъемлющему полному физическому и моральному разоружению, уничтожению всех империй, исчезновению угнетенных и поработанных наций, справедливому и невооруженному миру [11, с. 68–74], что будет способствовать преодолению дискордизма и налаживанию мирного сотрудничества и единения народов мира.

Заключение. Вполне очевидно, что историческая концептуально-теоретическая схема будущей новой конкордистской системы международных отношений основывается на принципе мондиализма – интеграционного объединения национальных государств мира с подчинением их глобальным институтам путем включения в различные сверхнациональные механизмы регулирования и координации. Однако предложенный В. Винниченко мировой порядок мирной гармонизации противоположностей в социальных, международных и межгосударственных отношениях, в основе которого лежит универсальная мораль, равенство государств и народов, идея вечного мира и согласия, относится к трудно осуществленным вариантам моделирования. Поэтому обращаясь к классификации разделения политиков на две группы: «утопистов» и «реалистов», которая принадлежит известному политологу Карру Е., считаем, что по своим взглядам Владимир Винниченко был близок к первой группе, что является следствием влияния на его сознание тенденций первой половины XX века.

Литература

1. Ящук Т. І. Філософія історії: навч. посібник. К.: Либідь, 2004. 536 с.
2. Громадсько-політична діяльність Володимира Винниченка (до 125-річчя від дня народження): [зб. ст.]. К.: ІПІЕНД, 2006. 280 с.
3. Павлишин Л. Г. Володимир Винниченко: досвід неklasичного мислення в історії української філософії. Тернопіль: ТНПУ ім. В. Гнатюка, 2013. 272 с.
4. Сиваченко Г. «Конкордизм» В. Винниченка в екзистенціалістському дискурсі // Слово і час. 2001. № 9. С. 33–39.
5. Винниченко В. Конкордизм // Український культурологічний альманах. К.: «Хроніка – 2000», 2010. Вип. 82. С. 26–257.
6. Винниченко В. Заповіт борцям за визволення / уп. та ред. М. Жулинський [та ін.]. К.: «Криниця», 1991. 128 с.
7. Винниченко В. Публіцистика / уп. та ред. В. Бурбела. Нью-Йорк; Київ, 2002. 392 с.
8. Винниченко В. Щоденник: у 4 т. / уп. та ред. Г. Костюк. Едмонтон – Нью-Йорк: «Смоло-скип», 1980–2010. Т. 3: Щоденник 1926–1928 рр. 2010. 624 с.
9. Винниченко В. Щоденники (1934–1936 рр.) // Київська старовина. 2000. № 6. С. 83–102.
10. Винниченко В. Щоденники (1937–1938 рр.) // Київська старовина. 2001. № 1. С. 91–117.
11. Винниченко В. Щоденники (1939 р.) // Київська старовина. 2001. № 2. С. 63–80.
12. Винниченко В. Щоденники (1945 р.) // Київська старовина. 2002. № 5. С. 88–109.
13. Винниченко В. Щоденники (1950 р.) // Київська старовина. 2003. № 5. С. 101–125.
14. Винниченко В. Нова заповідь: роман. Новий Ульм: Видавництво Україна, 1950. 261 с.
15. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВО України). Ф. 1823. Оп. 1. Сп. 31.
16. ЦДАВО. Ф. 1823. Оп. 1. Сп. 14.

References

1. Yashchuk T. I. *Filosofiya istorii: uchebnoe posobie* [Philosophy of history: textbook]. Kiev, Lybid' Publ., 2004. 536 p.
2. *Obshchestvenno-politicheskaya deyatelnost' Vladimira Vinnichenko (k 125-letiyu so dnya rozhdeniya): zbornik statey* [Social and political activity of Vladymyr Vynnychenko (125th anniversary of birthday): collection of articles]. Kiev, IPIEND Publ., 2006. 280 p.
3. Pavlishin L. G. *Vladimir Vinnichenko: opyt neklassicheskogo myshleniya v istorii ukrainskoy filosofii* [Vladimir Vynnychenko: the experience of non-classical thinking in the history of Ukrainian philosophy]. Ternopol', Ternopol'skiy natsional'nyy pedagogicheskyy universitet imeni V. Gnatyuka Publ., 2013. 272 p.
4. Sivachenko G. «Concordism» V. Vynnychenko in the existentialist discourse. *Slovo i chas* [The word and time], 2001, no. 9, pp. 33–39 (In Russian).
5. Vinnichenko V. Concordism. *Ukrainskiy kul'turologicheskyy al'manakh* [Ukrainian cultural almanac], 2010. vol. 82, pp. 26–257 (In Russian).
6. Vinnichenko V. *Zaveshchaniye bortsam za osvobozhdeniye* [Testament to the fighters for liberation]. Kiev, Krinitsya Publ., 1991. 128 p.
7. Vinnichenko V. *Publitsistika* [Journalistic writings]. New York – Kiev, Ukrainskaya svobodnaya akademiya nauk v SShA – Natsional'naya akademiya nauk Ukrainy institut literatury imeni T. Shevchenko Publ., 2002. 392 p.
8. Vinnichenko V. *Dnevnik. T. 3: 1926–1928 gg.* [Personal journal. Vol. 3: 1926–1928 years]. Edmonton – New York, Smoloskip Publ., 2010. 624 p.
9. Vinnichenko V. Personal journal: 1934–1936 years. *Kievs'kaya starovina* [Kievan antiquity], 2000, no. 6, pp. 83–102 (In Russian).
10. Vinnichenko V. Personal journal: 1937–1938 years. *Kievs'kaya starovina* [Kievan antiquity], 2001, no. 1, pp. 91–117 (In Russian).
11. Vinnichenko V. Personal journal: 1939 year. *Kievs'kaya starovina* [Kievan antiquity], 2001, no. 2, pp. 63–80 (In Russian).
12. Vinnichenko V. Personal journal: 1945 year. *Kievs'kaya starovina* [Kievan antiquity], 2002, no. 5, pp. 88–109 (In Russian).
13. Vinnichenko V. Personal journal: 1950 year. *Kievs'kaya starovina* [Kievan antiquity], 2003, no. 5, pp. 101–125 (In Russian).
14. Vinnichenko V. *Novaya zapoved': roman* [A new commandment: a roman]. New Ulm, Izdatel'stvo Ukraina Publ., 1950. 261 p.
15. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv vysshikh organov vlasti i upravleniya Ukrainy* [Central state archive of Supreme bodies of power and administration of Ukraine]. Fund 1823, invent. 1, mat. 31.
16. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv vysshikh organov vlasti i upravleniya Ukrainy* [Central state archive of Supreme bodies of power and administration of Ukraine]. Fund 1823, invent. 1, mat. 14.

Информация об авторе

Дергачев Александр Васильевич – аспирант. Кировоградский государственный педагогический университет имени Владимира Винниченко. (25006, Украина, г. Кировоград, ул. Шевченко 1), E-mail: aleksandr_dergachov@mail.ru

Information about the author

Derhachov Alexander – graduate student. Kirovograd State Pedagogical University named after Vladimir Vynnychenko (1, Shevchenko str., 25006, Kirovograd, Ukraine). E-mail: aleksandr_dergachov@mail.ru

Поступила 29.03.2015

УДК 378.015.005.32-057.873

П. И. Александрович

Белорусский государственный технологический университет

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ СТУДЕНТОВ
К ОБУЧЕНИЮ В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ**

В данной статье раскрываются психологические особенности адаптации студентов к обучению в вузе. Обращено особое внимание на раскрытие физиологической, социальной, биологической, профессиональной, социально-психологической адаптации. Раскрыты основные этапы и разновидности психологической адаптации, в частности такие, как организационная, деятельностная, профессиональная, бытовая адаптация. Основные этапы – это ознакомление с новым местом учебы, правами и обязанностями студента и начало учебы, углубленное освоение правил и норм учебного заведения, осознание творческого усовершенствования учебы в начальный период. Адаптационные этапы могут длиться: первый – 7–15 дней, второй – до 16–12 месяцев, третий – до двух лет. Обращено внимание на психологическое сопровождение адаптации студента. Выделяются следующие направления: психологическое просвещение, психологическое диагностирование, коррекционная деятельность, консультативная деятельность. Для этого используются активные формы проведения занятий и привлечение к работе с группой тех преподавателей, кто может помочь сформировать у студентов определенные знания, навыки по направлениям: организационно-ознакомительное, социально-практическое, социально-правовое, медико-нравственное, учебно-методическое, социально-психологическое. Обращается особое внимание на студентов, находящихся в затруднительном положении. В заключительной части статьи раскрываются элементы психологического управления процессом адаптации, предполагающие информирование студентов о трудностях адаптационного периода и способах их преодоления, формирование у студентов стремления к оптимальной адаптации, перестройке поведения, совершенствованию своей личности в соответствии с новыми вузовскими требованиями, помощь студентам в организации самовоспитания.

Ключевые слова: адаптация, физиологическая адаптация, профессиональная адаптация, биологическая адаптация, социальная адаптация, потребности, мотивация.

P. I. Aleksandrovich

Belarusian State Technological University

**PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF STUDENTS TO STUDYING
IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION**

This article deals with the psychological characteristics of students' adaptation to studying in high school. Particular attention is paid to the disclosure of the physiological, social, biological, professional, social and psychological adaptation. It outlines the main stages and types of psychological adaptation such as organizational, operational, professional, domestic adaptation in particular. The main stages of it are the introduction to a new place of study and students' rights and obligations and the beginning of the studies, in-depth familiarization to the rules and regulations of the educational institution, realization of creative enhancements of studying process in the initial period. Adaptation steps can last: the first step – 7–15 days, the second step – up to 16–12 months, the third step – up to two years. Attention is paid to the psychological support of student's adaptation. It's divided into following directions: psychological education, psychological diagnosis, correctional activities, and advisory activities. For this purpose, the active forms of employment and the involvement with a group of those teachers who can help students form a certain knowledge and skills in following directions: organizational and introductive, social and practical, social and legal, medical and ethical, educational, social and psychological. Special attention is paid to students who are in a state of predicament. In the final part of the article the author reveals the psychological elements of adaptive management, involving informing students about the difficulties of the adaptation period and ways to overcome them, the formation of students striving for optimum adaptation, adjustment of behavior, improving personality in accordance with the new high school requirements, and assistance to students in self-organization.

Key words: adaptation, physiological adaptation, professional adaptation, biological adaptation, social adaptation, needs, motivation.

Введение. Поступив в высшее учебное заведение, студент-первокурсник сталкивается с совершенно новыми для него способами организации учебного процесса: с одной стороны, высокая интенсивность изучения учебного материала, с другой стороны – недостаточные навыки самостоятельной работы и привычка осваивать учебные знания в готовом виде. К тому же студент сталкивается с новыми видами деятельности (освоение профессии, производственная практика), новым коллективом учебной группы.

Основная часть. В связи с этим можно четко определить понятие «адаптация» как процесс приспособления студента к новым видам жизнедеятельности, новой социальной ситуации. Причем в этом процессе актуально сочетаются самооценка и притязания студента с его возможностями и реальностью социальной среды, что зачастую проявляется как согласование требований и ожиданий учеников образовательного процесса.

Адаптация к комплексу новых факторов, специфичных для студента, сопровождается значительным напряжением компенсаторно-приспособительных систем организма студентов. Постоянное умственное и психоэмоциональное напряжение, а также нарушение режима труда, отдыха, питания часто приводят к срыву процесса адаптации и развитию целого ряда заболеваний.

Процесс адаптации к обучению в вузе – явление весьма сложное, многогранное. Период острой адаптации падает на 1–2-й курсы. Его продолжительность определяется индивидуальными особенностями студента, включающими способности, психические установки, материальную обеспеченность и, конечно, здоровье. На втором курсе у студентов возникает новая мотивация. Они приступают к изучению специальных дисциплин, требующих усвоения большого объема новой специальной информации. Считается, что процесс адаптации завершается, как правило, к концу второго курса.

Студенты сталкиваются с новыми формами и методами обучения, новыми эмоциональными переживаниями, у них меняется режим труда и отдыха, сна и питания.

Адаптация личности студента к обучению обусловлена необходимостью отказа от привычного, неизбежностью преодоления многочисленных и разноплановых адаптационных проблем и профессиональных затруднений.

Психолого-возрастные особенности студенчества характеризуются эмоциональной незрелостью, открытостью, внушаемостью, самоидентификацией. В этот период студентам важно именно окружение, в котором они нахо-

дятся. Очень часто в одну группу попадают юноши и девушки с разным социальным уровнем, а именно провинциалы и городские жители. Период адаптации данных категорий будет различным [1, с 62–29].

Начало учебы на новом месте, обычно переход из общеобразовательной школы в высшее учебное заведение – достаточно резкая перемена в жизни, так как учеба в школе и университете сильно различаются по содержанию, формам, нагрузкам, требующимся результатам. Трудности возрастают тогда, когда студент не старателен в учебе, не вырабатывает в себе правильной организации времени. Очень трудно учиться также студенту с низкой мотивацией к достижению успеха, сказывается отдаленность студента от родительского дома при проживании в общежитии. Среди психологических детерминант качества адаптации на начальном периоде обучения в вузе следует отметить такие, как самооценка (этот показатель значимо связан с отношением к обучению, к преподавателям и к сокурсникам). Новая обстановка, новый режим, новые отношения, новая социальная роль, новый уровень отношений с родителями, иное отношение к себе.

У первокурсников происходит смена привычного образа жизни, что автоматически включает адаптационный процесс. Адаптация студентов к обучению в вузе представляет собой многоуровневый процесс, который включает основные элементы социально-психологической адаптации и способствует развитию интеллектуальных и личностных возможностей студентов.

Этапы и разновидности психологической адаптации студента.

Процесс адаптации студента на новом месте включает несколько ее психологических разновидностей:

– организованную адаптацию – изучение учебного заведения и организационной среды в нем, его требований и норм, внутреннее принятие и соответствующее построение своего организационного поведения;

– деятельностную – определение ответственности, прав и действий на своем месте студента, обязанностей, требований к качеству учебной деятельности;

– профессиональную – понимание характера профессии, места специальности в общей системе, также стремление овладеть профессией – возникновение мотивации;

– социально-психологическую – привыкание к студентам своей группы, налаживание деловых и личных доброжелательных отношений с ними, завоевание признания своей личности и, таким образом, самоутверждения в группе.

Важным аспектом этого вида адаптации является налаживание отношения с преподавателями, администрацией;

– бытовую – привыкание к рабочему режиму жизни, повышенным психологическим и умственным нагрузкам, решению вопросов питания, досуга, в том числе нередко и жилищных, особенно если студент иногородний.

Полноценная психологическая адаптация включает 3 этапа:

– ознакомление с новым местом учебы, правами и обязанностями студента и начало учебы;

– углубленное освоение правил и норм учебного заведения и качественной учебы;

– осознанное и творческое усовершенствование учебы [2, с. 15].

Первый этап обычно длится 7–15 дней, второй до 6–12 месяцев, а третий начинается после 1–2 лет. Эти сроки очень индивидуальны, могут сокращаться и увеличиваться, второй этап может и не завершиться, а третий – не начаться.

Результаты психологической адаптации находят выражение в разной степени адаптивности, которая может выражаться в следующем:

– психологической идентификации – внутреннем принятии всех норм и требований, существующих в учебном заведении; полном включении своих возможностей в учебную деятельность и в жизнь коллектива студенческой группы;

– приспособлении к учебной деятельности – внешнем соблюдении основных норм и требований учебного заведения (во избежание неприятностей), приспособлении к нормам учебной деятельности (официальным и неофициальным) при внутреннем неприятии части их; неполном включении своих возможностей в процесс обучения и получения специальности;

– психологической дезадаптации – полном внутреннем неприятии интересов, задач и требований учебного заведения при внешней демонстрации их принятия.

Студенческая жизнь начинается с первого курса, и поэтому успешная, эффективная, оптимальная адаптация первокурсника к жизни и учебе в вузе является залогом дальнейшего развития студента как человека, гражданина, будущего специалиста.

Формирование личности профессионала строится не только на вооружении студента определенной суммой знаний, умений и навыков, но и в большей степени на способности быстро адаптироваться; на развитии личностных характеристик, активизирующих интерес к изучению выбранной специальности; на формировании правильного понимания сущности профессионального самоопределения; на раз-

витии мотивации к профессиональной деятельности, профессиональному становлению. Педагогическое сопровождение адаптации студента предполагает организацию работы по следующим направлениям:

– психологическое просвещение – формирование у студентов и их родителей, у педагогических работников вуза потребности в психологических знаниях, желания использовать их в интересах собственного развития. Личность должна быть психологически готова к восприятию воспитательного воздействия;

– психологическое диагностирование – проведение на протяжении всего срока обучения, а также на момент адаптации динамики личностного роста, адаптивности студента и выявления причин и механизмов нарушений в обучении, развитии социальной адаптации студентов;

– коррекционная деятельность – разработка на основании выявленных причин коррекционных программ успешной адаптации студента первого курса, коррекции личностных качеств и свойств, вовлечения студентов в различные виды деятельности с учетом корректирующих причин;

– консультативная деятельность – разработка конкретных рекомендаций по возникающим у студентов проблемам адаптации, самовоспитания и самореализации, по предупреждению возникновения явлений дезадаптации [3, с. 56].

Необходимым условием для быстрой адаптации первокурсника к вузу является его способность к постоянному и интенсивному совершенствованию, к обновлению и развитию собственных способностей и качеств, что предполагает наличие умений осознавать собственные эмоциональные ресурсы. Помочь студенту войти в социум вуза с минимальными потерями и быстро адаптироваться к его требованиям – одна из задач социально-психологического сопровождения студентов на первом курсе.

Помощь первокурснику состоит в информировании его о возможностях, которыми он располагает, обучаясь в высшем учебном заведении. Для этого используются активные формы проведения занятий и привлечение к работе с группой тех преподавателей, кто может помочь сформировать у студентов определенные знания и навыки по направлениям:

– организационно-ознакомительное – дать информацию о расположении кабинетов в вузе, комат в общежитии, познакомить с администрацией и структурой учебного заведения, общественными организациями и кружками и т. п.;

– социально-практическое – особенно эффективны встречи с успешными выпускниками вуза;

– социально-правовое – предполагает знакомство с общественными структурами, защищающими их интересы в вузе;

– медико-нравственное – предполагает знакомство с условиями медицинского обслуживания;

– учебно-методические – знакомство с общей перспективой обучения в течение 2–4 лет, программами и направлениями подготовки;

социально-психологическое – исследование индивидуальных особенностей студентов, выделение актива группы, развитие коммуникативных навыков, привлечение к тренингам и прочее.

Адаптация студентов к новым условиям обучения в вузе – это сложный процесс, и именно поэтому помочь первокурсникам взрослеть, особенно тем, кто в этом нуждается, в первую очередь, может психолог или педагог-психолог и, конечно же, куратор группы. Во внимании и доверительной беседе нуждаются прежде всего те, кто испытывает трудности адаптации и по своим личностным, характерологическим особенностям склонен к рискованному поведению.

Сигналом необходимости оказания психологической поддержки должны служить признаки утраты эмоционального благополучия как в учебе, так и в общении. Оказать психологическую поддержку студенту, находящемуся в затруднительном положении, означает:

– снять беспокойство, успокоить для того, чтобы человек смог анализировать и правильно оценивать сложившуюся ситуацию, но это возможно лишь после того, как он справится со своими переживаниями;

– доверительный разговор о проблемах студента. В ходе разговора недопустимо использовать запугивание и оскорбления, провоцирующие к большему намерению действовать деструктивным образом;

– не подавлять – ни силой, ни авторитетом, ни знаниями, ни умениями, ни возрастом. Нужно показать студенту, что куратор вместе с ним, а не против него;

– ориентироваться на возможности студента;

– в отношениях со студентом куратор должен стараться не навредить ему;

– использовать критику по отношению к действиям, способам выполнения задания, а не применять ее к личности. Сфера поведения, суждений, отношений – это личностная сфера;

– в ходе разговора педагог должен уметь снимать ощущение безысходности, используя для этого приемы планирования или побуждения к словесному оформлению и проговариванию планов предстоящих действий;

– при беседе преподаватель должен показать, что он в состоянии помочь студенту.

Педагогическое управление процессом адаптации предполагает:

1) информирование студентов о трудностях адаптационного периода и способах их преодоления;

2) формирование у студентов стремления к оптимальной адаптации, перестройке поведения, совершенствованию своей личности в соответствии с новыми вузовскими требованиями, т. е. активизация самовоспитания;

3) помощь студентам в организации самовоспитания.

Одной из эффективных форм управления адаптационным процессом является кураторство.

От куратора группы во многом зависит успешность адаптации первокурсников к новой социальной среде, налаживание деловых и личных контактов между членами группы. Успех деятельности куратора группы первого курса зависит от четкого осмысления и определения основных направлений, от оптимального выбора форм и методов воспитания, значительно повышающих эффективность управления адаптационным процессом первокурсников к учебному заведению.

Основными направлениями комплексной системы организационно-педагогических мер, которые позволяют куратору оптимизировать работу и быстрее достичь необходимых результатов, являются:

– проведение работы по ознакомлению студентов с особенностями учебно-воспитательного процесса в вузе, профессиональному ориентированию;

– ознакомление куратора с социально-демографическими характеристиками студентов, изучение черт характера, уровня знаний и общественной активности;

– изучение формирующейся системы межличностных отношений;

– развитие у первокурсников недостающих организаторских умений и навыков;

– оказание помощи в научной организации труда студентов;

– оказание помощи студентам в организации самовоспитания.

Куратор как воспитатель направляет свои усилия на воспитание у студентов:

1) чувства патриотизма, гордости за свою Родину, за свой народ;

2) чувство гордости богатой и славной историей Беларуси, высокой культурой и духовностью ее народов;

3) чувство гордости достижениями белорусской науки и техники, ощущение сопричастности к одной из ведущих научных школ, чувство гордости за учебное заведение;

4) уважение к законам, другим нормам общественной жизни, гражданской и социальной ответственности;

5) приобщение к культуре своего народа, лучшим образцам мировой культуры, интеллигентности, культуре поведения и общения;

6) потребности в высоких культурных и духовных ценностях.

Заключение. Таким образом, проблема адаптации студентов к условиям обучения в высшей школе представляет собой одну из важных задач, исследуемых в настоящее время в педагогике и дидактике высшей школы. Современная система профессионального образования служит не только для передачи специальных знаний, но и для развития будущего специалиста как представителя и носителя определенной культуры, характе-

ризующейся совокупностью знаний, умений, а также определенным мировоззрением, жизненными установками и ценностями, особенностями профессионального поведения.

Научная и практическая актуальность проблемы адаптации заключается в том, что современное общество заинтересовано сохранить и улучшить физическое и психическое здоровье человека, повысить его интеллектуальный потенциал. Поэтому изучение механизмов и закономерностей адаптации человека в разнообразных производственных и социальных условиях на различных уровнях приобретает в настоящее время фундаментальное значение.

Литература

1. Андреева О. Д. О понятии «адаптация». Исследование адаптации студентов к условиям учебы в вузе // Человек и общество: уч. записки XIII. Л.: ЛГУ, 1973. 256 с.
2. Васильева С. А., Копейна Н. С. Психологическая идентичность как условие успешной адаптации студентов к учебному коллективу // Современные проблемы прикладной социологии и социальной психологии в трудовых коллективах: тезисы докладов. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 332 р.
3. Федорова Е. Е. Адаптация студентов ВУЗов к учебно-профессиональной деятельности. М., Просвещение, 2007. 158 с.

References

1. Andreeva O. D. *O ponyatii «adaptatsiya». Issledovanie adaptatsii studentov k usloviyam ucheby v vuze* [About the definition “adaptation”. Research of students’ adaptation to conditions of university education]. Leningrad, LGU Publ., 1973. 256 p.
2. Vasilyeva S. A., Kopeina N. S. *Psikhologicheskaya identichnost' kak uslovie uspeshnoy adaptatsii studentov k uchebnomu kollektivu* [Psychological identity as a condition of successful adaptation of students to the university group. Modern problems of applied sociology and social psychology in work collectives]. Brief outline reports. Leningrad, Leningrad University Publ., 1984. 332 p.
3. Fedorova E. E. *Adaptatsiya studentov VUZov k uchebno-professional'noy deyatel'nosti* [Adaptation of university students to educational and professional activity]. Moscow, Prosveshenie Publ., 2007. 158 p.

Информация об авторе

Александрович Петр Иванович – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: alexsandrovich@belstu.by

Information about the author

Aleksandrovich Peter Ivanovich – Ph. D. Psychology, assistant professor, assistant professor of the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: alexsandrovich@belstu.by

Поступила 23.03.2015

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1:316.32

П. А. Водопьянов¹, Ч. С. Кирвель²

¹Белорусский государственный технологический университет

²Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

СОЦИОГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

В статье уделяется особое внимание раскрытию соотношения материального и идеального в развитии общества. Показано, что наряду с важностью марксистского тезиса о том, что общественное бытие определяет общественное сознание, в современных условиях общественный порядок, а следовательно, и безопасное будущее общества невозможны без базовых духовных ценностей и его веры в их безусловную истинность, поскольку современный мир находится в состоянии непрерывных информационных войн, главной целью которых является внедрение в массовое сознание ложных иллюзий и псевдоценностей. Показано, что в нынешних условиях глобальной конкуренции за ресурсы, территории и финансовое могущество главными целями информационных войн является разрушение духовного самостояния, сознания и самосознания народов, их ценностных идеалов и ориентиров.

На основе анализа социально-политической обстановки в современном мире обосновывается положение о том, что современные глобалистские структуры, созданные олигархическим интернационалом, пытаются внедрить в массовое сознание отдельных стран ложные идеи, найти уязвимые места и зоны, способные подрвать устойчивость в развитии народов и государств, направить процесс реформирования образования в восточно-славянских государствах в желательном для них содержательном и мировоззренческом направлениях. На основании изложенного сделан вывод о том, что в современных условиях главная задача образования сводится к необходимости выработать иммунитет к деструктивным информационным воздействиям для достижения мировоззренческой безопасности.

Ключевые слова: соотношение материального и идеального, глобализация, олигархический интернационализм, образование, мировоззренческая безопасность, информационная война.

P. A. Vodopyanov¹, Ch. S. Kirvel²

¹Belarusian State Technological University

²Grodno State University

SOCIO-HUMANITARIAN KNOWLEDGE AND EDUCATION AS A FACTOR OF GEOPOLITICAL TRANSFORMATION

The article pays special attention to the disclosure of material and the ideal ratio in the development of society. It is shown that, along with the importance of the Marxist thesis that social being determines social consciousness, in modern conditions of public order, and therefore, more secure future society is impossible without the basic spiritual values and his belief in their absolute truth, because the modern world is in a state continuous information warfare, the main purpose of which is the introduction into the mass consciousness illusions and false values. It is shown that in the current environment of global competition for resources, territory and financial might of the main objectives of information warfare is to destroy the spiritual personality, self-consciousness and national identity, their values and ideals landmarks.

On the basis of analysis of the socio-political situation in the world today, the key provisions that modern globalist structures created oligarchic Internationale trying to introduce false ideas into the mass consciousness of individual countries, to find vulnerabilities and areas that could undermine stability in the development of peoples and nations, to direct the process the reform of education in the Eastern Slavic states in their desired content and worldview directions. Based on the above concluded that under current conditions the main task of education is the need to develop immunity to the destructive influence of information to achieve ideological security.

Key words: the ratio of material and ideal, globalization, oligarchic internationalism, education, ideological security, information warfare

Введение. Достижение безопасного будущего общества зависит не только от материальных факторов – уровня развития производительных сил, полноты государственного бюджета, внедрения новых технологий и т. п., но и от духовных факторов – целеустремленности, воли и воодушевленности нации, способной определить цели, достаточный уровень жизни и надежды на стабильность в обществе. Общественный порядок, сколь-нибудь гармоничная и устроенная жизнь невозможны без базовых духовных ценностей и веры общества в их истинность. Идея деидеологизации, о которой часто повторялось в 90-х годах прошлого столетия, оказалась несостоятельной и непродуктивной, поскольку отсутствие перспектив и надежд на ближайшее будущее неизбежно приведет общество к навязыванию низкопробных образцов культуры, чуждых для него псевдоценностей и норм поведения. Это наблюдается сегодня, когда мы живем в эпоху вселенского обмана и информационных войн. В мире идет постоянный процесс совершенствования идеологий. Аутсайдеры в этом процессе, страны с аморфной идеологией, как правило, являются «вечно догоняющими» и постоянно вытесняемыми на обочину исторического прогресса. Факты свидетельствуют о том, что самой уязвимой сферой национально-государственной безопасности любого общества является духовная сфера – сознание и ценностные ориентации людей. Любые социальные трансформации, социальные катаклизмы, революции, в том числе и «цветные», подготавливаются незаметными, постепенными изменениями в общественном сознании. Падение Советского Союза было обусловлено утратой веры в идеалы коммунизма, декларируемые идеологемы, не подкрепленные реальностью у значительной части народных масс, интеллигенции, элиты, управленцев и т. д. И не помогли ему устоять ни самая мощная в мире армия, ни самый богатый на планете ресурсо-энергетический потенциал, ни передовые космические технологии. Он проиграл в духе, идеологии, в сознании и поэтому был обречен. В реальности наиболее важные перемены, из которых вытекают обновление стран и народов или их деградация и гибель, совершаются в идеях, понятиях, ценностях. Крупные исторические события являются лишь видимыми следствиями невидимых перемен в мыслях людей.

Основная часть. В нынешних условиях глобальной конкуренции за ресурсы, территории, финансовое могущество главными целями информационных войн являются разрушение духовного самостояния, сознания и самосознания народов, их смысложизненных ценностей, идеалов и ориентиров. Причем наиболее значи-

мым объектом данных войн выступают, прежде всего, ценностно-мировоззренческие установки и ориентации молодежи. Это и понятно. Несоциализированная или плохо социализированная, недостаточно интегрированная в жизнь общества молодежь всегда выступала в качестве «взрывного материала», спускового механизма всякого рода смут, бунтов и революций. Стоит только проанализировать то, что происходит сегодня в странах Большого Ближнего Востока, а также обратиться к событиям на Украине, чтобы понять и оценить все происходящее.

Сегодня не без помощи концентрированного (информационно-смыслового) сверхоружия США как бастион западного мира готовят мировое общественное мнение к ликвидации международного права и к захвату ресурсов ослабленных и отставших в своем развитии государств «мировым сообществом» (т. е., по сути дела, странами Большой Семерки). Этими целями объясняется и широко развернутая ныне практика «экспорта нестабильности» в западные общества и непрекращающиеся попытки создать в современном мире такую ситуацию, которая позволяла бы контролировать ресурсы планеты малыми силами.

Современные глобалистские структуры, созданные олигархическим интернационалом (глобократией) и стремящиеся на практике реализовать идеи «нового мирового порядка», ищут самые уязвимые места и зоны, воздействие на которые способно подорвать устойчивость в развитии народов и государств, выступающих препятствием на пути установления глобальной власти. В решении этой задачи особое значение данные структуры придают сфере образования и СМИ. Практика последних лет однозначно свидетельствует, что страны-лидеры глобализации пытаются посредством различных неправительственных организаций и других, часто недекларируемых структур (скрытых от посторонних глаз), направить процесс реформирования образования в странах СНГ, в частности восточнославянских странах, в желательном для них содержательном и мировоззренческом направлении. В этом отношении особенно показательна ситуация, сложившаяся в Украине. Украина рельефно и зримо продемонстрировала способность социогуманитарного образования воздействовать на реальные социально-политические процессы, хотя и в деструктивном (отрицательном) смысле. В данной стране последовательно и системно в течение длительного времени формировали электорат будущего, для которого исключительно Запад выступал бы ценностным ориентиром. Факты таковы – в Украине действовало 400 фондов с международным статусом, более

350 международных организаций, работающих в гуманитарной сфере, 180 структурных подразделений иностранных «негосударственных» организаций [1]. При этом Дж. Сорос щедро финансировал издание различного рода учебников социогуманитарного профиля. В результате Западу удалось создать на Украине настоящий плацдарм и форпост для реализации своих геополитических устремлений. Была написана новая история, искусственно создана галерея исторических личностей и т. п. И все это было успешно осуществлено. Буквально за короткое время удалось сформировать у целого поколения молодых украинцев абсолютно прозападное, антирусское мировоззрение. Внедрить в их сознание убеждение в том, что в мире нет более страшного врага для Украины, чем Россия и русские. И теперь их трудно остановить. Стремясь реализовать вложенные в их головы идеи и идеалы, они готовы идти до конца, сокрушая все на своем пути. В этом процессе формирования у населения, особенно у молодежи, русофобских настроений исключительную роль сыграла информационная политика и содержание школьных учебников. В последних утверждалось, в частности, что Украина была превращена российским государством в колонию, насильственно и жестко интегрирована им в свой состав и т. п. В данном случае традиционные ценности были утрачены, большей части украинского народа были навязаны псевдоценности под лозунгом прав человека и демократии. В реальности же было все перевернуто: ведь украинцы, на самом деле, были вторым (после русских) государствообразующим народом как во времена Российской империи, так и во времена Советского Союза.

Но могло быть все иначе, если бы Министерства информации, образования и культуры занимали бы другую позицию. Если бы, например, среди населения пропагандировались идеи и взгляды о том, что Украина только в союзе с Россией и Беларусью может стать значимым субъектом мировой политики; что она для Запада – всего лишь объект манипулирования и разменная монета в большой геополитической игре; что она вне традиционного союза трех братских народов рискует превратиться в неоколониальную территорию Запада. Вместе с тем нужно иметь в виду, что Украина, обладающая богатейшими природными ресурсами, высоким интеллектуальным ресурсом, высоким уровнем промышленного и сельскохозяйственного производства, способна стать процветающей страной лишь в сотрудничестве со всеми странами мирового сообщества, сохраняя свою национальную идентичность и самостоятельность. Навязанные же западные ценности, приведшие

к тому, что происходит ныне в этой стране, введут эту страну, несомненно обладающую высочайшими культурными традициями, в состояние хаоса и беспорядка. Космополитический и постмодернистский Запад никогда не будет беспокоиться о сохранении украинским народом его социокультурной идентичности и, тем более, не будет способствовать развитию его национального самосознания; что она как чуждое евроатлантической цивилизации духовно-ментальное и социокультурное образование никогда не достигнет реального равновесия со странами Западной Европы; что в реальности на ее население будет возложена та роль, которую сегодня выполняют представители стран третьего мира – афроазиаты и латиносы; что Украина нужна Западу, во-первых, для того, чтобы ослабить Россию, не дать ей возможности создать свой центр развития и силы и тем самым получить беспрепятственный доступ к ее ресурсам, стать хозяином и распорядителем этих ресурсов, а, во-вторых, она нужна ему для генно-биологической подпитки составившихся западноевропейских этносов, т. е. для приостановки быстронарастающих процессов депопуляции в западном мире и пополнения белым биологически и социально активным населением из Украины своей рабочей силы; что восточнославянские народы, учитывая общность исторических путей их развития, культурно-цивилизационную близость, теснейшие научные и промышленно-технические связи, являются естественными союзниками высшей степени – **если бы все это осуществлялось, то украинское общество наверняка избежало бы той страшной смуты, свидетелями которой мы являемся сегодня.**

Ни одно государство не может нормально развиваться при отсутствии положительной системы ценностей, объединяющих его граждан. Народ, лишенный своих ценностей превращается в неорганизованную толпу. Народ способен перенести всевозможные испытания, всякий натиск враждебной ему идеологии при условии, если ему присуща устойчивая идентичность, вера в свое призвание в мире, если он осознает принадлежность к своему народу и обладает высокой степенью патриотизма. И, напротив, даже в условиях относительного материального благополучия народ деградирует, если поражен его центральный нерв – сознание своей идентичности и вера в свою страну. Это обстоятельство чрезвычайно актуализирует вопрос о социогуманитарном знании и образовании как факторах национальной государственной безопасности. Отсюда также встает задача колоссальной важности – сформировать у населения, прежде всего молодежи, как

самой активной части общества, своего рода иммунитет к различным деструктивным информационным воздействиям, а точнее было бы сказать, как сформировать у нее элементарное патриотическое сознание, веру в свою страну, ее будущее. Это самое главное, ибо без опоры на эти, казалось бы широко известные, ценности все рассыплется, все разрушится.

Следует подчеркнуть, что практически все постсоветские общества и государства не готовы к противодействию новейшему концентрированному информационно-смысловому сверхоружию – недостает соответствующих обществоведческих разработок. Вся проблема в том, что, проникнутое эконоцентризмом, современное обществоведение, господствующее ныне в постсоветских странах, неспособно дать ответ на эти вызовы времени. Гуманитарным технологиям, с помощью которых дестабилизируются и разрушаются многие современные общества, могут противостоять только гуманитарные технологии, но более высокого уровня. Народам мира, если они хотят сохранить себя в истории, необходимо формировать новое знание, способное конкурировать с западными гуманитарными технологиями, по-новому переосмыслить роль духовной сферы в жизни общества, проникнуть в сложную мозаику общественного сознания, духовных устремлений современного человека. Поэтому

модернизация социогуманитарного цикла наук – императив для всех постсоветских государств, прежде всего восточнославянских стран, поскольку их дестабилизация – главная задача современного глобального управляющего класса.

Заключение. Только те политики, которые в качестве своей приоритетной задачи будут усматривать формирование патриотического сознания, постоянно заботиться о состоянии духа народа, прививать ему уважение к своим национальным и цивилизационно-историческим традициям, внедрять в массовое сознание объединяющие идеалы и высокие духовные смыслы, смогут оставить после себя прочное наследство, которое ни при каких социальных потрясениях и смутах не будет, подобно пыли, развеяно ветрами истории и заслужат добрую память потомков. Те же политики, которые будут исходить исключительно из позиций технократизма, эконоцентризма и вульгарного материализма, неизбежно потерпят фиаско на большой шкале исторического времени, и имя их будет забыто потомками. Ибо в конечном счете никакое успешное развитие экономики и материально-производственной сферы не может быть постоянным и устойчивым без соответствующей духовной основы, без глубинной нравственной мотивации и ценностно-мировоззренческих устремлений.

Литература

1. Фатуллаев Э. Всеобщий Майдан приходит из Америки // Литературная газета. 2014. № 18(6461).

References

1. Fatullaev Je. The total Maidan comes from the USA. *Literaturnaja gazeta* [The literature newspaper], 2014, no 18 (6461) (In Russian).

Информация об авторах

Водопьянов Павел Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и права, член-корреспондент Национальной академии наук. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: pva1940@bk.ru

Кирвель Чеслав Станиславович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (230023, г. Гродно, ул. Ожешко 23, Республика Беларусь). E-mail: gfilosof(a)mail.ru

Information about the authors

Vodopyanov Pavel Aleksandrovich – D. Sc. Philosophy, professor of the Philosophy and Law Department, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: pva1940@bk.ru

Kirvel Cheslav Stanislavovich – D. Sc. Philosophy, professor, Head of Philosophy Department. Grodno State University named after Yanka Kupala (23, Ozheshko str., 230023, Grodno, Republic of Belarus). E-mail: gfilosof(a)mail.ru

Поступила 16.03.2015

УДК 140.8

В. П. Шалаев

Поволжский государственный технологический университет

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ВЫЗОВ КУЛЬТУРНОЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАН И НАРОДОВ В XXI ВЕКЕ

Исследован феномен глобализации и ее влияние на культурное и цивилизационное развитие стран и народов в XXI веке. Процессы глобализации соотнесены автором с процессами масштабной западофикации мира. Под западофикацией автор понимает такое влияние запада на развитие незападного мира стран и народов, при котором вся их внутренняя и внешняя, духовная и материальная жизнь подчиняется западным ценностям, целям и формам общественной организации жизни человека и общества.

Автор характеризует процесс западофикации как процесс унификации, разрушения и подчинения западных стран и народов западным образцам, уничтожающим культурную цивилизационную идентичность и разнообразие стран и народов мира. По мнению автора, культурные формы западофикации, прежде всего в области духовной культуры, такие как ценности потребления, рационального прагматизма, приверженность карьере, устремленность к успеху, деньгам и материальному богатству, посредством массового кинематографа, образования, СМИ, ИНТЕРНЕТ, шоу-бизнеса и т. д., трансформируют, аккумулируют и фокусируют культурную и цивилизационную энергию стран и народов мира на достижение сугубо западных целей и ценностей.

Автор убежден, что западофикация как культурная аннигиляция мира, выполняет заказ по превращению участников западофицированного глобализационного процесса в инструмент по реализации глубинных целей западного капитала и бизнеса. Ведь борьба за сознание и поведение миллионов людей – это, прежде всего, борьба за новую лояльную рабочую силу и новые лояльные рынки сбыта массовой продукции и услуг.

Ключевые слова: глобализация, западофикация, культурная и цивилизационная безопасность, общественное развитие.

V. P. Shalaev

Volga State University of Technology

GLOBALIZATION AS A CHALLENGE CULTURAL AND CIVILIZATION SECURITY OF THE COUNTRY AND THE NATION IN XXI CENTURY

The phenomenon of globalization and its impact on the cultural and civilization development of the countries and nations in the XXI century. The processes of globalization are related to the processes of westernification of the world. Under westernification author understands an impact on the development of the west on the non-western world when all their internal and external, spiritual and material life is subject to western values, objectives and forms of social organization of human life and society.

The author describes the process of westernification as the process of unification, not destruction and subjugation of western countries and the peoples of western models that destroy the cultural identity and diversity of countries and people of the world. According to the author, cultural forms of the westernification, especially in the field of spiritual culture, such as the value of consumption, rational pragmatism, commitment to career aspiration to success, money and material wealth through mass cinema, education, media, internet, show business and etc. transform, accumulate and focus the cultural and civilization power of countries and people of the world to achieve a purely western goals and values.

The author is convinced that westernification as a cultural annihilation of the world fulfills the order to transform people into a tool for the implementation of the underlying goals of the western capital and the business. After all, the struggle for consciousness and behavior of millions of people it is primarily a struggle for a new loyal workforce and new media loyal markets products and services.

Key words: globalization, westernification, cultural and civilization security, social development.

Введение. Современная форма глобализации, как мы ее понимаем, с течением времени во все большей степени превращается в процесс

масштабной западофикации мира. Сама же западофикация предстает в качестве действенного оружия глобализационной экспансии в мире.

Под западофикацией мы понимаем такой процесс развития стран и народов мира, когда вся их внутренняя и внешняя, духовная и материальная жизнь начинает подчиняться западным ценностям, целям и формам организации жизни человека и общества. При этом, объединяя страны и народы, внешним образом западофикация, несомненно, унифицирует их индивидуальную и общественную природу, а тем самым деформирует и разрушает культурную и цивилизационную идентичность и разнообразие мира. Особенно сильна западофикация в области духовно-культурной перестройки мира и проявляется в насаждаемых ценностях потребления, рационального прагматизма, устремленности к карьере, успеху, деньгам и материальному богатству. Западофикация посредством массового кинематографа, образования, СМИ, телевидения, Интернет, шоу-бизнеса и т. д., трансформирует, аккумулирует и фокусирует культурную и цивилизационную энергию стран и народов мира на достижение сугубо западных целей и ценностей. В этом смысле западофикация – это, прежде всего, мягкие технологии управления сознанием и поведением десятков и сотен миллионов людей на планете в направлении западных цивилизационных и культурных ценностей и форм общественной жизни [см. 1, 2, 3, 4].

При этом, несомненно, западофикация, как культурная аннигиляция мира и его ресурсов, выполняет заказ по превращению участников глобализационного процесса в инструмент по реализации навязываемых им извне моделей индивидуальной и общественной жизни, исходящих от западной цивилизации и культуры, но прежде всего от стоящего за ними западного капитала и бизнеса. Ведь борьба за сознание и поведение миллионов людей – это, прежде всего, борьба за новую лояльную рабочую силу, доступные дешевые природные ресурсы и лояльные, управляемые извне рынки сбыта производимой под контролем западного капитала и бизнеса продукции и услуг. Тем самым это борьба за большую и сверхбольшую прибыль [1, 3].

Основная часть. Процесс западофицированной глобализации, несомненно, самый значительный из феноменов общественной истории, сродни великим культурно-цивилизационным завоеваниям прошлого. Несомненно, попытки глобализации мира предпринимались в истории человечества не однажды, в том числе и в истории самого запада (достаточно вспомнить имперские опыты древнегреческого и древнеримского миров), да и исторический опыт СССР также соответствует понятию советского варианта глобализации. Но только сейчас объединенный победившим капитализмом и новы-

ми технологиями западный мир оказался способен инициировать новую волну мирового обобществления. Огромное общественное значение западофицированной глобализации, несомненно, заключается в той великой роли, которую она играет как фактор цивилизационно-культурных трансформаций и интеграции мира. Западная форма глобализации стала своеобразной всепроникающей культурно-цивилизационной опалубкой (решеткой), вокруг которой интегрируется мир, интенсифицируя культурные и цивилизационные связи внутри себя.

Тем самым глобализация проявляет себя как минимум двоякий феномен. С одной стороны, она может характеризоваться строительством мировой сверхсложной цивилизационной и культурной системы, цели, масштаб и ресурсы создания которой не имели еще аналога в общечеловеческой истории. Но, с другой стороны, это становление глобальной общественной системы мира основывается на платформе западных культурных и цивилизационных ценностей и моделей. Построение на узкой западной платформе общечеловеческого дома неизбежно столкнулось со сложностью и многообразием цивилизаций и культур, которую (эту сложность) она (западофицированная глобализация) зачастую унифицирует, примитивизирует и разрушает, подгоняя под свои стандарты. Овладение этой сложностью и многообразием западофицированная глобализация начала уже довольно давно, с момента становления капитализма на западе. Но сегодня этот процесс просто вышел на качественно другой уровень, неизбежно и неизменно порождая защитные реакции различных культур и цивилизаций, рост культурной и цивилизационной напряженности и столкновений в мире. На наших глазах нарастает новая волна разбалансированности мира, причиной которой стала рациональная форма неограниченной капитализации мира, ориентированной на экономический интерес большого и сверхбольшого (планетарного) бизнеса и политики [1, 2, 3, 5].

Прибыль, как тайный кардинал, стала главным побудительным мотивом создания нового глобального западофицированного экономического порядка, в котором все прочие сферы общественной жизни – мораль, наука, культура, образование, искусство – утратили свою презумпцию невиновности. Более того, испытав на себе мощное влияние экономического заказчика, духовно-культурная сфера жизни народов мира активно трансформируется в западофицированные формы масскультуры и шоу-бизнеса, ставших важными факторами становления мирового общества потребления, являющегося усло-

вием мирового общества массового производства. Так, незаметно наступила эпоха экономической глобализации, подмявшей под себя и купировавшей саму возможность реализации того многообразного потенциала развития стран и народов в других, незападных и непотребительских формах, что имелся в зародыше с самого начала как идеальный проект глобализации мира, как проект его культурного и цивилизационного обогащения, но не единообразия и унификации. Становится все более ясно, что идея нового глобального порядка – это, прежде всего, идея нового экономического порядка, инициированного центрами мирового капитала и бизнеса, в первую очередь в их западной форме и в интересах западных же стран [1, 2, 3, 5]. И это эмпирический факт.

Несомненно, западофицированная форма глобализации привела мировое сообщество к ситуации открытости друг другу самых различных по форме и уровню развития культур и цивилизаций. По причине своей внутренней неоднородности вновь образованная система оказалась чрезвычайно некомплементарна, неорганична и противоречива. Эту противоречивость и некомплементарность запад снимает в форме унификации и разрушения многообразного мира на западофицированной платформе ценностей, то есть не внутренним, а внешним образом. Всем этим современное мировое сообщество может быть в полной мере названо искусственной системой, превращенной формой капитала (по К. Марксу), ведь экономический интерес здесь генеральный заказчик, и его цель не развитие культур, а развитие производства и создание новых рынков сбыта, как условия прибыли. Оригинальные культуры, страны, народы, природа и сам человек – все здесь рассматривается в качестве ресурсов этого процесса по получению прибыли. Но в то же время это также процесс культурной и цивилизационной превращенной формы запада по отношению к потребляемому им незападному миру. И если это свобода глобализации, то это, скорее всего, свобода культурного и цивилизационного завоевания, разрушения и потребления западным обществом культурных и цивилизационных миров незападного мира. На создаваемом духовном пустыре каток западофикации демонстрирует свою приверженность ценностям и интересам именно западных стран и народов мира. Включая в свою вотчину незападные страны, он унифицирует, подстраивает, подлаживает эти прочие страны и народы под свои материальные и духовные нужды, включая их в свою глобальную цивилизационную империю в качестве ресурсов (весьма практично и прагма-

тично) ее развития. На наших глазах создается экономическая и политическая пирамида мира, верхние этажи которой заняты западными странами, их цивилизацией и их культурой. Созданная западофицированной формой глобализации система экономической, культурной стратификации позволила не только закрепить, но и увеличить имевшийся после второй мировой войны отрыв запада от незападного мира. Цивилизационный и культурный статус запада в мире, с тех пор, несомненно, вырос.

Все это не могло не породить в мире глобализации антиглобалистский тренд, весьма разнородный в своих протестах (от борьбы за культурно-цивилизационную идентичность до борьбы против бездуховности, разобщенности людей, порождаемых глобализацией). Западная масскультура экономически ориентированной цивилизации за последние несколько десятилетий проделала немалую работу по стиранию национальной и культурной самобытности и идентичности стран и народов мира. Проявившие себя противоречивые процессы не могли не проявить себя в дальнейшем в виде нарастающего столкновения цивилизаций и культур. Это столкновение идет и в экономической форме (борьба за ресурсы планеты, за ее природный и человеческий потенциал) и в форме борьбы за сохранение самобытных, сформировавшихся столетиями и тысячелетиями культурных и цивилизационных миров [1, 2, 3, 5].

Включена в эти процессы сегодня и Россия, которая вместе со всеми другими странами бывшего СССР, после его распада, слишком романтично открылась западным ветрам в своей экономической и политической жизни. При этом сегодня мы уже отдаем себе отчет в том, что многие из тех проблем, которые возникли в России и странах постсоветского пространства, в последующий период, связаны с пониженной культурно-цивилизационной самоорганизацией, отсутствием у них внутреннего социокультурного иммунитета против тех негативных внешних влияний, с которыми они столкнулись в этот период. Многие из этих влияний несут на себе печать социальных болезней, порожденных той формой экономической глобализации, в которую Запад, наряду с другими странами и народами, втянул Россию и другие постсоветские страны и народы. Среди этих болезней, несомненно, рост бездуховности и потребительства.

Разница в уровнях экономического развития и политического влияния в мире глобализации привела народы к жесткой иерархической системе отношений в мире. Эту иерархичность мы можем наблюдать как в виде природной,

так и социальной стратификации мирового сообщества. Присваиваемый западными странами высокий социально-экономический статус продолжает неуклонно расти, непосредственным образом вытекая из имеющейся диспозиции управления производством, культурными процессами и финансового господства в мире. Все это, несомненно, продолжит стимулировать высокий уровень вероятности борьбы стран и народов мира за передел своих социальных статусов, стимулируя их интерес к проблеме национальной безопасности, в однополярном мире нарастающей западофикации. В принципе процесс этот как «Ansturm auf Welt» («натиск на мир», с немецкого), или процесс западофицированной капитализации мира, никогда и не прекращался, непрерывно нуждаясь во все новом сырье и рынках сбыта. Но сегодня технологии капитализации мира стали более изощренными, не такими жестокими и прямолинейными, как это было на самой заре западного капитализма. Появились более мягкие и не менее, если не более, успешные технологии управления миром – технологии управления сознанием (идеологии демократии, либерализма, политкорректности и т. д.). Это оружие и есть та мягкая западофикация, последствиями которой стали глубинная унификация и маргинализация целых материков. В авангарде этих процессов массовая потребительская культура – примитивный, но действенный эрзац-заменитель разрушаемых традиционных народных культур, в том числе культур религиозных, в своей сущности традиционно моральных. Здесь весьма к месту ана-

логия с синергетическим образом управляемого социального хаоса, возникающего на руинах традиционных мировоззрений и культур, подобно тому, как это произошло в современной Украине [1, 3, 4].

Заключение. Важно, что на этом пути неизбежные утраты несет и сам запад, культурный мир которого ускоренно разрушается, утрачивая свои традиционные институты (семья, религия, мораль, прежде всего) и связанные с ними моральные ценности [6, 7]. Этот западный мир все более внутренне социально диффузен, маргинализован и примитивизируется, теряя историческую связь поколений, настолько, что даже христианская церковь и папский престол перестают быть моральными, становясь во все большей степени элементами масскультурного потребления. Такое общество уничтожает собственные живительные соки воспроизводства и развития, неминуемо идет к разрыву положительных социальных связей, диффузии социальности в целом. Всем этим мир поистине попадает на распутье истории. Что дальше? В сложившейся ситуации, чрезвычайную роль будет играть способность стран и народов к самоорганизации, то есть способность противостоять разрушающим последствиям западофикации, увлекающей за собой мир как целое. Самоорганизация как способность к воспроизводству, сохранению и развитию – таков, по нашему мнению, диагноз будущего, в основе которого сущностное культурное и цивилизационное многообразие мира, опирающееся на принцип безопасности наций [1, 2, 3].

Литература

1. Шалаев В. П. Актуальная синергетика: человек и общество в эпоху глобальных трансформаций: монография. Йошкар-Ола: ПГТУ. 2013. 184с.
2. Шалаев, В. П. Мировоззрение как фактор национальной безопасности в условиях западофикации глобального мира // Регионология. 2008. № 3. С. 272–278.
3. Шалаев В. П. Мировоззренческо-образовательная западофикация как угроза инновационной безопасности и инновационному развитию России в глобальном мире (философские заметки) // Проблемы социогуманитарного обеспечения инновационных процессов на евразийском пространстве / под ред. В. Е. Лепского. М.: «Когито-Центр», 2014. 201 с. С. 132–144.
4. Шалаев В. П. Синергетическая практика в общественной теории и управления конфликтогенной реальностью // Конфликтология. 2012. № 1. С. 34–53.
5. Шалаев В. П. Система «Человек – Человек»: новые вызовы и старые проблемы (несколько тезисов о человеческой сущности): синергетический подход // Труды БГТУ. 2014. № 5 (169). История, философия, филология. С. 73–78.
6. Шалаева С. Л. Мир взрослых и мир детства перед вызовами глобального общества // Регионология. 2009. № 2. С. 258–263.
7. Шалаева С. Л. Субкультура детства и межпоколенные отношения: глобализационное изменение // Труды БГТУ. 2012. № 5 (148). История, философия, филология. С. 108–110.

References

1. Shalaev V. P. *Aktual'naja sinergetika: chelovek i obshchestvo v jepohu global'nyh transformacij: monografiya* [Current synergy: man and society in the era of global transformation]. Yoshkar-Ola, PGU Publ., 2013. 184 p.

2. Shalaeв, V. P. World view as a factor of national security in a global world westernification. *Regionologija. Nauchno-publicisticheskiy zhurnal* [Regionology. Scientific magazine], 2008, no. 3, pp. 272–278 (In Russian).

3. Shalaeв V. P. [World view and educational westernification as a threat to innovation security and the innovative development of Russia in the global world (philosophical note)]. *Problemy sociogumanitarnogo obespechenija innovacionnyh processov na evrazijskom prostranstve* [Problems of social and humanitarian support for innovative processes in Eurasia]. Pod red. V. E. Lepskogo. Moscow, «Kogito-Centr» Publ., 2014, pp. 132–144.

4. Shalaeв V. P. Synergistic practices in public management of conflict reality. *Konfliktologija* [Conflictology], 2012, no. 1, pp. 34–53 (In Russian).

5. Shalaeв V. P. The system “Man – Man”: new challenges and old problems (several theses on the human entity) synergetic approach. *Trudy BGTU. Istorija, filosofija, filologija* [Proceedings of BSTU. History, philosophy, philology], 2014, no. 5, pp. 73–78 (In Russian).

6. Shalaeва S. L. The adult world and the world of childhood to the challenges of a global society. *Regionologija* [Regionology], 2009, no. 2, pp. 258–263 (In Russian).

7. Shalaeва S. L. Subculture of childhood and intergenerational relations: globalization dimension. *Trudy BGTU* [Proceedings of BSTU. History, philosophy, philology], 2012, no. 5, pp. 108–110 (In Russian).

Информация об авторе

Шалаев Владимир Павлович – доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных технологий. Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола, Россия (24000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3). E-mail: Shalaeвvp@volgatech.net.

Information about the author

Shalaeв Vladimir Pavlovich – D. Sc. Philosophy, professor, Dean of the Faculty of Social Technologies. Volga State University of Technology (3, Lenin's square, 424000, Ioshkar Ola, Russia). E-mail: shalaeвvp@volgatech.net.

Поступила 16.03.2015

УДК 101.1:141.7

П. М. Бурак

Белорусский государственный технологический университет

**КОЭВОЛЮЦИОННАЯ ПАРАДИГМА
КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ АНАЛИЗА ТЕНДЕНЦИЙ
ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА**

В статье отмечается, что проблема выявления механизмов коэволюции и практического применения соответствующих знаний приобретает особую остроту в связи со значительным возрастанием глобальной нестабильности, рисков в жизни мирового сообщества и в социоприродных отношениях. В качестве правил парадигмы коэволюционный подход еще формируется. Исходными методологическими идеями для формирования основных концептуальных положений коэволюции в исследовании сопряженных тенденций развития природы и общества могут быть следующие принципиальные установки. Область устойчивости жизни (согласно В. И. Вернадскому), ее развития шире существующих границ биосферы. Поэтому коэволюция «выходит» за пределы биосферы, создает и, одновременно, устраняет неопределенность, вызывает, ограничивает и канализирует риски, формируя упорядоченные структуры организации систем различной природы. Принципиально важной для понимания природы и функций коэволюции является идея о появлении, историческом развитии жизни, ее биосферной организации как результата, процесса и условия продолжения универсальной эволюции, а также о проявлении трансформации внешних, космопланетарных тенденций самоорганизации во внутренних селективных процессах самоизменения биосферы и порождения ею социально-организованного «живого вещества», ноосферы. Обосновывается положение о противоречивом, разноуровневом характере коэволюции. Коэволюция вызывает определенный риск. Соответственно, коэволюционный подход должен быть направлен на изучение позитивных и негативных тенденций постиндустриального развития общества в их единстве.

Ключевые слова: коэволюция, парадигма, эволюция, ноосфера, противоречивость, хаос.

P. M. Burak

Belarusian State Technological University

**COEVOLUTIONARY PARADIGM AS A METHODOLOGICAL BASIS
OF ANALYSIS OF POST-INDUSTRIAL DEVELOPMENT SOCIETY TRENDS**

The article notes that the problem of identifying the mechanisms of co-evolution and practical application of relevant knowledge is particularly acute due to the significant increase in global instability, risks in the life of the world community and socio-natural relations. The coevolutionary paradigm rules are still evolving. The basic methodological ideas for the formation of the basic conceptual positions of co-evolution in the study of conjugate trends in the development of nature and society can be the following basic prescription. The domain of the life evolution and stability (according to V. Vernadsky), spreads wider the existing boundaries of the biosphere. Therefore, co-evolution “goes out” beyond the biosphere, creates and, at the same time, eliminates the uncertainty causes, it limits and channelizes risks forming ordered structures of organization systems of different nature.

Fundamentally important for understanding the nature and functions of co-evolution is the idea of the appearance, the historical development of life, and being biosphere as a result of the organization, process and conditions for extension of universal evolution, as well as the manifestation of the transformation of external universal trends in internal self-selective process of self-transformation of the biosphere and causing her socialorganized "living matter", the noosphere. Position about the controversial, multi-level nature of the co-evolution. Coevolution can organize connections and relationships, to harmonize the joint development of systems, provided that it also creates a "building material" - chaos as another procedure. Co-evolution is a certain risk. Accordingly, the co-evolutionary approach should be directed to the study of positive and negative trends in the development of post-industrial society in their complementarity and continuity as a manifestation of the principle of ontological integrity of qualitative changes. Offers a number of paradigmatic ideas about the mechanisms and functions of co-evolution.

Key words: co-evolution, paradigm, evolution, noosphere, inconsistency and chaos.

Введение. Проблема выявления механизмов коэволюции и практического применения соответствующих знаний приобретает особую

остроту в связи со значительным возрастанием глобальной нестабильности, рисков в жизни мирового сообщества, обусловленных характером

внутри социального взаимодействия субъектов современной истории и социоприродных отношений.

В форме четко обозначенных правил парадигмы коэволюционный подход, как систематизированное выражение механизмов коэволюции, пока еще формируется. Предлагается ряд идей о механизмах коэволюции, которые могут быть «строительным материалом» в разработке соответствующей парадигмы. 1. Коэволюция – атрибутивное свойство внутренней и внешней неравновесности, противоречивости и изменчивости взаимодействующих объектов и систем. 2. Коэволюция – составная часть онтологического принципа сохранения целостности процесса развития в единстве упорядочения и разупорядочения, прогресса и регресса, созидания и разрушения. Соответственно, коэволюционный подход должен быть направлен на изучение позитивных и негативных тенденций постиндустриального развития общества в их взаимодополнении и неразрывности как выражения онтологического принципа целостности качественных изменений. 3. Коэволюция – онтологический механизм воспроизводства и сохранения системной организации объектов живой и социальной природы в противоречивом единстве их целостности и автономности частей. 4. Коэволюция есть закономерный процесс опосредования и связи противоположных тенденций развития, средство их воспроизводства как источника изменений. Механизмами коэволюционного опосредования являются: взаимное отражение, генетический наследственный аппарат, онтогенетический опыт, функциональные системы, сознание, разум. 5. Разум человека, имеющий коэволюционное происхождение и являющийся средством коэволюционного опосредования противоречивых, сопряженных тенденций развития в обществе, выступает инструментом связи его противоположных направлений, аккумулирует их свойства и поэтому противоречив по своей природе и практическому действию.

Основная часть. В качестве основного исходного принципа анализа различных по природе явлений коэволюции автором статьи принят принцип неоднозначности, многомерности, противоречивости социальных и социоприродных механизмов развития. В этой связи содержание тенденций и направленность коэволюционного взаимодействия в организации социальных, природных систем и в их взаимных изменениях рассматриваются с позиций структурно-функционального разнообразия внутри- и межсистемных связей, обуславливающих вариативность условий, путей протекания и результатов коэволюции. Коэволюционный про-

цесс не ведет к установлению сугубо однозначных (одновариантных), жестких связей и окончательно завершенной гармонии в биологических и социальных системах, а также в их отношениях.

Коэволюция «знает» тупики и зоны прерывания взаимной адаптации совместно развивающихся систем. Коэволюция обуславливает риски взаимного истощения ресурсов развития нерасторжимо воспроизводимых открытых систем и возможности их деградации. Вероятно, в природе и обществе существует некий стихийно действующий селективный процесс своеобразного сохранения тех вариантов коэволюции, которые обуславливают воспроизводство возможностей (полиmodalность коэволюции) разнопланового внутри- и межсистемного взаимодействия. В процессе подобного взаимодействия формируется многомерная природа объектов, происходит усложнение их организации, растет потенциал и расширяется пространство возможных связей «участников» совместного воспроизводства, сохранения и развития. Увеличение диапазона возможных направлений коэволюции означает, вместе с тем, увеличение разнообразия противоречий взаимодействующих систем, являющихся одновременно источником развития и причиной роста возможных рисков. Все это выражается в наблюдаемых исторических тенденциях усложнения биологической и социальной организации, роста динамических характеристик систем такого рода, их пространственной экспансии и качественного изменения селективных способностей в отборе поведенческих вариантов адаптации и изменения среды жизнедеятельности в сопряжении с процессами системных самоизменений. Даже на уровне совместного воспроизводства самых высокоразвитых биологических и социальных систем процессы коэволюции не устраняют противоречия и риски, не исключают тупиковые или ограниченные формы взаимозависимого развития. Механизмы коэволюции функционируют и развиваются, порождая противоречия и риски, формируя новые возможные варианты сообразного воспроизводства, развития и сохранения организации биологической и социальной реальности во внутрисистемных и межсистемных аспектах. Степень развития способности самосохранения биологических и, в особенности, социальных систем зависит от соотношения прежде сформированных направлений и способов осуществления коэволюции и новых ее тенденций, основанием которых являются вновь складывающиеся противоречия и условия существования в природе и обществе. Стремление осуществлять целерациональную деятельность в обществе и в связях с природой на основе сохраняющихся прежних структур

и соответствующих им способов коэволюционного взаимодействия приводит к социальному и социально-экологическому кризисам, что можно наблюдать в постиндустриальном обществе. Коэволюционные процессы в обществе и его взаимодействии с природой необходимо регулировать, чтобы не оказаться в подчинении их стихийного проявления, что приводит к утере управляемости социальными и социоприродными изменениями. Симптомы подобной тенденции достаточно отчетливо проявляют себя в современном мире. Глобальные экологические проблемы кардинально не решаются, общество в значительной степени оказывается во власти неадекватных и устаревших представлений о методах и ценностях построения системы международных отношений.

Основной идеологической установкой, формирующей сознание миллиардов людей, является непрерывный рост благосостояния за счет увеличивающегося использования природных ресурсов, невзирая на то, что культура, в ее широком понимании, основанная на идее потребления, как решающего блага, оставляет после себя «глобальную пустыню» как в природе, так и в духовной жизни человека. В этом смысле постиндустриальное общество, продолжающее культивировать идеалы и ценности потребления, только усугубляет антропологический и экологический кризисы. Но это также означает, что цивилизация, исповедующая идеалы и ценности такого рода, использует устаревшие способы осуществления взаимозависимого развития внутрисоциальных структур и регуляции социоприродных отношений, что и превращает подобную коэволюцию в источник новых рисков, вызовов и опасностей. Формы и способы регулирования социальной и социоприродной коэволюции, само ее содержание обуславливаются современными закономерностями развития общества, цивилизации в целом, ее отношением к природе, соответствующими глобальными противоречиями, определяющими возможности будущего стабильного состояния человечества. Именно соответствующее, опережающее, стратегическое знание должно быть положено в основу регулируемой коэволюции. Коэволюция есть важнейший механизм становления, функционирования и развития социальных и социоприродных противоречий. Для того чтобы осуществлять коэволюционное регулирование связей общества и природы, необходима система адекватного научного и философского знания. Это, по оценкам многих авторитетных специалистов, главный вопрос самосохранения цивилизации.

Коэволюция не является однозначным средством, обуславливающим установление социо-

природной и внутрисоциальной гармонии. Она не только «согласовывает» развитие различных структур, но и «стимулирует» формирование особого порядка собственного воспроизводства – определенной автономизации и хаотизации ряда структур для их последующей более устойчивой комбинации.

Надежды на строительство более безопасной и устойчивой системы миропорядка могут иметь реальный диапазон продуктивного осуществления при целенаправленном создании совокупности необходимых для этого условий всеми заинтересованными в единой и неделимой стабильности субъектами современной мировой истории. Согласно существующим представлениям, первостепенным по важности условием достижения глобальной стабильности в мире является наличие желания и воли продуктивно совместно действовать адекватным образом. Вместе с тем анализ практики обеспечения стабильности в мире стараниями ведущих в мировой политике акторов, зачастую приводящей к «репликации» и даже трансгрессии нестабильности, ставит вопрос о продуктивности социокультурных, духовных и организационных оснований воли к миру. По факту получается, что практический запуск сконструированных сугубо избирательным путем механизмов разрешения противоречий, обуславливающих нестабильность, ведет не к ее «укрощению», а напротив – к возникновению новых противоречий, новых механизмов спонтанного развития в обществе и новых рисков. Подобных примеров в международных отношениях за последние годы накопилось немало. Соответственно нужно отвечать на вопрос: почему происходят подобного рода развороты от якобы явного стремления обеспечить стабильность к ситуации, характеризуемой выражением – «получилось как всегда»? На наш взгляд, основные причины обостряющейся нестабильности в современном обществе органически связаны с глобальной дестабилизацией природной среды его жизни и своими корнями уходят в духовно-материальные, культурные, ценностные основания современного социума. Они являются отправным пунктом понимания и методологии решения проблем глобализирующегося мира наиболее влиятельными субъектами, проектирующими конфигурацию устройства миропорядка. Такое положение, когда определяющие миропорядок иницируют и формирование беспорядка, с позиций синергетики не является отступлением от общих закономерностей спонтанной самоорганизации.

Проблема заключается в более конкретных механизмах социальной селекции факторов, ведущих к стабильной самоорганизации

в соотношении с отбором факторов, действие которых разрушает сам принцип достижения системной стабильности и вызывает синергичные репликационные процессы продуцирования нестабильности по секторальному диапазону и уровням социальных систем. Внешне последний процесс может казаться необходимым устранением старых порядков, которые консервируют себя и не допускают возникновения новой, более продуктивной и перспективной организации, оцениваемой как благо. Конечно, варианты, в этом отношении, могут быть различными. Однако, учитывая общий рост нестабильности в современном мире, невозможно избавиться от мысли, что методология решения жизненно важных проблем сохранения стабильности обуславливает обострение отношений в глобальном измерении.

Происходящее постоянно повторяется в различных формах на протяжении последних нескольких десятилетий. Поэтому вполне закономерным выглядит заключение о том, что методология разрешения глобально-региональных противоречий, ведущая к росту нестабильности, обуславливающая ее перманентность, выражающая доминирующие взгляды и убеждения о якобы подлинных основаниях стабильности, является неадекватной ситуации. Эта методология выражает кризисный характер социокультурных оснований (системный антропологический кризис) и поэтому является фактором увода общества в прошлое, его перезагрузки субъективными «дизайнерскими» решениями и лишением подлинной перспективы стабильности, приемлемого единства на основании перспективных потребностей и целей.

Гносеологическая и методологическая части решения проблемы формирования устойчивой социальной и социоприродной стабильности связаны с формированием новых ценностных ориентаций, мировоззрения и системы знания о преодолении антропологического кризиса современной цивилизации, ее потребительской ориентации с учетом аналогичного опыта постиндустриальных тенденций глобальных изменений.

В ситуации нерешаемости глобальных проблем современности, включая и глобальные экологические проблемы, антропоцентризм, лежащий в основе глобального антропологического кризиса, в значительной степени утратил позитивный смысл ориентации на рост благосостояния за счет разрушения биосферы и становится все более агрессивным. В настоящее время те закономерности социального прогресса, которые обуславливались стратегией консолидации и стабильности сосуществования в обществе благодаря объединяющему духу антропо-

центризма, в контексте ставших явными природных ограничений человеческой власти, использования ее ресурсов и их переделывания в блага одного из видов живых существ – Homo sapiens, все более очевидно перестают быть единственно определяющим фактором стабильной жизни общества. Основным направлением выживания и стабильного развития общества является не просто совершенствование способности переделывания объектов природы для потребностей, жизни человека. Напротив, совершенствование креативных способностей человека, развитие его интеллекта, социальный прогресс все более очевидно связываются с удовлетворением более фундаментальной потребности – потребности в сохранении природных условий его собственного сохранения – биосферы, частью которой является сам человек. Иными словами, человек должен отдавать долги, возвращать кредит природе за использование ее ресурсов для обеспечения собственного блага. Целостность природы, сохранение воспроизводящих механизмов биосферы становятся первостепенным благом, необходимой заботой, обязательным вкладом человечества в свое будущее. Старый, ориентированный на противоположные цели антропоцентризм не может смириться со своей исторической ограниченностью. Дух и идеология антропоцентризма не только возвысили человека над природой и «присвоили» ему статус безраздельного владельца природных ресурсов, но и сформировали наиболее адаптированных в осуществлении этих же качеств людей в качестве суперпозиционеров, определяющих характер и направленность социальных отношений, суперпозиционные роли в экономическом, политическом, организационном и других отношениях.

Теперь общество должно быть адаптировано для решения первостепенной задачи – поделить накопленными им ресурсами с биосферой в целях ее сохранения. Оконтурим возникшую проблему более масштабной и емкой по содержанию формулировкой. Эта проблема вызывает больше всего споров, разного рода попыток выстроить сценарии будущего, часть из которых вполне может быть охарактеризована как стремление сохранить суперпозиции ряда социальных слоев на основе культурной матрицы преимуществ антропоцентризма.

Одной из основополагающих онтологических причин антропоцентризма, как ценностного приоритета и практики отношений общества к природе, явилась естественная природная коэволюция. На протяжении истории становления человека (в качестве органической части биосферы) она осуществлялась и осуществляется посредством повторяющихся в различных

формах разрушительных, летальных, для многих представителей человеческих популяций, природных стихий, порождающих чувства незащищенности и страха перед губительными силами природы, осознание хрупкости человеческого существования в единоборстве с природным окружением.

Чувства угнетенности и страха человека перед естественной коэволюцией, подчиненности ее слепому действию оказались до такой степени приглушенными в среде цивилизации и растущего искусственного производства средств жизни, что у значительной части населения (особенно в развитых странах) эти переживания, опасения остаются разве что в виде архетипа врожденного бессознательного. Социальная организация жизни защищает людей от прямой необходимости участия в спонтанной природной коэволюции как живых существ, сохранение которых зависит от стихийно действующих селективных тенденций данной коэволюции. Вместе с тем архетип врожденного бессознательного страха перед естественно-природной коэволюцией, казалось бы «исчезший» навсегда, вновь пробуждается и актуализируется, воздействуя на поведение и психику значительной части человечества. Пробуждающийся архетип, вызывающий неясные и тревожные ожидания, обнаруживает свой исторический характер в виде новых страхов – страхов перед техногенными и социальными (гуманитарными) катастрофами, природными бедствиями, вызванными масштабной хозяйственной деятельностью человека, должной служить его благу. Таким образом, антропоцентризм, как культура, идеология и практика защиты человека от спонтанной естественной коэволюции и его господства над природой, совершает эволюцию перехода от самовозвышения человека к глобальному экологическому вызову, угрожающему будущему общества.

К счастью, антропоцентризм не является однородным явлением, выражающим одно лишь стремление человека использовать природу для своих потребностей. Антропоцентризм многомерен и противоречив. С самого начала он был и остается явлением неоднозначным, как и характер естественной, стихийной коэволюции, в условиях которой зарождались ценностные ориентации антропоцентризма – его направленность на приоритет обеспечения человеческой жизни. Благодаря естественной коэволюции возникла природа, которая является источником и объектом его творческого вдохновения, развития культуры, источником самой жизни. Несмотря на то, что человек сохраняет тенденцию удаления от природной среды бытия и продолжает совершен-

ствовать культуру, технику и социальную организацию безопасности, он продолжает оставаться частью природы, биосферы. Как подчеркивал В. И. Вернадский, человек, его сознание являются функциями биосферы. Ни в прошлом, ни в настоящее время биосфера не «снимала» и не «снимает» с человека его онтологическую, а точнее, природную, а также и социоприродную обязанность быть участником и выполнять подчиненную законам биосферы и общества функцию их коэволюции, а также в силу своей развитости – быть еще и регулятором коэволюционных процессов в связях общества и природы. Общей предпосылкой осуществления этих функций в их единстве является биосоциальная природа человека и его способность к интеграции разнообразных процессов и явлений благодаря наличию сознания. Человек был и остается не только «господином», преобразователем, но и заботливым покровителем, своего рода меценатом в отношении к природе. Существует множество фактов, подтверждающих наличие страстной тяги миллионов людей к природе, стремления к единению с ней. Жизненный оптимизм, порождаемый воздействием природы, является сильнейшим стимулом к достижению гармоничных отношений с ней. Мы полагаем, что наряду с архетипом страха или боязни природной коэволюции, существует также и архетип оптимизма и продолжения жизни в природе, основанный на объективной тенденции нелюбви к бытию человека с породившей его природой. Данные тенденции, соединяемые в процессе естественной коэволюции, находятся в различном соотношении по причине зависимости от конкретных социоприродных условий. В странах с большой численностью населения и недостаточным объемом природных ресурсов жизнь множества людей подчинена стихийным процессам природной, социальной и социоприродной коэволюции, что порождает страх за будущее и стремление мигрировать в наиболее благополучные регионы мира, и прежде всего в постиндустриальные страны. Проблемы и противоречия тенденций антропоцентризма, стихийность природной, социальной и социоприродной коэволюции транслируются в ответственность пост-индустриальных обществ, а их элита должна взять на себя решение возникающих вопросов на собственных территориях и за их пределами.

На уровне теоретического осмысления тенденций и последствий антропоцентризма, спонтанных проявлений коэволюции предлагаются различные концептуальные пути гармонизации внутрисоциальных и социоприродных отношений. Одним из наиболее значимых теоретических построений является формирование кон-

цепции ноосферы. Появление идеи ноосферы представляет собой свидетельство эволюции антропоцентризма в направлении развития социального активизма гуманистического характера, гармонизирующего отношения в обществе и его связи с природой.

Заключение. Эволюция антропоцентризма транслируется в формирование глобальной контрверзы между антропоцентристским «самооколдовыванием» общества, состоящим в его перманентном самовозвышении над природой и необходимостью достижения стабильного будущего на основе сохранения репродуктивных механизмов биосферы и установления более безопасных социальных и социоприродных отношений. Эта проблема обозначает соответствующий масштаб потребностей человечества в регулировании коэволюционном взаимодействии с природой. Коэволюция может быть интерпретирована как социокультурный и социоприродный процесс, в основе которого лежат взаимосвязанные принципы: принцип доминирования единства гуманного распределения благ в обществе и безопасности природных механизмов саморазвития биосферы; принцип обеспечения соотносительной достаточности вкладов в сохранение общества и биосферы; принцип поддержания такого уровня взаимодействия общества и природы и сохранения противоречий между ними, которые являлись бы условием длительного процесса совершенствования производящих способностей и продуктивных возможностей человека в сохранении среды жизни; принцип выявления и аккумуляции нового знания о закономерностях сопряженного существования человека и биосферы, для формирования и постоянного обновления теоретико-методологических осно-

ваний, создания опережающего знания о регулировании процессов взаимной трансформации природной и социальной самоорганизации. Коэволюция общества и природы и внутрисоциальная коэволюция могут быть позитивными факторами достижения стабильного будущего, если они не только упорядочивают связи объектов, выступают механизмами их согласованного сосуществования и развития, но и порождают новые его возможности, формируя в связях природных и социальных систем хаос особого рода – специфический порядок их структур и свойств, которые служат опосредующим «строительным» материалом последующей коэволюционной селекции. Коэволюция порождает условия собственного продолжения. Она не является селективным механизмом абсолютной «подгонки», или однозначной взаимной приспособленности взаимодействующих объектов в их развитии. Коэволюция – это развивающее взаимодействие объектов. Она относительна по своей сути, включает механизмы собственного отрицания, продолжения, изменения и сохранения. Коэволюция не только снижает риски нестабильности во взаимодействии систем, но и воспроизводит их как фактор необходимости совершенствования системной организации и взаимной адаптации. Коэволюция формирует возможности перехода систем на иные пути и уровни самоорганизации. Попытки направить коэволюцию по субъективно заданному сценарию неизбежно вызывают усиление спонтанных механизмов самоорганизации в обществе и природе, чреватых, как свидетельствует история, ростом рисков нестабильности. Волонтаристский подход трансформирует коэволюцию в механизм нестабильности сопряженных систем.

Информация об авторе

Бурак Петр Михайлович – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: burak1949@tut.by

Information about the author

Burak Petr Michailovich – Ph. D. Philosophy, assistant professor, Head of the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: burak1949@tut.by

Поступила 15.03.2015

УДК 316.73

О. П. Пунченко

Одесская национальная академия связи имени А. С. Попова

**СМЫСЛОВАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ «НАГРУЖЕННОСТЬ»
ПАРАДИГМ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

В статье эксплицируется понятие «гуманитарная парадигма» как конкретная пространственно-временная концептуальная схема гуманитарной науки, содержащая смысловую «нагруженность» и выступающая как результат духовной культурологической деятельности конкретного сообщества гуманитариев. Этот тип парадигмы раскрывается как отражение в сознании субъекта, на основе объективного анализа социального явления, его особенностей в конкретный исторический период. Обосновано «силовое поле» культуры, в котором парадигмы наполняются конкретным содержанием, интерпретируются в культурных контекстах.

Показано, что вырабатываемые культурой новые смыслы раскрывают механизмы ее становления, что является необходимым условием формирования гуманитарного знания. Особое внимание уделено раскрытию содержания гуманитарной парадигмы, в которой содержится человекотворческий потенциал, раскрывающий свою внутреннюю организованность через совокупность действий субъекта в достижении конкретно поставленной цели.

Особое внимание уделено анализу духовного производства, в котором механизм формирования множества парадигм зачастую имеет субъективный характер как выражение форм рефлексивного осмысления социального мира и мира человека.

Подчеркивается, что особенностью гуманитарных парадигм является то, что знания в них быстро изменяются и, как следствие этого, возникает множественность парадигм общественного развития.

Ключевые слова: парадигма, гуманитарные науки, концептуальная схема, смысловая «нагруженность», человекомерность, культурология, методология.

O. P. Punchenko

Odessa National Academy of Telecommunications named after A. S. Popov

**SEMANTIC CULTUROLOGICAL “LADENNESS”
OF PARADIGMS OF HUMAN SCIENCES**

The article explicates the concept of “humanitarian paradigm” as a specific, spatiotemporal, conceptual schema of humanities containing specific semantic “ladenness” and which acts as the result of spiritual and cultural activity of a particular community in the humanities. This type of paradigm is revealed as reflected in the consciousness of the subject, based on an objective analysis of social phenomena, its features in the particular historical period. The article substantiates the “force field” of culture, in which the paradigm is filled with concrete content, is interpreted in specific contexts.

It is shown that the culture produced new meanings reveal the mechanisms of its formation, which is a necessary condition for the formation of human knowledge. Particular attention is paid to the disclosure content of humanitarian paradigm, which contains mencreative potential, revealing its internal organization through a set of actions subject to the achievement of specific goals.

Particular attention is paid to the analysis of intellectual production, in which the mechanism of forming a plurality of paradigms is often subjective in nature as an expression of forms of reflexive understanding of the social world and the human world.

Stresses that humanitarian paradigms feature is that the knowledge they change rapidly, and as a consequence there is a multiplicity of paradigms of social development.

Key words: paradigm, human sciences, conceptual scheme, semantic “ladenness”, human-dimensionality, culturology, methodology.

Введение. Вторая половина XX и начало XXI века ознаменовалась бурным обращением исследователей к анализу понятия «парадигма». Этот термин чаще всего соотносится с развитием естественнонаучного знания, откуда экстраполируется на науку вообще. Возникшее теоретическое знание связывалось с разви-

тием естествознания, поэтому ареал научности распространялся только на науки о природе, а с XIX века он охватывает и систему сформировавшегося технического знания, к которой помимо научности добавился еще и феномен ее эффективности. Что же касается гуманитарных наук, то приобретение статуса науки оказалось

для них сложным. Нарботанное мыслителями прошлого гуманитарное знание необходимо было систематизировать, классифицировать, обосновать его научный аппарат, объяснить феномены человеческого духа как объекты, которые возникли в результате опредмечивания и отчуждения человеческих способностей и которые можно изменять (Э. Тоффлер), экспериментировать с ними, моделировать их также как объекты природы и техники, делать их достоянием науки. Для придания гуманитарному знанию строгого научного характера необходима четкая формулировка предмета гуманитарного знания и использование конкретной методологии социального познания. С тех пор как методология науки вовлекла в сферу своего исследования гуманитарное знание, не прекращались попытки определить его специфику и научный статус. Многие виды гуманитарного знания к XXI веку определили свой предмет и методологию исследования и предстали в виде конкретной гуманитарной науки.

Дальнейшее развитие естествознания и бурное развитие гуманитарных наук поставили перед методологией науки множество вопросов о новых парадигмах в их развитии. И один из них: а можно ли вести речь о парадигмах в гуманитарном знании? Ответ здесь весьма существенен. Обоснование функционирования парадигм в этих науках значительно повышает статус их научности. Поэтому *целью статьи* выступает обоснование культурологической смысловой «нагруженности» парадигм гуманитаристики.

Основная часть. Социально-организованная сфера духовного производства обладает своей внутренней структурой, выявление которой рассматривается как необходимая предпосылка ее культуротворческих возможностей. Компонентами этой сферы являются, прежде всего, актуализирующиеся в своем творчестве накопленные ценности культуры, а также вырабатываемые ею новые смыслы и их знаковые формы. Выработка этих смыслов в сфере духовного производства раскрывает ее культурно-историческую динамику, что выступает предпосылкой и неперенным условием формирования гуманитарного знания о конкретной сфере этого производства. В то же время культурно-историческая динамика отражается в двух глобальных функциях гуманитаристики – мировоззренческой функции и социальной силы, содержание которых пронизывает всю систему гуманитарных наук.

Анализ гуманитарных наук показывает, что гуманитарии различных эпох «подвижнически» несли «бремя забот и ответственности за объективный анализ событий и их целостностью при

репрезентации феноменов социального бытия. Мыслители, развивающие в своих исследованиях общее и устойчивое в этом виде бытия, были призваны «минимизировать на всем мировоззренческом поле массив фундаментальных идей, внося в них элемент упорядоченности. Попутно на них лежал и груз большой ответственности за прогресс в отношении аккумуляции и систематизации фактологического материала, за поиск такого языка интерпретации, при котором философская мысль или фундаментальная концепция недвусмысленно выявляла бы свою специфическую социально-онтологическую уплотненность» [1, с. 34].

Не меньшей важности груз лежит на современных гуманитарных науках. Необходимо исследовать то общее и устойчивое в социальном развитии, что может репрезентировать в их содержании конкретные парадигмы. Однако этот процесс осложняется субъективными моментами, которые привносятся самими исследователями.

Понятие парадигма (с греч. образец, пример) было введено в науку Т. Бергманом для характеристики нормативности методологии. Семантика этого понятия отражает устойчивое и определенное, несет в себе обязательно смысл завершенности и целостности. В это нечто целое человек входит, приобщаясь к его традициям. Конкретные методы, посредством которых этот процесс осуществляется в каждую эпоху, включают также в дефиницию этого понятия. Любая парадигма в гуманитарных науках отражает смысловые и сущностные характеристики конкретного социального феномена, и в этом плане исследователь находится в положении наблюдателя движения собственной мысли, однако это не просто пассивное наблюдение бытия феномена, а критическое осмысление его сущности, возможностей его преобразования, это специфический акт научного предвидения. Научный анализ исследования содержания понятия «парадигма» показывает неоднозначность его понимания. Так, известный философ и логик Г. Х. фон Фригт считает, что «в социологии вообще не существует признанных парадигм и это та особенность, которая отличает ее от естествознания... Следовательно, есть основание говорить о существовании параллельных типов социологии. Они отличаются не столько в том, что придерживаются противоречащего друг другу понимания фактов, сколько в принимаемых парадигмах, в рамках которых дается описание и объяснение фактов» [2, с. 238–239].

Однако в таком случае, по мнению, В. П. Кохановского, «отсутствие общепризнанных парадигм означает неизбежность теоретического

анархизма в гуманитарных науках, ибо здесь нет единственно верной теории. Поэтому множество конкурирующих между собой концептуально-теоретических схем социальной реальности и возможность свободного выбора любой из них – это норма, а не какая-то аномалия» [3, с. 195–196].

Анализ работ, посвященных парадигмальным установкам и их трансформациям, показывает их разнопонимание, а зачастую просто термин применяется для объяснения того, что имеет в виду автор под его сущностью. И тогда создается база для формирования плюрализма парадигм.

Тем не менее необходимо констатировать, что наиболее фундаментально понятие парадигма разработано Т. Куном в работе «Структура научных революций». Парадигма Т. Куна – основная единица измерения процесса развития науки. Объясняя ее содержание, он писал: «под парадигмой я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблемы и их решений научному сообществу» [4, с. 11]. Развивая эту идею, он утверждает, что «парадигма – это то, что объединяет членов научного сообщества и, наоборот, научное сообщество состоит из людей, признающих парадигму» [4, с. 226].

Обосновывая смысловое содержание парадигмы, Т. Кун ведет речь о естественной науке, революциях в ее содержании, что является основой смены парадигм, он не рассматривает парадигму как универсальное понятие, применимое к характеристике всех процессов социального бытия, объяснение их сущности. Он применил парадигму к интересам своего научного исследования. У него парадигма предстала в «самом общем виде как концептуальная схема, – отмечает В. П. Кохановский, – которая в течение определенного времени признается научным сообществом в качестве основы его практической деятельности» [3, с. 198].

Если исходить из признания парадигмы как конкретной пространственно-временной концептуальной схемы, то легко обосновывается в качестве парадигмы социального развития выделение, например, в образовании его ценностно-целевых установок. Смена этих установок раскрывает культурно-историческую динамику процесса образования. В качестве парадигм в образовательной реальности можно выделить восточный традиционализм, греческую пайдею, апофактическую и катафактическую системы образования феодального общества, классическую систему образования капитализма XVII–XIX веков, а также современную информационно-телекоммуникационную, в которой можно выде-

лить субпарадигмы, отражающие конкретные стороны его функционирования. Все эти парадигмы, предстающие как культурологическая и культуротворческая деятельность конкретного общества, несут в своем содержании конкретную смысловую «нагруженность», отражающую все возрастающие потребности данного общества. Если обоснованное Т. Куном содержание понятия «парадигма» предстает как универсальная схема, отражающая прогрессивный процесс развития естественных наук через призму научных революций, то каково ценностно-смысловое содержание парадигмы в гуманитарных науках, в чем ее специфика?

Парадигма в гуманитарных науках – это объективный, человекомерный культурный феномен, предстающий как очеловеченная картина развития и функционирования конкретного социального феномена, отражающая его проблемное поле, смысловые акценты и «нагруженность» его содержания, а также ценностные конструкты его события, которые в единстве составляют его целостность. Гуманитарная парадигма – это отражение в сознании субъекта, на основе объективного анализа развития социального явления, его особенностей в конкретный исторический период, раскрытие внутреннего богатства этого явления в его связях и взаимодействиях с другими явлениями и влияние на их развитие. Особенности развития, взаимосвязи и взаимообусловленности социальных явлений можно обосновать на многочисленных примерах функционирования традиционной и техногенной цивилизаций.

В таком понимании парадигмы гуманитарных наук скрывается богатый человекотворческий потенциал, раскрывающий свое смысловое содержание, свою внутреннюю организованность через совокупность действий субъекта в достижении конкретно поставленной цели, через его связи с интересосубъективной средой, формирующей понимание и направленность его деятельности, культурологические императивы. Парадигмы в гуманитарных науках формируют «силовое поле» культуры, в котором абсолютные императивы наполняются конкретным содержанием, интерпретируются в культурных контекстах, сосуществуют в едином толерантном пространстве человеческого бытия. Абсолютные ценности парадигмальных установок становятся инвариантами, ограничивающими в конкретный исторический период содержание и сущность социального феномена или понимание его функционального предназначения. Например, содержание такого социального феномена, как образование в различных типах цивилизационного развития, имеет свою специфику, смысловую «нагруженность»

и функциональное предназначение. Парадигмы в гуманитарных науках выполняют функцию культурной целостности, что помогает им претендовать на научность, как и в естественных науках. В то же время, в отличие от естественнонаучных парадигм, которые в значительной мере автономны, с гуманитарными парадигмами дело обстоит несколько иначе. Повседневная духовная деятельность людей, как и в сфере материального производства, осуществляется по определенным культурным образцам, то есть парадигмам. Осмысление этой деятельности как процесса создания конкретных концептуальных духовных миров осуществляется всегда по образцам. Это и осознанный образец применения метода; и неосознанный механизм унификации в культуре как образец решения практических и интеллектуальных проблем; и модель поведения; и некий способ логических рассуждений, свойственный конкретно-исторической эпохе; и недостижимый (идеальный) образец; и некоторая методологическая инструкция; и определенная мыслительная установка. Особенностью таких парадигм является сочетание формализованных и неформализованных правил деятельности.

В гуманитарных науках понятие «парадигма» содержит как минимум две составляющих ее смысловую «нагруженность». «Во-первых, — отмечает А. И. Афанасьев, — как реально существующая intersубъективная система образцов, идеалов и норм, определяющая деятельность социальных и профессиональных групп и индивидов. Ее можно назвать культурной парадигмой. Во-вторых, как субъективная система образцов, идеалов и норм, определяющих индивидуальное исследовательское или художественное творчество, что допускает разделение на исследовательские, научные парадигмы и парадигмы творчества» [5, с. 166]. Здесь можно согласиться с автором, поскольку исследовательские и научные парадигмы являются по сущности творческими. Однако связь с intersубъективной системой образцов позволяет сделать вывод, что и в гуманитарных науках парадигма носит intersубъективный характер в рамках данного сообщества ученых-гуманитариев.

В то же время исторически сложившаяся парадигма как объективный феномен может не совпадать с интересами и мнениями intersубъективной среды гуманитариев. В этом случае культурные парадигмы определяют поведение intersубъективной среды. Ведь intersубъективная среда — это среда возможных договоренностей и конфликтов, компромиссов и непримиримых позиций, проявление ненависти и любви, свободы и необходимости, творчества и деструкции. В неустойчивости и нелинейно-

сти межиндивидуальных взаимодействий через выделение и обоснование сущности социокультурной парадигмы происходит интеграция intersубъективной среды, ее направленность на конструктивную деятельность.

Сложившийся в духовном производстве плюрализм гуманитарных наук позволяет утверждать функционирование в духовной культуре большого количества парадигм. Это ставит проблему их сосуществования в рамках конструктивного взаимодействия, их соразмерности, совместимости, преобладании, вытеснении, дроблении, объединении и т. д. «Сосуществование парадигм обуславливает их разнородное влияние, выходящее за пределы той области знания и деятельности, где парадигма сформировалась. Можно предположить наличие культурного механизма, переносящего парадигмы из одной сферы в другую. Иначе многие открытия выглядят как чудо» [5, с. 166–167]. Этот механизм субъективен в гуманитарных науках, поскольку все они есть формы рефлексивного осмысления социального мира и мира человека. Непосредственного выхода в реальный мир гуманитарные науки не имеют, видя его опосредованно. Даже человека они изучают не как данность, а как его отражение или выражение в духовных феноменах, культурных нормах морали, права, религии, эстетике и т. д.

Сформулированные и обоснованные в различных гуманитарных науках, парадигмы так или иначе воспроизводят специфику своих сфер исследования. Парадигмы затрагивают не только научные интересы, но и большой пласт национальных, этнических, классовых интересов, что обеспечивает им государственную идеологическую поддержку. Поскольку гуманитарные науки более разнородны по предмету исследования, чем естественнонаучные, постольку плюрализм парадигм в нем намного выше. Это объясняется и тем, что невозможно в одной гуманитарной науке охватить все многообразие культурной жизни социума, поэтому парадигма, в которой изучается культурная деятельность, не может быть одна.

Особенностью гуманитарных парадигм выступает и то, что знания в них довольно быстро меняются и смена парадигм должна успевать за изменениями гуманитарных теорий. Это, во-первых. Во-вторых, если естественнонаучные парадигмы объединяют в научное сообщество специалистов разных наук, то парадигмы в гуманитарных науках скорее разделяют научное сообщество даже в рамках одной дисциплины.

Таким образом, в гуманитарных науках плюрализм мнений intersубъективной среды гуманитариев порождает множественность парадигм общественного развития, и те, которые подтверждаются практикой, отражают свою

смысловую «нагруженность» и становятся социальной силой общественного развития.

Заключение. Анализ понятия «парадигма» в гуманитарных науках позволяет выделить в его содержании следующую смысловую «нагруженность». Во-первых, функционирование и развитие этого понятия связано с деятельностью субъекта в сфере духовной культуры. Уже это одно обстоятельство придает содержанию этого понятия культурологическую направленность, а увязывание парадигмы с интересусубъективной средой гуманитариев сразу же ставит вопрос о плюрализме их в содержании гуманитарных наук. Создавая культурную среду своего обитания, человек формирует образцы культурного творчества, которые выступают парадигмами его деятельности.

Во-вторых, парадигмы гуманитарных наук должны носить человекомерный характер, ведь

еще Протагор подчеркивал, что «человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, несуществующих, что они не существуют» [6, с. 107].

В-третьих, парадигмы исследовательской деятельности в сфере духа, в отличие от исследований объектов природы, в том числе и человека, являются парадигмами гуманитарных наук.

В-четвертых, обоснование сущности и содержания парадигм гуманитарных наук потребовало от последних расширения методологии научного познания, которая тоже выступает в качестве гуманитарной дисциплины, несмотря на тот факт, что развивалась она не только гуманитариями, но и естествоиспытателями, что позволяет утверждать о методологии как об интегрирующей дисциплине духовного производства, широко используемой всеми областями научного знания.

Литература

1. Пунченко О. П. Цивилизационное измерение истории человечества. Одесса: Астропринт, 2013. 448 с.
2. Вригт Г. Х фон. Логико-философские исследования. М.: Прогресс, 1986. 594 с.
3. Кохановский В. П. Философские проблемы социально-гуманитарных наук. Р н/Д: Феникс, 2005. 320 с.
4. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2002. 608 с.
5. Афанасьев А. И. Гуманитарное знание и гуманитарные науки. Одесса: Бахва, 2013. 288 с.
6. Таранов П. С. 120 философов. Т. 1. Симферополь: Реноме, 2002. 704 с.

References

1. Puchenko O. P. *Civilizacionnoe izmerenie istorii chelovechestva* [The civilizational dimension of history of the humanity]. Odessa, Astroprint Publ., 2013. 448 p.
2. Vright G. H. von. *Logiko-filosofskie issledovanija* [Logical-philosophical studies]. Moscow, Progress Publ., 1986. 594 p.
3. Kohanovskij V. P. *Filosofskie problemy social'no-gumanitarnyh nauk* [Philosophical problems of social sciences and humanities]. Rostov-on-Don, Phoenix Publ., 2005. 320 p.
4. Kun T. *Struktura nauchnyh revoljucij* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, AST Publ., 2002. 608 p.
5. Afanas'ev A. I. *Gumanitarnoe znanie i humanitarnye nauki* [Humanity's knowledge and humanities science]. Odessa, Bakhva Publ., 2013. 288 p.
6. Taranov P. S. *120 filosofov* [120 philosophers]. T. 1. Simferopol, Renome Publ., 2002. 704 p.

Информация об авторе

Пунченко Олег Петрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Украины. Одесская национальная академия связи имени А. С. Попова, Украина. (65029, г. Одесса, ул. Тургенева, 16). E-mail: kaphedra.philos@onat.edu.ua

The Information about the author

Punchenko Oleg – Ph. D. Philosophy, professor, Head of the Department of Philosophy and History of Ukraine Odessa National Academy of Telecommunications named after A. S. Popov. (16 Turgeneva str., 65029, Odessa, Ukraine). E-mail: kaphedra.philos@onat.edu.ua

Поступила 16.03.2015

УДК 301.100.063

Н. А. Лазаревич

Институт философии Национальной академии наук Беларуси

**РЕАЛИЗАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ОБЩЕСТВА
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

В настоящей статье рассматриваются содержание и методологическое значение понятия «потребности», позволяющее охарактеризовать объективные условия жизнедеятельности человека и субъективные оценки этих условий применительно к современному социально-экологическому развитию. Выявлена роль экологической составляющей в изменении продолжительности жизни, заболеваемости и сохранении генофонда населения. Показана роль загрязненности среды в процессе техногенного развития, в частности в ходе урбанизации. Показано, что в современных социальных моделях экологическая составляющая является определяющей по отношению к другим факторам мироощущения и поведения человека. Определены базовые потребности и ожидания населения Беларуси в отношении эффективной социальной политики в области экологии. Они достигаются в результате осуществления эффективной социальной политики, модернизации экономики и развития культуры с ориентацией на сохранение и улучшение среды обитания нынешнего и последующих поколений. Связь экологических потребностей человека, его здоровья, труда, отдыха с состоянием природных и урбанизированных систем, биосферы в целом требует того, что удовлетворение экологических потребностей будет играть все возрастающую роль в социальной и социоприродной политике современных государств.

Ключевые слова: потребности, экология, здоровье, качество жизни, социальная политика.

N. A. Lazarevich

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

**IMPLEMENTATION OF ECOLOGICAL REQUIREMENTS
IN MODERN CONDITIONS**

In the article the content and methodological meaning of the is needs considered. The life quality provides an opportunity to characterize the objective conditions of human life and the subjective evaluation of these conditions applied to modern strategies of social and environmental development. The role of the environmental component in changing life expectancy, morbidity, and preservation of the gene pool of the population. While role-linked environmental pollution in the process of development of man-made, in particular, in the course of urbanization. It is shown that the environmental component in the modern models of social is a define constant in relation to other factors of man's mental outlook and behavior. The basic value orientations and expectations in Belarus in relation to effective social policy in the field of ecology have been defined. They are achieved as a result through effective social policy, modernization of economy and development of culture with orientation to preservation and improvement of environment for present and future generations. Communication environmental needs of man, his health, work, rest with the state of the natural and urban systems of the biosphere as a whole, requires that meet ecological requirements will play an increasingly important role in the social and socio-natural politics of modern states.

Key words: needs, ecology, health, life quality, social policy.

Введение. Человеческие потребности определяются социальной природой деятельности человека и включают потребность в материальных благах и услугах, демографических и экологических условиях существования. Они объективно связаны с интенсивной трансформацией внешней по отношению к человеку действительности, в результате чего появилась одна из наиболее острых глобальных проблем современности – экологическая. Поэтому в современных

условиях требуется переориентация потребностей с учетом экологической составляющей.

Основная часть. Термин «потребность» означает состояние организма, человеческой личности, выражающее зависимость от объективного содержания условий существования и выступающее источником различных форм активности [1, с. 302]. В научной литературе разработан ряд моделей потребностей – общественных, экономических, психологических (К. Маркс,

А. Н. Леонтьев, Н. Н. Михайлов, И. Я. Жибуль, К. Обуховский и др.).

Наиболее общая классификация потребностей по их внешнему проявлению включает:

– *социально значимые* потребности, – те, которые всегда приводят к позитивному внешнему и внутреннему эффекту, к Парето-улучшению, сопровождаются ростом экономического благосостояния и социальной стабильности. К ним относятся потребности в образовании, здравоохранении, культуре и искусстве, *охране природной среды* и т. п.

– *бинарные* потребности – потребности в общественных благах. Они могут сопровождаться как отрицательными, так и положительными эффектами [2].

Любая из вышеназванных потребностей в общественных благах может стать *антипотребностью*, если она будет противопоставлена другим потребностям или нарушится мера в ее удовлетворении. Под антипотребностями понимаются потребности в общественных благах, не отвечающие критерию разумности в потреблении.

Формирование потребности как объективный процесс проходит несколько этапов: определение значимости (желаемости) общественного блага, выявление и актуализация потребности (стимул), возникновение интереса (мотив внутреннего побуждения к действию), проявление общественного спроса, с удовлетворением которого удовлетворяется потребность в общественном благе и реализуется интерес. Процесс формирования потребностей в общественных благах следует оценивать как объективный процесс развития на основании возвышения потребностей и как особый вид деятельности общества и государства по их удовлетворению. При этом проявляются и требуют учета свойства, которыми обладают потребности:

– *системность*, когда индивид или общество в целом обладают набором (системой) потребностей в общественных благах;

– *динамичность* – постоянное изменение и развитие потребностей, связанное с изменением ценностей общественной жизни, духовной культуры;

– *невозмозаменяемость* – полное удовлетворение потребности в одном общественном благе не может заменить необходимости удовлетворения потребности в другом;

– *кумулятивность, периодичность в удовлетворении* – удовлетворенная потребность влияет на возникновение новой;

– *предельность насыщения*, когда границы насыщения подвижны во времени. С ростом потребностей границы насыщения отодвигаются, только образовательные и духовные потребности не имеют границ в своем проявлении.

В перечне приведенных общественных потребностей важнейшими для рассмотрения нами являются экологические. Экологические потребности в наше время проявляются в улучшении качества среды обитания и, как следствие, повышении продолжительности жизни, снижении заболеваемости, смертности и улучшении генофонда населения; снижении опасного загрязнения продуктов питания; снижении социальной напряженности в результате неблагодарной экологической обстановки.

Индивидуальное здоровье – одно из приоритетных экологических потребностей. Здоровье индивидуума должно рассматриваться не как отсутствие болезней, а как некоторое позитивное качество, зависящее от многих факторов. Важнейшими из этих факторов являются состояние окружающей среды. Проблема сохранения здоровья требует выяснения качественной специфики влияния окружающей среды на человека, в том числе и его наследственности, и поиск практических способов ее защиты.

Современная биология определяет каждого человека как уникального. Сложная и скоординированная система наследственности обеспечивает эту уникальность, как и передачу от родителей к детям свойств, особенностей строения и развития организма, его функциональных реакций на факторы внешней среды. На сегодняшний день уже становится возможным с уверенностью сказать, какие из свойств человека обусловлены наследственностью и какими именно генами. При этом выяснено, что более 3,5 тыс. болезней человека наследственно детерминированы. По мере нарастания загрязнения среды отрицательные изменения, связанные с наследственностью, усиливаются.

Достаточно сказать, что в среднем от 4 до 7% всех детей уже рождаются наследственными инвалидами; еще 10–15% несут в себе либо скрытую болезнь (генетический дефект), либо особую восприимчивость к «обычным» заболеваниям. Изменению подвергается сам геном человека, о чем свидетельствуют данные роста числа генетических заболеваний в развитых странах, прежде всего психических и врожденных нарушений. Социальные последствия этого процесса требуют пристального внимания. Интересна точка зрения В. Г. Горшкова, что гораздо существеннее влияет на здоровье человека то, что он разрушил свою экологическую нишу на значительной территории суши. А поскольку нет никаких доказательств того, что биологические законы не распространяются на человека, то очевидно, что идет распад генома человека в результате прекращения действия механизмов, удерживающих этот процесс на определенном уровне в естественной экологической нише [3].

На обыденном уровне все мы, по крайней мере, интуитивно, хорошо чувствуем нашу зависимость от экологических, внешних обстоятельств. Ведь многие люди довольно тяжело переносят колебания условий естественной среды: у них снижается иммунитет, увеличивается заболеваемость и пр. Т. И. Алексеева убедительно обосновала, что современные человеческие популяции под влиянием природных условий обнаруживают определенную изменчивость. Вследствие этого возникает свойственный конкретным группам людей комплекс особенностей, которые характеризуют норму биологической реакции на окружающую среду.

Подобная реакция позволяет поддерживать гомеостатическое состояние популяции и проявляется в определенных морфофункциональных соответствиях данной популяции экологическим фактором. Иными словами, у такой группы людей формируется определенный адаптивный тип [4, с. 250]. Выработанные средства культурной и социальной адаптации позволяют человеку жить и работать даже в малопригодных или вовсе непригодных для проживания высших организмов средах обитания, хотя сам процесс подобной адаптации редко проходит безболезненно.

В ходе техногенного развития происходит антропогенное загрязнение биосферного пространства, что не только отрицательно сказывается на состоянии экосистем, но и на здоровье человека, «полноте» жизни. Усиление урбанизационных процессов, что наиболее полно проявляется как процесс строительства «второй» искусственной природы человечества, когда происходит замещение биосферных пространств техноискусственным миром. Сейчас в городской среде (около 3% территории суши) проживает половина населения планеты. Расчеты показывают, что к 2020 г. под городскими застройками будет находиться 4% суши, а к 2070 г. – около 13%, или 20% жизнепригодного пространства [5, с. 82]. «Основная масса людей, -- отмечает В. А. Кутырев, -- живет в урбанистических комплексах, и наиболее прогрессивная часть человечества с естественным, помимо своего тела, не сталкивается вовсе... Часть и целое, элемент и система, организм и биоценоз взаимообусловлены, и искусственное окружение не может не трансформировать человека в соответствующее себе состояние...» [6, с. 138].

В настоящее время город и условия проживания, в которых оказалось абсолютное большинство населения земного шара, должны быть в центре внимания. Загрязнение отходами производства, тяжелыми металлами, не встречающимися в природе химическими веществами

ведет к повышению заболеваемости населения. С переходом на современные технологии, по мере качественной перестройки производства его негативное воздействие постепенно может снижаться, но возрастает значение ряда других факторов, таких, например, как рост числа автомобилей. Так, в крупнейших городах мира загрязненность воздуха автомобильными выхлопами оценивается в 70–90%. Такая загрязненность сказывается на росте онкологии, заболеваний бронхов, развитии астмы, аллергии и др.

Поэтому потребность к улучшению здоровья людей неотделимо от потребности к экологическому благополучию среды их жизнедеятельности. Здоровье либо прямо называют в числе наиважнейших ценностей, либо выдвигают на первый план социально-экологические ценности, определяющие здоровье, – чистый воздух, доступная питьевая вода, чистые продукты питания (свободные от ГМО, не отравленные химикатами и пр.). Из года в год наблюдается нарастание значимости экологического фактора в жизни людей в определении качества жизни (в рейтинге волнующих проблем на экологическую ситуацию в 2009 году указали 12,3% респондентов, в 2010 году – 15,4%, а в 2013 г. – 23,8%) [7, с. 34].

Обеспечение экологических потребностей достигается в результате осуществления эффективной социальной политики, модернизации экономики и развития культуры с ориентацией на сохранение и улучшение среды обитания. Решение экологических проблем лежит в плоскости принятия природоохранных законов, создания социального контроля над состоянием среды, мобилизации внутренних и внешних ресурсов для инвестирования в ее охрану, международное сотрудничество в преодолении экологических опасностей, неконтролируемого научно-технического прогресса.

Экологическое знание приобретает особую значимость в этом процессе и поэтому становится важным фактором формирования экологических потребностей. Понимание и учет ограниченной устойчивости и способности к самовосстановлению природных систем позволяет внедрять идеи устойчивого развития в повседневный образ жизни, менять привычки, поведение на более экологически выверенные.

Заключение. Связь экологических потребностей человека, его здоровья, труда, отдыха с состоянием природных и урбанизированных систем, биосферы в целом свидетельствует о том, что удовлетворение экологических потребностей будет играть все возрастающую роль в государственной социальной и социоприродной политике.

Литература

1. Новая философская энциклопедия. М.: Мысль. 2010. Т. 3. 696 с.
2. Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат, 1986. 221с.
3. Горшков В. Г. Энергетика биосферы и устойчивость состояния окружающей среды // Итоги науки и техники. Сер. Теоретические вопросы географии. Т. 7. М.: ВИНТИ. 1990.
4. Алексеева Т. И. Географическая среда и биология человека. М., 1977. 123 с.
5. Титаренко Л. Г. Глобальные факторы риска и их влияние на динамику экологических ценностей населения Беларуси // Социология. 2011. № 2. С. 76–87.
6. Кутырёв В. А. Пост-пред-гипер-контр-модернизм: концы и начала // Вопросы философии. 1998. № 5. С. 138–140.
7. Сечко Н. Н. Социальный оптимизм белорусского населения: социологический анализ // Экономические условия глобализации: Междунар. науч.-практ. конф. Вып. VIII. Кишинев, 2013. С. 125–138.

References

1. *Novaja filosofskaja jenciklopedija* [Modern philosophi encyclopedija]. Moscow, Mysl' Publ., 2010. T. 3, 696 p.
2. Zdravomyslov A. G. *Potrebnosti. Interesy. Cennosti* [Requirements. Interests. Values.]. Moscow, Politizdat Publ., 1986. 221 p.
3. Gorshkov V. G. Power of the biosphere and stability of a state of environment. *Itogi nauki i tehniki. Ser. Teoreticheskie voprosy geografii* [Results of science and equipment. It is gray. Theoretical questions of geography]. Moscow, VINITI, 1990, no. 7, pp. 54–58. (In Russian).
4. Alekseeva T. I. *Geograficheskaja sreda i bio-logija cheloveka* [Geographical environment and human biology]. Moscow, 1977. 123 p.
5. Titarenko, L. G. Global risk factors and their influence on dynamics of ecological values of the population of Belarus. *Sociologija* [Sociology], 2011, no. 2, pp. 76–87 (In Russian).
6. Kutyryov V. A. Post-pred-giper-kontr-modernizm: koncy i nachala. *Voprosi Filosofii* [Philosophy questions]. 1998, no. 5, 238 p. (In Russian).
7. Sechko N. N. Social optimism of the Belarusian population: sociological analysis. *Jekonomicheskie uslovija globalizacii* [Economic Growing Conditions of Globalization]. *Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija vypusk VIII* [International Scientific and Practical Conference VIII-th edition]. Chisinau, 2013, pp. 135–143 (In Russian).

Информация об авторе

Лазаревич Наталья Александровна – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Центра социально-философских и антропологических исследований. ГНУ «Институт философии Национальной академии наук Беларуси» (220072, г. Минск, ул. Сурганова, 1, к. 2, Республика Беларусь). E-mail: natalazarevich@tut.by

Information about the author

Lazarevich Natalia – Ph. D. Philosophy, assistant professor, senior researcher of the Center of Philosophical and Anthropological Research Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1, k. 2, Surganova str., 220072, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: natalazarevich@tut.by

Поступила 25.03.2015

УДК 091+141.32

И. Н. Сидоренко

Белорусский государственный университет

**НАСИЛИЕ КАК ДЕСТРУКЦИЯ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА
В ФИЛОСОФИИ Э. ФРОММА**

В статье раскрывается сущность насилия как деструкции человеческой природы в контексте осмысления проблематики антропологического кризиса в современной западной философии. Переживаемый сегодня антропологический кризис с очевидностью свидетельствует о девальвации гуманистического потенциала современной культуры. Антропологический кризис конца XIX–XX вв. привел к «антропологическому повороту» в философии, основная задача которого заключалась в раскрытии главных причин антропологического кризиса, его сущности и последствий для социокультурного мира человека и природы.

В качестве одного из вариантов «метаморфоз» антропологического поворота автор статьи предлагает к рассмотрению философию немецко-американского философа, социолога и психолога Эриха Фромма, одного из ведущих представителей неопрейдизма. Теория деструктивности Э. Фромма стала своеобразной попыткой синтеза социального, биологического и психологического аспектов в осмыслении деструктивной природы человека и феномена насилия. В статье последовательно осуществляется аргументация идеи о том, что деструкция – это процесс деградации социума, к которому привела и в ходе которого укоренилась деструктивность как результат насилия над природой человека. В статье также осуществляется анализ возможных вариантов решения проблемы минимизации деструкции и нормализации коммуникативных взаимоотношений человека с природой и обществом, снижения эскалации насилия в современном мире.

Ключевые слова: агрессия, деструкция, деструктивность, насилие, социум, природа человека, творчество, самореализация.

I. N. Sidorenko

Belarusian State University

**VIOLENCE AS DESTRUCTION OF A HUMAN NATURE
IN PHILOSOPHY OF E. FROMM**

The article reveals the essence of violence as the destruction of a human nature in the context of understanding the problems of anthropological crisis in modern Western philosophy. Today we are experiencing an anthropological crisis, which clearly indicates the devaluation of humanistic potential of postmodern culture. The anthropological crisis of the late XIX–XX centuries has led to the “anthropological turn” in philosophy, whose the main task is to uncover the main reasons of the anthropological crisis, its essence and its consequences for the social and cultural world of man and nature.

The author of this article reveals the philosophy of Erich Fromm as one of the versions of understanding the anthropological turn. Erich Fromm is German-American philosopher, sociologist and psychologist, one of the leading representatives of neo-Freudianism. E. Fromm's theory of destructiveness has become an attempt of synthesis of social, biological and psychological aspects in understanding the destructive of human nature and the phenomenon of violence. The article substantiates the thesis that the destruction is the process of degradation of society. Destructiveness as a result of violence against human nature has been the reason of this process of degradation of society and nature. The author of this article has made an analysis of the possible solutions to the problem of reducing the degradation of communication and normalization of the relations with nature and society, reducing the escalation of violence in the modern world.

Key words: aggression, destruction, destructiveness, violence, society, human nature, creativity, self-realization.

Введение. Переживаемый сегодня «антропологический кризис» с очевидностью свидетельствует о девальвации гуманистического потенциала современной культуры. Ситуация «смерти человека», провозглашенная постмодерном, чревата не только «смертью бога», но и угрозой для существования природного и культурного миров. Концентрируя в себе все связи

бытия, человек, утративший собственную человечность, легко пожертвует природой, культурой, социумом. В качестве основных характеристик антропологического кризиса можно назвать следующие: потеря доверия к будущему, что выражается в конкуренции моделей будущего; разбожествление мира как утрата незыблемых законов; всеобщее нивелирование

и победа «одномерного» человека; все возрастающая зависимость человека от машины; «кибертизация» тела человека; развитие возможностей информационного и технологического управления сознанием человека; создание искусственных потребностей; эскалация насилия и т. д. В целом антропологический кризис правомерно определить как торжество деструктивной природы человека. Антропологический кризис конца XIX–XX вв. привел к «антропологическому повороту» в философии, основная задача которого заключалась в раскрытии основных причин антропологического кризиса, его сущности и последствий для социокультурного мира человека и природы. В качестве одного из вариантов «метаморфоз» антропологического поворота можно отметить философию немецко-американского философа, социолога и психолога Эриха Фромма, яркого представителя неотрейдизма.

Основная часть. Своеобразной попыткой синтеза социального, биологического и психологического аспектов в осмыслении деструктивной природы человека и феномена насилия стала теория деструктивности Э. Фромма, в которой в качестве основной методологической установки используется эволюционный социобиологический принцип историзма. Отказавшись от примата физиологизма в объяснении природы человеческих страстей, Э. Фромм делает вывод о том, человек обладает гораздо большим потенциалом наращивания деструктивности по мере развития цивилизации, чем любой иной представитель животного мира. В своей работе «Анатомия человеческой деструктивности» [1] Э. Фромм переосмысливает на индивидуальном и социальном уровнях проблему человеческой деструктивности и рассматривает деструкцию как социальный процесс сквозь призму деструктивности как качественного определения природы человека. Таким образом, исходя из того, что свойства индивида производны и вторичны от социума, Э. Фромм раскрывает деструкцию как процесс деградации социума, к которому привела и в ходе которого укоренилась деструктивность как результат насилия над человеческой природой. Анализ деструктивности с необходимостью предполагает обращение к агрессии и насилию. Так, Э. Фромм на основе критики инстинктивизма и бихевиоризма проводит различие между доброкачественной и злокачественной формами агрессии. Под доброкачественной агрессией он понимает оборонительные реакции индивида на угрозу его витальным интересам. Для минимизации доброкачественной агрессии необходимо устранение взаимных угроз, однако это возможно только при обеспе-

чении всех достойными условиями существования, что, в свою очередь, свело бы на нет стремление к господству над другими. В качестве промежуточной формы агрессии Э. Фромм выделяет промежуточную, или псевдоагрессию, под которой понимает «действия, в результате которых может быть нанесен ущерб, но которым не предшествовали злые намерения» [1, с. 232]. В качестве примеров псевдоагрессии можно привести такие, как игровая агрессия, агрессия как самоутверждение, т. е. действия, целью которых не является разрушение как таковое. Именно поэтому доброкачественная агрессия и псевдоагрессия не являются деструктивными по своей природе.

В отличие от первых двух форм, злокачественная агрессия не порождается инстинктами и присуща только человеку, т. е. является результатом социальной динамики и процесса социализации человека. Злокачественная агрессия избыточна для решения проблемы выживания человека, однако, опираясь на человеческие страсти, порожденные любовью, ненавистью, завистью и т. п., она представляет собой важную часть человеческой психики и является одной из родовых черт человека. Для раскрытия сущности злокачественной агрессии приведем слова Э. Фромма: «Специфически человеческую страсть к абсолютному господству над другим живым существом и желание разрушать (злокачественная агрессия) я выделяю в особую группу и называю словами “деструктивность” и “жестокость”» [1, с. 13]. Таким образом, деструктивность – это отличительная родовая черта человека, являющаяся следствием его существования в мире: утратив в процессе эволюции инстинктивные механизмы самозащиты и оказавшись менее приспособленным к жизни, человек, благодаря разуму, создал для себя лучшие условия существования, однако это, в свою очередь привело к деструкции его природы. В силу этого именно разуму Э. Фромм отводит деструктивную роль. Человек, обладая разумом и самосознанием, не только противопоставляет себя природе, но и создает условия для укоренения и развития такой новой родовой черты, как деструктивность, т. е. способность к насилию и разрушению.

Логика Э. Фромма позволяет сделать вывод о функциональности насилия как социальной деструкции. Так, в частности, среди основных функций обозначим следующие: 1) функция самоопределения, т. е. если человек не реализуется как творец, он выбирает такой путь самоопределения как разрушение, что, в определенной степени, придает жизни ощущение полноты; 2) гедонистическая функция, проявляющаяся в «желании мучить без всякой на то “причины”»

[1, с. 130] и связанная с феноменом овеществления, т. е. трансформации человека в вещь в процессе безудержного потребления. Путь разрушения и овеществления своей природы лишает человека полноценного общения, обрекает его на изолированность и одиночество. Такая деформация коммуникативной природы человека приводит его к ощущению внутренней пустоты, бессмысленности существования и в конечном итоге к деструкции как личности, так и социума в целом. «Каждый раз, когда другое человеческое существо перестает восприниматься как человек, может иметь место акт жестокости или деструктивности в любой форме» [1, с. 155]. При углублении эта тенденция приводит к поклонению деструктивности в виде садизма и некрофилии.

В концепции насилия как деструкции Э. Фромм развивает идею о взаимосвязи деструкции и рациональности. При этом основной акцент делается на проблеме относительности: рациональна или иррациональна деструкция можно определить только с точки зрения конкретной социальной группы, индивида. Однако необходимо отметить, что для тоталитарных режимов характерна гиперрациональность, т. е. нацеленность всех на достижение одной великой цели и подчинение ей всех жизненных порывов. Такая «пресыщенность» рационализмом является маскировкой деструктивной природы этих режимов. Анализ взаимосвязи деструкции и рациональности позволяет сделать Э. Фромму парадоксальный вывод: общество становится деструктивным в силу того, что руководствуется системными интересами целого, игнорируя индивидуальные интересы частного, т. е. индивида. Суть парадокса заключается в том, что то, что продуктивно для целого, так или иначе оборачивается деструктивным для индивида.

Так, акцентируя злокачественную агрессию как основу деструктивности, Э. Фромм получает возможность рассматривать деструктивность как родовую черту человека, которая по своей природе не является разрушительной, а становится таковой в процессе антропосоциогенеза. Аргументируя тезис о социуме как источнике деструкции, философ реконструирует генезис деструктивности через анализ исторических этапов развития общества. Так, исторической предпосылкой возникновения деструктивности является нарушение равновесия с окружающей средой на таком этапе социогенеза, как появление и развитие земледелия. Вторым значимым этапом генезиса деструктивности оказывается урбанизация, трансформировавшая структуру социальной жизни, т. е. «одной из важнейших черт общественной жизни города является опо-

ра на патриархальное (мужское) господство. Сущностным признаком господства является принцип контроля – контроль над природой, над рабами, над женщинами и детьми» [1, с. 203]. Третий этап, логически следующий за первыми двумя, связан с осознанием того, что другого можно использовать в качестве орудия труда. Отсюда закономерна мысль Э. Фромма о том, что в обществе деструкция тем выше, чем выше степень разделения труда. Именно поэтому классовые социальные системы оцениваются им как максимально деструктивные. Одновременно с возникновением классов возникает «институт войн» потому, что социальная система изначально являлась эксплуататорской; власть в ней опиралась исключительно на силу, страх и подчинение. Городская цивилизация становится источником жадности власти и страсти к разрушению. Таким образом, деструктивность, не являясь врожденной, может достигать значительной силы и распространенности, что в значительной степени, как доказывает Фромм, зависит от тех факторов, которые относятся к специфическим условиям существования человека. Так, разделение труда и усложнение социальной структуры можно рассматривать как исторический источник деструкции. В отличие от человека архаического общества, для которого была свойственна доброкачественная агрессия, современный человек реализует злокачественную агрессию. С развитием цивилизации степень деструктивности возрастает, а не снижается, что дает возможность сравнивать цивилизационный прогресс с прогрессом деструкции, приводящим к дегуманизации человеческой природы.

На вопрос о том, кто виноват в прогрессе деструкции, Э. Фромм отвечает однозначно: сам человек, так как его родовая характеристика заключается в том, что он убийца. Человеком же его делает способность преодолевать и контролировать тягу к разрушению и убийству. В силу этого деструктивность как склонность человека к насилию является биологически аномальной и филогенетически не запрограммированной злокачественной агрессией, что, несомненно, представляет действительную угрозу для выживания человеческого рода, тем более, если учесть, что с техническим прогрессом убивать становится все легче, а значит, способы сдерживания должны быть все жестче. Деструктивность настолько глубоко проникла в человеческую природу, что возникла иллюзия ее врожденности, на самом деле, как подчеркивает философ, деструктивные проявления человека имеют биосоциальный исторический характер, т. е. общество задает условия, делающие приоритетным проявления деструкции.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что деструкция выступает своеобразной формой социализации человека, которая, в свою очередь подпитывает социальную деструкцию общества в целом. Насилие как деструкция человеческой природы – это замкнутый круг: деструкция социальных отношений обусловлена отсутствием возможностей для самореализации, в результате чего деформируются стремления человека, что, в свою очередь, приводит к эгоистичности и сопровождается деструкцией по отношению к тому, кто стремится избежать деструкции и пытается противопоставить себя обществу в процессе самореализации.

Как возможно разорвать замкнутый круг деструкции и насилия? Исходя из того, что Э. Фромм противопоставляет деструктивность и креативность, вывод однозначен: только посредством творчества можно преодолеть деструктивное воздействие общества, с одной стороны, и минимизировать деструкцию природы человека – с другой стороны. Несмотря на то, что деструктивность и креативность удовлетворяют потребность человека в преодолении ограничений, стимулирование творческой активности не позволит реализовать энергию деструктивности. Казалось бы, все просто: активизируем творческую энергию и получим идеальное общество. Однако человек не может реализовывать творческую активность без устойчивой аксиологической ориентации. Проблематика социальной деструкции в том и заключается, что в социальной динамике она проявляется в различных процессах навязывания псевдоценностей, а значит, разрушается осознание ценности жизни и, как

результат, ориентация на деструктивные формы самореализации, так как витальный интерес заключается в сохранении своей системы координат, ценностной ориентации, от которой зависит осознание себя как личности.

Заключение. Таким образом, ответственность за деструкцию несет само общество, ориентируя индивидов на деструктивные способы самовыражения, формируя псевдопотребности и навязывая ложные ценности. Именно поэтому общество массового потребления превращается в общество тотальной деструкции и эскалации насилия. Массовое общество сделало ставку на омассовленном индивиде как бездумном гиперпотребителе, чья творческая энергия уходит на то, чтобы придумать новое желание. Массовое общество трансформирует и разрушает традиционную иерархию ценностей, размывает как идентичность человека, так и нормативность в сфере морали. Таким образом, ментальность современного общества не нацелена на поиск абсолютных истин. Новым стандартом истины становится ее относительность. Такая хроническая неопределенность жизненных стандартов подвергает человека в состоянии беспоконья. Отсюда ценным социальным качеством становится гибкость и деструктивность. Преодоление негативных воздействий массового общества возможно только за счет смены жизненной установки: позиция иметь и копить должна быть заменена на позицию быть и делиться. Возможно, первым симптомом выздоровления станет возврат к ценности человеческой жизни, но не в модусе ее декларации, а в модусе ее конкретной реализации «здесь и сейчас».

Литература

1. Фромм, Э. [Анатомия человеческой деструктивности] / пер. с англ. Э. М. Телятникова, Т. В. Панфилова. Минск: ООО Попурри, 1999. 624 с.

References

1. Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti* [Anatomy of human destructiveness]. – Minsk, 1999. 624 p. (In Russian).

Информация об авторе

Сидоренко Ирина Николаевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки. Белорусский государственный университет (220050, г. Минск, ул. Кальварийская, 9, Республика Беларусь). E-mail: iri_na2000@rambler.ru

Information about the author

Sidorenko Irina Nikolaevna – Ph. D. Philosophy, assistant professor, assistant professor of the Department of Philosophy and Methodology of Science. Belarusian State University (9, Kalvaryjskaya str., 220050, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: iri_na2000@rambler.ru

Поступила 15.03.2015

УДК 111

С. Л. Шалаева

Марийский государственный университет

**СОЦИАЛЬНАЯ ДЕСТРУКЦИЯ МЕЖПОКОЛЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ГЛОБАЛИЗИРОВАННОМ МИРЕ**

В статье с социально-философских позиций рассматриваются современные изменения межпоколенных отношений в российском обществе, которые свидетельствуют о появлении новой практической и теоретической проблемы современности. Детство, являющееся динамично меняющимся элементом социума, в условиях системной трансформации общества подвергается революционным изменениям.

Констатируется наступление префигуративной культуры межпоколенных отношений, их нарастающая кризисность и метаморфозы. Такие общественные изменения, как потеря традиционных ценностей, а также псевдолиберальное понимание свободы, которые явно проявились и начали доминировать в России с 90-х годов XX века, формируют новый тип личности и меняют социальные статусы детства и взрослости, приводят к явлениям акселерации детства и инфантилизации взрослости. Дети и взрослые участвуют в процессе взаимного конструирования, продуцируя общественные риски.

Анализ происходящих изменений подводит к необходимости серьезного осмысления и анализа этой ситуации, так как межпоколенные отношения выступают базовой моделью социального поведения индивидов, поколений и иных социальных общностей в их социальной динамике, являются основанием стабильного существования общества, сохранения его культуры и осуществления социально-исторического наследования, а также значительно влияют на вопросы национальной безопасности современного общества.

Ключевые слова: детство, межпоколенные отношения, метаморфозы, деструкция, глобализация.

S. L. Shalaeva

Mari State University

**INTERGENERATIONAL RELATIONS' SOCIAL DESTRUCTION
IN THE GLOBALIZED WORLD**

The article considers the current changes of intergenerational relations in Russian society from the socio-philosophical positions. These changes indicate the emergence of the new practical and theoretical problems of the present. Childhood, being a dynamically changing element of society, undergoes revolutionary changes in terms of systemic transformation of society.

It is stated the advance of intergenerational relations' prefigurative culture and their growing crisis and metamorphosis. Such social changes as the loss of traditional values, as well as a new understanding of freedom were evident and began to dominate in Russia since the 90s of 20th century. They generate a new type of personality and a change in the social status of childhood and adulthood, which leads to the phenomena of acceleration of childhood and adulthood infantilization. Children and adults are involved in a process of mutual construction, producing social risks.

Analysis of the changes leads to the need for serious reflection and analysis of the intergenerational relations situation. They are the basic model of social behaviour of individuals, generations and other social communities in their social dynamics, the basis of the sustainable society, preserving its culture and implementing the socio-historical inheritance, it significantly affects the national security of contemporary society.

Key words: childhood, intergenerational relations, metamorphoses, destruction, globalization

Введение. Любое общество стремится к стабильности. Структурной основой стабильности общества являются апробированные временем ценности и социальные нормы, которые являются необходимым основанием для организации совместной жизни людей. Общественные ценности являются предметом регулирования каждой нормы, которые, в свою очередь, оказывают поддержку и самим ценностям.

Для отражения способности норм к поддержанию стабильности общества их условно разделяют на конструктивные и деструктивные, где к конструктивным относятся нормы, поддерживающие базовые ценности, а к деструктивным – подрывающие породившие их ценности и тем самым содействующие разрушению общества.

В современных обществах деструктивные нормы нередко присутствуют в ценностно-

нормативной структуре, оказывая влияние на общественные отношения, процессы социализации и особенности межпоколенных отношений.

Основная часть. Сегодня исследования нравственного сознания российского общества фиксируют множество форм деструктивного поведения. Все те виды активности, которые обозначаются как «аномия» и «моральная деградация», по сути становятся статистической нормой [10]. Мораль почти перестала осознаваться как ценность, в массовом сознании «приобрели доминирующее значение ценности потребительского общества и прагматические установки жизнеобеспечения» [1, с. 28]. Все то разнообразие происходящих явлений и процессов, статистически подтвержденных в социологических исследованиях, обозначаются как «моральная деградация» (О. Т. Богомолов), «порча нравов» как один из худших результатов реформ (В. К. Левашов) и т. д., что созвучно выражению Э. Гидденса «испарение морали».

Одной из непосредственных причин появления в обществе разрушающих норм является девиантное поведение, которое в свою очередь рождается из отклонений в процессе социализации, регламентируемой определенными нормами. Девиантное поведение, перешагнув определенные масштабы распространения, становится новой нормой – зачастую нормой деструктивной. Всплеск деструктивных норм, отмеченный в молодежной среде в период перестройки, был вызван резким уменьшением роли таких социальных институтов, как семья, образование, религия, армия, и заполнением образовавшегося вакуума стихийными агентами социализации (улица, неконтролируемые СМИ), которые в качестве альтернативы выдвигали мораль и эстетику своей субкультуры, нередко отрицая здоровый образ жизни и приветствуя опасные для здоровья нормы поведения [4]. Растущий индивид, имея небольшой жизненный опыт, малую критичность ума и отсутствие персональной ответственности за чью-то жизнь, вполне может принять предлагаемые альтернативы и усвоить базирующиеся на них деструктивные нормы, нередко увлекающие растущего человека обещаемым удовольствием.

В 90-х годах XX века полностью законопослушное поведение превращается в аномалию. Опросы тех лет демонстрируют, что до 90% наших граждан решали «спорные вопросы» с помощью криминальных структур, а в списке институтов, пользовавшихся наибольшим доверием, третье место – после семьи и церкви – занимали криминальные авторитеты [6].

В постперестроечное время в российском обществе возник острый вакуум ценностей. Прежняя форма мировоззрения, опирающаяся

в значительной степени на традиционную форму культуры, поддерживаемую советской идеологией, рухнула. В возникшее пространство ринулись самые различные, не свойственные предыдущему обществу идеи и ценности. Наиболее востребованными стали идеи либерального характера. Свобода приобрела совершенно новые, несвойственные предыдущему обществу очертания. Здесь не лишним будет уточнить, что свобода всегда считалась одной из главных ценностей человечества. Она рассматривалась как основа оптимального устройства общества, эффективности экономики, справедливых отношений и между государствами, и между гражданами. Однако Э. Дюркгейм подчеркивал, что истинная свобода порождается своими ограничениями. Один из его последователей – К. Поппер обращал внимание на обратную сторону демократии, состоящую в том, что она представляет собой не только возможные политические и экономические свободы, но и рамки, за пределы которых не должны выходить граждане демократического общества. Ратующие за абсолютную ценность свободы нередко забывают, что свобода – это высвобождение не только лучшего, но и худшего в человеке, а высвобождение лучшего непременно должно сопровождаться жесткими ограничениями на высвобождение худшего.

Сегодня распространяется псевдолиберальное понимание свободы как несоблюдение запретов, как разнузданность и безответственность, и это охотно ассимилируется многими нашими согражданами. Распространение такого понимания свободы на фоне дефицита внешнего и внутреннего контроля приводит к определенным последствиям. Количество убийств на 100 тыс. жителей в современной России почти в 4 раза больше, чем в США и примерно в 10 раз превышает их распространенность в большинстве европейских стран. Численность жертв несчастных случаев, таких как случайные отравления алкоголем и ДТП, по числу которых Россия занимает 1-е место в мире, свидетельствует о безразличном отношении наших сограждан к своей и чужой жизни. По числу разводов на 1000 жителей мы занимаем 1-е место в Европе, по количеству аборт на 1000 женщин – 1-е место в Восточной Европе и СНГ, по числу детей, оставшихся без попечительства родителей, – 2-е место в Восточной Европе и СНГ. А значение Индекса нравственного состояния нашего общества сейчас почти в 2 раза ниже, чем в 1990 году [10, с. 19].

Обращая большее внимание на тип общества, которое строится в России, преимущественно на характер его экономики, мы совершенно упускаем из виду тип личности, который

культивируем. Избыток свободы и ее нецивилизованное понимание сформировали в нашей стране новый тип личности, обозначаемый психологами как «развязно-агрессивный» [3], и это есть результат интериоризации тех процессов, которые происходили в нашем обществе в 1990-х годах с потерей традиционных нравственных ценностей, а также распространения псевдолиберального понимания свободы.

В этих условиях особо пристальное внимание привлекает детство как социокультурный феномен и проблема изучения межпоколенных отношений как основание стабильного существования общества, сохранения его культуры и осуществления социально-исторического наследования. Детство является динамично меняющимся элементом общества. В условиях системной трансформации общества, его социально-экономических, политических и культурных изменений происходят революционные изменения как самого детства, его статуса в обществе и специфики межпоколенных отношений. Качество этих изменений обозначается учеными как «современный кризис российского детства» (Б. Д. Эльконин, В. И. Слободчиков), «альтернатива детства» (П. Бергер, Т. Лукман), «тенденция ликвидации детства» (Х. Хенгст), «дети без детства» (М. Виннс) и т. д.

Дети и взрослые участвуют в процессе взаимного конструирования, их взаимопроникновение приводят к явлениям акселерации детства и инфантилизации взрослости, что продуцирует риски.

Примером метаморфоз детства эпохи глобализации и постмодерна стали легитимизация и позиционирование «внутреннего ребенка» во взрослом субъекте, сочетая «детскость» и «взрослость» не только в межличностном, но и в индивидуальном аспекте. Постепенно взрослость перестает быть ценностью – мало того, детские психологические характеристики, образы, формы поведения и творчества (непосредственность, эмоциональность, «детскость» в творчестве и т. д.) все более проникают в мир взрослых (феномен игризации, джейнизм, синдром Питера Пена, модная техника движений Фельденкрайза, растущее влияние видов досуга и отдыха молодежной среды, а также экстремальных видов спорта на мир взрослых) [9].

По мнению Л. Горалик [2], появление «новых взрослых» – это свидетельство постепенного изменения всего жизненного цикла, вытекающего из «нового детства» и переходящего в «новую старость», связанных с изменением ценностных установок, образа жизни и ее качества, организацией труда. Л. Горалик подчеркивает, что явление «новых взрослых» – закономерное следствие «нового детства», достаточно защищенного, лишенного физических страданий, относительно самостоятельного, претендующего на ряд прав и привилегий.

Либеральные идеи в форме культуры постмодерна решающим образом повлияли на становление феномена префигурации в современном российском обществе, который в значительной степени повторил, перешел на нашу культурную почву с запада, в близкой к нему ситуации распада, разрушения традиционных социальных институтов общества [8]. Эти процессы наиболее ясно проявили себя, например, в сфере отношения полов и поколений в обществе. Их следствием стали в том числе процессы роста инфантилизации взрослого мира и утраты им рационального, мировоззренческого контроля за миром детства, близкого к состоянию мировоззренческого и социального хаоса. Эта ситуация во многом напоминает нам все более хаотическую и нестабильную в своем существовании и все более сложную во внутренних взаимосвязях систему, где малая флуктуация действительно может привести к разрушительной волне самого целого, совсем в духе синергетического подхода [7].

Заключение. Подводя итог, стоит констатировать, что процессы префигурации, выступив фактором хаотизации в системе человеческих отношений, как раз и могут рассматриваться в качестве следствия той самой диффузии и деформация поддерживающих человека и общества социальных институтов, разрушение которых не может не сказаться на всех сторонах человеческого существования (с общественной точки зрения) уже в ближайшей перспективе, породив новые вызовы единству человека и общества, стабильности их развития и продления в мире как на уровне общественных отношений, так и на уровне человеческой деятельности, в любой форме ее проявления.

Литература

1. Бойков В. Э. Социально-политические ценностные ориентации россиян: содержание и возможности реализации // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 27–34.
2. Горалик Л. Маленький принц и большие ожидания. Новая зрелость в современном обществе // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2008. № 8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://linorgoralik.com/little_prince.htm
3. Ениклопов С. Н., Кузнецова Ю. Н., Цибульский Н. П., Чудов Н. В. Специфика агрессии в Интернет-среде // Психологический журнал. 2006. № 6. С. 65–72.

4. Левичева В.Ф. Молодежный Вавилон: Размышления о неформальном движении. М.: Молодая гвардия, 1989. 224 с.
5. Лысова А. В., Щитов Н. Г. Системы реагирования на домашнее насилие // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 99 – 115.
6. Олейник А. Н. Издержки и перспективы реформ в России: институциональный подход // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 12 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=685&id=468&jid=465&jj=
7. Шалаев В. П. Актуальная синергетика: человек и общество в эпоху глобальных трансформаций. Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2013. 184 с.
8. Шалаева С. Л. Детство в ситуации постмодерна // Ученые записки Казанского государственного университета. Том 148. Серия Гуманитарные науки. Книга 1. Казань, 2006. С. 169–182.
9. Шалаева С. Л. Феномен детей Индиго: конструирование мифа, или реальность префигуративного общества (социально-философский анализ) // Конфликтология. 2014. № 1. С. 165–175.
10. Юревич А. В. Дар данайцев: феномен свободы в современной России // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 17–24.

References

1. Boykov V. E. Social and political value orientations of Russians: content and realization possibilities. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological investigations], 2010, no. 6, pp. 27–34 (In Russian).
2. Goralik L. [The Little Prince and great expectations. The new maturity in today's society]. *Teoriya i praktika. Odezhd. Telo. Kul'tura*, 2008, no. 8 (In Russian). Available at: http://linorgoralik.com/little_prince.html (accessed 25.10.2014).
3. Enikopolov S. N., Kuznetsova Y.N., Tsubul'skiy N.P., Chudov N.V. Specificity of aggression in the Internet environment. *Psichologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2006, no. 6, pp. 65–72 (In Russian).
4. Levicheva V. F. *Molodezhnyy Vavilon: Razmyshleniya o neformal'nom dvizhenii* [The Youth Babylon: Reflections on the informal movement]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1989. 224 p.
5. Lysova A. V., Shchitov N. G. The systems of response to home violence. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Journal of Sociology], 2003, no. 3, pp. 99–115 (In Russian).
6. Oleynik A. N. [The costs and prospects of reforms in Russia: Institutional Approach]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya.*, 1997, no. 12 (In Russian). Available at: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=685&id=468&jid=465&jj= (accessed 25.10.2014).
7. Shalaev V. P. *Aktual'naja sinergetika: chelovek i obshchestvo v jepohu global'nyh transformacij: monografija* [Current synergy: man and society in the era of global transformations]. Yoshkar-Ola: PGU Publ., 2013. 184 p.
8. Shalaeva S. L. Childhood in the postmodern situation. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [Scientific issues of Kazan State University. Human sciences], 2006, vol. 148, no. 1, pp. 169–182 (In Russian).
9. Shalaeva S. L. Indigo children phenomenon: the construction of the myth or reality of prefigurative society. *Konfliktologiya* [Conflictology], 2014, no. 1, pp. 165–175 (In Russian).
10. Yurevich A. V. Gift Greeks bearing: the phenomenon of freedom in modern Russia. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 2010, no. 10, pp. 17–24 (In Russian).

Информация об авторе

Шалаева Светлана Леонидовна – кандидат философских наук, доцент кафедры дошкольной и социальной педагогики. Марийский государственный университет (424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1, Россия). E-mail: svet_0864@mail.ru

Information about the author

Shalaeva Svetlana Leonidovna – Ph. D. Philosophy, assistant professor. Mari State University (1, Lenin Square, 420000, Yoshkar-Ola, Russia). E-mail: svet_0864@mail.ru

Поступила 16.03.2015

УДК 0.88

В. В. Криворотько

Белорусский государственный технологический университет

**ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

В статье предпринята попытка анализа особенностей современной профессиональной ориентации в рамках процесса глобализации и становления постиндустриального общества. В ней отмечается, что в новых условиях для устойчивого функционирования социума необходимы не только минерально-сырьевые ресурсы, наличие высоких технологий, но и потребность в подготовке квалифицированных производственных кадров, способных обслуживать и грамотно управлять современными процессами реального сектора экономики. Для достижения поставленных целей необходимы предусмотренные социальные процедуры, и в первую очередь – целенаправленная «органическая», или «опережающая», профориентационная деятельность социальных институтов. Анализируя особенности трансформации социальных структур в условиях глобализации, автор отмечает, что одновременно происходит процесс изменения шкалы ценностей. Она связана с падением или возрастанием престижности (статусности) той или иной профессии, которую выбирает субъект. В статье подчеркивается, что в ходе перестройки профориентационной деятельности от «догоняющей» к «опережающей» необходимо преодолеть ряд проблем, вызванных постиндустриальной трансформацией общества: это процесс отчуждения фундаментальных общечеловеческих качеств личности, устранение редукции феномена человека к своим биологическим основаниям и обоснование необходимости альтернативы утилитарному, потребительскому сознанию, которая заключается в усилении принципа самодостаточности личности. В контексте вышеизложенного в статье декларируется необходимость поиска аргументаций и обоснований повышения престижности производственных профессий, в противовес «игровым» или «сервисным» специальностям, а также углубление познания механизмов формирования устойчивых мотивов и намерений индивида в выборе будущей профессии.

Ключевые слова: органическая – «опережающая», неорганическая – «догоняющая» профессиональная ориентация, престиж, «сервисные» или «игровые» профессии, глобализация, постиндустриализм, антропоцентризм, утилитаризм, прагматизм.

V. V. Krivorot'ko

Belarusian State Technological University

**FEATURES OF VOCATIONAL GUIDANCE
IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION**

In article, an attempt of the analysis of features of modern professional orientation within process of globalization and formation of post-industrial society is made. In it is noted that in new conditions for steady functioning of society are necessary not only mineralraw material resources, existence of high technologies, but also a demand for preparation the qualified production shots capable to serve and competently to operate modern processes of real production sector. For achievement of goals, the provided social procedures, and first of all – the purposeful “organic” or “advancing” professional orientation activity of social institutes are necessary. Analyzing features of transformation of social structures in the conditions of globalization in work, it is noted that at the same time there is a process of change of a scale of values. It is connected with falling or increase of prestigiousness (status) of this or that profession, which is chosen by the subject. In article it is emphasized that during reorganization of professional orientation activity from “catching up” to “advancing”, it is necessary to overcome a number of the problems caused by post-industrial transformation of society: it is process of alienation of fundamental universal qualities of the personality, elimination of a reduction of a phenomenon of the person to the biological bases and justification of need of alternative – to utilitarian, consumer consciousness which consists in strengthening of the principle of self-sufficiency persons. In a context, the article need to search on arguments and justifications of increase of prestigiousness of production professions, as opposed to “game” or “service” specialties, and deepening of knowledge of mechanisms of formation of steady motives and intentions of the individual is declared in a choice of future profession.

Key words: the organic – “advancing”, inorganic – the “catching-up” vocational guidance, prestige, “service” or “game” professions, globalization, postindustrials, anthropocentrism, utilitarianism, a pragmatism.

Введение. В условиях глобализации и процесса трансформации социума в направлении становления постиндустриального общества проблемы профессиональной ориентации приобретают актуальный и остро востребуемый характер.

Профессиональная ориентация представляет собой научно обоснованную систему мероприятий социально-психологического характера, способствующую субъекту сделать осознанный выбор профессии с учетом целостного единства своих индивидуальных возможностей и потребностей общества.

В социально-философском контексте под термином «глобализация» понимается противоречивый феномен, который коренным образом меняет форму и содержание современной эпохи.

Этот термин получил научное распространение в 80-х годах XX столетия и представляется как мегатенденция глобального процесса интеграции (объединения) социальных, политических, экономических и культурологических связей относительно регионализованного (локального) человечества.

Основная часть Результаты глобализации многомерны, противоречивы и весьма неоднозначны. В первую очередь, они проявляют себя в оформлении глобальных международных рынков свободного движения капиталов, разнообразного вида услуг, приводят к увеличению количества мигрантов в результате социальной мобильности и формируют над-, интер- и транснациональные институты общества

В таких условиях для устойчивого функционирования и прогресса социума необходимы не только минерально-сырьевые ресурсы, а также наличие и использование высоких технологий, но и высококвалифицированные производственные кадры, способные обслуживать и грамотно управлять современными процессами реального сектора экономики.

Для подготовки соответствующего человеческого капитала как наиболее ценного ресурса нашей цивилизации необходимы продуманные социальные процедуры, и в первую очередь грамотная «органическая» или «опережающая» профориентационная деятельность социальных институтов общества. Следует отметить, что профессиональная ориентация и социальная не одно и то же понятие. В то же время эти категории являются тесно взаимосвязанными и детерминируют друг друга. Они позволяют субъекту объективно определить свое место в социальном пространстве (социальный статус) и профессионально-квалификационной структуре того или иного уровня. Критерием социальной стороны ориентации молодежи в подавляющем случае является профессиональная ее сторона –

адекватный выбор конкретной и дублирующей профессии. Таким образом, профориентация как составная часть социализации индивидов предусматривает необходимость опосредованного отражения и учета особенностей глобализации современного мира. В таком понимании глобализация представляется как системный фактор, который ведет к изменению всей структуры социума не только в сфере социальных институтов, но и в сфере шкалы ценностей. Ценностные ориентации определяются прежде всего целой совокупностью исторически сложившихся политических, философских и нравственных убеждений индивида.

Процесс глобализации объективно совпал с переходом общества к постиндустриальному этапу своего развития. В этих условиях происходит трансформация ценностных ориентиров, которые определяются падением либо возрастанием «престижности» (статусности) той или иной профессии, которую выбирает субъект.

Престижность (привлекательность) профессии является важным фактором процесса профориентации. Чтобы определить уровень престижа той или иной профессии, необходимо учитывать весь комплекс субъективных и объективных факторов для его формирования. Оценка престижа сводится к становлению устойчивого отношения, которое формируется между индивидом и предметом его профессиональной деятельности. Другими словами, это и есть конкретное отношение индивида к выбираемой профессии. Оно не носит случайный характер, а отражает объективные, т. е. действительные, связи, которые существуют в социуме и оказывают реальное влияние на мотивацию и поведение субъекта. Оценка привлекательности профессии содержит в себе слепок (печать) прошлых представлений, на которые проецируются перспективные (ожидаемые) оценки субъектом своей будущей профессии. Поэтому на основе ожидаемых или перспективных оценок в последние десятилетия в семьях, школах и вузах отмечается тенденция, ориентированная на получение определенных «статусных» специальностей, которые связаны с «сервисными» профессиями. Такая ориентация на исключительно модные профессии необоснованно отвлекает внимание молодежи от специальностей реального сектора экономики, опосредованно нивелируя оценки престижности производственных специальностей. Это приводит к тому, что профессиональные установки молодых людей зачастую не соответствуют потребностям реального сектора экономики, который несет огромные издержки. Кроме этого, успешный выбор профессионального пути индивидом уменьшает возможность разочарований, неудовлетворенности, обеспечивает

устойчивую психологическую адаптацию, улучшает профессиональный отбор и подготовку кадров, Вышеприведенное обусловило возможность обозначить несколько актуальных проблем современной профориентации:

1. Постиндустриальный этап общественно-го развития приводит к отчуждению фундаментальных человеческих качеств, отводя ему роль только функционального элемента современных технологий (генной инженерии, молекулярной биологии, микроэлектронных приложений и т. д.).

2. Кроме этого, феномен человека постепенно редуцируется к своему биологическому основанию (субстрату), для которого потребление становится основной экзистенцией своего бытия. В результате субъект постепенно начинает терять свою социальную сущность, индивидуальность, критичность, самодостаточность, становясь все более зависимым от наличия и развития постиндустриальных технологий и их приложений.

Сегодня во многих телепередачах открыто пропагандируется всевластие и примат денег. Печатаются целые серии изданий: «Как стать состоятельным?», «Почему ты нищий?», «Богатей по русски» и т. д., адресованные желающим стать менеджером неважно чего, фрилансером, мерчендайзером, программистом игр и стратегий и т. д., в которых обосновывается легкий путь. Отсюда следует риск корыстно обусловленной преступности, коррупции, тунеядства и грабежа. В итоге это приводит умонастроению молодежи к тенденции разрушения института семьи, обострения взаимоотношения отцов и детей, неуважения к старшему поколению.

3. В результате постиндустриальный глобализм трансформирует традиционные общечеловеческие ценности: социальную справедливость, добро, сострадание и т. п., сводя их к вульгарному утилитаризму и прагматизму, формируя потребительское сознание, в котором ресурсы предстают только как объект потребления.

В условиях перехода к рыночным отношениям важнейшим критерием становятся деньги. Сегодня для многих учащихся престижность той или иной профессии весьма часто ассоциируется не только с понятием привлекательности, сколько с меркантильным фактором. В основе этого меркантильного фактора лежат мировоззренческий принцип антропоцентризма и установка «быстрого и всеобщего обогащения». В свое время критику этой установки дал М. Вебер в своей работе «Протестантская этика и дух капитализма», где предложил в качестве альтернативы стремлению к наживе капитализма эпохи первоначального накопления капитала «аскетический рационализм» [1].

Далее, человеческая личность под воздействием средств массовой информации, интернета и других информационных технологий начинает приобретать черты и характер рыночной экономики, модели потребительского сознания, в которых вытесняются фундаментальные общечеловеческие ценности, подменяя их контркультурными установками, ведущими к осознанному девиантному поведению. Таким образом, аксиологическими основаниями постиндустриального развития социума становятся потребительство и утилитаризм. В их основе лежат принципы антропоцентризма, провозглашающие приоритет постиндустриальной модели развития общества над другими альтернативными стратегиями развития.

Сегодня стало очевидным, что современные «сервисные» или «игровые» технологии и их приложения не могут заменить сам процесс производства, который является основой социально-экономического прогресса общества. Сложившийся перекоп в профориентировании и в подготовке кадров в сторону «обслуживающих» профессий сегодня стал явно несостоятельным. И это очевидно, так как прежде чем что-либо обслуживать, необходимо изначально что-то производить, а произведенный продукт или само производство в своем развитии стало бы в этом остро нуждаться. Представьте себе такое явление: может ли устойчиво функционировать коммерческий банк без работы реального сектора экономики – завода или фабрики? Отсутствие финансовых потоков и возможности управления ими означает нерентабельность своего функционирования. Поэтому избыточная масса «сервисных» профессий на рынке труда приводит к дополнительным затратам государства на перепрофилирование и переобучение рабочей силы. Это означает то, что становящаяся «неоиндустриальная парадигма» как альтернатива постиндустриальному развитию социума в своих приоритетах ориентирует на возрождение престижности производственных профессий, которые востребованы реальным сектором экономики.

В контексте вышеказанного следует, что перед профориентационными институтами стоит задача реструктуризации своей деятельности в нескольких направлениях.

1. Это поиск аргументаций и обоснований повышения «престижности» производственных, а не «сервисных» и «игровых» профессий, первые из которых ориентированы на реальные сектора современной экономики. Поэтому важнейшим фактором профориентационной деятельности является ориентация на анализ содержания понятия «престижности» (привлекательности) профессии, процесс формирования

ситуативных, а затем и перспективных профнамерений индивида. Учет «престижности» становится объективным основанием для осмысленного и обоснованного выбора соответствующей профессии.

2. Углубление познания механизмов формирования устойчивых мотивов и намерений индивида в выборе профессии. Это необходимо для прогнозирования и управления векторами профессиональных склонностей субъекта, на основе которых возможно построение прогнозных моделей динамики обоснованного выбора профессии.

3. Сегодня система профориентации требует серьезных реформ, суть которых сводится к «органическому», или «опережающему», профориентированию, основанному на методе прогнозирования (построения вероятностных моделей). Это, в свою очередь, будет способствовать выявлению закономерностей социальной и профориентационной динамики в современном обществе. В противном случае эта система будет оставаться на уровне «догоняющей» и всегда запаздывать в ответе на глобальные вызовы современности, т. к. ключевой проблемой является адаптация человека к изменяющейся среде. Об этом говорил американский футуролог

Э. Тоффлер в своей работе «Шок будущего». «Если человек быстро не научится контролировать скорость перемен в своих личных делах, а также в обществе в целом мы обречены на массовый адаптационный срыв... необходимо «равновесие не только между скоростью перемен в разных секторах, а между скоростью изменения окружения и ограниченной скоростью человеческой реакции. Ибо причина шока будущего – увеличивающийся разрыв между ними» [2].

Сложившаяся система профессиональной ориентации подрастающего поколения в большинстве своем ориентирована на то, что было вчера, и не раскрывает участникам перспективы на будущее. Это положение в полной мере относится и к современным проблемам профессиональной и социальной ориентации современной учащейся молодежи.

Заключение. Решение современных проблем профессиональной ориентации в условиях становления постиндустриального общества находится в плоскости реструктуризации или перестройки приоритетов ценностных ориентаций, направленных на целый ряд производственных профессий, которые остро востребованы реальным сектором экономики.

Литература

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990. С. 207.
2. Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. М.: АСТ, 2002. С. 16–18 (In Russian).

References

1. Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, 1990, p. 207 (In Russian).
2. Toffler A. Future shock [Trans. from ingl]. Moscow, ACT Publ., 2002, p. 16–18.

Информация об авторе

Криворотко Виктор Васильевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: Krivorotko@belstu.by

Information about the author

Krivorot'ko Victor Vasilyevich – Ph. D. Philosophy, assistant professor of the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Krivorotko@belstu.by

Поступила 15.03.2015

УДК 101.1:008

В. П. Шалаев, Ф. Г. Емельянов

Поволжский государственный технологический университет

**ИГРА В ПРОСТРАНСТВЕ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ И ИДЕНТИЧНОСТИ
ЧЕЛОВЕКА В ОБЩЕСТВЕ ПОСТМОДЕРНА**

Авторы исследуют сущность игры как фундаментального свойства бытия человека в его истории и современности. В фокусе статьи – анализ игры как универсального и атрибутивного свойства современной философии, культуры и общества. Игра представляется как целостность, способная к сохранению своей идентичности в процессе трансформации социума и в то же время как важный фактор самоидентификации и идентичности человека. В статье анализируются постмодернистская парадигма игры, ее особенности в ситуации глобализации и информатизации современного общества. Исследуется и обосновывается органическая взаимосвязь игры и индивидуализации, самоидентификации человека как личности в процессе ее социализации в общество. Исследуется тоталлогическое измерение игры в современном обществе постмодерна, раскрывающееся через сизигийные принципы. Анализируется новая виртуальная культура, феномен игры в ситуации постмодерна в современном обществе. Авторы фиксируют внимание на таких сторонах игровой стратегии постмодерна, как симуляция, спектакуляризация, играизация, шоутизация и эксплицируют отношения между ними. В заключение вскрываются опасности игровой стратегии постмодернизма в области игроизации общества, развитии и внедрении в общество манипулятивных технологий управления сознанием и поведением человека в современном обществе.

Ключевые слова: игра, играизация, виртуальность, самоидентификация, идентичность, постмодернизм, тоталлогия, глобализация, манипулятивные технологии.

V. P. Shalaev, F. G. Yemelyanov

Volga region State Technological University

**GAME IN PROSTRANSTVA OF SELF-IDENTIFICATION AND IDENTITY
THE PERSON IN THE SOCIETY OF THE POSTMODERN**

Authors investigate essence of game, as fundamental property of life of the person in his history and the present. In focus of article the analysis of game as universal and attributive property of modern philosophy, culture and society. Game is represented as the integrity capable to preservation of the identity in the course of transformation of society and at the same time as an important factor of self-identification and identity of the person. In article the post-modernist paradigm of game, its feature in a situation of globalization and informatization of modern society are analyzed. The organic interrelation of game and an individualization, self-identification of the person as persons in the course of her socialization in society is investigated and locates. The totallogichesky measurement of game in modern society of a postmodern revealing through the sizigiyny principles is investigated. Analyzing new virtual culture, a game phenomenon in a postmodern situation in modern society. Authors fix attention on such parties of game strategy of a postmodern as simulation, the spektakulyarization, an igraization, a shoutization and eksplitsirut the relations between them. In summary, dangers of game strategy of a postmodernism in the field of an igraization of society, development and introduction in society of manipulative technologies of management of consciousness and behavior of the person in modern society are opened.

Key words: game, igraization, virtuality, self-identification, identity, postmodernism, totallogiya, globalization, manipulative technologies

Введение. Исследование феномена игры актуализировалось на протяжении всей истории человечества и достигла своего апогея в наши дни. Сегодня роль игры актуальна и в современном процессе идентификации личности, и в развитии социальных коммуникаций, и в трансформации виртуальной реальности, и в утверждении полионтологичности мира, и в каждой из сфер общественной жизни в виде различных технологий. Расширение границ феномена игры путем обнаружения все новых ее значе-

ний, в рамках современного общества, расширяет круг проблематики и возможности ее применения в области научного знания и практики. Постмодернизм, провозгласивший «игровое» отношение к миру, оказался популярным философским основанием интерпретации феномена игры.

Нет сомнения, что игровая составляющая стала доминантой современного социума, а сама игра стала маркером постмодернистского общества, когда игровые процессы вторгаются

во все сферы бытия и когда играизация становится способом управления поведением человека, технологией манипулирования его сознанием и поведением [4, 6, 7]. Эти противоречивые стороны постмодернизма и его практикования стали предметом нашего критического анализа, сосредоточенного на феномене самоидентификации, идентичности человека и игры в современном постмодернистском социуме.

Основная часть. В контексте заявленного объекта исследования особый интерес представляют следующие основные составляющие постмодернистской парадигмы:

- плюрализм, ориентация на множественность интерпретаций;
- карнавализация, маскирование, игровое освоение хаоса;
- «стирание» личности, подчеркивание множественности «Я»;
- отказ от традиций, деканонизация, ироническая переоценка ценностей;
- гибридизация, мутантное порождение новых форм.

Постмодернистская реальность, как подчеркивают теоретики постмодернизма (Ж. Бодрийяр, Г. Дибор, У. Эко, А. Генис, Н. Малишевская и др.), основана на игровой стихии. Былые запреты и табу традиционного общества отброшены, что обусловило появление пространства для игрового действия (предметом шоу, розыгрыша становятся сегодня даже смерть, болезнь, религиозные воззрения, национальные традиции, интимная жизнь, трагедия, катастрофа...). Эстетизация безобразного, отвратительного, трагического размывает их границы. В карнавальном вихре, где правят бал дисгармония, асимметрия, ассонанс, кружится нечто абсурдное, нерациональное, незавершенное. Интерпретация философских смыслов постмодерна в современном обществе ведет нас к играизации. В глобализирующемся, постмодернистском, информатизированном обществе место и роль человека трудно определить однозначно. Для ментальности человека постмодерна характерны ризоматичность (Ж. Делез, Ф. Гваттари), ироничность, изменчивость, неопределенность. По Бодрийяру, такой человек имеет дело не с вещами, а с симулякрами, масками, копиями, копиями копий [1, 4].

Современные технологии перехода к информационному обществу буквально «замешаны» на игровой основе. Онтологическая неопределенность, децентрация, актуализация имманентности как ведущей характеристики постмодерна доказывают его стремление и способность генерировать игровые построения, создавать игровой контекст. В конечном итоге доминирующее положение игрового феномена

в современном обществе обусловлено, по нашему мнению, следующим:

- именно в имитационных играх идентификаций человек проходит процесс становления, осваивая различные механизмы поведения; в ролевых – постигает социальные или профессиональные роли;
- появление свободного времени, скука и недовольство серыми буднями компенсируются участием в азартно-состязательных играх;
- практически все социальные коммуникации подвержены игровой стихии;
- в плоскости игры трансформируется виртуальная реальность.

Кроме того, игровой характер симуляций и искусственный мир симулякров создают основу для полионтологичности мира. Наличие игровой составляющей многими исследователями отмечается в таких доминантных характеристиках постмодерна, как *виртуальность, симулякр и полионтологичность* [4, 5, 7]. Все это:

- предполагает не константную, а множественную реальность;
- манифестирует играизацию смыслов, фрагментарность, дискретность;
- доказывает несомненный примат игры в условиях постмодерна;
- служит игровым воплощением скепсиса и иронии по отношению к актуальной реальности.

И хотя все это защищает человека от абсурдности существования, непредсказуемости, нестабильности, хаотичности постмодернистского бытия человека, но в то же время провоцирует и развитие деструктивных тенденций в его бытии. Игра сегодня определяет характер общественных отношений. Игровое влияние на процесс идентификации делает его подвижным, неустойчивым и изменчивым, подверженным трансформациям и метаморфозам. В центре оказывается перформативное, игровое «Я» человека. Проявления игрового типа личности придают социальным отношениям фрагментарность, поверхностность, непостоянство, дистанцированность от других (так легче защитить собственный внутренний мир с его ценностями и правилами игры). Само осуществление социальных коммуникаций через самоидентификацию, самореализацию, самопрезентацию также имеет игровую природу. А виртуальность как характеристику современной полионтологичности вне игровой стихии вообще невозможно представить.

В характеристике игры как социального феномена большое значение имеет представление об идентификации и проблема идентичности в глобализирующемся обществе, что требует соотнесения и поиска общего знаменателя между индивидуальной и коллективной идентичностью,

переосмысления самоидентификации человека на игровой основе. Под влиянием глобализации и мультикультурализма, интеграции экзистенциальных и информационных полей человек обезличивается, теряет пути (а порой и потребность) к самоидентификации. Размышляя об этом, С. Куцепал подчеркивает, что «обострение» в «обществе спектакля» тотальной симуляции, «субъективность... заменяется бесконечным множеством масок-симулякров» [3, с. 11]. Несомненно, что выстроить жизненную стратегию с помощью калейдоскопично мелькающих масок, ролей, образов человеку (особенно молодому) проблематично. Следствием дискурсивных практик мозаичной, коллажной, симулятивной реальности стала субъективность идентичности, рост дистанций с реальностью и большим обществом. Исследователи (психологи, социологи, педагоги) диагностируют рост проявлений негативной идентичности (принижение других за счет возвышения собственного Я). И. Зверева [2] отмечает пластичность идентичности (предъявление различных «Я»-образов в зависимости от ситуации), говорит о «клонировании» идентичности (что происходит в результате пребывания индивида сразу в нескольких реальностях).

Рассмотрим связанный с этим контекст взаимосвязи виртуальной, сетевой и реальной идентичности. Они взаимодополняют друг друга, альтернативны, или это образы, маски, роли одной личности. В конструируемом виртуальном мире «альтернативные идентичности» отлично уживаются друг с другом, значит, человек осознает, что это не он сам, а только результат его воображения, роль, маска. При этом под сетевой идентичностью вполне адекватно понимается составная часть «социокультурной идентичности личности, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной (не всегда фиксируемой в реальном социуме) общности, осуществляющей деятельность (в основном потребление и передачу знаний и информации) в информационно-коммуникативных средах, прежде всего в компьютерном виртуальном пространстве» [2].

Для формирования идентичности современного человека сегодня предоставлен значительный социально-игровой простор. Игровое пространство, расширяя свои границы, завоевывает процесс самоидентификации, подтверждая игровой характер поиска человеком своего «Я». Несомненно, игра, фокусируя и отображая различные феномены бытия в их предельных проявлениях, помогает проявиться человеческой экзистенции и идентифицировать свой «Я-образ» как единый, целостный, индивидуальный и неповторимый. Актуализируется

необходимость переосмысления значения самоидентификации человека и ее игрового измерения. Формируя индивид, игра несет на себе отпечаток проявления его индивидуальности, но, разворачиваясь в социуме, псевдоигра, отражая игровую природу индивида, «грозит стать неуправляемой в связи со своей флуктуационной природой» [5, с. 4], игра как играизация, несомненно, опасна для здоровой социальности человека. Где же мера?

Сущностные признаки игры, которые отмечали еще Й. Хейзинга, Э. Финк, Э. Фромм, Х. Гадамер (свобода, неутилитарность, агональность, переход из сферы реального в воображаемый, ирреальный мир, господство правил в рамках игры, напряжение, риск и соперничество, деятельностный характер) сегодня актуализированы, но в превращенных формах. Меняется контекст игры, подвергаются метаморфозам, трансформациям отдельные ее характеристики, постмодернистская реальность провоцирует создание новых игровых пространств, претворение в жизнь новых игровых сценариев, реализацию новых общественных ролей [6, 7].

При этом постмодернистская игра во многом обусловлена развитием информационных технологий, компьютерной техники, средств массовой информации и тотальным проникновением их в культуру и искусство. Виртуальные и сетевые игры, как феномен новой виртуальной культуры, имеют свои отличия:

- дистанционность;
- реальная удаленность от субъекта;
- либеральность;
- дескриптивность;
- эклектичность, микширование и сосуществование различных потоков информации, стилей, направлений;
- виртуальность как существование в искусственно созданной реальности;
- фрагментарность, мозаичность выражения;
- доминирование визуального над смысловым;
- инновационность;
- технократичность, значимость технических средств (игровые контроллеры Razer Hydra, Kinect, PlayStation Move и т. д.);
- развлекательный, рекреационный, игровой характер (главный стимул – стремление к развлечению, множественности, разнообразию форм досуга);
- игровой измерение концепции нарратива как пути к самоидентичности.

Ряд исследователей (П. Рикер, С. Бауман, И. Ветренко, А. Родионова и др.) выделяют такие общие признаки и функции игры и нарратии в самоидентификации, как самодостаточность, общность с интерпретацией, существование

по правилам. Оригинален подход А. Родионовой [5], видящей в игре тотальность, которая, разворачиваясь и проникая в общество, способна сохранять свою идентичность и обновляться как целостное образование благодаря сизигийным механизмам. По ее мнению, существующих методик (системный и структурный подходы, синергетика и др.) явно недостаточно для целостного анализа игры. Раз в игровой стихии происходит совмещение, соотнесение и взаимопроникновение диаметрально противоположных характеристик, то исследование этого механизма невозможно без применения новой философской методологии – тоталлогии и введения понятия сизигии как обеспечения парного соотношения, комплементарного соответствия и согласования противоположных компонентов целостности. Исследователь сближает тоталлогию и синергетику, видя их общей знаменатель в единстве противоположностей, которые взаимодействуют между собой, обновляются, образуя сложную, открытую систему. Однако тоталлогия идет дальше в исследовании самоорганизации, рассматривая ее как фрагмент обновления, трансформации и метаморфоз, возникновения новых целостных форм.

Действительно, для современной игры, как свидетельствуют результаты многочисленных исследований, характерны нарушения классических логических структур. Превращаясь в метапринцип, объединяющий фрагментаризованное, мозаичное пространство в относительную целостность, она как бы примирает его полюса (свободу – необходимость, абсолютное – трансцендентальное, мужское – женское, глубинное – поверхностное, реальное – виртуальное, серьезное – развлекательное, рациональное – иррациональное, субъект – объект, Восток – Запад, естественное – искусственное, формализм – содержательность и др.), размывает, смягчает бинарные оппозиции, стирает привычные разделения и дихотомии.

С позиции тоталлогии игра, как тотальность, разворачиваясь в социуме, способна сохранять свою идентичность и обновляться как целостное образование благодаря сизигийным механизмам, утверждаясь в качестве базовой ступени культуры. Постмодерн и информатизация социума закрепляют за игровым действием статус тотальности, продвигая и укореняя ее во всех сферах жизни человека и социума. Все это существенным образом влияет на процессы самоидентификации и идентичности целых народов, стирая их историческую память, заменяя ее новой виртуальной игровой реальностью. Человек и общество, с постмодерном и продвигаемой им тотальностью игры, ведут к ситуации виртуального, бифуркационного общества, подвергнуто-

го рискам всеобщей манипуляции над сознанием и поведением человека [6].

При этом игровая сущность процесса идентификации в таком обществе заключается в актуализации протейстичной, игровой идентичности, доминирующей в информационном обществе, а его становление происходит средствами игры в виртуализированном постмодернистском пространстве. В ситуации глобализации, устремленной к навязыванию западных систем ценностей (западофикация), западного доминирования в мире, с целью его потребления [5], тоталогическая постмодернистская форма игры, несомненно, становится ключевым фактором управления миром и человеком.

Знания об игре как сфере виртуальности актуализируют такие ее качества, как автономность, интерактивность; дискретность, дистанционность, понятие об игровых проявлениях виртуализации «как яркой обертки объективной реальности». Феномен игры в современных условиях быстро трансформируется в новые формы, присущие информационной фазе развития мирового сообщества, тоталлогического измерения игровых дискретов: агональности, утилитарности, изменчивости. Вводя понятие сизигии, исследователи доказывают значимость генерологического и парсичного измерений игры; справедливо формулируют определение игры как тотальности, что, разворачиваясь в социуме, способна сохранять свою идентичность и обновляться как целостное образование благодаря действию сизигийных механизмов.

Заключение. Феномен игры амбивалентен. Игра способна объединить, микшировать стили, роли, маски, сконцентрировать, «склеивать», соединить архаические формы игры и new-games. Игра – универсальный инструмент самоидентификации и идентичности человека в мире. Но ситуация глобализованного, постмодернистского общества парадоксальным образом восприняла и эксплуатирует именно тотальную сущность игры и именно в технологическом, конструктивистском, подчиняющем сущность человека виде, в особенности в сфере управления человеком. Сложилась ситуация, в которой игра сама становится самоидентификацией и идентичностью в человеке, игра становится превращенной формой человека, увлекая его в мир объективации и маргинализации. Двойственная сущность игры способна как сохранять культурные ценности и идентичность человека в ситуации нестабильности, неопределенности, кризиса общества, так и разрушать их. Но виновата, конечно, не игра, а сам человек, проявленностью противоречивых, сущностных свойств которого она и является в мире цивилизации и культуры.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции // Философия эпохи постмодерна: сб. переводов и рефератов. Минск, 2006. С. 123–127.
2. Зверева И. А. Идентичность как философская проблема: автореф. дис. ... канд. филос. наук. URL: www.dslib.net (дата обращения: 18.01.2015).
3. Куцепал С. Идентичность модерна и постмодерна // Философские горизонты. 2007. № 17. С. 3–15.
4. Рикер П. Сам как другой / пер. с фр. Киев: Дух и Буква, 2002. 458 с.
5. Родионова А. В. Тоталлогическое измерение феномена игры: автореф. дис. канд. филос. наук. Киев, 2010. 24 с.
6. Шалаев В. П. Актуальная синергетика: человек и общество в эпоху глобальных трансформаций: монография. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2013. 184 с.
7. Шалаев В. П. Синергетика в пространстве философских проблем современности: монография. Йошкар-Ола: ПГТУ. 2009. 360 с.

References

1. Bodrijjar Zh. Simulacra and Simulation. *Filosofija jepohi postmoderna: sb. perevodov i referatov*. [Philosophy of postmodern's history], Minsk, 2006, pp. 123–127. (In Russian).
2. Zvereva I. A. *Identichnost' kak filosofskaja problema: avtoref. Dis. kand. filos. nauk* [Identity like philosophical problem]. Available at: www.dslib.net. (accessed 18.01.2015).
3. Kucepal S. Identity of modern and postmodern. *Filosofskie gorizonty* [Philosophical horizons], 2007, no. 17, pp. 3–15 (In Russian).
4. Riker P. *Sam kak drugoj* [Oneself as Another]. Kiev, Duh i Bukva Publ., 2002. 458 p.
5. Rodionova A. V. *Totallogicheskoe izmerenie fenomena igry: avtoref. Dis. kand. filos. nauk*. [Totallogycal measurement of game's phenomena: autorepherat]. Kiev, 2010. 24 p.
6. Shalaev V. P. *Aktual'naja sinergetika: chelovek i obshhestvo v jepohu global'nyh transformacij: monografija* [Current synergy: man and society in the era of global transformations]. Joshkar-Ola, PGТУ Publ, 2013. 184 p.
7. Shalaev V. P. *Sinergetika v prostranstve filosofskih problem sovremennosti* [Synergetics in the space of the philosophical problems of our time]. Joshkar-Ola, PGТУ Publ., 2009. 360 p.

Информация об авторах

Емельянов Федор Геннадьевич – аспирант кафедры социальных наук и технологий. Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола, Россия. E-mail: foeder@mail.ru.

Шалаев Владимир Павлович – доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных технологий. Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола, Россия (424000, Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3). E-mail: shalaevvp@volgatech.net.

Information about the authors

Emelyanov Fjodor Gennad'evich – graduate student of chair of Social Sciences and Technologies of Volga Region State Technological University, Yoshkar-Ola, Russia. E-mail: foeder@mail.ru

Shalaev Vladimir Pavlovich – D. Sc. Philosophy, professor, Dean of Faculty of social technologies. Volga Region State Technological University, Yoshkar-Ola, Russia (3, Lenin's square, 424000, Yoshkar-Ola). E-mail: shalaevvp@volgatech.net.

Поступила 16.03.2015

УДК 001+14+397

А. В. Шалаева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

**ИСТОКИ АКАДЕМИЧЕСКИХ ПОИСКОВ:
ЗНАЧЕНИЕ МИФОЛОГИИ И СИМВОЛИКИ**

Расцвет эпохи романтизма в Германии ознаменовался возникновением различных научных программ, основанных, в частности, на материале древнейшей символики; одной из таких программ было антиковедение (древняя мифология). Новые научные программы возникали в разных академических и университетских сообществах. Основания разграничения программ можно обнаружить не только и не столько в образовательной специфике дисциплин, но и в большей мере в логике дифференциации знания. Основания утверждения мифологии в качестве дисциплины могут быть обнаружены в академических поисках истоков и вариантов статуса нации в древних мифологиях через анализ языка и истории. Романтические ученые рассматривали этот процесс не в телеологической перспективе, но исторически, в его проявлениях на первых этапах развития, когда возможно было развитие многих сценариев. Мифология оказалась на пересечении этих академических претензий.

В исследовании показано, что в начале XIX в. мифология рассматривалась и как предмет исследования, и как дисциплина. В статье излагаются ее истоки и специфика научной работы, позволившая ученым обозначить дисциплинарную определенность мифологии. Мифологию следовало рассматривать как академическое изучение корпуса мифов и символов.

Ключевые слова: мифология как дисциплина, символика, немецкий романтизм, Георг Фридрих Крейцер, мифологическое мышление.

A. V. Shalaeva

National Research University Higher School of Economics

**THE RISE OF ACADEMIC SEARCH:
MYTHOLOGY AND SYMBOLISM**

During the rise of Romanticism in Germany it was possible to work out and comprehend different scientific programs based on ancient symbolic material, one of which was ancient mythology. These programs appeared in different academic and university groups. The borders of these approaches lay not only in the educational and curricular specification but in the logic of knowledge differentiation mostly. The significance of the formation of mythology as a discipline may be found in the academic search for nationhood, through language and history as ancient mythologies. Romantic scientists analysed this process not from a teleological perspective but historically, in terms of its appearance at the first stages of its development, when many potential scripts were possible. Mythology appeared at the crossing of these claims.

The research demonstrates that at the beginning of the 19th century mythology was considered as a subject of research and a discipline in its own right. The study observes its origins, and an understanding of scientific work which enabled scholars to consider mythology as a discipline. That means that mythology became the academic study of the body of myths and symbols.

Key words: mythology as a discipline, symbolism, German Romanticism, Georg Friedrich Creuzer, mythological thinking.

Данное научное исследование (№ проекта 14-01-0170) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014/2015 гг.

Введение. Рубеж XVIII–XIX вв. представляет собой переломный момент в истории знания о мифе. Именно в этот период происходит ряд перемен, способствовавших формированию нового взгляда на мифологию. Классическая мифология заимствует экзегетический и герменевтический методы у богословия и библейской критики. Мифология как корпус текстов рассматривается в качестве предпосылки рели-

гии, наряду со Священным Писанием, религиозными понятиями о Боге (монотеизме) и истории богов (политеизме). Изучение мифологии на фоне археологической революции связывается с поисками начала истории, первого народа и первого языка.

На стыке различных дисциплин (философии, классической филологии, истории) разворачиваются дискуссии вокруг античных источников,

а затем и наследия Древнего Востока. Они оказывают существенное влияние на формирование новых взаимоотношений между указанными дисциплинами. Именно в контексте романтической мысли становится возможным не просто изучать античную мифологию, но, расширив осмысление и интерпретацию мифов за пределы античного мира (в Египет, Индию, Персию), поставить вопрос о новом значении древней истории и мифологии.

В рамках системы спекулятивного идеализма Шеллинга, находящейся в русле романтического движения, начинает утверждаться идея создания новой мифологии на основании открытия в мифе его собственной истины. Истина мифа – не теологическая, не научная, не эстетическая, но истина самого мифа, раскрывающаяся в естественном процессе развития сознания, в мифологии как процессе природы. Эта идея проникает в работы последователей романтиков, возделывавших различные дисциплинарные поля. На этих пространствах идея мифа приобретает новые значения.

Образ проблемы мифологии как дисциплины в первом приближении сложился в результате размышления над современным нам состоянием осмысления и производства мифа. Мифы считаются продуктом индивидуальной воли автора и творца; развенчанные мифы оказываются культами, созданными, почти по Евгемеру, в результате обожествления великих деяниями и заслугами людей. Силы романтического гения переполняют его и претендуют на соединение несоединимого: беспредельного и определенного – пытаются воплотить подлинную, единственную истину. Именно это стремление содержалось в истолковании Георгом Фридрихом Крейцером символики и мифологии, что с уважением отмечал Шеллинг во «Введении в философию мифологии» [1, s. 253–269].

Основная часть. *Позиция представителя романтической науки – Г. Ф. Крейцера.* Дифференциация дисциплин, их предметов и методов, происходившая в XIX–XX вв., вступала в конфликт с основной интенцией романтических проектов науки. Последние стремились соединить в синтезе методы различных дисциплин, создать единое знание о едином предмете. Позиция представителя романтической науки Георга Фридриха Крейцера (1771–1858), пытавшегося усмотреть сущность, идею символа и мифа, в контексте этого академического конфликта нам особенно интересна.

«Символика и мифология древних народов, в особенности греков» (1810–1812) [2, 3, 4] Крейцера – это работа филолога, переосмысляющего статус мифологии на основании новых философских, исторических и теологиче-

ских идей и нового исследовательского материала. Цель этой работы состоит в построении новой методологии исследования символики и мифологии древних народов.

Теория символа была для Фридриха Крейцера исходным пунктом в работе над символической и мифологией древних народов. Символ, как выражение непосредственного опыта естественного окружения древнего человека, объединял в себе как чувственное восприятие, так и мышление. Символ дается в «моментальной краткости», миф, напротив, сродни аллегории и представляет собой разветвленную сеть повествования, последовательность и систему историй. Символ стремится объединить бесконечное и конечное, он неопределен и краток, может превышать форму и ей повиноваться [5].

Миф выступает у Крейцера то как поэтическое, то как первоначально истинное. Исходя из такой интерпретации, не ясно, что такое миф как таковой. Для Крейцера нет мифа, содержащего истину, всю полноту в себе содержит символ. Логос – изначально членящая, разграничивающая операция. Сначала миф означал какое-то вообще выражение внутреннего, овнешнение.

Миф содержит в своем понятии зазор выражаемого и выражения, в символе этого нет. Это различие усиливается до различия истинного и вымышленного. Миф, логос демонстрируют движение рассоединения, разбегания, а символ – собирания множества к единству. Крейцеру требовался эпитет, на роль которого подошли вымышленные мифы, после которых «миф» все больше стали использовать для обозначения вымышленного.

Говоря о времени господства символического, незнакомства с разделением телесного и духовного, привычке различать повсюду живое, Фридрих Крейцер обнаруживает свое знакомство с философией тождества Шеллинга. Последняя содержит идеи об отношении идеального и реального в природе в противоборстве конечного и бесконечного. Та изначальная необходимость, согласно которой древний человек воспринимает мир антропоморфически, – это абсолютная необходимость, Шеллинг называет ее абсолютной связью (*das absolute Band*). В этом заключается онтологическое основание естественного для человека антропоморфизма.

В поисках выражения бесконечного содержания символа в неизбежно конечной форме душа ввергается в противоречие, отсюда она стремится прорваться к ясности. Эта конструкция напрямую соответствует стремлению души из тенеподобного мира явлений к области умопостигаемого в «мифе о пещере» Платона.

Идея Крейцера о том, что образное выражение является разрешением противоречия между

бесконечным и конечным, у Шеллинга может быть выражена следующим образом. Он исходит из изначального раздвоения в сознании сознательного и бессознательного. Действием, в котором сознательное и бессознательное совпадают, прекращается внутренняя борьба в сознании, устраняется всякое противоречие. Вместе с завершением создания продукта гениальности, произведения искусства устраняется, замирает всякое стремление производить, противоречия сняты, загадки решены. Вместе с завершением продукта устраняется всякое явление свободы. Интеллигенция поражена и осчастливлена этим соединением.

Этот продукт и есть произведение искусства, произведение гения. Чувство художественного творчества исходит из чувства неразрешимого по своей видимости противоречия. Крейцер, описывая формирование символа, как раз и говорит о выражении, образе, о поэте, о художественной критике или знатоке искусств.

Вся ответственность в деле выражения бесконечного в конечном перелagается на душу, но оказывается совершенно непонятно, что такое душа. Крейцер пытается смоделировать, что происходит, когда осуществляется выражение. Сначала он говорит о тропических выражениях: это принадлежит к природе образа; образ – это граница между отображаемым и отображением, он не тождественен тому, что он изображает, но связан с ним через душу.

Всякий образ – отображение, он онтологически связан с отображаемым. Вспомним главу об онтологической валентности образа из «Истины и метода» Гадамера [6, с. 181–190]: образ онтологически валентен, не замкнут внутри себя, у него есть пустая связь, которая отсылает к иному бытию, образом которого она является.

Конечно, идея создания такой трехчастной конструкции исходит из того, что образы создаются, производятся, воображаются, должны быть носитель этих образов: это и есть душа. Онтологический статус души не прояснен, он вызывает вопрос как нечто третье, имеющее целью связать два противоположных мира умопостигаемого и материального, и в этом он утрачивает собственную определенность.

Символ по Крейцеру одновременно и солнцеподобен, и замутнен медиумом: он и ясен, и тенеподобен. В теории цвета Гете из опосредования света и тьмы мутной средой рождается множество цветов: свет не механически разлагается на части, свет состоит из цветов. Гете считал, что цвета – метаморфозы света, различные замутнения, а цвет – нечто среднее между светом и тьмой.

Изначально мы получаем крайности из среднего, а поскольку, переходя к идее Крейцера,

дана нам как раз душа как деятельная связь (*tätiger band*) идеального и реального, – через нее мы и обретаем бесконечное и конечное. Нет идеального и реального как сущностей, которые должны встретиться: они – крайние термины, крайние стороны, которые всегда уже в душе, она к обеим имеет причастность, а они только через душу нам и даны, причем и то, и другое – косвенно.

В символе есть некоторое понятийное содержание, но как только мы хотим его схватить, оно ускользает. Это соответствует кантовскому определению искусства как целесообразного без цели, мы видим в нем причинность понятия, но что это за понятие, мы не знаем, оно ускользает именно тогда, когда мы хотим его уловить. Этой идее сродни и шеллинговская концепция интеллектуального созерцания (в «Философских письмах о догматизме и критицизме» 1795 г. [7]): его нельзя иметь, оно просто есть, когда мы не хотим его иметь; а как только мы направляем на него созерцание, – оно сразу убегает.

Искусство – это интеллектуальное созерцание, ставшее объективным, а что такое интеллектуальное созерцание мы узнаем в художественном творчестве. Интеллектуальное созерцание, искусство и символ описываются одной и той же конструкцией. Древнейшее время – это особенное время, когда всякое действие было творческим, это время творческого энтузиазма. То, что делает Крейцер, – это прямое продолжение того, что делали неоплатоники, первые теории символа он обнаруживает именно у них.

Относительно романтических проектов науки вообще можно отметить, что они имеют своей целью соединить в синтезе методы различных дисциплин, создать единое знание о едином предмете. Однако это их стремление во второй половине XIX в. разбивается о волны тенденции современной им науки к разделению и дифференциации предметов и методов. Романтическое стремление к целостности и связности предмета знания и самого знания проявляется у Крейцера в слиянии, иногда до неразличимости, исторической, филологической и философской аргументации.

Учение «Символики...». Хотя «Символика и мифология древних народов» Крейцера практически не известна сегодня, в свое время она оказывала значительное влияние на становление изучения мифологии. Фридрих Шлегель утверждал, что Крейцер «открыл» науку о мифе, или, точнее, благодаря своему пылливому уму вернул ей ее былое достоинство. Крейцер за поколение до Бахофена представляет свое исследование древней религии, открывая

темную сторону Древней Греции, истоки оргий и культов он искал на Востоке.

Необходимо отметить, что в Германии начала XIX в. понятие Востока включало Египет, Османскую Империю, Персию и Индию; еще до разнообразных колониальных исследований именно неопределенность понятия «Восток» и делала его столь пугающим и одновременно привлекательным для европейских интеллектуалов этого периода. Хотя Крейцер и указывал на связь между Грецией и Египтом, он отталкивался от представлений своих предшественников XVIII в., выведивших исток древней религии из Индии. Для Крейцера Восток представлялся родиной первого религиозного чувства, альтернативой классической западной традиции эстетики, рациональности и морали (см. изложенные выше воззрения Крейцера на символ как первый способ выражения верований, в противоположность языку).

Укорененное как в археологии, так и в идеалистической философии понятие символа Крейцера окончательно сформировало лекции Гегеля по эстетике, а его интерпретация дионисийских и элевзинских мистерий выступила основанием для поздней идеи философии мифологии Шеллинга. Густав Флобер читал французский перевод [8] этого сочинения Крейцера, когда работал над «Искушением святого Антония» (*La Tentation de saint Antoine*, 1849). Карл Юнг прочел всю «Символику...», когда работал над «Метаморфозами и символами либидо» (*Wandlungen und Symbole der Libido*, 1912) [9, s. 108]. Действительно, влияние «Символики...» распространилось и на XX в., выступив сильной и противоречивой альтернативой неогуманистическому образу античности [10, p. 122].

Как и романтики, Крейцер понимал идеалистическую философию (немецкий идеализм) как учение эзотерическое, доступное лишь избранным (предположительно в это число он

включал и себя) [11, s. 67–68]. Его особенным интересом пользовались также исследования греческого искусства и литературы Августа и Фридриха Шлегелей, книги древнегреческих историков Геродота и Фукидида.

Основания своего понимания классической филологии как дисциплины Крейцер заложил в 1805 г. [12]. Он утверждал, что в основании филологии должно лежать тождество реального и идеального миров (см. выше его более поздние мысли о символе). Опираясь на представления Шеллинга в «Философии и религии» о греческих мистериях, Крейцер указывал на то, что эзотерическое руководство по историческому миру филологии должно предшествовать эзотерическому руководству к философскому Абсолюту. Средства для такого эзотерического руководства лежат в сфере мифа.

Хотя учеными Просвещения миф был определен как язык «детства человечества» или даже эпохи варварства, еще Сократ и Платон признали пользу символов и аллегорий при введении учеников в мир высших философских истин. В представлении Крейцера филология должна служить проводником к загадочной и прекрасной (идеалистической) философии. На этом этапе, предполагал он, ученик испытает то же религиозное переживание, сопряженное с потерей индивидуальности, какое было следствием греческой поэзии.

Заключение. Георг Фридрих Крейцер был одним из тех ученых, которые еще в начале XIX в. указывали на примат жреческого авторитета над дедуктивной логикой философии, или индуктивной логикой естествознания. «Символикой...» он стремился показать, как все моральное и политическое наставление человечества вырастает только и единственно из института жречества. Это указывает на утвердившееся много позднее движение к поиску нового баланса между искусством, наукой и религией.

Литература

1. Schelling F. W. J. *Sämmtliche Werke* [SW] / Bd. XI. Stuttgart – Augsburg: Cotta, 1856–1961.
2. Creuzer F. *Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen*. 4 Bde. Leipzig; Darmstadt, 1810–1812.
3. Creuzer F. *Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen*. 6 Bde. Leipzig; Darmstadt, 1819–1822.
4. Creuzer F. *Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen*. 4 Bde. Leipzig; Darmstadt, 1837–1842.
5. Creuzer F. *Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen*. 1 Bd. Leipzig; Darmstadt, 1810.
6. Гадамер Х.-Г. *Истина и метод*. М., 1988.
7. Шеллинг Ф. В. Й. *Философские письма о догматизме и критицизме* // Ф. В. Й. Шеллинг Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1989.
8. Guigniaut J. D. *Religions de l'antiquité, considérées principalement dans leurs formes symboliques et mythologiques*. Paris. 1825.

9. Jamme Ch. Einführung in die Philosophie des Mythos. Bd. 2, Neuzeit und Gegenwart. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1991.

10. Williamson G. S. The Longing for Myth in Germany: Religion and Aesthetic Culture from Romanticism to Nietzsche. Chicago: University of Chicago Press, 2004.

11. Creuzer to Savigny (Nov. 16, 1799) // Briefe Friedrich Creuzers an Savigny / Ed. H. Dahlmann. Berlin: Eric Schmidt Verlag, 1972.

12. Creuzer F. Das Studium des Alterthums, als Vorbereitung zur Philosophie. Studien. 1805. N. 1. S. 1–28.

References

1. Schelling F. W. J. Sämmtliche Werke [SW] / Bd. XI. Stuttgart – Augsburg, Cotta, 1856–1861.

2. Creuzer F. Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen. 4 Bde. Leipzig, Darmstadt, 1810–1812.

3. Creuzer F. Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen. 6 Bde. Leipzig, Darmstadt, 1819–1822.

4. Creuzer F. Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen. 4 Bde. Leipzig, Darmstadt, 1837–1842.

5. Creuzer F. Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen. 1 Bd. Leipzig; Darmstadt, 1810.

6. Gadamer H-G. Istina i metod. M. 1988 [Thuth and Method]. Moscow, Progress Publ., 1988. 704 p.

7. Schelling F. W. J. *Filosofskie pis'ma o dogmatizme i kriticizme. Sochineniya. V 2 t. T. 1* [Philosophical letters on dogmatism and criticism. Sochineniya. T. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1987, pp. 39–88.

8. Guigniaut J. D. Religions de l'antiquité, considérées principalement dans leurs formes symboliques et mythologiques. Paris, 1825.

9. Jamme Ch. Einführung in die Philosophie des Mythos. Bd. 2, Neuzeit und Gegenwart. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1991.

10. Williamson G. S. The Longing for Myth in Germany: Religion and Aesthetic Culture from Romanticism to Nietzsche. Chicago, University of Chicago Press, 2004.

11. Creuzer to Savigny (Nov. 16, 1799) // Briefe Friedrich Creuzers an Savigny / Ed. H. Dahlmann. Berlin: Eric Schmidt Verlag, 1972.

12. Creuzer F. Das Studium des Alterthums, als Vorbereitung zur Philosophie. Studien. 1805. N 1. S. 1–28.

Информация об авторе

Шалаева Анастасия Владимировна – преподаватель Школы философии Факультета гуманитарных наук; стажер-исследователь Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полетаева (ИГИТИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия (101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20). E-mail: anastasiashalaeva@gmail.com

Information about the author

Shalaeva Anastasia Vladimirovna – lecturer at the School of Philosophy, Faculty of Humanities; research intern at the Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities (IGITI) National Research University Higher School of Economics (20, Miasnitskaya str., 101000, Moscow, Russia). E-mail: anastasiashalaeva@gmail.com

Поступила 19.03.2015

УДК 316.74:94

О. А. Матусевич

Белорусский государственный технологический университет

КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ПРОШЛОГО В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье анализируется использование интерпретаций исторических событий в современных информационных войнах в условиях подъема национальных памятей. Автор обращает внимание на инструментальное использование истории в политике. История превратилась в оружие массового поражения, призванное формировать в сознании населения своей страны и других государств определенное видение событий настоящего, легитимизировать действия власти либо претензии к соседям. Основными акторами современных «войн памяти» на постсоветском пространстве являются, с одной стороны, Россия, с другой стороны – Польша, Украина и прибалтийские государства. Новшеством в современной политике стало создание специальных учреждений и принятие мемориальных законов, которые должны выстраивать картину прошлого на уровне имиджа государства и противодействовать попыткам оспорить официальную версию прошлого со стороны в первую очередь других государств. Стремление посткоммунистических государств Центральной и Восточной Европы посмотреть на историю особенно XX века с точки зрения своих национальных интересов встретило с сопротивлением части российского общества, а также представителей исторического сообщества, стоящего на защите незыблемости принципа объективности в версии классической рациональности и моновариативности истории как науки.

Ключевые слова: социальная память, мемориальное законодательство, исторический ревизионизм, историческая политика, историческая фальсификация, пропаганда.

O. A. Matusевич

Belarusian State Technological University

**THE CONFLICT OF INTERPRETATION
OF THE PAST IN CONTEMPORARY SOCIETY**

The author examines the use of historical events interpretations in present-day information wars in conditions of national memory recovery. The author pays attention to the instrumental use of history in politics. History has become a weapon of mass manipulation designed to form in the minds of the population of their country and other countries a certain vision of the events to legitimize the government's actions or claims against the neighbors. The main actors of the present-day "wars of memory" in the post-Soviet space are Russia on the one hand and Poland, Ukraine and the Baltic States on the other hand. Innovation in present-day politics has been the creation of special institutions and passing of memorial laws to create a picture of the past as the image of the state and oppose attempts to dispute the official version of the past by other states. The desire of post-communist states of Central and Eastern Europe to look at history from the point of view of its national interests met with resistance of the part of Russian society as well as representatives of the academic society who protects the inviolability of the principle of objectivity in the classic version of rationality.

Key words: social memory, the memorial legislation, historical revisionism, historical policy, war of memories, history falsification, propaganda.

Введение. В последнее время мы стали свидетелями активной информационной войны в нашем регионе, особенностью которой является конфликт социальных памятей соседних народов. История превратилась в оружие массового поражения, призванное формировать в сознании населения своей страны и других государств определенное видение событий настоящего, желаемые оценки современных политических процессов, легитимизировать действия власти либо претензии к соседям.

На современном этапе международных отношений в нашем регионе практика инстру-

ментального использования истории превратилась в полномасштабный конфликт интерпретаций прошлого, особенно событий минувшего века. Историческая политика всегда использовалась для интеграции общества, в том числе путем формирования в общественном сознании дихотомии «свой – чужой» и определения/назначения внешнего врага. В данной статье делается попытка проанализировать способы использования исторической аргументации и различных интерпретаций и оценок прошлого в связи с активизацией исторической политики в соседних государствах.

Основная часть. Основными акторами современных «войн памяти» на постсоветском пространстве являются Польша, Украина, прибалтийские государства и Россия, притом линия фронта пролегает между Российской Федерацией и остальными участниками мемориальных баталлий. В войнах памяти используют стандартный набор техник по манипулированию массовыми коллективными представлениями.

1. Наклеивание ярлыков (например, фашисты, москали), отсылающих к хорошо известному образу либо представлению оппонента в смешном, нелепом виде (образ Петра I в фильме Ю. Ильенко «Молитва о гетмане Мазепе»).

2. Так называемая техника переноса, использующая оценки по ассоциации, когда качества и поведения современного индивида идентифицируются с характеристиками какой-то исторической личности (например, С. Бандеры).

3. Вовлечение в дебаты известных авторитетных личностей, особенно от науки, для повышения популярности какой-либо версии событий прошлого или исторической аргументации (по сути, социальный заказ от Российского военно-исторического общества на книгу о Новороссии А. Шубину, рассмотрение событий в которой заканчивается 2014 г.).

4. Отождествление интересов информатора, отстаивающего определенный взгляд на прошлое, с интересами и чаяниями адресатов информации (что хорошо прослеживалось в тезисе об исконно русском характере Крыма во внеочередном послании Федеральному собранию Президента Российской Федерации в связи с подписанием договора между Российской Федерацией и Республикой Крым).

5. Фальсификация, которая может не быть умелым искажением фактов, но замалчивать известные контраргументы в результате чего создается впечатление о единственно верной картине прошлого (например, в вопросе коллаборационизма в период Великой Отечественной войны). Так, постоянно в СМИ и выступлениях публичных лиц акцентируется внимание на участии жителей прибалтийских республик и западной Украины в отрядах СС и карательных операциях против партизан и мирного населения, при этом замалчивается наличие русских или белорусских подразделений СС.

6. Внушение мысли об общепризнанности каких-то фактов (освободительный поход Красной Армии на заключительном этапе войны), нерушимости каких-то истин, постоянная апелляция к «исторической правде» (призыв бороться с фальсификаторами истории ради защиты исторической правды) или «восстановлению

исторической справедливости» (оценка действий СССР в сентябре 1939 г.).

Последние несколько лет предоставили обширный материал для иллюстрации распространенных способов манипуляции массовыми представлениями о прошлом. Примеры инструментального использования истории в угоду политическим целям, мобилизации сторонников или формирования определенного общественного мнения в отношении событий современности можно найти во внутренней и внешней политике каждого государства. Исторические аргументы неоднократно использовались в пропагандистских кампаниях и раньше. Новшеством в современной политике стало принятие мемориальных законов и создание специальных учреждений, которые должны выстраивать версии прошлого на уровне имиджа государства и противодействовать попыткам оспорить официальную версию прошлого со стороны в первую очередь других государств, но также и оппонентов внутри страны. Историческая политика (в качестве организации системы целенаправленных мероприятий и учреждений, реализующих их) стала составной частью как внутренней, так и внешней политики. Стоит отметить небывалый ранее размах конфликта, что обусловлено информационной и коммуникационной революциями, которые предоставили в распоряжение истеблишмента и «политруков от истории» необходимый инструмент для столь масштабной индоктринации.

Первоначально историческую политику институционализировали в Польше, создав Институт национальной памяти как учреждение архивно-научно-исследовательского характера. В Украине пошли дальше и учредили Институт национальной памяти в качестве органа центральной исполнительной власти. В 2010 г. он был преобразован в научно-исследовательское учреждение при Кабинете Министров, в 2014 г. ему вернули статус центрального органа исполнительной власти. В РФ в ответ на действия оппонентов были созданы: Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России (2009–2012 гг.), Российское историческое общество под председательством спикера Госдумы С. Нарышкина (2012 г.), Российское военно-историческое общество, председателем которого стал скандально известный своей деятельностью на историческом поприще Министр культуры В. Мединский (2012 г.).

В последнее время выступления официальных лиц государств избилуют исторической риторикой, что нередко ставит оратора в неудобную ситуацию и вызывает международный скандал. Достаточно вспомнить недавнее выступление главы польского МИД, который

заявил, что Освенцим освободили украинские солдаты [1]. В последующие дни оппонирующие стороны принялись судорожно подсчитывать процентное соотношение национального состава I украинского фронта.

К историческим баталиям на уровне первых лиц государств присоединилось интернет сообщество. В известном интернет-ресурсе Wikipedia статью, посвященную Киевской Руси, переименовали на «Древнерусское государство». Конъюнктурное переименование Киевской Руси на «Русь» или «Русскую землю» со столицей в Киеве» обнаруживается в разработанном в 2013 г. историко-культурном стандарте по подготовке концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории, на основании которого возможна разработка единого учебника истории в России [2].

Нормой современной мнимополитики стало принятие различных правовых актов, например, парламентом, в которых содержатся оценки исторических событий. Во многих странах приняты мемориальные законы, призванные защитить официальную версию истории от «посягательств фальсификаторов». В связи с новым витком информационной войны вследствие событий в Украине можно наблюдать парадоксальную ситуацию, связанную с инициативой отмены современными государствами правовых актов уже давно несуществующего СССР и его республик, что представляет собой попытку распространить юрисдикцию, в данном конкретном случае, Российской Федерации на прошлое.

На исходе 2014 г. Спикер Совета Федерации РФ В. Матвиенко заявила о намерении «для восстановления исторической справедливости» отменить постановление о передаче Крыма Украинской ССР, которое, надо отметить, уже было отменено Верховным Советом РФ в 1992 г. [3]. Ее инициативу поддержал С. Аксенов, который при этом нашел необходимым не останавливаться только на пересмотре этого постановления, но проверить на легитимность законодательные акты, принятые в отношении Крыма начиная с 1941 г., включая изменение границы по решению Верховного Совета УССР в 1955 г., по которому ныне стратегически важная Арабатская стрелка оказалась в составе Херсонской области [4]. Возникает только вопрос, почему с 1941 г., а не, скажем, с 1783 г., учитывая позицию правопреемницы не только СССР, но и Российской империи, которую все активнее на международной арене демонстрирует современная Россия [5]. И с этой точки зрения весьма примечательной является шутка в адрес американской стороны, прозвучавшая в интервью российского постоянного

представителя при ЕС В. Чижова, который упомянул тему Аляски. Что, судя по комментариям в Интернете, вполне вписывается в актуальные социальные рамки коллективной памяти россиян [6].

Затем последовала инициатива отменить постановление Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г., в котором осуждался ввод советских войск в Афганистан [7]. Спикер Госдумы С. Нарышкин предложил дать правовую оценку атомным бомбардировкам японских городов Хиросима и Нагасаки [8]. Далее в Госдуме было озвучено предложение принять относительно воссоединения Германии заявление, осуждающее «аннексию Германской Демократической Республики Федеративной Республикой Германия в 1989 г.» [9]. Но и на этом в своем стремлении пересмотреть итоги и дать новые оценки событиям прошлого народные избранники не остановились, ими было принято решение подсчитать ущерб, нанесенный Германией Советскому Союзу во время Великой Отечественной войны, с целью истребовать репарации в пользу правопреемника СССР – России [10]. Надо отметить, что тема репараций, или материального ущерба, включая, если, конечно, в таких вопросах корректно использовать термин «упущенную прибыль», которые обязана возместить страна-обидчица, не нова. Ее при каждом удобном случае (т. е. при очередном обострении отношений с Россией или Германией) поднимали прибалтийские государства, Польша, Украина, сейчас эстафета перешла к грекам.

Но, если все вышеизложенное является не более чем демагогией, использующей сложившуюся в обществе ситуацию глорификации советского прошлого и народных ностальгических чаяний на реанимацию «советской молодости», то информация о применении в современных условиях конфликта на юго-востоке Украины для борьбы с мародерством указа Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. делает советское прошлое источником права, которое используется для легитимации современных действий [11].

Прошедший год ознаменовался небывалым размахом российской исторической политики, но данная безудержная инструментализация истории стала ответной реакцией на агрессивную позицию некоторых бывших соратников по соцлагерю, которые достаточно продолжительное время занимались «импортом вины» в Россию.

Польша, Украина, Грузия, те же прибалтийские государства возникли в результате распада СССР, при наличии в некоторых из них достаточно сильных антисоветских настроений.

Поэтому представление коммунизма или советского государства как внешнего врага, в борьбе с которым завоевывалась независимость (хоть и не для всех постсоветских стран этот оборот уместен), является весьма предсказуемым. Учитывая положение РФ как правопреемницы/продолжательницы СССР, которая в своей официальной позиции и государственной исторической политике отказалась осудить коммунистическое наследие и советское прошлое как таковое, логичным представляется перенос соседними странами своих исторических претензий от уже несуществующего государства к России.

Однако лейтмотив исторической политики и России, и ее оппонентов одинаков. Даже больше того, рискнем предположить, что он одинаков для всех стран. Суть его заключается в представлении своей страны «в качестве бедной жертвы географии и соседей» [12]. Благо многовековая история предоставляет несметное количество доказательств враждебности сопредельных государств. В одном из веков всегда найдется повод предъявить претензии к соседу, в том числе территориальные, либо потребовать компенсацию за причиненный ущерб.

Появление национальных исторических романов в странах бывшего соцлагеря, этноцентризм отечественных историй воспринимается

в России не только как попытки переписать историю, но и как посягательство на положение РФ на международной арене и ее будущее как суверенного государства [13]. Отказу в праве другим государствам иметь свой взгляд на исторические события способствует преобладающая в постсоветском интеллектуальном сообществе идея моновариативности истории как науки, незыблемости принципа объективности в версии классической рациональности. По сему, ревизия советской картины прошлого априори воспринимается как фальсификация.

Заключение. Интернационализация исторической политики и экспорт национальной коллективной памяти неизбежно будет приводить к международным конфликтам. Однако это не единственное негативное последствие мнемобаталий. Заметно изменяются социально-политические условия работы профессионального исторического сообщества, что может спровоцировать неприятие любых попыток ревизии устоявшейся картины прошлого или изучения неудобных событий истории. Такая ситуация может привести к деградации историографии до уровня симуляции научной деятельности, либо наука уйдет в подполье, что чревато созданием остро конкурирующих социальных памятей и, как показывает опыт Польши 80-х гг., в такой конкурентной борьбе не всегда побеждает официальная версия прошлого.

Литература

1. Схетына: высказывание об освобождении Освенцима украинцами правдиво // РИА НОВОСТИ. URL: <http://ria.ru/world/20150129/1044879318.html> (дата обращения: 22.03.2015).
2. Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории // Портал «История.РФ». URL: <http://history-rf.livejournal.com/27493.html> (дата обращения: 18.01.2015).
3. Матвиенко опоздала: решение Хрущева о передаче Крыма было отменено 22 года назад // Информационное агентство Политсовет. URL: <http://politsovnet.ru/47267-matvienko-opozdala-reshenie-hruscheva-o-peredache-kryma-bylo-otmeneno-22-goda-nazad.html> (дата обращения: 18.01.2015).
4. Премьер поддержал пересмотр решения о передаче Крыма Украине // Информационное агентство e-Крым. URL: <http://www.e-crimea.info/news/premer-podderzhal-peresmotr-resheniya-o-peredache-kryma-ukraine> (дата обращения: 18.01.2015).
5. Любич А. О некоторых аспектах правопродолжения Российского Государства // Легитимист. URL: <http://legitimist.ru/sight/politics/o-nekotoryx-aspektax-pravoprodol.html> (дата обращения: 01.01.2014).
6. Чижов в шутку посоветовал Маккейну «следить за Аляской» // Деловая газета «Взгляд». URL: <http://vz.ru/news/2014/3/23/678560.html> (дата обращения: 18.09.2014).
7. Бочарова С. В Думе потребуют пересмотреть официальную позицию по войне в Афганистане // РБК. URL: <http://top.rbc.ru/politics/24/12/2014/5499b9419a794779928bace1> (дата обращения: 18.03.2015).
8. Филипенко А. Нарышкин предложил расследовать атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки // РБК. URL: <http://top.rbc.ru/politics/25/12/2014/549bd8ff9a79473e8e39bfff> (дата обращения: 18.01.2015).
9. Гордеев В. В Госдуме решили разобраться с «аннексией ГДР» в 1989 году // РБК. URL: <http://top.rbc.ru/politics/28/01/2015/54c8b8ea9a794733f50eea28> (дата обращения: 18.02.2015).
10. Баязитова А. Депутаты намерены потребовать репараций от Германии за войну // Известия. URL: <http://izvestia.ru/news/582576#comments#ixzz3V3JtG45u> (дата обращения: 18.03.2015).
11. Ополченцы не исключили расстрела мародеров в Славянске // Интерфакс. URL: <http://www.interfax.ru/world/385254> (дата обращения: 18.01.2015).

12. Бернд У. Осторожно, история! // ИноСМИ.ру. URL: <http://inosmi.ru/world/20141224/225148814.html?id=225154508> (дата обращения: 18.01.2015).

13. Назаров О. Куда ведет «историческая политика» Запада // РИА НОВОСТИ. URL: http://ria.ru/zinoviev_club/20140901/1022318104.html (дата обращения: 18.03.2015).

References

1. *Shetyna: vyskazyvanie ob osvobodzhenii Osvencima ukraincami pravdivo* [Schetyna: the statement about liberation of Auschwitz by Ukrainians is truthfully]. Available at: <http://ria.ru/world/20150129/1044879318.html>. (accessed 22.03.2015) (In Russian).

2. *Koncepcija novogo uchebno-metodicheskogo kompleksa po otechestvennoj istorii* [The concept of a new educational complex on the national history]. Available at: <http://history-rf.livejournal.com/27493.html>. (accessed 18.01.2015) (In Russian).

3. *Matvienko opozdala: resheniem Hrushheva o peredache Kryma bylo otmeneno 22 goda nazad* [Matvienko is late: Khrushchev's decision to transfer Crimea was abolished 22 years ago]. Available at: <http://politsovet.ru/47267-matvienko-opozdala-reshenie-hrusheva-o-peredache-kryma-bylo-otmeneno-22-goda-nazad.html>. (accessed 18.01.2015) (In Russian).

4. *Prem'er podderzhal peresmotr reshenija o peredache Kryma Ukraine* [Prime Minister supported the revision of the decision to transfer Crimea to Ukraine]. Available at: <http://www.e-crimea.info/news/premer-podderzhal-peresmotr-resheniya-o-peredache-kryma-ukraine>. (accessed 18.01.2015) (In Russian).

5. Ljubich A. *O nekotoryh aspektah pravoprodolzenija Rossijskogo Gosudarstva* [Some aspects of the Russian State succession]. Available at: <http://legitimizist.ru/sight/politics/o-nekotoryix-aspektax-pravoprodol.html>. (accessed 01.01.2014) (In Russian).

6. *Chizhov v shutku posovetoval Makkejnu «sledit' za Aljaskoj»* [Chizhov jokingly advised McCain “follow the Alaska”]. Available at: <http://vz.ru/news/2014/3/23/678560.html>. (accessed 18.09.2014) (In Russian).

7. Bocharova S. *V Dume potrebujut peresmotret' oficial'nuju poziciju po vojne v Afganistane* [Duma need to revise the official position on the war in Afghanistan]. Available at: <http://top.rbc.ru/politics/24/12/2014/5499b9419a794779928bace1>. (accessed 18.03.2015) (In Russian).

8. Filipenok A. *Naryshkin predlozhit rassledovat' atomnye bombardirovki Hirosimy i Nagasaki* [Naryshkin suggested to investigate the atomic bombings of Hiroshima and Nagasaki]. Available at: <http://top.rbc.ru/politics/25/12/2014/549bd8ff9a79473e8e39bfff>. (accessed 18.01.2015) (In Russian).

9. Gordeev V. *V Gosdume reshili razobrat'sja s «anneksiej GDR» v 1989 godu* [The State Duma has decided to deal with «the annexation of the GDR» in 1989]. Available at: <http://top.rbc.ru/politics/28/01/2015/54c8b8ea9a794733f50eea28>. (accessed 18.02.2015) (In Russian).

10. Bajazitova A. *Deputaty namereny potrebovat' reparacij ot Germanii za vojnu* [Deputies intend to demand war reparations from Germany]. Available at: <http://izvestia.ru/news/582576#comments#ixzz3V3JtG45u>. (accessed 18.03.2015) (In Russian).

11. *Opolchency ne iskljuchili rassrela maroderov v Slavjanske* [The militia did not rule out shooting looters in Slavjansk]. Available at: <http://www.interfax.ru/world/385254>. (accessed 18.01.2015) (In Russian).

12. Bernd U. *Ostorozhno, istorija!* [Watch out, history!]. Available at: <http://inosmi.ru/world/20141224/225148814.html?id=225154508>. (accessed 18.01.2015) (In Russian).

13. Nazarov O. *Kuda vedet «istoricheskaja politika» Zapada* [Where does lead «historical policy» of the West]. Available at: http://ria.ru/zinoviev_club/20140901/1022318104.html (accessed 18.03.2015).

Информация об авторе

Матусевич Ольга Александровна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: matusevich.olga@gmail.com

Information about the author

Matusevich Olga – Ph. D. History, senior lecturer of the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: matusevich.olga@gmail.com

Поступила 23.03.2015

УДК 1:281.9(476)

Н. М. Кожич

Белорусский государственный технологический университет

**ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВОСЛАВИЯ
И СВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

В статье анализируется деятельность современной православной церкви. Отмечается, что в XX в. роль религии в жизни общества значительно снизилась под влиянием науки, техники, изменения социальной структуры и образа жизни людей. Современное русское православие всячески адаптирует свою деятельность и вероучение к новым условиям. Со стороны церкви изменилось отношение к науке. Теперь религиозные идеологи заявляют о том, что религия и наука являются взаимодополняющими сферами духовной жизни общества. Богословы акцентируют внимание на решении религиозно-нравственных проблем. Делается вывод о том, что в современном белорусском обществе последние тридцать лет наблюдается «религиозный ренессанс», однако он носит формальный характер. Религиозные ценности не стали значительными в мировоззрении людей. Глобальное информационное пространство привело к появлению нового типа религиозности. Новая религиозность носит синкретичный и поверхностный характер. Именно поэтому отношение к церкви является потребительским: священнослужителя воспринимают в качестве социального работника, исполнителя обрядов, но не как духовного наставника. Тем не менее с формальной точки зрения социальная роль церкви в жизни общества значительно возросла. В настоящее время церковь не является ни политическим, ни экономическим институтом. Она занимается благотворительностью, миротворчеством, религиозным просвещением, воспитанием молодежи, пропагандой традиционных общечеловеческих ценностей.

Ключевые слова: православие, культура, наука, религиозность, мировоззрение.

N. M. Kogich

Belarusian State Technological University

**THE PICULIARITIES OF THE ORTHODOXY AND CULTURE INTERACTION
IN THE CONTEMORARY CONDITONS**

The article analyzes the activities of the contemporary Orthodox Church. It is noted, that the role of religion in society has declined significantly under the influence of science, technology, changes in social patterns and lifestyles of people in XX century. The modern russian Orthodoxy strongly adapts its activities and creed to the new conditions. The Church has changed the attitude towards science. Now religious ideologues claim that religion and science are complementary spheres of the spiritual life of society. Theologians focus on religious and moral issues. The conclusion is that in the modern belarusian society there has been a religious Renaissance the last thirty years, but he is just a formality. Religious values were not significant in the outlook of people. Global information space has led to the emergence of a new type of religiosity. A new religion is syncretic and superficial. That is why the Church is a consumer: the priest is perceived as a social worker, artist, rites, but not as a spiritual mentor. However, from a formal point of view of the social role of the Church in society has increased significantly. Currently, the Church is neither political, nor economic institute. It is involved in charity, peace, religious education, education of youth, promotion of traditional human values.

Key word: orthodoxy, culture, science, religion, philosophy.

Введение. Религия – это форма общественного сознания, совокупность представлений, основанных на вере в сверхъестественное. Как мировоззрение данная форма духовной жизни являлась доминирующей в доиндустриальном обществе. Именно религия на протяжении многих столетий охватывала своим влиянием все сферы общественной жизни. Однако начавшийся процесс секуляризации в Европе, а также Беларуси в эпоху Возрождения способствовал постепенной утрате религией прежнего статуса. Религиозная картина мира окончательно

но разрушилась уже к началу XX в. Это было связано с развитием науки и техники, изменением социальной структуры, образа жизни людей. Тем не менее важно понимать, что религия окончательно не исчезла в силу объективных причин: гносеологических, психологических и социальных. Несмотря на то, что данная форма духовной культуры является консервативной, в ней все же происходят изменения, правда, гораздо позже, нежели в самом обществе. В настоящее время все христианские исповедания в определенной степени предпринимают

попытку адаптировать вероучение и обрядовую систему к новым условиям, а также сознанию современных людей.

Основная часть. Традиционное русское православие всегда негативно относилось к знанию вообще, науке и технической мысли, осуждало ученых, которые вносили значительный вклад в научную картину мира. И только в середине XX в. богословы стали обращать пристальное внимание на вопросы о соотношении веры и знания. Особую популярность вновь приобрела теория двойственной истины, которая сформировалась в XII–XIV вв. Она настаивала на том, что наука и богословие представляют собой отдельные способы постижения истины. Если философия приводит к истине через постижение окружающего мира разумом, то теология опирается на веру в откровение. Современные православные идеологи все чаще говорят о примирении религии и науки, о том, что эти сферы духовной жизни являются взаимодополняющими и не противоречат друг другу. Тем не менее богословы всячески подчеркивают приоритет веры над разумом. Довольно часто повторяется тезис о «религиозных основах науки», утверждающий религиозную веру в качестве исходного момента процесса познания. Считается также, что все научные достижения и открытия представляют собой новые доказательства бытия бога. На этом основании представители церкви стали проявлять заинтересованность в развитии науки и техники и одновременно говорить о разумном использовании научных достижений. Богословы на различных форумах и в средствах массовой информации активно обсуждают актуальные научно-технические проблемы, в частности вопросы экологии, биоэтики, ликвидации техногенных катастроф и др. Тем не менее научные знания признаются относительными, подчеркивается неполнота добытых наукой сведений о мире: «Нет доказательств, что все бытие поддается анализу науки... Главный спор материализма и религии лежит за пределами экспериментального исследования и относится к проблеме возникновения мироздания. Материалисты утверждают, что Вселенная бесконечна во времени и пространстве. Но какой научный опыт может проникнуть в беспредельное и безначальное? Можно ли согласиться с утверждением материалистов, что творческое Начало, находящееся вне пространства, не могло создать бесконечную Вселенную» [1, с. 11]?

Православные идеологи признали истинность многих научных открытий и концепций; богословие уже не противопоставляется естественным и общественным наукам, а сближается с ними. Эти идеи во многом разделяет

современное белорусское общество, которое в своей основной массе высоко оценивает роль религии в общественной жизни. Считается, что именно православие стимулировало на протяжении веков культурный процесс, способствовало развитию просвещения, искусства, литературы, книжного дела и т. д. Такая позиция характерна для обществ транзитивного (переходного) типа: после разочарования в системе ценностей, существовавшей в Советском Союзе, авторитет религии заметно вырос. В этом проявляется определенная закономерность, сущность которой заключается в том, что в условиях экономической нестабильности и духовного кризиса религия выполняет компенсаторную функцию, т. е. создает систему представлений, позволяющую людям выжить. Тем не менее нельзя утверждать, что в обществе на постсоветском пространстве произошел существенный духовный переворот и религиозные ценности стали определяющими в мировоззрении людей. Это связано с формированием глобального информационного пространства. Можно говорить о появлении нового типа религиозности, который определяется ценностями массовой культуры. Последняя формирует игровое отношение к любым ценностям, в том числе и религиозным. В сущности, мировоззренческий плюрализм современной культуры позволяет любому человеку создавать себе религию, выбирая при этом элементы из разных религиозных систем. Таким образом, с полной уверенностью можно утверждать, что новая религиозность носит синкретичный и поверхностный характер. В этой связи отношение к церкви является потребительским, священника чаще всего воспринимают в качестве социального работника, исполнителя обрядов, но не как духовного наставника. По словам религиозных идеологов, «Претензию на учительство, на пророчество, на “властительство думами” сейчас предъявляют кто угодно – средства массовой информации, политики, артисты... писатели... Определенные силы в обществе стремятся отказать священнику в праве на учительство. От батюшки требуют освятить офис, машину (как говорится в чине – колесницу), покрестить ребенка, чтобы не болел, в лучшем случае – повенчать *post factum*, но часто его уже не слушают, когда речь идет о жизни и смерти, о правде Божией, как на личном, так и общественном уровне» [2].

Именно по этой причине особое внимание современные религиозные идеологи уделяют проблеме нравственности, ими заявляется, что «Церковь существует в обществе. Добрый Пастырь доныне несет на Своих плечах тяготы мира. Поэтому мы, следуя своему Божественному

Наставнику, понимаем свою ответственность в преодолении финансово-экономического кризиса, постигшего сегодняшний мир» [3, с. 86].

С 2009 г. при Патриархе Московском и всея Руси функционирует экспертный совет «Экономика и этика», основной задачей которого стало осмысление экономических процессов на постсоветском пространстве и мире вообще, а также стремление найти пути решения проблем экономики с опорой на православные духовные ценности. Причина всех экономических проблем усматривается в деградации нравственности, отказе от идеи построения гармоничного и справедливого общества, мировоззренческой дезориентации людей. Экономический кризис рассматривается как духовный вызов, поскольку в обществе отсутствует справедливое распределение продуктов труда: «Богатство, не поставленное на службу убогим, разрушает единое экономическое пространство и приводит к кризису. Во-первых, – к духовному, когда он проявляется в ложном отождествлении человека с накопленными благами, что в свою очередь разрушает здоровое отношение личности к себе и к окружающим людям... Во-вторых, разрушение единства экономического пространства приводит к кризису экономическому: потребление, ставшее самодостаточной ценностью, истощает ресурсы, обесмысливает труд и в долгосрочной перспективе неминуемо приводит к коллапсу экономики» [3, с. 87]. Решение проблемы представляется в утверждении принципа имущественных диспропорций между богатыми и бедными, что обеспечит стабильность экономической системы и создаст условия для ее будущего. Необходима также солидарность людей не только внутри отдельной страны, но и между братскими народами. Только духовные принципы могут способствовать решению серьезных социальных проблем. Таким образом, очевидно, что религиозные идеологи по-прежнему отстаивают традиционную точку зрения о том, что соблюдение евангельских заповедей гарантирует решение всех общественных и политических проблем; вера в Бога рассматривается как источник нравственности: «Современный цивилизованный человек – существо очень наивное. Его детская самоуверенность в совершенстве приобретенных знаний, его подростковая восприимчивость к массовым стереотипам мышления и поведения были бы милы, если бы всем этим не пользовался и все это не поощрял нечистый дух, желающий погубить его. И вопрос даже не в том, сознает ли это сам цивилизованный человек: наступит время, и он поймет все и сразу. Для нас, христиан Европы, важно то, чтобы хоть кто-нибудь из нас был в состоянии про-

сить Бога об исцелении этого больного отрока» [4, с. 43]. Подчеркивается также, что для спасения людей необходима не только вера, но и в обязательном порядке пост, молитва и покаяние. Последний вопрос для православной церкви является бесспорным. «И прежде всего необходимо возвращать чувство любви к Богу и к человеку, как к образу Божию, живой личности, а не абстрактному объекту каких-то виртуальных “прав человека”. Это чувство братства людей в Боге должно вести к социальному миру и общественному согласию. Инстинкт конкуренции необходимо заместить чувством корпоративности, сотрудничества, взаимодействия» [2].

Важно отметить, что православная церковь в современном обществе не является ни политическим, ни экономическим институтом. Ее влияние стремится к распространению в духовно-нравственной области; свое предназначение она видит в спасении человеческих душ. Несмотря на то, что православная церковь строит свои отношения с государством на принципе невмешательства на внутренние дела друг друга, она не отделена от общества. В последние годы социальная роль церкви в жизни общества значительно возросла. Это проявляется в развитии религиозного просвещения, благотворительности, милосердия, миротворчества. Церковь осуждает войну в Украине, рассматривает ее как гуманитарную катастрофу. Религиозные идеологи считают необходимым посредством проповедей и публичных выступлений в процессе работы с политическими и общественными организациями призывать враждующие стороны к миру. Для оказания помощи пострадавшим жителям Украины создана Межведомственная комиссия Русской православной церкви. С августа 2014 г. Гомельской епархией осуществляется гуманитарная помощь беженцам с Украины.

Церковь обращает пристальное внимание на воспитание подрастающего поколения. Открываются воскресные школы, проводятся молодежные конференции, семинары, летние лагеря отдыха и т. д. Например, в Гомеле ежегодно проводится Рождественский бал православной молодежи. Его организаторами являются отдел по работе с молодежью Гомельской епархии и православное молодежное братство в честь Царственных Страстотерпенцев при приходе храма преподобного Серафима Саровского. Целью бала выступает укрепление связи между церковью и подрастающим поколением города и области.

Церковь особое внимание уделяет вопросам защиты материнства и детства. В 2009 г. в Лиде сестричеством в честь преподобной Евфросиньи Полоцкой организован приют для помощи

женщинам и детям, пострадавшим от домашнего насилия. Его сотрудники взаимодействуют с правоохранительными органами и центром социального обслуживания населения. Церковные деятели высоко оценивают роль семьи в жизни общества, т. к. именно семейное воспитание является основой формирования личности и гражданского сознания. Церковь осуждает аборты, выступает против репродуктивной технологии ЭКО и суррогатного материнства, которое рассматривается как безнравственная практика, превращающая в товар детей и женщин.

Заключение. Современное православие не является культурной доминантой в жизни обще-

ства. В условиях мировоззренческого плюрализма, аморфной религиозности церковь сохраняет неизменными основы своего вероучения, обрядовую практику, но при этом она активно стремится к открытому взаимодействию с современным миром, разрабатывает новые подходы и принципы работы с обществом, в основе которых находится диалог. Важным является то, что церковь пропагандирует не только свое вероучение, но в гораздо большей степени традиционные общечеловеческие ценности. Тем самым церковь содействует сохранению и развитию национальной культуры, выступает против культа потребления и материального успеха.

Литература

1. Мень А. История религии. В 2 кн. Кн. 1: В поисках Пути, Истины и Жизни. М.: Форум-ИНФРА-М, 1998. 216 с.
2. Епископ Тихвинский Константин (Горянов). Культура и общество: взаимные обязательства на пороге нового тысячелетия // Современная культура и православие. Режим доступа: <http://www.azbyka.ru/tserka/kultura/5g18>. Дата доступа: 17.07.2014.
3. Филарет. Экономический кризис как духовный кризис // Минские епархиальные ведомости. 2011. № 4. С. 86–87.
4. Филарет. Может ли современный образованный европеец верить в реальность Иисуса Христа, Сына Божия? // Минские епархиальные ведомости. 2010. № 4. С. 42–43.

References

1. Men' A. *Istoriya religii* [Religion history]. In 2 books of Book 1: In search of the Way, Truth and Life. Moscow, Forum-INFRA-M Publ., 1998. 216 p.
2. Episkop Tikhvinskiy Konstantin (Goryanov). Culture and society: mutual obligations on a threshold of the new millennium. *Sovremennaya kultura i pravoslaviye* (In Russian). Available at: <http://www.azbyka.ru/tserka/kultura/5g18> (accessed 17.07.2014).
3. Filaret. Economic crisis as spiritual crisis. *Minskiye eparkhial'nyye vedomosti*. Minsk diocesan sheets, 2011. no 4. pp. 86–87 (In Russian).
4. Filaret. Whether the modern educated European can believe in Jesus Christ's reality, the Son Bozhiya? *Minskiye eparkhial'nyye vedomosti*. Minsk diocesan sheets, 2010, no 4, pp. 42–43 (In Russian).

Информация об авторе

Кожич Наталья Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Сverdlova, 13a, Республика Беларусь). E-mail: Kogich@belstu.by

Information about the author

Kogich Natalja Michailovna – Ph. D. Philosophy, assistant professor of the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Kogich@belstu.by

Поступила 15.03.2015

УДК 316.16:141.7

В. В. Богаченко

Одесская Национальная Академия имени А. С. Попова

**«САМОСТЬ» КАК АТРИБУТ ЦЕЛОСТНОСТИ СУБЪЕКТА
СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ И ЕЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
УРОВНИ ФОРМИРОВАНИЯ**

В статье исследуется понятие «самости» как основного атрибута сохранения целостности личности, ее психологической самоидентичности, индивидуальности и уникальности в поликультурном и трансформационном современном мире. Рассматриваются социокультурные уровни преобразования феномена «самости» в горизонтальном и вертикальном измерении социокультурной среды, а также определяются основные конструкты формирования мотивационной сферы современной личности, что раскрывает деятельные аспекты становления «самости».

Показано, что современное глобализационно-информационное общество знаменуется сменой множества парадигм идентичностей, в соответствии с чем основными характеристиками личности выступают самоответственность, самоопределение, индивидуализация и проявление свободы. Проанализированы основные содержательные аспекты «самости» в различных философских учениях. Показано, что «самость» представляет собой множество социальных ролей в поле деятельности и существования личности, такие как профессиональные, семейные, религиозные, политические, экономические, культурные, стратификационные и другие.

Особое внимание уделено анализу особенностей формирования «самости» на различных уровнях – индивидуальном intersубъективном, пространственно-временном, социокультурном и intersубъективном (глобализационном).

Анализ специфики «самости» на этих уровнях позволил раскрыть специфику интериеризационных норм, правил социального поведения для успешного выполнения социальных ролей.

Ключевые слова: «самость», самоидентификация, социокультурное пространство, мотивационная сфера, социальное действие, типичное и уникальное.

V. V. Bogachenko

Odessa National Academy of Telecommunications n. a. A. S. Popov

**“SELF” AS AN ATTRIBUTE OF INTEGRITY
OF SOCIAL ACTIVITY SUBJECT
AND ITS SOCIALCULTURAL LEVELS OF FORMATION**

The article studies the concept of “self” as the primary attribute of preserving the integrity of the person, her psychological self-identity, individuality and uniqueness in a multicultural and transformational modern world. It is revealed the socio-cultural levels conversion phenomenon of “self” in the horizontal and vertical dimensions of socio-cultural environment, and it is identified the main constructs of formation of motivational sphere of modern identity that opens activity aspects of becoming “self”.

It is shown that modern globalizational and information society is marked by a change of paradigms set of identities in accordance with what the main characteristics of personality self responsibility, self-determination, freedom of expression and individualization, analyzed the main substantive aspects of the self in various philosophies. It is shown that “self” is a set of social roles in the field of activity and the existence of personality such as professional, family, religious, political, economic, cultural, stratification and others.

Particular attention is paid to the analysis features of formation of “self” at different levels – individual intersubjective, spatio-temporal, socio-cultural and global intersubjective.

Analysis of the specificity of “self” at these levels will reveal the specific interiеризационных norms, rules of social behavior for the successful implementation of social roles.

Key words: “self”, the self-identification, socio-cultural space, motivational sphere, social activity, the typical and the unique.

Введение. «Самость» современной личности в условиях трансформационного изменчивого мира подвергается все новым и новым актам рефлексии разума на пути познания множественного непрерывного потока информации. Современное неустойчивое, глобализационно-информационное общество знаменуется сменой множества парадигм идентичностей. Происходит переход от статичного закрытого общества, в котором каждый субъект занимал свое место в системе, которая большей частью и определяет его роль и функцию, к новому открытому нелинейному обществу. Основными характеристиками бытия личности в новой видоизмененной системе являются самоответственность, самоопределение, индивидуализация и проявление свободы, то есть ответственность за нахождение своего пути в неустойчивом социальном лоне сегодняшнего дня. К такой перестройке своей внутренней «самости» многие субъекты современного социума оказываются не готовы. Это долгий путь формирования нового типа восприятия себя, самосознания и самоидентификации, «самости» новой формации, изучив уровни которой есть возможность упростить и сделать процесс самоопределения более конструктивным и плодотворным и для личности, и для социума в целом.

Целью публикации является исследование «самости» как результата ряда непрерывных актов самоидентификации субъекта социального действия, отображение ее конструирования через призму социокультурных уровней развития личности.

Основная часть. Исследование «самости» как ядра уникальности личности требует обоснования проблемы соотношения персонального, индивидуального, личностного, с одной стороны, и социального, коллективного, типичного – с другой. Противостояние этих полярных личностных модусов широко отражено в ряде философских, психологических, социологических исследованиях как предыдущих эпох, так и современных научных исследователей этих областей. Обоснование сущности этого вечного личностно-общественного конфликта субъекта социального действия и социокультурной мегасистемы обнаруживается в работах З. Фрейда, К.-Г. Юнга, Х. Кохута, Э. Фромма, Р. Мертона, А. Маслоу, К. Роджерса, М. Вебера, Э. Тоффлера, Э. Дюркгейма, М. Фуко, Ж. Бодрийяра, Дж. Франкла, К. Ясперса и многих других.

Аналитическое направление в психологии К.-Г. Юнга исследует процесс взаимодействия индивидуальности личности и общественной структуры как симбиоз личностного и обще-

ственного бессознательного, центром взаимодействия и целью которого есть «самость». По его мнению, основное противоречие составляющих психики личности – взаимодействие начал и есть ее бытие. Архетипы К.-Г. Юнга являются базисными составляющими типа поведения и его отклонений либо совпадение с общественными социокультурными ценностями и нормами. При этом К.-Г. Юнг разграничивает понятия «Я» и «самость». Все свои архетипы он выражает символически. «Самость» в его интерпретации – это символ целостности личности, которая достигается на стыке взаимодействий сознательного и бессознательного, это цель человеческой жизни и двигатель самопознания и самосовершенствования. Динамичность этого процесса подтверждается и определением современного психоаналитического словаря, в котором отмечается, что самость как единство «...при накоплении жизненного опыта постепенно разрушается, но остается неким шаблоном или эскизом для последующих переживаний целостности и интеграции» [1]. Следовательно, несмотря на открытость и динамичность «самости» как определенной системы личности, она представляет собой базисные составляющие самоидентификации личности, которые путем адаптации, экстерниоризации, интериоризации, ценностно-семиотического приобщения создают внутреннюю уникальность и индивидуальность личности.

Описав «самость» как цель и способ жизни, К.-Г. Юнг отмечает, что это «...своего рода компенсация конфликта между внутренним и внешним... Значит, Самость – это также и цель нашей жизни, ибо она представляет собой самое полное выражение того неповторимого сочетания, которое мы называем личностью; Самость – это полный расцвет не только отдельно взятого индивида, но и целой группы, каждый член которой вносит свою долю в складывающееся целое» [2].

Таким образом, «самость» – компенсаторный и балансирующий элемент как внутреннего и внешнего мира личности, так и субъекта и социума. Это атрибут символа целостности и развития, которого все хотят достичь, но никто не может структурно описать, поскольку это ограничит представленную категорию и она утратит свою сверхсмысловую нагрузку, к которой человеку дано лишь стремиться. Категорию «самости» можно определить как стремление, гармонизацию и активность субъекта.

Новый подход к исследованию самости обнаруживается у Э. Фромма, который в работе «Душа человека» раскрывает трудности

формирования «самости» личности в дегуманизованном обществе, это новое потребительское общество порождает новый «деструктивный тип личности». Этот тип личности по Э. Фромму занимается в основном производством и потреблением и теряет способность настоящей внутренней активности, а также способности к самотождеству, что приводит к синдрому «отчуждения». Он отмечает, что «...мы можем верить в себя – не в постоянство собственных мыслей, а в наши основные жизненные ориентиры, в неизменность структуры нашего характера. Подобная вера обусловлена переживанием самости, нашей способностью с полным основанием сказать Я, чувством самотождественности» [3, с. 37].

Если рассматривать процесс становления «самости» как структурный результат самоидентификации, необходимо исследовать движущие силы данного процесса. Поскольку субъект самоосознается и самоопределяется посредством социального действия, то необходимо вскрыть движущие силы, которые формируют его поведенческую активность, и объяснить специфику социального действия.

Еще М. Вебер, определяя социальное действие как основную категорию социологии, отмечает, что «Социальным» мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицам или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [4, с. 603]. То есть основной параметр данного действия есть направленность на другие субъекты и с помощью межсубъектных взаимодействий формирование мотивационной и самосознательной сферы субъекта социального действия как агента самоидентификации.

Мотивация в данном случае является внутренним опосредованным вектором потенциального действия. Исследовав мотивацию личности, можно не только определить варианты ее поведения «здесь и сейчас», но и спрогнозировать, как тот или иной человек будет вести себя в определенной ситуации, то есть мы можем управлять его поведением и осмыслить механизмы формирования его внутренних констант бытия.

Исследуя проблемы «самости» и структуры ее формирования, невозможно обойти стороной вопрос мотивации поведения, которое формирует индивидуальность и типичность каждой личности в лоне социума. Посредством различных поведенческих форм и осуществляется взаимодействие субъекта и социокультурной системы.

Онтологическое формирование мотивационной сферы человека своеобразно и структурно описывает Е. П. Ильин. Рассматривая движущие силы деятельности личности в обществе, он выделяет основные группы мотивации, акцентируя внимание на двух больших подгруппах, а именно: мотивации просоциального (нормального) поведения и мотивации отклоняющегося (девиантного) поведения.

Таким образом, отражаются векторы взаимодействия личности и социума, то есть принятие ею стандартных социокультурных норм, правил поведения, клише, стереотипов, ролей (конформизм) или отклонение от этих норм (асоциальное, антисоциальное либо инновационно-творческое поведение). В любом случае, исследуя более детально мотивационный фон личностного поведения, можно сказать, что и в первом, и во втором случае происходит конфликтное взаимодействие.

В первом случае мы наблюдаем камфорные группы людей, большей частью следующие стереотипам и нормам, которыми управляет мотив стереотипа, стадный инстинкт поступать как все, например, заключить брак, получить образование, воспитать детей и т. п. Во втором случае, присутствуют кардинально различные схемы развития. Асоциальный путь представляется неприятием общественных норм, ценностей, позиций. Этот путь исключает человека из общности, способствует его противоречивому отношению к социально-моральным константам, в то время как антисоциальный тип несет в себе опасность для других членов общества и ведет уже к правовым нарушениям. Этот вид взаимодействия скорее относится к дисбалансу «самости» субъекта. Ведь достигнуть «самости» – значит приобрести гармонию внутреннего мира, сознательного и бессознательного и внешней социокультурной среды. Другими словами, формирование «самости» можно назвать результатом множественных самоидентифицирующих личностных актов, которые позволяют ей создать целостную самоорганизующуюся внутреннюю систему и дает возможность самореализоваться и самосовершенствоваться.

Исследуя мотивы и мотивацию, Е. П. Ильин отмечает, что личность «Побуждают к самосовершенствованию три обстоятельства: а) наличие у человека потребности в самоуважении и в одобрении другими, в социальном престиже;

б) рассогласование в образах своего «Я идеальное» и «Я реальное»: в) возникающие на этой основе самооценки и самоотношения» [5, с. 225]. То есть это мотивы вечного поиска

себя, стремление к идеалу и формирование самоатрибуции. Инновационно-творческое поведение является в данном случае оригинальным и неповторимым путем формирования уникальной «самости», которая в сила менять социальное типичное и выводить человечество на качественно новый виток развития.

Это еще раз подчеркивает симбиоз и неразрывность общественного и социального в каждом человеке и формирование индивидуальности в общественном лоне типичности. Как отмечает, Н. Е. Шилина «...человеческая индивидуальность – это неповторимый самобытный способ бытия конкретной личности в качестве субъекта самостоятельной деятельности, это индивидуальная форма общественной жизни человека» [6, с. 24]. Эти закономерности отражаются в процессе социализации личности как непрерывного двустороннего диалога субъекта и общества.

Категории социализация и самоидентификация находятся в одном смысловом поле по своей сущности, но, определяя основную функцию каждой из них, можно четко объяснить, что социализация адаптирует и включает субъект в общественную систему, в то время как самоидентификация отражает принадлежность данного субъекта к определенной культурной среде. Социализация разрабатывает и предлагает человеку совокупность регулятивных правил, обеспечивающих ему наиболее оптимальную реализацию собственной сущности.

Исследователи правовых аспектов социализации Куличенко Виктор и Куличенко Владимир раскрывают общее понятие социализации, выделяя «...два параллельных процесса: 1) процесс приспособления (адаптации) человека как биологического существа к жизни в обществе; 2) процесс формирования личности» [7, с. 15]. Это говорит о том, что адаптивный механизм включает человека в социокультурную среду путем усвоения норм, устоявшихся правил поведения, морали, стереотипов, клише, делая его типичным представителем отдельного социума. Личность позволяет социуму закладывать базисный фундамент, так называемый социальный фон, в будущем задающий основные духовные общественные экзистенциалы. А вторая составляющая – процесс конструирования личности. Ее самоопределение и есть процесс формирования «самости», которая составляет результат социализации и адаптации личности на базе уже имеющихся социокультурных составляющих. Этот этап самосознания и рассматривается как этапы становления индивидуальности личности, ее самосознания и самоидентификации.

Он представляется как полидинамичный процесс, целью которого является самореализация, самоактуализация и самоатрибуция личности.

Современный исследователь Кравцов Ю. С. отмечает, что базисную основу процессов правовой идентичности составляет триада «мое – не мое – Я». Он пишет: «В диалектическом единстве с системой понятий «мое – не мое» и «борьбы», которая имеет характер сравнения, формируется понятие «Я» – диалектическая форма дихотомии «мое - не мое» [8, с. 42]. Этот комплекс ярко подчеркивает формирование «самости» не только на стыке личностных интересов, но и на пересечении правовых и материальных взаимодействий. То есть через межличностные конфликты образуется и формируется личностное уникальное самосознание.

Так как в данном исследовании «самость» определяется как результат и накопление множества актов самоидентификации, попробуем рассмотреть ее формирование по уровням самоорганизации субъекта социального действия по вертикали и горизонтали развития социального бытия.

Горизонтальный вектор развития «самости» по уровням самоидентификации представляет собой множество социальных ролей в поле деятельности и существования личности, например, профессиональные, семейные, религиозные, политические, экономические, культурные, стратификационные и т. п. Этот уровень социально-активных действий в определенной социальной роли и частичка «самости» каждой из представленных ролей зависят от степени интериоризации норм социального поведения в заданном случае, и чем интериоризированней и устойчивей эти нормы и экзистенции, тем успешней они экстериоризируются во внешних поступках в виде успешного выполнения заданной роли. Как отмечает Э. Фромм, «...адаптация к жизни в обществе не может являться надежным критерием нормы и аномалии личности, так как она может предполагать навязывание человеку чуждых ему ценностей и отказ от своей личности» [9, с. 122]. Если одни социальные роли могут не подходить человеку и формировать его как деструктивную личность, то для другого человека, наоборот, они могут служить развитием его внутреннего потенциала и развитием «самости». Это свидетельствует о необходимости найти себя в профессии, реализовать себя как родитель, сын, брат, владелец, служащий – необходимо выбрать свой вариант самореализации, присущий только тебе, прототипы же идеалов дарит общество и закладывает их с детства. Уже в процессе детской игры зарождаются

механизмы и предпосылки к оптимальному вектору саморазвития, необходимо лишь их рассмотреть в себе и реализовать.

Для понимания процесса становления персональной «самости» важно изучить движущие силы процесса социальной активности и внутреннего самоструктурирования личности. Определив, что является мотивом, движущей силой активности человека, мы сможем установить векторы развития и формирования внутренних констант. Если говорить о духовном компоненте деятельности, то здесь нужно выделить такие базовые механизмы социокультурной среды, как ценности, символы, идеалы, мифы, идеи и т. п. Как отмечает Дж. Франкл, «...культура – это публичное выражение личных фантазий людей. Создавая возможность коллективного катарсиса, она также служит связующим звеном между индивидами и формирует чувство их идентичности» [6, с. 16]. То есть, чтобы изучить уровни формирования «самости», нужно исследовать социокультурную сферу личности.

Вертикальный срез уровней самоидентификации субъекта социального действия в социокультурной среде можно обозначить как индивидуальный, интересубъективный, пространственно-временной, этно-национальный, социокультурный, глобализационный. Рассмотрим особенности формирования «самости» на каждом из представленных уровней самоидентификации субъекта в социокультурной среде.

Первый уровень – индивидуальный, это пласт формирования уникальности субъекта, формирование его самосознания, ядра «самости». На данном уровне происходит активация внутренних физиологических, биологических, психологических потенциалов человека, раскрытие его способностей, что и конструирует мотивы его деятельности и его «Я» – социальный образ. Процесс этот динамичен, непрерывен и продолжается на протяжении всей жизни человека, претерпевая изменения, преобразования, но все же, неся в себе базисный конструкт внутреннего мира субъекта, который выражается в его моральных принципах, жизненных позициях, убеждениях – во всем том, что позволяет ему составить образ своей персоны и определить это как мое «Я».

Второй уровень – интересубъективный. Это адаптивный уровень приобщения субъекта к социокультурной среде в процессе взаимодействия его с «Другими» агентами и средствами социальной коммуникации, это, как правило, символическая связующая. Семиотико-знаковый обмен производится, прежде всего, с помощью понятий, которые не соответствуют реальности,

они функционируют путем интерпретаций, представлений субъектов социального взаимодействия. То есть все мы взаимодействуем не с «Другим», как агентом самоидентификации, а со своим представлением о нем. И понять, и принять его требования мы можем лишь в случае совпадения наших представлений, ожиданий. Вместительность этих метасубъектных констант, представлений, клише, стереотипов и т. п. является интересубъективной средой, которая является сферой коммуникативной связи субъектов взаимодействия и социокультурной мега-системы в целом. Это приводит к нахождению своей «самости» в системе отношений «субъект – субъект» и как результат – к социально-групповой самоидентификации.

Третий уровень – пространственно-временной, имеет противоречивый характер формирования. С одной стороны, он позволяет определить условия формирования внутренних констант – окружающая среда, место, время и сферу реализации своих потенциалов, которые внутренне заданы еще на первом персональном уровне. С другой стороны, в нашем информационно-глобализационном обществе этот уровень может менять эти координаты и в физическом, и в виртуальном смысле так стремительно и разнообразно, используя коммуникации и информационные мировые ресурсы, что статично изучить его не возможно. Преимуществом этого уровня в наше время является возможность пользоваться ресурсами многих историко-культурных эпох, общаться с интересующими нас людьми и приобщаться к артефактам и наработкам многих веков, что расширяет круг реализации своей «самости». А негативной стороной становится чрезмерная виртуализация окружающих и себя, потеря защитных механизмов самоидентификации в процессе возможности анонимности общения и проживания себя во многих ролях.

Следующий, четвертый уровень – этнонациональный, который включает в себя социокультурные составляющие (язык, культура, традиции этническое наследие) и особенности территориально-временного существования (время, события, условия жизни). В процессе формирования «самости» на этом уровне закладываются этнические особенности интериоризации и экстериоризации окружающей среды и себя в этой среде, ментальные парадигмы поведения, мировоззренческие особенности, свойственные личности на уровне фенотипических способностей, этот уровень характеризуется не только социальной активностью, но и врожденно-приобретенным неповторимым свойством той или иной культуры на уровне сообщества.

Пятый, социокультурный уровень, является миром семиотико-знаковых систем, которые могут объединять культуры, помогать им вести межкультурный диалог. Многозначность символов завязана не только на представлениях, образах, но и на эмоциональной составляющей процесса экстернализации. Дж. Франк пишет: «...человек – это организм, обладающий способностью к самоэкстернализации» [10, с. 52]. Это внутренняя способность субъекта воспроизводить свои представления, идеи во внешних символах и смыслах, которые и составляют человекотворческий аспект культуры, и деятельность человека представляет в этой цепочке основной элемент опредмечивания символических представлений в реальности и перемещение их в сферу сознательного.

И, шестой, интегративный уровень – глобализационный. Это общечеловеческий духовный, ценностный, интеллектуальный уровень, постигнуть который возможно лишь в процессе самоорганизации и развития своей «самости», достигнув гармонии с собой и с окружающим миром. Чем самодостаточней личность, тем выше ее уровень взаимодействия с социокультурной средой, тем многообразней ее виды самоидентификации, и чем выше она подымается по ступеням самоорганизующейся социокультурной системы, тем больше подходит к глобализационному осознанию себя и конструированию своей «самости», что, по мнению К. Г. Юнга, и является целью жизни человека

Выводы. Социокультурные преобразования глобального современного социума тре-

буют формирования нового мировоззрения, новых типов мышления, восприятия, которые могут не сформироваться в лоне одного поколения. Социально-историческое преобразование требует времени и внутренних личностных затрат человечества для развития нового уровня «самости». Определяя «самость» как результат множества актов самоидентификации, возможно изучить ее в новом срезе социокультурной среды. Индивидуальный, интересубъективный, пространственно-временной, социокультурный, этно-национальный, глобализационный уровни вертикального среза самоидентификации в социокультурной среде раскрывают специфику формирования «самости» и динамику ее преобразований, базисом которой является мотивационная сфера субъекта социального действия.

Горизонтальный вектор процесса самоидентификации личности в социокультурной среде, в свою очередь, позволяет изучить специфику интериоризации норм, экзистенций, правил социального поведения и экстериоризацию их субъектом социального действия во вне в виде успешного выполнения социальных ролей, самореализации и самоопределения в социальной структуре, то есть формирование уникального в лоне типичного. Наступает эпоха, требующая новой гибкой структуры «самости» личности, которая позволит развивать свою индивидуальность и уникальность, и в то же время быть гармоничной частью типичного в социокультурном измерении современного общества.

Литература

1. Психоаналитические термины и понятия: Словарь под ред. Борнесса Э. Мура и Бернарда Д. Фаина. М.: Независимая фирма «Класс», 2000. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/18/word/samost> (дата обращения: 11.01.2015).
2. Иоланда Якоби. Психологическое учение Карла Густава Юнга. URL: [http://psiland.narod.ru/psiche/Jacoby/3-33-36.htm#\[206\]](http://psiland.narod.ru/psiche/Jacoby/3-33-36.htm#[206]) (дата обращения: 09.01.2015).
3. Фромм Э. Душа человека. М.: ООО «Издательство АСТ»: «Транзиткнига», 2004. 572 [4] с.
4. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
5. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб.: ООО «Питер Пресс», 2008. 512 с.
6. Шилина Н. Е. Взаимодействие личности и общества: психоанализ конфликта // Грані. Науково-теоретичний і громадсько-політичний альманах. Дніпропетровськ, 2014. № 2. С. 23–28.
7. Куліченко В. В., Куліченко В. В. Філософія правової соціалізації. Херсон: Гринь Д.С., 2014. 314 с.
8. Кравцов Ю. С. Філософське призначення освіти у морально-правовій ідентифікації людини. Дніпродзержинськ: ДДТУ, 2012. 255 с.
9. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990. 260 с.
10. Франкл Дж. Археология ума. М.: АСТ: Астрель, 2007. 254 [2] с.

References

1. *Psichoanaliticheskie terminy i ponjatija. Slovar'* [Psychoanalytic terms and concepts. Dictionary] ed. Bornessa E. Moore and Bernard D. Faina. Moscow, An independent firm "Class", 2000. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/18/word/samost> (accessed 11/01/2015).

2. Yolanda Jacoby. *Psihologicheskoe uchenie Karla Gustava Junga* [Psychological teachings of Carl Gustav Jung]. URL: [http://psiland.narod.ru/psiche/Jacoby/3-33-36.htm#\[206\]](http://psiland.narod.ru/psiche/Jacoby/3-33-36.htm#[206]) (accessed 01/09/2015).

3. Fromm E. *Dusha cheloveka* [The soul of human]. Moscow, LLC "Publishing AST": "Tranzitkniga Publ.", 2004. 572 [4], p.

4. Weber M. *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works]. Moscow, Progress Publ., 1990. 808 p.

5. Il'in E. P. *Motivacija i motivy* [Motivation and motives]. St. Petersburg: Peter Press Publ., 2008. 512 p.

6. Shilina N. E. *Vzaimodejstvie lichnosti i obshhestva: psihoanaliz konflikta* [The interaction of the individual and society: psychoanalysis of conflict] // Grani. Scientific-theoretical, social and political almanac. Dnipropetrovsk, 2014, no. 2 (106), pp. 23–28.

7. Kulichenko V. V., Kulichenko V. V. *Filosofija pravovoi socializacii* [The philosophy of legal socialization]. Kherson, Grin D.S. Publ., 2014. 314 p.

8. Kravtsov Y. S. *Filosofs'ke pryznachennja osviti u moral'no-pravovij identyfikacii ljudini* [Philosophical purpose of education in moral and legal identification of human]. Dneprodzerjinsk, DDTU Publ., 2012. 255 p.

9. E. Fromm. *Begstvo ot svobody* [The Escape from Freedom]. Moscow, Progress Publ., 1990. 260 p.

10. G. Frankl. *Arheologija uma* [Archaeology of the mind]. Moscow, AST: Astrel Publ., 2007. 254 p.

Информация об авторе

Богаченко Валентина Викторовна – аспирант, старший преподаватель кафедры философии и истории Украины. Одесская Национальная Академия связи имени А. С. Попова, Украина (65031, г. Одесса, ул. Тургенева, 16). E-mail: bogachenko.valentina@mail.ru

The Information about the author

Bogachenko Valentina Viktorovna – graduate student, senior lecturer of Philosophy and History of Ukraine Department. Odessa National Academy of Telecommunications named after A. S. Popov, Ukraine (16, Turgenyeva str., 65031, Odessa). E-mail: bogachenko.valentina@mail.ru

Поступила 16.03.2015

УДК 347.78

Л. А. Кулис

Белорусский государственный технологический университет

ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТОВ СМЕЖНЫХ ПРАВ

Использование объектов смежных прав в гражданском обороте обусловлено некоторыми особенностями, которые присущи только этой группе объектов интеллектуальной собственности. Надлежащее правовое закрепление таких особенностей необходимо для правильной правовой оценки объекта интеллектуальной собственности и обеспечения его правовой охраны. Нарушение смежных прав влечет ответственность, установленную законодательством об интеллектуальной собственности. Главной особенностью объектов смежных прав является их производность и зависимость от объектов авторского права, чем и обусловлено их название. Сам факт возникновения смежных прав был вызван необходимостью расширения возможностей доведения до сведения публики произведений, являющихся объектом авторского права, путем их исполнения, записи на пленку, передачи с помощью сигналов вещательных организаций. С целью защиты прав исполнителей, производителей фонограмм и организаций вещания от неправомерного использования результаты их интеллектуальной деятельности признаются объектами смежных прав. Исполнители осуществляют принадлежащие им права при условии соблюдения прав автора исполняемого произведения. Производитель фонограммы, организация эфирного или кабельного вещания осуществляют принадлежащие им права в пределах прав, полученных по договорам с исполнителями и автором записываемого либо передаваемого в эфир или по кабелю произведения. Однако вне правового регламентирования оказались объекты смежных прав, не связанные с авторским правом.

Ключевые слова: объекты интеллектуальной собственности, смежные права, исполнения, фонограммы, передачи вещания.

L. A. Kulis

Belarusian State Technological University

FEATURES OBJECTS OF RELATED RIGHTS

Using objects of related rights in civil circulation due to some features that are unique to this group of intellectual property. Proper legal consolidation of these features is necessary for proper legal assessment of intellectual property and to ensure its legal protection. Related rights violation is punishable by law on intellectual property. The main feature of objects of related rights is their derivatives, and depending on the subject of copyright, and this is due to their name. The very fact of the emergence of related rights was caused by the need to expand opportunities for bringing to the attention of the public works, are subject to copyright by their performance, taping, the transmission of signals by means of broadcasting organizations. In order to protect the rights of performers, producers of phonograms and broadcasting organizations against unauthorized use of the results of their intellectual activity recognized as objects of related rights. Performers exercise their rights, subject to the rights of the author of the work performed. Phonogram producer, broadcasting organization or cable broadcasting exercise their rights within the rights acquired under contracts with performers and authors write or broadcast or by cable. However, regardless of the legal regulation were objects of related rights, is not related to copyright.

Key words: intellectual property, related rights, performances, phonograms, broadcasts.

Введение. Объекты смежных прав среди объектов интеллектуальной собственности не являются самыми многочисленными в сравнении с объектами авторского права и права промышленной собственности. Тем не менее их использование в гражданском обороте является достаточно активным и обладание имущественными правами на эти объекты способно приносить значительную экономическую выгоду.

Основная часть. К объектам смежных прав относятся исполнения, фонограммы и передачи

организаций эфирного или кабельного вещания. Соответственно смежные права возникают у исполнителей, производителей фонограммы, организаций кабельного и эфирного вещания.

На законодательном уровне смежные права впервые были закреплены в европейском праве в 1936 году. В итальянском законодательстве с 1941 года использовался аналогичный термин «примыкающие права». Первой международной реакцией на необходимость предоставления правовой охраны объектам смежных прав

стало заключение в 1961 году Международной конвенции по охране прав исполнителей, производителей фонограммы и организаций эфирного вещания, которая известна под названием «Римская конвенция». В связи с развитием цифровых технологий и Интернета потребности в правовой охране смежных прав значительно возрасли. В Женеве 20 декабря 1996 года был подписан Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) по исполнению и фонограммам.

В нашей стране отношения в сфере смежных прав регулируются Гражданским кодексом Республики Беларусь, Законом Республики Беларусь от 17.05.2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» (далее Закон) и иными актами законодательства.

Для возникновения и осуществления смежных прав не требуется соблюдения каких-либо дополнительных формальностей, например, регистрации, уведомления уполномоченных государственных органов или организаций и др. Основанием правовой охраны смежных прав является сам факт создания соответствующих объектов интеллектуальной собственности. Возникновение смежных прав связывается с определенными условиями, предусмотренными белорусским законодательством. Так, права исполнителя возникают, если исполнитель является гражданином Республики Беларусь, и исполнение впервые было осуществлено либо записано на фонограмму, либо передано в эфир на территории Республики Беларусь. У производителя фонограммы права возникают, если он является гражданином Республики Беларусь или юридическим лицом, имеющим официальное местонахождение на территории Республики Беларусь, а также если фонограмма впервые была опубликована на территории Республики Беларусь. У организации эфирного или кабельного вещания права возникают при условии, что она имеет местонахождение на территории Республики Беларусь и осуществляет передачи с передатчиков, расположенных на территории Республики Беларусь. Вместе с тем необходимо отметить, что международными договорами Республики Беларусь могут быть предусмотрены иные условия возникновения смежных прав.

Использование имущественных прав на объекты смежных прав в гражданском обороте обусловлено некоторыми особенностями, которые присущи только этой группе объектов интеллектуальной собственности. Надлежащее правовое закрепление таких особенностей необходимо для правильной правовой оценки объекта интеллектуальной собственности и обеспечения его правовой охраны. Нарушение смежных прав влечет ответственность, установленную

законодательством об интеллектуальной собственности.

Главной особенностью объектов смежных прав является их производность и зависимость от объектов авторского права, чем и обусловлено их название. Сам факт возникновения смежных прав был вызван необходимостью расширения возможностей доведения до сведения публики произведений, являющихся объектом авторского права, путем их исполнения, записи на пленку, передачи с помощью сигналов вещательных организаций. Поэтому по общему правилу объект смежных прав может возникнуть только после создания объекта авторского права. Субъектам смежных прав при осуществлении закрепленных законодательством их собственных прав необходимо соблюдать права, принадлежащие субъектам авторского права.

Так, при исполнении певцом песни используются слова, написанные поэтом, и музыка, созданная композитором. Права артиста на исполнение возникают гораздо позже авторских прав, принадлежащих поэту и композитору.

Исполнением является творческое представление произведения посредством пения, танца, игры, декламации и иных действий, в том числе с использованием проекционных аппаратов и иных технических устройств.

Соответственно исполнителями являются артисты-исполнители, дирижеры, режиссеры-постановщики спектаклей и другие лица. Исполнители имеют индивидуальный интерес в правовой охране их индивидуальной творческой интерпретации исполняемого произведения, имущественные (исключительные) и неимущественные права на которое принадлежат другим лицам – автору произведения и иным правообладателям.

Фонограмма – это любая исключительно звуковая запись какого-либо исполнения или иных звуков либо отображений звуков. Запись звуков, включенная в аудиовизуальное произведение, не считается фонограммой, а воспринимается как составная часть произведения – объекта авторского права. Производителем фонограммы является физическое или юридическое лицо, организующее первую запись исполнения или иных звуков либо отображений звуков. Для доведения записанных звуков до слушателей требуются творческие, финансовые и организационные ресурсы. Производитель фонограммы заинтересован в правовой охране произведенных им записей.

Передача организации эфирного или кабельного вещания – это передача в эфир или передача по кабелю звуков или изображений для приема публикой, осуществляемые организацией вещания или по ее заказу и за ее счет другой организацией.

Эфирное вещание – это передача с помощью кодированных сигналов звуков и изображений без использования провода и кабеля, включая передачу через спутник. Кабельное вещание представляет собой передачу звуков и изображений по проводам, радиочастотному или оптическому кабелю. Организации вещания заинтересованы в правовой охране передач от бездоговорного и иного неправомерного их использования третьими лицами.

На зависимость смежных прав от авторских напрямую указано в статье 24 Закона. Норма указанной статьи обязывает исполнителя осуществлять принадлежащие ему права при условии соблюдения прав автора исполняемого произведения. Производитель фонограммы, организация эфирного или кабельного вещания осуществляют принадлежащие им права в пределах прав, полученных по договорам с исполнителями и авторами записываемого либо передаваемого в эфир или по кабелю произведения.

У исполнителей возникают как личные неимущественные права, так и имущественные (исключительные) права. К личным неимущественным правам исполнителя относятся: право авторства в отношении исполнения, то есть право признаваться исполнителем; право на имя, то есть право исполнителя использовать собственное имя, псевдоним либо использовать исполнение анонимно (без обозначения имени); право на неприкосновенность исполнения, означающее запрет на внесение без согласия исполнителя любых изменений, сокращений и дополнений. В гражданском обороте участвуют не сами объекты интеллектуальной собственности, а имущественные (исключительные) права на них. Необходимо также учитывать, что исключительное право на объект интеллектуальной собственности и вещное право на материальный носитель, на котором данный объект зафиксирован, имеют различную правовую природу. Имущественным правом признаются любые формы и способы использования исполнения: запись исполнения, воспроизведение записи исполнения, распространение записи исполнения путем продажи или иной передачи права собственности, прокат оригинала или экземпляра записи исполнения, публичное исполнение записи исполнения, передача исполнения или его записи в эфир, иные способы использования. Имущественные права имеют определенный срок действия, по истечении которого объекты смежных прав переходят в общественное достояние. Производителям фонограммы и организациям вещания принадлежат в отношении этих объектов только имущественные (исключительные) права. Отсутствие

неимущественных прав у производителей фонограмм и организаций вещания также можно отметить как еще одну из особенностей объектов смежных прав.

Однако из названного Закона не вытекает возможность возникновения смежных прав вне связи с авторскими правами. Известно, что недостатки в правовом регулировании порождают противоречивую правоприменительную практику и ведут к дополнительным проблемам охраны законных прав и интересов правообладателей. Полагаем, что в законодательном закреплении нуждается возможность возникновения смежных прав в связи с исполнением, записью в виде звуков или созданием передачи, не связанных с авторскими правами. Например, исполнитель фольклорного произведения заинтересован в закреплении за ним и правовой охране своего оригинального и творческого исполнения или его записи. Произведения народного творчества, авторы которых неизвестны, не являются объектами авторского права. Тем не менее исполнение фольклорного произведения в силу его творческого характера и авторской индивидуальной неповторимости следует считать объектом смежных прав с предоставлением исполнителю предусмотренных статьей 25 Закона личных неимущественных и исключительных (имущественных) прав.

Производитель фонограммы также может осуществить звуковую запись не только непосредственно исполнения произведения, охраняемого авторским правом, но и записать звуки шума океана, пения птиц, комбинацию различных звуков и т. п., которые не являются произведениями и не могут быть связаны с авторским правом. В то же время творческая и оригинальная запись звуков или отображений звуков, не связанных с объектами авторского права, может использоваться в тех же формах и такими же способами, как и запись исполнения произведения, являющегося объектом авторского права. Поэтому запись таких звуков следует признавать объектом смежных прав – фонограммой, с закреплением исключительного права на нее производителя фонограммы или иного правообладателя.

Наиболее сложными и противоречивыми в правовой оценке с точки зрения отнесения к объектам смежных прав являются передачи организаций вещания, в частности трансляция данными организациями спортивных соревнований. Само изображение, представляющее собой отображения движений спортсменов и действий иных лиц, транслируемое по кабелю или передаваемое в эфир, никак не связано с интеллектуальной собственностью. Однако спортивное состязание, снабженное

профессиональным, интересным, оригинальным комментарием и переданное в эфир или по кабелю для приема публикой, может быть отнесено к результатам интеллектуальной деятельности и считаться объектом интеллектуальной собственности. Содержание и построение информации о спортивном соревновании может представлять собой сугубо авторский индивидуальный, профессиональный и творчески целостный подход к освещаемому событию.

Следовательно, при определенных условиях комментарий спортивного соревнования может признаваться объектом авторского права. В то же время комментарий специалиста, разъясняющего лишь техническую сторону действий спортсменов, не имеет признаков объекта интеллектуальной собственности. Организация вещания, получившая право на трансляцию спортивных соревнований, может получать коммерческую выгоду от обладания исключительными правами на передачу вещания и использования ее в формах и способами, указанными в статье 20 Закона: запись передачи, воспроизведение записи передачи, распространение записи передачи или экземпляров записи

посредством продажи или иной передачи права собственности, прокат экземпляров записи передачи, сообщение передачи для всеобщего сведения, передача в эфир или передача по кабелю другой организацией эфирного или кабельного вещания, иные возможные способы использования передачи. Каким образом будет определена организация вещания, транслирующая спортивные мероприятия: по соглашению с организатором такого мероприятия либо по решению государственного органа, – правового значения не имеет.

Признание того или иного результата интеллектуальной и творческой деятельности объектом интеллектуальной собственности позволяет применять способы правовой защиты, предусмотренные законодательством об интеллектуальной собственности.

Заключение. Законодательство об авторских и смежных правах нуждается в совершенствовании. Законодательного закрепления требует возможность возникновения смежных прав, не связанных с авторскими правами, а также основания возникновения смежных прав у организаций вещания, транслирующих спортивные соревнования.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобрен Советом Республики 19 ноября 1998 г. Минск: Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2013. 656 с.
2. Об авторском праве и смежных правах: Закон Респ. Беларусь от 17 мая 2011 г. № 370 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2011. № 60. 2/1813.

References

1. The Civil Code of the Republic of Belarus adopted by the House of Representatives October 28, 1998, approved by the Council of 19 November 1998. Minsk: Nat. Center for Legal Information Resp. Belarus, 2013. 656 p. (In Russian).
2. On Copyright and Related Rights: Law Rep. Belarus dated May 17, 2011, no. 370. Nat. Register of Legal Acts Rep. Belarus. 2011, No 60, 2/1813 (In Russian).

Информация об авторе

Кулис Лидия Андреевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: Kulis@belstu.by

Information about the author

Kulis Lydia Andreevna – Ph. D. Juris, assistant professor of the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Kulis@belstu.by

УДК 347.214.2

Е. М. Сергеева

Белорусский государственный технологический университет

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТАТУСА НАЕМНОГО РАБОТНИКА

В настоящей статье рассматриваются юридически закрепленные права и обязанности субъектов трудовых правоотношений. Определение правового статуса работника взаимосвязано с законодательным регулированием правового статуса других субъектов трудового права в Республике Беларусь. Обязательным условием является четкая и взаимосвязанная система источников трудового права, подчиненная единым принципам общественной организации труда. На примере трудового договора и его широко применяемой разновидности – трудового контракта анализируются некоторые изменения трудовой правосубъектности наемных работников, в связи с принятием нового нормативного акта в сфере трудовых правоотношений – Декрета Президента Республики Беларусь от 15.12.2014 № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций» (Декрета № 5).

Ключевые слова: наемный работник, правовое регулирование, Республика Беларусь, статус.

E. M. Sergeeva

Belarusian State Technological University

LEGAL REGULATION EMPLOYEE STATUS

This article discusses the legally binding rights and obligations of the subjects of labor relations. The legal status of an employee is interconnected with the legislative regulation of the legal status of other subjects of labor law in Belarus. Prerequisite is a clear and interrelated system of sources of labor law subordinate one, the principles of social organization of labor. On the example of the employment contract and it is widely used varieties – the employment contract is analyzed some changes in labor legal employees, in connection with the adoption of a new instrument in the field of labor relations – Presidential Decree number 5 of 15.12.2014 «On strengthening the requirements for managers and workers organizations».

Key words: employee, pravovoe regulation, Belarus, status.

Введение. Трудовое правоотношение – это юридическая связь работника и нанимателя, в которой работник обязуется выполнять работу по определенной одной или нескольким профессиям, специальностям, должностям, соответствующей квалификации и соблюдать внутренний трудовой распорядок, а наниматель обязуется предоставить обусловленную трудовым договором работу, своевременно оплачивать его труд и обеспечивать условия труда, предусмотренные законодательством, локальными нормативными актами и соглашением сторон.

В трудовом правоотношении его содержание составляют определенные права и обязанности, которые приобретают его субъекты (участники) с момента возникновения этого правоотношения. Правам одного субъекта (работника) соответствуют обязанности другого (нанимателя), которые определяются трудовым договором и вследствие его заключения – трудовым законодательством.

Основная часть. В соответствии с Трудовым кодексом Республики Беларусь основанием возникновения трудового правоотношения является трудовой договор (контракт). Для работников, занимающих выборные должности,

таким основанием является факт избрания на данную должность. В основе возникновения трудовых отношений, вытекающих из членства в организациях любых организационно-правовых форм, могут лежать учредительные документы и локальные нормативные акты этих учреждений.

Изменение трудового правоотношения может происходить на договорном основании или на основании, предусмотренном законом.

Отличительной чертой всех видов правоотношений трудового права является то, что они волевые, возникают по воле субъектов трудового права и отражают действие норм трудового законодательства.

Субъекты трудового права – это участники общественных отношений, регулируемых трудовым законодательством, которые могут обладать определенными правами и обязанностями и реализовывать их.

Каждый субъект трудового права обладает правовым статусом, который представляет собой основу правового положения субъекта конкретных правовых отношений.

Содержание правового статуса субъектов трудового права включает:

– трудовую правоспособность, т. е. способность иметь трудовые права;

– трудовую дееспособность – способность по законодательству осуществлять трудовые права и обязанности.

Работники – лица, состоящие в трудовых отношениях с нанимателем на основании заключенного трудового договора.

Государство гарантирует всем гражданам равную правосубъектность независимо от расы, пола, национальности и иных естественных и социальных свойств. Она может быть ограничена лишь частично и только в случаях, предусмотренных законом.

С момента принятия на работу, т. е. заключения трудового договора с конкретным нанимателем, у гражданина возникает правовой статус работника.

Трудовой договор – это соглашение между работником и нанимателем (нанимателями), в соответствии с которым работник обязуется выполнять работу по определенной одной или нескольким профессиям, специальностям или должностям соответствующей квалификации согласно штатному расписанию и соблюдать внутренний трудовой распорядок, а наниматель обязуется предоставлять работнику обусловленную трудовым договором работу, обеспечивать условия труда, предусмотренные законодательством о труде, локальными нормативными актами и соглашением сторон, своевременно выплачивать работнику заработную плату [2].

Основные черты трудового договора:

1) трудовой договор – соглашение его сторон, их добровольное волеизъявление, направленное на установление между ними трудового правоотношения;

2) сторонами трудового договора являются работник и наниматель;

3) трудовой договор определяет основные права и обязанности его сторон.

Содержание трудового договора образуют условия, которые определяют объем прав и обязанностей каждой из сторон трудового договора.

Условия предусматриваются сторонами при заключении трудового договора, могут касаться различных вопросов трудовых правоотношений и подразделяются на необходимые (обязательные) и дополнительные (факультативные) условия.

Правовой статус работника – это его правовое положение в данной форме общественной организации труда, куда он принят на работу. Правовой статус работников имеет разновидности в зависимости от видов их трудовых договоров, видов их трудовых правоотношений.

Основные права и обязанности работника закреплены ст. 11 и 53 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее ТК РБ).

Ст. 11 ТК РБ перечисляет права работника: право на труд; на защиту экономических и социальных прав и интересов; участие в собраниях; участие в управлении организацией; гарантированную справедливую долю вознаграждения за труд; ежедневный и еженедельный отдых; социальное страхование; пенсионное обеспечение и гарантии в случае профессионального заболевания, трудового увечья, инвалидности, потери работы; невмешательство в частную жизнь и уважение личного достоинства; судебную и иную защиту трудовых прав.

Ст. 53 ТК РБ определяет круг обязанностей: добросовестно трудиться; подчиняться Правилам внутреннего трудового расписания, иным документам, регламентирующим вопросы дисциплины труда; выполнять письменные и устные приказы нанимателя, не противоречащие законодательству и локальным нормативным актам; не допускать действий, препятствующих другим работникам выполнять их трудовые обязанности; обеспечивать соблюдение установленных требований к качеству производимой продукции, выполняемых работ; соблюдать установленные нормативными актами требования по охране труда; бережно относиться к имуществу нанимателя и т. п.

Граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства могут выступать субъектами трудового права в качестве нанимателей, индивидуальных нанимателей, если предоставляют другим гражданам работу по трудовому договору. Они могут воспользоваться трудом других лиц: для выполнения работ в домашнем хозяйстве; оказания технической помощи в творческой деятельности; при осуществлении предпринимательской деятельности при условии обязательной регистрации в установленном порядке.

В Трудовом кодексе Республики Беларусь ст. 12 закреплены права, а в ст. 54 и 55 – обязанности нанимателей как при приеме на работу работников, так и при организации их труда.

Вступившим в силу с 1 января 2015 года Декретом Президента Республики Беларусь № 5 от 15.12.2014 года права и обязанности нанимателя в качестве самостоятельного субъекта трудового правоотношения изменены кардинальным образом.

Нанимателям, как государственным, так и частным организациям, не разрешено назначать на должности, включенные в государственные кадровые реестры, если иное не будет предусмотрено Президентом, лиц, уволенных с предыдущего места работы по дискредитирующим основаниям.

Запрещено и назначение такого лица на любые руководящие должности, под которыми понимаются должности руководителя либо заместителя руководителя организации, иного работника, осуществляющего организационно-распорядительные (руководящие, организующие, направляющие, координирующие и контролирующие) функции применительно к организации, ее структурным подразделениям, работникам и направлениям деятельности, то есть в качестве руководителя фактически любого структурного подразделения, а также и в качестве ведущего специалиста.

Для приема на вышеназванные должности требуется согласование с председателем соответствующего райисполкома, выдаваемое на основании мотивированного ходатайства организации и прилагаемых к нему характеристик с предыдущих мест работы [1].

Заключение. Заключение трудового договора – это прием гражданина на работу в качестве работника, осуществляющийся путем непосредственного соглашения между работником и нанимателем.

Трудовой договор заключается в письменной форме, составляется в двух экземплярах и подписывается сторонами. Один экземпляр передается работнику, другой хранится у нанимателя (ст. 18 ТК РБ).

Необоснованным является отказ в приеме на работу, если мотивы отказа не относятся к деловым качествам работника, а также отказ без приведения нанимателем каких-либо доводов, либо по основаниям, не основанным на законе, отказ по явно надуманным, неубедительным причинам.

В соответствии со статьей 16 ТК запрещается необоснованный отказ в заключении трудового договора с гражданами.

Закон предусматривает обязанность нанимателя по требованию работника или специально уполномоченного государственного органа известить их о мотивах отказа в приеме на работу в письменной форме не позднее трех дней после обращения.

Отказ в заключении трудового договора может быть обжалован в суде.

Литература

1. Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций: Декрет Президента Республики Беларусь от 15.12.2014 № 5 // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь, Минск, 2014. № 6/21283.

2. Трудовой кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. с изменениями и дополнениями от 8.01.2014 // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. № 80. 2/70, № 2/2123.

References

1. Presidential Decree number 5 of 15.12.2014 «On strengthening the requirements for the handle, a driving cadres and workers organizations» [Nat. Register of the Republic of Belarus]. Minsk, 2014, no 6/21283 (In Russian).

2. Labour Code of the Republic of Belarus: adopted by the House of Representatives June 8, 1999 g. : approved. Council Rep. June 30, 1999 GS amended on 01.08.2014 [Nat. Register of the Republic of Belarus]. Minsk, 1999, no 80. 2/70, № 2/2123 (In Russian).

Информация об авторе

Сергеева Евгения Михайловна – ассистент кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: sergeeva@belstu.by

Information about the author

Sergeyeva Yevgeniya Mikhaylovna – assistant of the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: sergeeva@belstu.by

Поступила 22.03.2015

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1+821.161.3-95

М. В. Трус

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

МІКАЛАЙ ДАБРАЛЮБАЎ І МАКСІМ БАГДАНОВІЧ: ТЫПАЛОГІЯ І ДЫНАМІКА ЎСПРЫМАННЯ ЛІТАРАТУРНАЙ КЛАСІКІ

У артыкуле разглядаюцца актуальныя аспекты цэласнага ўспрымання жыцця і творчасці класікаў рускай і беларускай літаратур – Мікалая Дабралюбава і Максіма Багдановіча. Агульныя і адрозныя рысы нацыянальнага культурнага жыцця аналізуюцца з прыцягненнем вопыту функцыянавання літаратурных музеяў Расіі і Беларусі.

У савецкі час выказванні М. Дабралюбава разам з цытатамі з В. Бялінскага і М. Горкага склалі своеасаблівы тэкставы канон, які ў дзяржаўнай сістэме рэгламентаванасці даследчыцкага бачання ахопліваў не толькі ўласна рускую літаратуру, але і пашыраўся на ўсе нацыянальныя традыцыі, у тым ліку і беларускую.

Кардынальныя змены грамадска-палітычнай парадэгмы, якія адбыліся ў пачатку 1990-х гг., непазбежна змянілі стаўленне да ідэйных натхняльнікаў мінулага часу. Праблема пераходнасці, сітуацыі “пост” у розных нацыянальных кантэкстах стала аб’ектам увагі аўтара артыкула.

Прачытанне нанова класічнай спадчыны сёння ўскладнена шэрагам аб’ектыўных акалічнасцей нашых рэалій, у якіх усё большую моц пачынае набываць прагматызм, крытыцызм, а ўстаялыя алгарытмы міфатворчасці ўспрымаюцца як зжытыя, тупіковыя, якія блакуюць аб’ектыўнае асэнсаванне. Натуральны поступ гісторыі спакваля падказвае рознавектарныя, амбівалентныя падыходы, здольныя ўмацаваць жыццёвасць літаратуры, а ва ўмовах грамадскіх арытмій – захаваць устойлівы пульс чытацкага ўспрымання і даследчыцкай зацікаўленасці.

Ключавыя словы: руская літаратура, беларуская літаратура, украінская літаратура, Мікалай Дабралюбаў, Максім Багдановіч, Марка Ваўчок, тыпалогія, рэцэпцыя, міфатворчасць, рэвалюцыйныя дэмакраты, нацыянальна-культурныя парадэгмы, кантэкст.

M. V. Trus

Belarusian State Technological University

NIKOLAY DOBROLYUBOV AND MAXIM BAGDANOVICH: TYPOLOGY AND DYNAMICS OF THE PERCEPTION OF THE LITERARY CLASSICS

This paper concentrates on the relevant aspects of the integral perception of life and works of the classics of Russian and Belarusian literature – Nikolay Dobrolyubov and Maxim Bagdanovich. Common and distinctive features of the national cultural life are analyzed involving the experience of literature museums functioning in Russia and Belarus.

In Soviet times, N. Dobrolyubova statements with quotes from V. Belinsky and Gorky made a kind of textual canon, which in the state system reglamentavanastsi research vision encompassed not only the Russian literature, but also to cover all national traditions, including the Belarusian .

Drastic changes in the social – political paradigm that occurred in the early 1990s. Inevitably changed attitude toward ideological inspirers of the past tense. Problems of transition, the situation “post” in different national contexts has been the object of attention of the author.

Re- reading of the classical heritage today is complicated by a number of objective realities of our circumstances in which a growing force begins to take pragmatism, criticism, and established algorithms myth perceived as obsolete and dead ends that block an objective judgment. The natural history of progress gradually tells different, ambivalent approach capable infix vitality of literature, and in terms of public arrhythmias – keep a steady pulse of the reader's perception and research interests.

Key words: Russian literature, Belarusian literature, Ukrainian literature, Nikolai Dobrolyubov, Maxim Bagdanovich, typology, reception, myth-making, revolutionary democrats, national-cultural paradigms context.

Уводзіны. Мікалай Дабралюбаў (1836–1861) і Максім Багдановіч (1891–1917) – класікі рускай і беларускай літаратур, прадстаўнікі розных гістарычных эпох і нацыянальна-культурных парадыгм. Менавіта класічнасць – як вызначальная катэгорыя – найперш дазваляе ўзняцца над часам, паставіць гэтых асоб поруч, а іх спадчыну разглядаць як фундаментальны культурны набытак, а таксама свайго роду каталізатар ідэй, запатрабаваных сучаснікамі і наступнымі генерацыямі нацыянальных творчых эліт. Для некалькіх пакаленняў “рэвалюцыйных дэмакратаў” (гэтае ўсталяе вызначэнне сёння падвяргаецца крытычнаму пераасэнсаванню) другой паловы XIX – пачатку XX ст., погляды М. Дабралюбава сталі важнай ідэйна-эстэтычнай платформай, кананічна аформленай у гуманітарыстыцы савецкага перыяду.

Асноўная частка. Максім Багдановіч на старонках расійскай прэсы пачатку XX ст. разглядаў М. Дабралюбава ў шэрагах адмысловай генерацыі рускай інтэлігенцыі XIX ст., якая, па меркаванні аўтара, у часы дэкабрыстаў складалася выключна з прадстаўнікоў арыстакратыі, потым папоўнілася за кошт разначынцаў: “Приток лиц из этих слоев населения постепенно усиливается и в эпоху шестидесятых годов совершенно пропитывает собою всю интеллигенцию. Кто сосредоточивает на себя внимание в ее тогдашней среде? – Семинарист Чернышевский, семинарист Добролюбов, семинарист Антонович, семинарист Зайцев, семинарист Н. Успенский, семинарист Помяловский и проч. С другой стороны, параллельно росту этого процесса количество интеллигенции, выделяемое дворянской средой, неуклонно падает” [1, с. 18–19]. М. Багдановіч прадставіў свае канцэптуальныя крытэрыі да вызначэння сутнасці інтэлігента пачатку XX ст.: “На наш взгляд, всякий интеллигент необходимо должен удовлетворять следующим двум требованиям: во-первых, он должен иметь стремление к знанию; во-вторых, он должен стремиться нести свои знания на пользу народу. Вот черты, определяющие собой суть духовного облика интеллигенции; вот ценз, которым должен обладать каждый, имеющий претензию на принадлежность к ней” [1, с. 15–16].

Артыкул “Новая интеллигенция” М. Багдановіча быў апублікаваны ў расійскім часопісе “Жизнь для всех” (1914, № 5–6). Аўтар закранаў надзённыя пытанні нацыянальна-культурнага жыцця на абшарах Расійскай імперыі, беларусаў у тым ліку, акцэнтаваў увагу на адрозным сацыяльным алгарытме фарміравання нацыянальнай інтэлігенцыі: “Глубоко демократическим является и белорусское движение. Созданная им литература не только идет почти

исключительно в народ, но и в значительной степени является продуктом деятельности самого народа или, точнее, возникшей в его недрах интеллигенции” [1, с. 21].

У савецкі час выказванні М. Дабралюбава разам з цытатамі з В. Бялінскага і М. Горкага склалі своеасаблівы тэкставы канон, які ў дзяржаўнай сістэме рэгламентаванасці даследчыцкага бачання ахопліваў не толькі ўласна рускую літаратуру, але і пашыраўся на ўсе нацыянальныя традыцыі, у тым ліку і беларускую.

Кардынальныя змены грамадска-палітычнай парадыгмы, якія адбыліся ў пачатку 1990-х гг., непазбежна змянілі стаўленне да ідэйных натхняльнікаў мінулага часу. У пераходны перыяд агульнай рэвізіі ранейшых вызначальных каштоўнасцей, дамінавання нацыяцэнтрычных поглядаў на гісторыю ўвага да творчай спадчыны М. Дабралюбава заканамерна аслабла, лакалізавалася. Тэма пераходнасці, адмаўлення ад ідэалізацыі знакавых асоб агульнарасійскай мінуўшчыны вартая адмысловых даследаванняў у розных нацыянальных кантэкстах сітуацыі “пост-“ (савецкасці, камуністычнасці і г. д.).

У сваіх спарадычных спробах акрэсліць сённяшняе бачанне месца і ролі М. Дабралюбава ў гісторыі нацыянальнага пісьменства мы звярнуліся да вучэбнага дапаможніка “Беларуская літаратура” (2011) – выдання новага пакалення, якое па сваім прызначэнні заклікана фарміраваць базавыя веды навучэнцаў сярэдніх устаноў адукацыі. Мы вылучылі два ўрыўкі з раздзелаў, што характарызуюць гісторыка-літаратурны працэс другой паловы XIX ст., а таксама жыццё і творчасць К. Каліноўскага і Ф. Багушэвіча:

«Кастусь Каліноўскі быў на другім курсе (юрыдычнага факультэта Пецярбургскага ўніверсітэта – М. Т.), калі зазваніў “Колокол” А. Герцэна, і на апошнім курсе, калі ў 3-й кніжцы “Современника” М. Чарнышэўскага пабачыў свет артыкул М. Дабралюбава з вядомым прароцтвам: “Паглядзім, што яшчэ скажуць самі беларусы”» (В. Праскаловіч) [2, с. 148].

“1861 год для расійскай грамадскасці стаў знакавым не толькі ў сацыяльна-палітычным сэнсе. У сакавіку жыхары Пецярбурга назаўсёды развіталіся са славытым украінскім Кабзаром – Тарасам Шаўчэнкам. А 17 лістапада ў Пецярбургу памёр Мікалай Дабралюбаў. Магчыма, у пахавальнай працэсіі ішоў і Ф. Багушэвіч... Дарэчы, у тыя дні ён развітаўся не толькі з Мікалаем Дабралюбавым, але і з універсітэтам, адмовіўшыся, як і многія яго калегі, прыняць новыя ўніверсітэцкія правілы, якія рэзка абмяжоўвалі свабоду студэнтаў” (В. Рагойша) [2, с. 153–154].

Прыведзеныя цытаты дазваляюць наглядна пераканацца, што М. Дабралюбаў у беларускім нацыянальна-гістарычным кантэксце найноўшага часу ў значнай ступені захаваў свае вызначальныя пазіцыі. Адзначым і трохі нязвычайную для крыніц такога жанру тэкставую арганізацыю – наяўнасць шматкроп'я, якое пакідае праастору для гіпатэтычнага меркавання, а таксама нязмушана акцэнтуюе ўвагу на важнасці дастаткова лагічнага, але ўсё ж здагадкавага эпизода жыцця будучага класіка беларускай літаратуры Ф. Багушэвіча, звязанага з М. Дабралюбавым.

У часавай рэтраспектыве ўзгаданыя ў фрагменце вучэбнага дапаможніка словы М. Дабралюбава – *“Паглядзім, што яшчэ скажуць самі беларусы”* – мелі ключавое значэнне для нацыянальнага абуджэння, фарміравання канцэпцыі нацыянальнага аптымізму і своеасаблівага гістарычнага даверу. Але ў гэтай цытаты ёсць свая гісторыя, якая ў нашых рэаліях адышла на задні план ёмістасці, афарыстычнасці, самадастатковасці выказвання – так неабходнага пры аб'ектыўным вызначэнні ідэйных каардынат беларускага грамадска-культурнага руху апошніх стагоддзяў.

Прыведзеныя словы М. Дабралюбава вылучаныя з даволі аб'ёмнага тэксту *«Черты для характеристики русского простонародья»* – рэцэнзіі на зборнік *«Рассказы из народного русского быта Марка Вовчка»* [3], упершыню апублікаванай са значнымі цензурнымі купюрамі ў часопісе “Современник” (1860, № 9). Артыкул сам па сабе стаў класічным узорам індывідуальна-аўтарскага стылю пісьменніка, яго “вылучаючы якасці, уласцівыя найлепшым узорам дабралюбаўскай крытыкі: лагічная і кампазіцыйная стройнасць, арганічнасць уключэння мастацкага матэрыялу ў публіцыстычную тканіну артыкула, адэкватнасць выражэння няпростай – як у тэарэтычных, так і ў цензурных адносінах – праблематыкі” [4, т. 3, с. 717].

Марка Ваўчок (укр., рус. Марко Вовчок; сапр. Марыя Вілінская; у замужжы Маркевіч, Лобач-Жучэнка; 1833–1907) – украінская і руская пісьменніца, перакладчыца. Прадстаўлена ў беларускай даведчнай літаратуры [5], але без выхаду на яе пасрэдніцкую ролю ў з'яўленні адной з найважнейшых ідэалагем беларускага грамадска-культурнага жыцця.

Вядомасць “украінскай Жорж Санд” прынеслі першыя зборнікі малой прозы: “Народні оповідання” (1857) і “Рассказы из народного русского быта” (1859). Яны ж забяспечылі арганічнае ўваходжанне пісьменніка Маркі Ваўчка ў расійскія ліберальна-народніцкае і рэвалюцыйна-дэмакратычнае колы, якім імпанавалі антыпрыгонніцкія настроі аўтара, пастаноўка і распацоўка ім новых тэм.

Празаічныя творы, якія ўвайшлі ў другі зборнік М. Ваўчка, паспрыялі замацаванню за аўтарам рэнамэ абаронцы сацыяльных правоў жанчыны – новай тэмы і для рускай, і для украінскай літаратуры, актуальнай для еўрапейскіх грамадскіх памкненняў таго часу: “Надэжа”, “Маша”, “Катерина”, “Саша”, “Купеческая дочка”, “Игрушечка”.

Публікацыі М. Дабралюбава адыгралі ў многім лёсавызначальную, установачную ролю ва ўспрыманні творчасці Маркі Ваўчка сучаснікамі, а потым і гісторыкамі літаратуры. Пісьменніца хутка была прынята за сваю ў асяроддзі рускай, замежнай інтэлігенцыі, а яе творы шырока перакладліся на заходнееўрапейскія і славянскія мовы.

Мікалай Дабралюбаў размову пра апавяданні М. Ваўчка пашырыў кантэкстуальна, пры гэтым было істотна пашыранае і праблемнае поле артыкула. Для большай фактаграфічнасці дазволім сабе ўзнавіць мікракантэкст крылатай фразы рускага пісьменніка дэмакратычнага крыла сказанай ім на адрас беларусаў:

«Славянское племя было вызываемо на сцену только в разговорах уже весьма выпрещенного свойства, и то преимущественно людьми, любящими толковать о гниении Европы. Что же касается до общепринятых толков, то в них великорусский крестьянин явно отделялся даже от малорусских и белорусских своих собратьев».

*Относительно белорусского крестьянина дело давно решенное: забит окончательно, так что даже лишился употребления человеческих способностей. Не знаем, в какой степени ложно это мнение, потому что не изучали специально белорусского края; но поверить ему, разумеется, не можем. Целый край так вот взяли да и забили, – как бы не так! Это так же, как итальянцев забили, расслабили, лишили любви к родине и к свободе!.. Посмотрите-ка теперь на них... Во всяком случае, вопрос о характеристике белоруссов должен скоро быть разъяснен трудами местных писателей. **Посмотрим, что еще скажут сами белорусы»** [4, т. 3, с. 199].*

Вылучаная намі фраза ўзноўлена паводле першапублікацыі артыкула М. Дабралюбава ў часопісе “Современник” (1860, № 9), у якой адсутнічалі чатыры папярэднія сказы, пачынаючы ад слоў *“Целый край...”*. У асноўным корпусе тэксту артыкула, зафіксаваным у Поўным зборы твораў М. А. Дабралюбава ў 9 тамах (1963; т. 6, с. 227), гэты сказ не прыводзіцца, згадваецца толькі ў каментарыях (с. 527). У апошнім Зборы твораў пісьменніка ў 3 тамах, на які мы спасылаемся, ён адсутнічае і ў тэксце артыкула, і ў каментарыях.

Фрагментарная ўзгадка беларусаў М. Дабралюбавам, зробленая культавай ў нацыянальным кантэксте, ішла ад разваг пра творчасць канкрэтнага аўтара (Маркі Ваўчка), лёсы народаў Расійскай імперыі і Еўропы. Пры сённяшнім прачытанні працы М. Дабралюбава 1860 г. этнагэаграфічнае вызначэнне паняцця “Белая Русь” патрабуе папраўкі на час; тут мы абмяжземся цытатай з працы аўтарытэтнага вучонага: «...навуковую цікавасць і да паходжання тэрміна “Белая Русь”, і да вызначэння тэрыторыі, якую ён акрэсліваў у розныя перыяды, праявілі рускія гісторыкі і лінгвісты ў канцы XIX – першай палове XX ст.» [6, с. 4].

За апошнія дзесяцігоддзі калектыў расійскай культурна-асветніцкай установы істотна змяніў акцэнт бачання жыцця і творчасці пісьменніка, што адлюстравалася і ў зместавым напавенні экскурсій, і ў шэрагу культурных праектаў: на першы план выйшлі традыцыйныя каштоўнасці святарскай сям’і, у якой выхоўваўся М. Дабралюбаў, а таксама інтэлігентнасць, падзвіжніцтва, шматгранная рэалізацыя асобы і інш. Адным з міжнародных кірункаў дзейнасці ніжагародскага музея апошняга часу стала супрацоўніцтва з літаратурнымі музеямі і адукацыйнымі ўстановамі Мінска, якое значна стымулюе працэсы новага прачытання культурнай спадчыны, знаёмства з рознымі алгарытмамі постсавецкага выжывання і сённяшняй працы з аўдыторыяй.

Змена каштоўнасцей устаноў у практыцы расійскага музея не стала аўтаматычнай заменай традыцыйных акцэнтаў, але (як гэта часта бывае ў пераходны перыяд) спарадзіла ці актуалізавала некаторыя кагнітыўныя дысанансы. Яскравым прыкладам гэтага з’яўляюцца некаторыя развагі Галіны Дзмітрыеўскай, супрацоўніка ніжагародскага музея М. Дабралюбава, заслужанага дзеяча культуры Расійскай Федэрацыі. Так, у адным са сваіх назіранняў даследчыца адштурхнулася ад хрэстаматыйнага верша М. Някрасава “Памяці Дабралюбава” (1864), заключныя радкі якога ў свой час былі ўлюбёнай цытатай і частым эпіграфам да творчых прац, прысвечаных асобам-змагарам за лепшую будучыню чалавецтва:

*Природа-мать! Когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...*

Зварот да радкоў верша стаў падставай для ўзнаўлення гісторыі, актуалізацыі жыццёвых, па-свойму абаяльных штрыхоў да некананічнага партрэта М. Дабралюбава: “Калі мы звернемся да водгукаў сучаснікаў, то ўбачым, што, пры паўторах у некаторых агульных рысах, яны ў той жа час даволі адрозніваюцца паміж сабой у залежнасці ад, перш за ўсё, палітычных сімпатый і антыпатый: розныя людзі ў Дабра-

любаве бачаць зноў-жа розных людзей з дыяпазонам ад пэўнай арыстакратычнасці вобліку і манер да базараўскай нязграбнасці і дэманстратыўнасці ў паводзінах” [7, с. 7].

У якасці параўнання Г. Дзмітрыеўская прывяла выказванне М. Навіцкага пра М. Дабралюбава: “Самы шчыры дэмакрат па перакананнях і нормах, чалавек гэты па душы і сэрцы быў арыстакратам, але не ў вульгарным, а ў сапраўдным значэнні гэтага слова...”; а таксама ацэнку калег па пяру, дадзеную І. Тургеневым: “Вы (да М. Чарнышэўскага – *М. Т.*) простая змяя, а Дабралюбаў – кобра”.

Аўтар гэтых радкоў добра знаёмы са спецыфікай працы літаратурных музеяў. Мне выпалі гонар браць удзел у падрыхтоўцы да друку двух сшыткаў “Архіўных матэрыялаў да жыцця і творчасці Максіма Багдановіча” (1996, 1997), персанальнай літаратурнай энцыклапедыі “Максім Багдановіч” (2011) [8], а таксама аднаасобна пісаць шэраг літаратуразнаўчых артыкулаў пра класіка беларускай літаратуры, многія з якіх убачылі свет на старонках “Роднага слова”. На ўласным вопыце – даследчыцкім і педагогічным – я змог неаднаразова пераканацца ў тым, наколькі для чытацкай аўдыторыі, якая знаходзіцца ў палоне вядомых метафарычных вызначэнняў жыццятворчасці паэта (“пясняр чыстай красы”, “госць з высокага неба”, “беларускі Ікар” і інш.), гэтак жа дысанансна могуць прагучаць невядомыя, некананічныя факты, характарыстыкі – пры тым з аўтарытэтных крыніц і ад блізкіх пісьменніку людзей. Так, з ліста Адама Багдановіча да Льва Багдановіча ад 25.01.1915 мы даведваемся пра наступныя словы, сказаныя бацькам на адрас свайго сына Максіма: «...крайне неуравновешенный, настроен эгоистически, как многие слабые люди, воззрения его крайне односторонни и вследствие этого непреодолимо упорны, а сверх того он ненавидит и тетку и ее детей, и особенно тех, которые по натуре наиболее близки его характеру» [9, с. 29].

Заклучэнне. Прыведзеныя вышэй цытаты, асабліва вырваныя з кантэксту, сёння могуць быць успрыняты як свайго роду правакацыя, рэвізіянізм, замах на ўстаялыя культурныя каштоўнасці (а іх дастаткова ў найноўшых публікацыях, якія наўпрост закранаюць жыццятворчасць класікаў літаратуры). Чытанне (прачытанне нанова) класічнай спадчыны ўскладнена шэрагам аб’ектыўных акалічнасцей нашых рэалій, у якіх усё большую моц пачынае набываць прагматызм, крытыцызм, а ўстаялыя алгарытмы міфатворчасці ўспрымаюцца як зжытыя, тупіковыя, якія блакуюць аб’ектыўнае асэнсаванне. Вядома, калі гаворка ідзе пра літаратурную класіку (глыбінную з’яву ў грамадскай свядомасці і адначасова тонкі свет

індывідуальных эмоцый) ёсць рызыка прапа-
наваць сваю схему надзённага ўспрымання,
якая ў любым выпадку будзе абмежаванай,
суб'ектыўнай. Натуральны поступ гісторыі спа-
кваля падказвае жыццяздольнасць рознаек-

тарных, амбівалентных падыходаў, якія здоль-
ныя ўмацаваць жыццёвасць літаратуры, а ва
ўмовах грамадскіх арытмій – захаваць устой-
лівы пульс чытацкага ўспрымання і даслед-
чыцкай зацікаўленасці.

Літаратура

1. Багдановіч М. Поўны збор твораў: у 3 т. Мінск: Навука і тэхніка, 1995. Т. 3. 461 с.
2. Беларуская літаратура: вучэбны дапаможнік для 9 класа ўстаноў адукацыі з беларускай і рускай мовамі навучання; пад рэд. праф. В. П. Рагойшы. Мінск: Нацыянальны інстытут адукацыі, 2011. 320 с.
3. Рассказы из народного русского быта Марка Вовчка. Москва: Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина; типография В. Гачева и К°, 1859. 172 с.
4. Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 3 т. Москва: Худож. лит., 1987. Т. 2. 815 с.; Т. 3. 871 с.
5. Чабаненка В. А. Ваўчок Марка // Беларуская энцыклапедыя: у 18 т.; рэдкал.: Г. П. Пашкоў і інш. Мінск: БелЭн, 1997. Т. 4. 480 с.
6. Грыцкевіч А. Пра Белую Русь // Імя тваё Бялая Русь; уклад. Г. М. Сагановіч. Мінск: Полымя, 1991. С. 3–8.
7. Дмитриевская Г. А. Pro Arte, или Искусство памяти. Нижний Новгород: Нижегородская летопись, 2004. 108 с.
8. Максім Багдановіч: энцыклапедыя; склад. І. У. Саламевіч, М. В. Трус; навук. рэд. М. В. Трус; рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2011. 608 с.
9. Архіўныя матэрыялы да жыцця і творчасці Максіма Багдановіча. Сшытак 2 / Літаратурны музей Максіма Багдановіча. Мінск, 1997. 139 с.

References

1. Bagdanovich M. *Pouny zbor tvorau: u 3 t.* [Complete Works: in 3 vol.] Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1995. T. 3. 461 p.
2. *Belaruskaya litaratura: vuchebny dapamozhnik dlya 9 klasa* [Belarusian literature: Textbook for grade 9 education institutions with the Belarusian and Russian languages of instruction]. Minsk, Natsyianalny instytut aducatsyi Publ., 2011, 320 p.
3. *Rasskazy iz narodnogo russkogo byta Marka Vovchka* [Stories of Russian folk life Marko Vovchok.]. Moscow, Izdaniye K. Soldatenkova i N. Shchepkina; typografiya V. Gacheva i K°. Publ., 1859, 172 p.
4. Dobrolyubov N. A. *Sobraniye sochineniy: v 3 t.* [Collected Works: in 3 vol.]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1987, vol. 2. 815 p.; vol. 3. 871 p.
5. Chabanenka V. A. *Vauchok Marka* [Belarusian Encyclopedia: in 18 vol.]. Minsk, BelEn Publ., 1997. Vol. 4. 480 p. (In Belarusian).
6. Gritskevich A. *Pra Beluyu Rus'* [Your name is White Russia]. Minsk, Polymya Publ., 1991, p. 3–8.
7. Dmitrievskaja G. A. *Pro Arte, ili Iskusstvo pamyati* [Pro Arte, or Art of Memory]. Nizhny Novgorod, Nizhegorodskaya letopis' Publ., 2004, 108 p.
8. *Maksim Bagdanovich: Entsylapedyya* [Maxim Bagdanovich: Encyclopedia]. Minsk, BelEn Publ., 2011, 608 p.
9. *Arkhiunyya materyaly da zhytstsya i tvorchastsi Maksima Bagdanovicha. Sshytak 2 Litaraturny muzey Maksima Bagdanovicha* [Archival materials to the life and work of Maxim Bagdanovich. Book 2. Maxim Bogdanovich literary museum]. Minsk, 1997, 139 p. (In Belarusian).

Інфармацыя пра аўтара

Трус Мікалай Валянцінавіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры беларускай філалогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: miktrus@tut.by; m-trus@mail.ru

Information about the author

Trus Mikalai Valyantsinavich – Ph. D. Philology, assistant professor, Head of the Department of Belarusian Philology. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: miktrus@tut.by; m-trus@mail.ru

Паступіў 16.03.2015

УДК 82-193.3

Т. М. Федарцова

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

«ЯШЧЭ НЕ МОЎКНУЦЬ СТРОЙНЫЯ САНЭТЫ...»

Другая палова XX стагоддзя і асабліва два апошнія дзесяцігоддзі прадэманстравалі павышаную цікавасць паэзіі да стварэння ўсіх магчымых цвёрдых жанравых формаў. З'явіліся шматлікія беларускія газелі, хоку, туюгі, танкі, рандо, трыялеты і, безумоўна, санеты. Іх колькасць прывяла да эксперыменту над формай. Напрыклад, у санетыстыцы з'явіліся такія разнастайнасці гэтай вытанчанай формы верша, як «безгаловы» і «бязногі», «хвастаты» і «перавернуты» і іншыя, нетрадыцыйныя віды санетаў. Ускладнялася архітэктоніка санетных твораў, якія афармляліся ў паэмы, напісаныя санетнымі строфамі, вянкi санетаў і вянкi вянкаў санетаў.

Пачатак XXI стагоддзя не страціў дасягненні санетыстыкі мінулых гадоў. Але эксперыментальныя пошукі сталі больш рацыянальнымі, прадуманымі. Санету вярнулі яго класічнае прызначэнне – паказваць разнастайныя пачуцці, перажыванні, выкліканыя філасофскімі развагамі пра галоўныя каштоўнасці чалавечага жыцця.

Безумоўна, свой унёсак ў развіццё сучаснага санета зрабілі і постмадэрністы. Дыскусуючы пра бесперспектыўнасць дадзенай цвёрдай жанравай формы, яны ствараюць цікавыя формы санетаў: аплікаванага, санета-брахікалана, санета-газелі, санета-туюга, санета-цэнтона, трайнога санета і інш. У першую чаргу тут неабходна адзначыць творчасць Сержа Мінкевіча, Юрася Пацюпы і Таццяны Барысюк.

Такім чынам, эксперымент над формай санета працягваецца і ў XXI стагоддзі.

Ключавыя словы: паэзія, жанр, санет, эксперымент, архітэктоніка.

T. M. Fedartsova

Belarusian State Technological University

«STRICT SOONEETS ARE STILL LIVING...»

The second half of the twentieth century, and especially the last two decades have shown increased interest in poetry to the creation of various forms of solid genre. There were numerous Belarusian ghazel, hoku, tuyug, tanka, rondo, triolet and certainly sonnets. Their increasing number has led to experiments on the form. For example, in sonnetistics there have been appeared such varieties of this exquisite form of verse as a headless and legless, tailed and inverted and other non-traditional forms of sonnets.

Architectonic of sonnet has been gradually becoming complex leading to poems being written by sonnet verse, sonnet sequences and sequences of sonnet sequences. The beginning of the XXI century has not lost sonnetistics achievements of previous years. But experimental search became more rational and well thought-out. Sonnet returned to its classic mission – to show all kinds of feelings, emotions, philosophical reflections caused by the core values of human life.

It goes without saying that postmodernists contributed greatly into the development of modern sonnet. Debating the futility of this genre solid form, they create interesting shapes of sonnets: the applicator, the sonnet-brahikolan, sonnet, ghazel, sonnet-tuyug, sonnet-tsenton, triple sonnet and others. In the first place it should be noted here Serge Minskevich, Yuri Potyupa and Tatiana Borysyuk.

Thus, the experiment with the sonnet form being continued in the XXI st century.

Key words: poetry, a genre, a sonnet, experiment, architectonics.

Уводзіны. На пачатку мінулага стагоддзя да кананічных вершаваных формаў, асабліва санетнай, актыўна звярталіся многія вядомыя і маладыя стваральнікі прыгожага пісьменства: Янка Купала, Максім Багдановіч, Якуб Колас, П. Трус, Ю. Таўбін, У. Жылка, У. Дубоўка, З. Бядуля і інш. Тады ж пачалася распрацоўка тэорыі санета, першымі тэарэтыкамі якога выступілі М. Багдановіч, затым у 1927 годзе – Я. Барычэўскі, які вызначыў яго мастацкую вартасць, прааналізаваў змены ў тэматыцы, асаблівасці кампазіцыйнай пабудовы, метрыку

і рыфмоўку, прымяніў гегелеўскую трыяду («тэзіс – антытэзіс – сінтэз») да ацэнкі гэтай вершаванай формы. Яўген Барычэўскі выступіў і першым тэарэтыкам вянка санетаў. Сёння, дарэчы, санеты піша пераважная большасць беларускіх паэтаў.

У плане гісторыка-тэарэтычных навуковых распрацовак санету таксама пашчасціла больш, чым іншым цвёрдым формам верша. У 1990 г. яго разглядаў У. Сенькавец у кандыдацкай працы «Беларускі санет 1910–1930-х гадоў», пра яго шмат напісана ў глыбокіх навукова-

тэарэтычных артыкулах прафесара В. Рагойшы, дачыніліся да навуковага пошуку і маладыя даследчыкі В. Жыбуль і Ю. Пацюпа.

Асноўная мэта даследавання заключаецца ў разглядзе асаблівасці санета ў яго сувязях з характэрнымі рысамі сучаснага творчага працэсу. Аб'ектам крытычнага аналізу прадстаюць канцэпцыі класіцызму і постстмадэрнізму.

Асноўная частка. Другая палова ХХ стагоддзя не толькі павялічыла колькасць гэтых выкшталцаваных вершаў, не толькі значна пашырыла тэматыку, нарадзіла імкненне да ўскладненай архэтэктонікі санетнай формы (карона санетаў, мярэжы санетаў, вянкi санетаў, вянкi вянкаў санетаў, паэмы, напісаныя санетнай страфой), але і ўдыхнула дух эксперыментатарства. З'явіліся «храмыя» (адсутнасць чацвёртага радка кожнага катрэна), «безгаловыя» (адсутнасць аднаго катрэна), «хвастатыя» (колькасць тэрцэтаў павялічваецца да трох або чатырох), «перавернутыя» (зменены месцы катрэнаў і тэрцэтаў) і іншыя мадыфікаваныя санеты.

У 60-я гады ў жыцці нашай краіны адбыліся значныя станоўчыя зрухі, што паспрыялі творчым пошукам аўтараў. Аркадзь Куляшоў у 1960 г. заявіў пра сябе новай формай верша – шаснаццацірадкоўем, яго мы таксама лічым своеасаблівым варыянтам санета.

Папулярнасць санетнай формы ў слоўным мастацтве ХХІ стагоддзя неаддзельная ад эксперыментальных пошукаў многіх аўтараў. У сваім даследаванні мы абгрунтавалі тэзіс пра тое, што беларускія паэты імкнуцца цвёрдыя формы верша сінтэзаваць са сталымі жанрамі (байкай, одай, элегіяй, гімнам). Намі адзначаны таксама рух сённышній санетыстыкі да спалучэння рэальнага і фантазійнага (зямнога і небнага), трагічнага і камічнага пачаткаў. На аснове ўдумлівага выкарыстання першай асаблівасці створаны адзіны ў гісторыі беларускай санетыстыкі пранізліва-гаркотны, санетрэквіем «Асвенцым» Н. Гілевіча.

Трагізм абставінаў, выкліканых рэпрэсіямі 30–40-х гадоў ХХ стагоддзя, напоўнены «Санет» Л. Шпакоўскага-Случаніна (1960 г.) і санетныя строфы паэмы Алеся Салаўя «На хуткіх крыллях вольнага Пэгаса». Тэма Чарнобыльскай трагедыі абвастрыла змест роздумнага, «элегічнага» «Паляшускага санета» І. Кірэйчыка, які падкрэслены нават памерам верша – трохстопным анапестам.

У сучасных санетах найчасцей праяўляецца камічнае. У сувязі з гэтым уяўляюць цікавасць цыкл маралістычных санетаў (санетаў-баек) пачатку 90-х гадоў А. Звонака, некалькі прыземленыя («бедныя» ў мастацка-вобразных адносінах) саркастычныя «Белыя санеты для шэрых паэтаў» 80-х гадоў Хв. Жычкі, трапныя,

лаканічныя, як і ў А. Звонака, радкі санетабайкі П. Саковіча «Камар з акадэмагарадка» (1998), першая санетная пародыя на больш буйную санетную форму – вянок санетаў Г. Юрчанкі «Сённышні валунны санет» (1997), скіраваная супраць вянка санетаў З. Марозава «Валуны».

Элементы камізму прысутнічаюць і ў санетах паэтаў малодшага пакалення Юрася Пацюпы і Сержа Мінскевіча, напісаныя ў духу сучаснага постмадэрнізму. Юрась Пацюпа ў цыкле «Мезальянсы, або Юрлівыя санеты», падае выразны прыклад аплікаванага санета, які выкарыстоўваўся ў беларускай літаратуры ў час эпохі Адраджэння, санета-брахікалана, санета-газелі-туюга, санета-акраверша, санета-цэнтана, паспалітнага санета, а таксама трайнага санета. Дарэчы, трайны санет выкарыстоўвае ў сваёй творчасці Тацяна Барысюк. Але менавіта Пацюпа ўмела аздабляе свае творы тонкім гумарам, з'едлівай сатырай і элементамі сарказму.

Тонкай, шляхетнай іроніяй насычаны адзін з першых паэтычных досведаў у санетыстыцы Сержа Мінскевіча іранічны верш «Да Свіслачы» са зборніка «Мінскія / Менскія санеты», выданага ў 2002 годзе. Цудоўны знаўца і перакладчык творчасці Адама Міцкевіча, паэт у гумарыстычнай форме перастварае ягоны санет «Да Нёмна» пад загаловак «Да Свіслачы». Але праз аўтарскую іронію прасочваецца пякельная крыўда і боль за занябданаць некалі чыстай воднай артэрыі Мінска. Хоць і называе аўтар сваю родную рэчку «дваровай», але жадае ёй жыць больш вольным жыццём, чым замураваная Няміга.

Зборнік санетаў «Вачыма сэрца» лаўрэата самай прэстыжнай літаратурнай прэміі «Залаты Купідон» Змітрака Марозава дэманструе гармонію, ураўнаважанасць і збалансаванасць аўтарскіх разваг. Творца быццам напамінае нам ісціну, што эксперыменты над класічнай формай маюць права на жыццё, ды толькі санетны верш – гэта перш за ўсё выяўленне пачуцця, перажыванняў, выкліканых пэўнымі развагамі, увабранымі ў даволі лаканічную форму, і каб парушаць яе з карысцю для паэтыкі, трэба мець нават большы талент, чым проста стваральнік класічнага санета. І аўтар гэта даказаў, стварыўшы першы вянок вянкаў санетаў «Апакаліпсіс душы», куды ўвёў шматлікія прыказкі і прымаўкі, урыўкі з народных песень, але нават і ў малым не адступіўся ад фармальнай зададзенасці цвёрдай жанравай формы.

Гэту тэндэнцыю назіраем мы і ў першай частцы зборніка, якая носіць філасофскую назву: «Я ўсё часцей жадаю слухаць неба». Безумоўна, паэт – аграном па адукацыі – умеє слухаць зямлю, травы і жытнёвыя каласы, але з гадамі

прыходзіць няўмольнае жаданне пошуку ісціны. Таму з надзеяй узіраецца творца ў нябёсы. З'яўляюцца сцішаная, спавядальная манера размовы з чытачом і ясенінскія матывы суму па вёсцы. Нават засведчаны любімы ясенінскі сіні колер, хаця для санетыстыкі каляронімы не ўласцівы. І ўсё ж радкі яго санетаў зачароўваюць тым, што няўлоўная таямніца пачуцця застаецца неразгаданай. Выразна адчуваецца вострая неабходнасць правільна суаднесці часовае і вечнае, спасцігнуць цану кожнага пражытага імгнення, бо менавіта з іх складаецца жыццё. Не дзіўна, што сёння духоўная паэзія актыўна спажываецца ў санетах. Бо гэта прыкмета XXI стагоддзя, калі ніхто не шарахаецца ад канцэптаў «вера», «храм», «царква», а найменні «Усявышні», «Бог», «Хрыстос», нават «Храм» пішуцца з вялікай літары.

У кантэксце філасофскіх разважанняў над праблемамі жыцця мастак пазбягае матываў смерці, што так выразна праглядаюцца часам у сучаснай лірыцы. Бо сама санетная форма – жыццесцвярдзальная. І калі ў лірычным вершы праз катэгорыю смерці аўтар асэнсоўвае накіраванне зямнога існавання чалавека, то ў санеце антытэзу Жыццё-Смерць замяняе іншае спалучэнне філасофскіх катэгорый – Прастора-Час, бо зямны выход героя проста раствараецца ў часе, патанае ў вечнасці, звужаючы зямную прастору да натуральнага спынення фізічнага існавання.

Але смерць героя ў санетах не фізічная, яна ўяўная, бо наступае ад непадзельнага кахання, самоты, тугі па Радзіме і інш. Таму тэма смерці не нясе трагізму, а абагульняе філасофскае асэнсаванне жыцця.

Варта яшчэ сказаць і пра такую з'яву ў беларускай санетыстыцы, як адраджэнне духоўнага, набліжанага да псалма, санета. У свой час да духоўнага санета звярталіся Ул. Жылка, М. Сяднёў, А. Салавей. Аўтар шматлікіх псал-

моў Р. Барадулін нават стварыў блізка да іх па змесце цыкл «Палыновыя санеты». З яго бачна ўжо па знешніх прыкметах, як аўтар «будуе» свой цыкл паводле біблейскіх канонаў: колькасць санетаў, а іх 33, сімвалізуе ўзрост Ісуса Хрыста. Хрысціянскія матывы і вобразы цалкам запоўнілі твор, які можна ўспрымаць як жыццёпіс не толькі аўтара, але і кожнага чалавека, бо праз хрысціянскія святы ў падборцы паказаны гадавы цыкл жыцця, а праз адметныя (як і ў санеце Ю. Свіркі «Тры разы збіраецца радня») сямейныя падзеі – радзіны – вяселле – хаўтуры – характарызуюцца цыклы жыцця чалавека наогул. Такое кампазіцыйнае рашэнне важных праблемаў надае твору змястоўную цэласнасць, якую не парушае паралелізм: адлік Часу аўтар пачынае весці, з аднаго боку, ад нараджэння Хрыста, а з другога – ад нараджэння Чалавека. Але часам хрысціянскае свята ў інтэрпрэтацыі Барадуліна як бы распадаецца на ўласна свята і абрад. У выніку падобнага паралелізму побач з матывам Смерці гучыць матыву вясновага, вечнага аднаўлення жыцця.

Праз актыўнае выкарыстанне метафараў паэт імкнецца адуховіць рэчы, якія знаходзяцца побач з людзьмі, Часам, Жыццём, Смерцю, становяцца дзеючымі асобамі: «халады прыходзяць гаспадарамі», «доля дзеліць зерне на сяўбе», «замілаванне замольвае грахі», «туман падаўся ў даўняе блуканне». Кантэмінацыя хрысціянскіх і паганскіх традыцый дапамагае Барадуліну намалюваць рэальную, а не ўяўную карціну жыцця, дзякуючы чаму цыкл санетаў і мае трывала ўгрунтаваную змястоўную самадастатковасць і праўдападобнасць.

Заклучэнне. Такім чынам, беларускі санет нягледзячы ні на што і ў XXI стагоддзі жыве, развіваецца і дасягае ўсё новых і новых вартаў, як фармальных, так і жанрава-стылістычных.

Інфармацыя пра аўтара

Федарцова Тамара Мікалаеўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускай філалогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Сьвердлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: fedartsova@belstu.by

Information about the author

Fedartsova Tamara Micalaeuna – Ph. D. Philology, assistant professor of the Department of Belarusian Philology. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: fedartsova@belstu.by

Паступіў 16.03.2015

УДК 81'255.2:6

Г. Ф. Швед

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**АСАБЛІВАСЦІ ЎТВАРЭННЯ ТЭРМІНАЎ У КАНТЭКСТЕ
НАВУКОВА-ТЭХНІЧНАГА ПЕРАКЛАДУ**

У дадзеным артыкуле разглядаюцца асаблівасці ўтварэння тэрмінаў, вывучэнне якіх уплывае на практычнае тэрмінаўтварэнне і ўдасканалванне сучасных тэрмінаў у беларускай мове. Даецца падзел тэрмінаў на некалькі груп у залежнасці ад спосабу ўтварэння: сінтаксічны, суфіксальны, прэфіксальны, прэфіксальна-суфіксальны, аснова- і словаскладанне, абрэвіяцыя, семантычны. Характарыстыка кожнага спосабу ўтварэння тэрмінаў падмацоўваецца прыкладамі. Абмяркоўваюцца наступныя асаблівасці ўтварэння тэрмінаў:

1) тэрміны ствараюцца як найменні паняццяў, звязаных з вузкай галіной і прызначаны служыць сродкам зносін прафесіяналаў (у спецыяльнай літаратуры), у той час як агульнаўжывальныя словы ўтвараюцца для патрэб усяго грамадства і практычна любым носбітам мовы;

2) тэрміны ўтвараюцца заўсёды свядома, яны, як ужо адзначалася, не “з’яўляюцца”, а “прыдумваюцца”, “ствараюцца” па меры ўсведамлення іх неабходнасці;

3) кожны новы тэрмін, які ствараецца, можна пракантраляваць, адзначыць, паколькі тэрмін фіксуецца ў працах, слоўніках.

У кантэксце навукова-тэхнічнага перакладу артыкул будзе карысны маладым навукоўцам у працэсе авалодання тэхнікай перакладу навукова-тэхнічнага маўлення, удасканалення лінгвістычных навыкаў, прадухілення тыповых памылак, азнаямлення са складанымі моўнымі пытаннямі і праблемамі культуры маўлення.

Ключавыя словы: слова, мова, тэрмін, словаўтварэнне, спосаб.

H. F. Shved

Belarusian State Technological University

**THE PECULIARITIES OF THE TERMS IN THE CONTEXT
OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL TRANSLATION**

The article focuses on the features of formation terms, the study of which is influence on the practical term formation and improvement of modern terms in Belarusian language. There is the division of terms are given according to their formation into several groups depending on the method of formation: syntactic, suffix, prefixing, prefixal-suffix, foundations and addition, abbreviation, schematic. The characteristics of each method of forming the terms are supported by examples. Following aspects of formation terms are discussed there:

1) The terms are forming as the naming of concepts, which are connected with the narrow area and intended to serve as a means of communication of professionals (in the special literature), while the common words are forming for the needs of the whole society, and almost any native speaker.

2) The terms are forming always constructively. They, as already have indicated, are not “originated” but “invented”, “created” as awareness of their necessity.

3) Each new term which is created, you can check, noted how the term is fixed in works, dictionaries.

In the context of scientific and technical translation the article will be useful for young scientists in the process of mastering a technical translation of scientific and technical speech, improvements of language skills, prevention technical errors, acquaintance with complex linguistic issues and problems of speech culture.

Key words: word, language, term, word formation, way.

Уводзіны. Тэрміны, як і звычайныя словы літаратурнай мовы, утвараюцца паводле законаў і на аснове законаў словаўтварэння беларускай літаратурнай мовы. Аднак утварэнне тэрмінаў мае свае адметнасці, свае асаблівасці, вывучэнне якіх будучымі спецыялістамі розных галін навукі і тэхнікі зробіць уплыў на практычнае тэрмінаўтварэнне ў будучым, дапаможа правільнай

тэрмінатворчасці, удасканалванню сучасных тэрмінаў у беларускай мове.

Асноўная частка. Усе тэрміны паводле свайго ўтварэння падзяляюцца на некалькі груп у залежнасці ад спосабу ўтварэння, да якіх адносяць сінтаксічны, суфіксальны, прэфіксальны, прэфіксальна-суфіксальны, аснова- і словаскладанне, абрэвіяцыя, семантычны.

Сінтаксічны спосаб – спосаб утварэння тэрмінаў шляхам рознага тыпу спалучэнняў – самы прадуктыўны амаль ва ўсіх галінах навукі і тэхнікі. Так, з 342 тэрмінаў глебазнаўства, аграхіміі, меліярацыі 261 тэрмін складаюць спалучэнні слоў, ці словазлучэнні, як вынік сінтаксічнага спосабу іх утварэння, напрыклад: *залеж тарфяны, размакальнасць глеб, суглінак лёгкі пылаваты, слой глебы дзейны, экран плёначны супрацьфільтрацыйны, экран паглынання вільгаці* і інш. (Глебазнаўства, аграхімія, меліярацыя // Тэрміналагічны зборнік ‘83. Мінск, 1985.)

Сярод розных тэрміналагічных адзінак сінтаксічнага спосабу ўтварэння найбольшая колькасць утворана па мадэлі «прыметнік + назоўнік», напрыклад: *акрэдытыўнае пісьмо, акцэптаваны рахунак, алфавітная адзнака, кіраўніцкі апарат, абмежавальныя даты, дзяржаўнае кіраванне, інвентарная кніга, камплектоўны архіў, падпісаны дакумент* і інш.

Пэўная частка тэрмінаў-словазлучэнняў утворана па мадэлі «назоўнік + назоўнік» ці, радзей, «назоўнік + прыназоўнік + назоўнік», напрыклад: *аберацыя святла, вільготнасць паветра, вышыня гука, дысперсія хвалі, затуханне ваганняў, катушка індуктыўнасці, брусок для выпрабавання, дэфекты ў крышталі, фаза ў тэрмадынаміцы* і інш.

Значная колькасць тэрмінаў складаецца з трох і больш кампанентаў, але гэта датычыць перш за ўсё менш распрацаваных тэрмінасістэм ці, дакладней, ужывання беларускай мовы ў пэўных галінах навукі і тэхнікі. Так, у слоўніку па металургічнай вытворчасці адзначым такія мадэлі, поруч з аднаслоўнымі і двухслоўнымі, як «назоўнік + прыметнік + назоўнік»: *адвод ахалоджанай вады, вільготнасць фармоначнай сумесі, генератар пераменнага току, бэлка каробчатага сячэння, удзіманне прыроднага газу, уключэнне вогнетрывалага матэрыялу і інш.*; «назоўнік + назоўнік + назоўнік»: *адгінальнік канца рулона, працэс удзімання кальцыю і інш.*; «назоўнік + прыназоўнік + прыметнік + назоўнік»: *бэлка з паралельнымі паліцамі, адпал у каўпаковай печы, валока для гідрадынамічнага валачэння, загартоўка ў газавым асяроддзі, ліст для глыбокай выцяжкі, печ з тарцовай загрузкай і інш.*; «назоўнік + прыназоўнік + назоўнік + назоўнік»: *адпал для здымання напружанняў, барабан для ачысткі адлівак, печ для абпальвання даламіту, латок для выпуску чыгуну і інш.*; «назоўнік + прыметнік + назоўнік + назоўнік»: *частата зваротна-наступальнага руху крышталізатара, працэс прамога атрымання жалеза, вугал рабочага конуса валокі і інш.*; «назоўнік + назоўнік + назоўнік + назоўнік»: *нанясенне па-*

крыцця метадам пагрузэння; «назоўнік + прыметнік + прыметнік + назоўнік»: працэс прамай гарачай пракаткі; «назоўнік + назоўнік + назоўнік + прыназоўнік + назоўнік»: тэмпература змотвання паласы ў рулон; «назоўнік + прыназоўнік + назоўнік + прыметнік + назоўнік»: абцісканне ў лініі бесперапыннай разліўкі; «назоўнік + назоўнік + прыназоўнік + назоўнік + прыназоўнік + назоўнік»: на-капляльнік паласы на ўваходзе ў агрэгат, на-капляльнік паласы на выхадзе з агрэгата і інш.

Аднак, як можна заўважыць, апорным словам у сінтаксічных тэрмінах-словазлучэннях з’яўляецца заўсёды назоўнік.

Усе сінтаксічныя тэрміны незалежна ад колькасці кампанентаў раздзяляюцца на два тыпы паводле ступені сэнсавага раздзялення іх: непадзельныя і фармальна падзельныя.

Непадзельныя тэрміны-словазлучэнні нагадваюць фразеалагізмы літаратурнай мовы, паколькі яны не адлюстроўваюць сістэмы пэўных тэрміналагічных паняццяў. Так, батанічныя тэрміны тыпу: *бабін мур, бабін цвет, богава крэселка, валовыя вочкі, валовы язык, гусіныя лапкі, жабіныя кубачкі, жабіныя вочкі, зязюльчыны слёзы, зязюльчыны ручнікі, зязюльчыны панчошкі, сабачы язык, чортавы пазуры і інш.*; геаграфічныя тэрміны тыпу: *ледніковы млын, ледніковая шапка, ледніковае малако, ледніковы стakan, ледніковы стол, ледніковы грыб, ледніковы язык і інш.* аб’яднаны тым, што яны незразумелыя, і толькі асобныя з іх адлюстроўваюць некаторыя знешнія прыкметы тых з’яў і паняццяў, што яны абазначаюць. Напрыклад: *лісахвост каленчаты* (лац. *Alopecurus geniculatus*) названы па падабенстве суквецца з хвастом лісіцы і зыходзячы з падабенства па форме асновы сцябла з каленам; *гусялапка востралопасцевая* (лац. *Alchemilla acutiloba*) – па падабенстве формы лопасцей пласціначніка ліста; *светнік зязюлін* (лац. *Coronaria*) – па белай пене, якая выдзяляецца на сцябле і па цвіценні толькі ў той час, калі кукуе зязюля; *мурашыныя кучы* «формы ледніковага рэльефу, уласцівыя многім горным леднікам» – па форме, выглядзе.

Тэрміны-словазлучэнні, якія фармальна дзеляцца на значымыя кампаненты, шырока прадстаўлены ў розных тэрмінасістэмах. Напрыклад, лінгвістычны тэрмін *рэгрэсіўнае вымаўленне* «ўзнаўленне ў вымаўленні раней страчанага гука пад уплывам традыцыйнай арфаграфіі» складаецца з двух слоў, якія ў сваю чаргу з’яўляюцца самастойнымі тэрмінамі: *рэгрэсіўны* (1. Накіраваны ад наступнага члена (элемента) слова, фразы і да т. п. да папярэдняга. 2. Утвораны шляхам адсячэння афікса, які выдзеліўся ў выніку раскладання) і *вымаўленне*

(1. Характер, асаблівасці артыкуляцыі гукаў маўлення. 2. Сукупнасць арфаэпічных нормаў, якія характарызуюць тую ці іншую разнавіднасць пэўнай мовы).

А вось літаратурнаўчы тэрмін *белы верш* «нерыфмаваны верш у сілабтанічным вершаскладанні» складаецца з двух слоў, але слова *белы* не з'яўляецца тэрмінам, а слова *верш* – самастойны тэрмін: «невялікі літаратурна-мастацкі твор, напісаны вершаванай рытмічнай мовай».

Суфіксальны спосаб з'яўляецца вельмі пашыраным спосабам утварэння тэрмінаў. Больш за ўсё суфіксальным спосабам утвараюцца тэрміны-слывы ад асноў уласных і агульных імён, уласных і іншамоўных слоў.

Ад уласных імён утвараюцца тэрміны пры дапамозе суфіксаў **-ізм** (**-ызм**) (Дарвін – *дарвінізм*, Ж. Кальвін – *кальвінізм*, Ленін – *ленінізм*, К. Маркс – *марксізм*, Макіявелі – *макіявелізм*, Нептун – *нептунізм*, Платон – *платанізм*, Э. Мах – *махізм*, Байран – *байранізм*, імя заснавальніка рэлігіі Будча – *будызм*), **-эізм** (Піфагор – *піфагарэізм*), **-яніств-** (Канфуцый (кіт. Kon-fu-tsu) – *канфуцыйства*, Гегель – *гегельянства*, Дэкарт – Картэзіій – лац. Cartesius – *картэзіянства*), **-іянств-** (Шэлінг – *шэлінгіянства*), **-ыянств-** (Кант – *кантыянства*), **-ўств-** (Талстой – талстоўства). Надзвычай пашыраны суфікс **-іт** пры ўтварэнні мінералагічных тэрмінаў ад уласных імён, якія абазначаюць: 1) геалагічныя аб'екты, месца знаходжання мінералу, напрыклад: Анды (лац. Andes – горы ў Паўдн. Амерыцы) – *андэзіт*; Арагон (ісп. Aragon – вобласць у Іспаніі) – *араганіт*, Дун (англ. Dun – назва гары ў Новай Зеландыі) *дуніт*, Калумбія (англ. Columbia – назва акругі ў ЗША) – *калумбіт*, Ліпары (іт. Lipari – назва горада на Ліпарскіх астравах недалёка ад Сіцыліі) – *ліпарыт*, Мул (англ. Mull – назва вострава ў Шатландыі) – *муліт*, Мантмарылон (фр. Montmorillon – назва горада ў Францыі) – *Мантмарылон*, Трэмала (ням. Tremola – назва даліны ў Швейцарыі) – *трэмаліт*, Турынгія (ням. Thuringen – назва правінцыі ў Германіі) – *турынгіт*, Фаял (Faial – назва вострава ў групе Азорскіх астравоў) – *фаяліт*.

Суфіксальны спосаб характэрны і для кампанентаў тэрмінаў-словазлучэнняў, дзе асновай для ўтварэння з'яўляецца ўласнае імя, напрыклад, у матэматыцы маецца тэрмін *дыяфантавы ўраўненні*, дзе *дыяфантавы* ўтвораны ад імя грэч. матэматыка Дыяфанта + суф. **-ав-**; у гісторыі – *мусцьерская культура* (фр. Moustier (Мусцьер) – ад назвы мястэчка на поўдні Францыі + суф. **-ск-** і інш.

Ад агульных назоўнікаў утвараюцца суфіксальным спосабам шматлікія тэрміны розных

галін навукі, напрыклад, у металургіі тэрміны ўтвораны ад асноў дзеясловаў пры дапамозе суфікса **-нн-**, **-енн-** для абазначэння працэсаў (*накідванне*, *набраканне*, *навядзенне*, *накочванне*, *накладанне*, *намочванне*, *насычэнне*) і суфікса **-к-** для абазначэння прадметнасці (*наварка*, *наводка*, *наметка*, *наладка*, *насадка*).

Шырока выкарыстоўваюцца ў тэрміналогіі іншамоўныя ўтваральныя асновы, напрыклад: *адвербіяльны*, *аказіянальны*, *апикальны*, *лінгафонны*, *марфалагічны*; *арбітражны*, *аўдытарскі*, *бартарны*, *дэбіторскі*, *маржынальны*, *мінімальны*, *сінтэтычны*, *эмісійны* і інш. Надзвычай шырока выкарыстоўваюцца іншамоўныя суфіксы **-ізм**, **-іза-**, **-фікацы-я**, **-іст**, **-аж-**, **-ацы-я** і інш., напрыклад: *абстракцыянізм*, *авангардызм*, *анягранізм*, *антрапамарфізм*, *германізм*, *галіцызм*, *гістарызм*, *гуманізм*, *алітэрацыя*, *градацыя*, *ідэалізацыя*, *інтанацыя*, *кампазіцыя*, *кульмінацыя*, *экранізацыя*, *экспазіцыя*, *дрэнаж*, *пілатаж*, *сенаж*, *этыкетаж*, *яравізацыя*, *хімізацыя*, *электрыфікацыя* і інш.

Прэфіксальны спосаб у тэрміналогіі, як і ў літаратурнай мове, характарызуецца далучэннем прэфікса да цэлага слова, напрыклад: *антыцыклон*, *звышпрыбытак*, *звышмодны*, *надзвычайная сесія*, *процідзеянне*, *субцітры*, *суперфасфат*, *суперэмент*, *ультрагук*, *экстратавар*, *амаральны* і інш. Сярод прэфіксаў можна заўважыць уласныя і іншамоўныя, пры гэтым прэфіксы **ультра-**, **звыш-**, **экстра-** маюць адно і тое ж значэнне. Варта заўважыць, што прэфіксы служаць для ўтварэння антанімічных тэрмінаў, далучаючыся часам да ўжо гатовых тэрмінаў, напрыклад: *абагачаная руда* – *неабагачаная руда*, *наяўны разлік* – *безнаяўны разлік*, *кантрольны* – *бескантрольны*, *каштарысны* – *бескаштарысны*, *гетэрагенная сістэма* – *гамагенная сістэма*, *уваходны бок* – *выходны бок*, *закрытая форма* – *адкрытая форма* і інш.

Прэфіксальна-суфіксальны спосаб утварэння тэрмінаў характарызуецца далучэннем прэфікса і суфікса да ўтваральнай асновы, напрыклад: *накаленнікі*, *нарукаўнікі*, *падасінавік*, *падбярозавік*, *паддубовік*, *міжгор'е*, *міжзем'е*, *міжрэчча* і інш.

Аснова- і словаскладанне займаюць значнае месца ва ўтварэнні тэрмінаў. Тэрміны ўтвараюцца ў выніку **спалучэння** як уласных, так і іншамоўных частак, напрыклад: *аграфірма*, *аргкамітэт*, *архіваховішча*, *аэрафотадакумент*, *відэаграма*, *відэатэрмінал*, *відэазапіс*, *вільгацеізаляцыя*, *вільгацепаглынальнік*, *вільгацеўстойлівасць*, *землекарыстанне*, *землеўладальнік*, *землеўладанне*, *землеўпарадчык* і інш. Пашыранымі ў розных галінах з'яўляюцца тэрміны з інтэрнацыянальнымі часткамі

авія- (*авіябомба, авіялінія, авіялайнер, авіякомпанія*), **аўта-** (*аўтапагрузчык, аўталінія, аўтаўключальнік*), **тэле-** (*тэлепраграма, тэлекампанія, тэлеэкран, тэлезорка*), **электра-** (*электрашчыт, электравыпраменьванне, электранагравальнік, электравымяральнік*) і інш.

Складана-суфіксальны спосаб – утварэнне тэрмінаў шляхам складання асноў і далучэннем суфікса, напрыклад: *аднагалосны, аднатыпны, высокааплатны, аднаразовы, вільгацезабяспечаны, мясарэзка, вадакачка, траварэзка, фарбацёрка* і інш.

Бяссуфіксны спосаб утварэння – досыць характэрная з’ява ў тэрмінатворчасці. Тэрміны ўтвараюцца шляхам адсячэння суфіксаў, напрыклад: *надлом* ← *надламаць*, *надрэз* ← *надрэзаць*, *напал* ← *напаліць*, *накіп* ← *накіпаць*, *наклёп* ← *накляпаць*, *накал* ← *накаляць* і іншыя металургічныя тэрміны.

Абрэвіятурны спосаб утварэння тэрмінаў надзвычай разнастайны. Новыя тэрміны ўтвараюцца:

- складаннем назваў першых літар некалькіх слоў, напрыклад: *ЗНМС* (занальны навукова-метадычны савет), *АДСС* (адзіная дзяржаўная сістэма справаводства);

- складаннем назваў першых гукаў некалькіх слоў, напрыклад: *АППС* (аўтаматызаваная інфармацыйна-пошукавая сістэма); *ПЭУ* (планова-эканамічнае ўпраўленне), *ТЭІ* (тэхніка-эканамічная інфармацыя);

- спалучэннем часткі слова і цэлага, напрыклад: прафгрупа (прафсаюзная група), дзяржбанк (дзяржаўны банк), зарплата (заработная плата), перфакарта (перфарацыйная карта);

- спалучэннем назваў першых гукаў слоў ці іх частак і цэлага апошняга слова, напрыклад: *ДАСТ* (*дзяржаўны агульнасаюзны стандарт*);

- спалучэннем звязанай асновы ці цэлага слова і назваў першых літар астатніх слоў, напрыклад: *мікра-ЭВМ, міні-ЭВМ, перфарацыйная ЭВМ, персанальная ЭВМ* і інш.

Семантычны спосаб утварэння выяўляе спецыфіку тэрмінатворчасці ў параўнанні з гэтым жа спосабам у агульналітаратурнай мове, паколькі новае слова ствараецца за кошт перасэнсавання яго. Так, у літаратурнай мове гэты спосаб прадстаўлены адзінкавымі словамі, напрыклад: назоўнік *лаўка* «магазін» узнік у выніку распаду былога слова *лаўка* (від мэблі) на два самастойныя ці назоўнік *ячмень* «вострае гнойнае запаленне тлушчавых залоз павек» узнік на базе слова *ячмень* «расліна сямейства злакавых».

Цікавыя змены адбыліся са словам *тэрмін*: паводле падання, лац. *Terminus* – імя рымскага бога, ахоўніка межаў, памежных слупоў, межавых знакаў; рымскі цар Нума Пампілій

пабудоваў у Рыме храм Тэрміна і ў гонар бога ўвёў свята – тэрміналіі. Да межавага знака прыходзілі жыхары бліжэйшых вёсак, упрыгожвалі, прыносілі ахвяры і весяліліся. Вось адкуль слова *тэрмін* абазначала «памежны знак, пагранічны камень», пазней – «канец, мяжа», яшчэ пазней – «тэрмін, перыяд» і, нарэшце, яго сталі выкарыстоўваць у сучасным значэнні.

Утварэнне тэрмінаў семантычным спосабам надзвычай пашырана, паколькі агульнанародныя словы праз семантычную спецыялізацыю шырока папаўняюць тэрміналагічную лексіку, напрыклад, сельскагаспадарчыя тэрміны – *пастушок, вушкі, хвост, калена, вочка, кніжка, металургічныя – баба, барабан, ляжак, валік, вочка, гняздо, час, грэбень, куча, дзірка*; архіўныя – *абед, адзнака, азбука, блакнот, вокладка, грошы, даўжнік, дзень, згуба, кніжка, куток, месца, пыл, пятніца* і інш.

Тэрміналагіцыя агульналітаратурных слоў характэрна для ўсіх тэрмінасістэм.

Нават такі кароткі агляд тэрмінаўтварэння дазваляе заўважыць некаторыя асаблівасці ў параўнанні з агульналітаратурным словаўтварэннем. Напрыклад, уражвае выкарыстанне розных інтэрнацыянальных элементаў тыпу звязаных асноў: *мікра-, макра-, гідра-, міні-, піка-, -мер, -трон, -метр, -фон, -стат* і інш.; прэфіксаў тыпу: *супер-, ультра-, экстра-, інтэр-, анты-*; суфіксаў: *-ізм, -іст, -іцыя, -фікацыя* і інш. Зразумела, што іншамоўныя элементы адыгрываюць пэўную ролю ў розных тэрмінасістэмах. Але ёсць асаблівасці тэрмінатворчасці, агульныя для ўсіх тэрмінасістэм. Вось чаму так важна пазнаёміцца з асновамі, важнейшымі асаблівасцямі, адметнасцямі тэрмінаўтварэння. Паводле меркаванняў вучоных-моваведаў, асаблівасцямі ўтварэння тэрмінаў з’яўляюцца наступныя.

1. Тэрміны ствараюцца як найменні паняццяў, звязаных з вузкай галіной і прызначаных служыць сродкам зносін прафесіяналаў (у спецыяльнай літаратуры), у той час як агульнаўжывальныя словы ствараюцца для патрэб усяго грамадства і практычна любым носбітам мовы. Дастаткова параўнаць тэрміны хімічных элементаў табліцы Д. І. Мендзялеева і словы *радовішча, свідравіна* (аўтар Янка Скрыган). Амаль усе хімічныя тэрміны падпарадкаваны адной мадэлі: «утваральная аснова + суфікс *-ій (-ый)*» напрыклад: *тулій, ніобій, стронцый* і інш. Утваральнай асновай можа быць аснова ўсім вядомых тапонімаў, напрыклад, Амерыка (*амерыцый*), Германія (*германій*), Індыя (*індый*), Скандынавія (*скандый*), Францыя (*францый*) і інш.; часам этымалогія хімічных тэрмінаў знаёміць нас з незнаёмымі ці старымі назвамі пэўных мясцовасцей, напрыклад, лацінская

назва Парыжа – Lutecia (*лютэцый*), назва мясцовасці Ytterby у Швецыі (*ітэрбій, тэрбій, эрбій*), назва мястэчка Strontion ў Шатландыі (*стронцый*), назва горада Berkeley ў Каліфорніі (*берклій*) і інш.; ці антрапонімаў, напрыклад, прозвішча амерыканскага фізіка Е. Lawtence (*лаўрэнсіі*), прозвішча рускага мінералога Самарскі (*самарыі*), прозвішча італьянскага фізіка Е. Fermi (*ферміі*), прозвішча нямецкага фізіка І. Einstein (*эйніштэйніі*), прозвішча рускага фізіка І. В. Курчатава (*курчатавіі*), прозвішча рускага хіміка Д. І. Мендзялеева (*мендзя-левіі*) і інш.

Агульнаўжывальныя словы, як *радовішча, свідравіна*, рэдка адзначаюцца аўтарствам.

2. Тэрміны ўтвараюцца заўсёды свядома. Яны, як ужо адзначалася, не «з'яўляюцца», а «прыдумваюцца», «ствараюцца» па меры ўсведамлення іх неабходнасці. Так, з адкрыццём хімічных элементаў перыядычная табліца Д. І. Мендзялеева паступова запаўняецца. У 1869 г., калі Д. І. Мендзялееў склаў сваю табліцу, у ёй налічвалася толькі 63 элементы, цяпер – звыш 100. Пра кожны элемент табліцы, яго назву можна дакладна сказаць, калі адкрыты, хто, як і нават чаму названы. Вось некалькі фактаў: у 1875 г. французскі хімік П. Э. Лекок дэ Буабадран адкрыў новы элемент, ён назваў яго *галій* у гонар сваёй радзімы (старажытная назва Францыі); у 1898 г. выдатныя вучоныя Марыя Складоўская-Кюры і П'ер Кюры адкрылі ва ўранавай рудзе радыеактыўны элемент і назвалі імем сваёй радзімы – *палоній* (Польшча па-сярэднелацінску Палонія); у гонар сталіцы

сваёй радзімы назваў П. Клеве адкрыты ім у 1879 г. элемент – *гольміі* (ад лацінскай назвы сталіцы Швецыі Стакгольма – Гольмія – Holmia).

Заклучэнне. Кожны новы тэрмін, які ствараецца, можна пракантраляваць, адзначыць, паколькі ён фіксуецца ў працах, слоўніках. Ён не можа быць не заўважаным. Так, цяпер пры Міністэрстве адукацыі Рэспублікі Беларусь працуе Тэрміналагічная камісія, мэта якой – стварэнне, стабілізацыя тэрміналогіі ўвогуле і пэўных тэрмінасістэм у прыватнасці. Але з прычыны нераспрацаванасці маюцца некаторыя недакладнасці. Напрыклад, для беларускай мовы не характэрны формы дзеепрыметнікаў незалежнага і залежнага стану цяперашняга часу на *-емы, -імы, -учы (-ючы), -ачы (-ячы)*. І калі прааналізаваць тэрміналагічныя слоўнікі, то можна заўважыць поўную адсутнасць такіх формаў у адных, частковую замену іншым матэрыялам, больш адпаведным беларускай мове, і, на жаль, захаванне адзначаных формаў на ўзор рускай мовы побач з замененымі. Вось чаму дзеепрыметнікі як аднаслоўныя тэрміны і ў складзе шматслоўных, напрыклад, у металургічнай тэрміналогіі: *дэфарміруемы* (руск. *деформируемый*), *лятучыя нажніцы* (руск. *летучие ножницы*), *цяжучы стан* (руск. *состояние текучее*), *паляпшаемая сталь* (руск. *улучшаемая сталь*), *азаціруючая атмасфера* (руск. *азотирующая атмосфера*), *кантралюемая* (руск. *контролируемая*), *узыходзячы* (руск. *восходящий*), *звязваючае* (руск. *связывающее*), не адпавядаюць патрабаванням тэрмінатворчасці, як і ўвогуле нормам беларускай літаратурнай мовы.

Літаратура

1. Кузьміч В. А., Швед Г. Ф. Асаблівасці навуковага стылю беларускай мовы ў кантэксте навукова-тэхнічнага перакладу: Мінск: БДТУ, 2013. С. 12–20.

References

1. Kuzmich O. A., Swede G. F. *Asablivastsi navukovaga stylyu belaruskay movy u kantekstse navukova-tekhnichnaga perakladu* [Scientific style of the Belarusian language in the context of scientific and technical translation]. Minsk, BGTU Publ., 2013, pp. 12–20.

Інфармацыя пра аўтара

Швед Генадзь Філарэтавіч – старшы выкладчык кафедры беларускай філалогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, ул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: shved@belstu.by

Information about the author

Shved Henadz Filaretovich – senior lecturer of the Department of Belarusian Philology. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: shved@belstu.by

Паступіў 16.03.2015

УДК 82.091

Я. А. ГарадніцкіДНУ «Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
НАН Беларусі»**ЛІТАРАТУРНЫ ТЭКСТ ЯК СРОДАК МАСТАЦКАЙ КАМУНІКАЦЫІ**

Артыкул прысвечаны разгляду камунікатыўнай прыроды літаратурнага тэксту. Даследаванне праводзіцца з улікам узаемадзеяння двух асноўных пунктаў гледжання адносна катэгорыі тэксту – з боку лінгвістыкі і літаратуразнаўства. У працы акцэнтуюцца ўвага на несупадзенні дадзеных падыходаў і, разам з тым, паказваецца іх узаемадзеянне. Асноўная мэта даследавання, сфармуляваная ва ўводзінах, заключаецца ў разглядзе тэксту ў яго сувязях з характэрнымі асаблівасцямі сучаснага творчага працэсу. Аб'ектам крытычнага аналізу прадстаюць канцэпцыі структуралізму і постструктуралізму. Адзначаецца значэнне тэарэтычных прац Ю. М. Лотмана, якімі выдатны вучоны ўнёс адчувальны ўклад у развіццё тэорыі камунікатыўнасці літаратурнага тэксту. Падкрэсліваецца, што многія сучасныя даследчыкі засноўваюць свае распрацоўкі на палажэннях тэорыі дыялагізму М. М. Бахціна.

Адрозненні і ўзаемадзеянні паміж тэкстам і літаратурным творам разглядаюцца ў артыкуле ў кантэксце суадносін паміж аўтарам як творцам і чытачом як інтэрпрэтатарам твора. Тэкст разглядаецца як аб'ект, які аб'ядноўвае сабой аўтара літаратурнага твора і чытача як своеасаблівага сааўтара. Літаратурны твор, у аснове якога ляжыць тэкст, дае магчымасць для дыялогу суперажывання і сутворчасці паміж аўтарам і чытачом. Тэкст літаратурнага твора пераўтвараецца, такім чынам, у дыкурс як істотную камунікатыўную падзею.

Аўтар артыкула прыходзіць да вываду аб вялікім значэнні кагнітыўнага і лінгвістычнага падыходаў у вызначэнні камунікатыўнай прыроды літаратурнага твора.

Ключавыя словы: тэкст, літаратурны твор, камунікатыўнасць, кагнітыўны падыход, структуралізм, постструктуралізм, кантэкст, аўтар, чытач.

Y. A. HaradnitskyCenter for the Belarusian Culture, Language and Literature researches
of the National Academy of Sciences of Belarus**LITERARY TEXT AS A MEANS OF ARTISTIC COMMUNICATION**

The communicative properties of the literary text are considered in the article. The concept of the text is analyzed from two points of view – linguistic and literary theory. The main task, which is formulated in the introduction, is studying the text in connection with the characteristic features of the contemporary creative process. In the article critically discussed views on the text, which are typical for structuralism and post-structuralism representatives. The author emphasizes the importance of Yu. M. Lotman's works on the subsequent development of the communicative theory of the text. Many modern scholars are based investigations on the theory of Bakhtin's dialogism.

Distinctions and relations between the text and literary work are determined in the context of its creation by the author and subsequent interpretation by the reader. The text is an object that consolidates the author as the creator of the literary work and the reader as its co-author. The literary work gives the possibility of dialogue of co-creation and empathy between author and reader. The text of a literary work turns into a discourse as important communicative event.

The author concludes about an important role of cognitive and linguistic approaches in determining the communicative nature of a literary work.

Key words: text, literary work, communicativeness, cognitive approach, structuralism, poststructuralism, context, author, reader.

Уводзіны. Камунікатыўныя ўласцівасці літаратуры як асаблівага спосабу перадачы эстэтычна маркіраванай інфармацыі асабліва выразна абазначыліся ў якасці прадмета даследавання ў другой палове ХХ ст. У новым стагоддзі актуальнасць іх вывучэння стала яшчэ больш відавочнай, паколькі наш час небеспаспэўна называюць часам панавання інфарма-

цыйных тэхналогій або нават інфармацыйнай эпохай.

Сёння звяртаецца значная ўвага і на камунікатыўныя працэсы ў сферы культуры. Пры ўсёй іх эстэтычнай спецыфічнасці несумненным застаецца той факт, што яны ўключаны пэўным чынам у агульнае інфармацыйнае поле, у сям'ясферу сучаснага грамадскага жыцця.

У сучасным гуманітарным навуковым дыскурсе нашмат павялічылася частотнасць ужывання тэрміна *тэкст*. Гэта, безумоўна, звязана з актывізацыяй лінгвістычных даследаванняў феномена тэксту. У лінгвістыцы ў апошнія дзесяцігоддзі адбыліся надзвычай кардынальныя змены, звязаныя якраз са зваротам да праблемы тэксту. Раней аб'ект лінгвістычных даследаванняў амаль не пашыраўся за межы сказа як цэласнага і завершанага выказвання. З пашырэннем межаў аб'екта даследавання істотным чынам змянілася даследчая парадыгма, у большай ступені пачалі ўлічвацца прагматычныя аспекты функцыянавання тэксту, звязаныя з характарам светаўспрымання яго стваральніка і рэцыпіента. Тэкст у многіх выпадках разглядаецца сёння ў неад'емнай спалучанасці са сферай яго бытавання, у цеснай сувязі з параджаючым яго кантэкстам і з аўтарскімі інтэнцыямі. Праблема камунікатыўнасці літаратурнага тэксту неаддзельна ад пастановкі пытання аб асаблівасцях творчага працэсу, у якім тэкст набывае эстэтычныя якасці, успрымаецца як медыяльная аснова фармавання мастацкага свету твора, своеасаблівы пасрэднік паміж аўтарам і чытачом.

Асноўная частка. Сучаснай лінгвістыкай разам з іншымі гуманітарнымі дысцыплінамі, такімі як філасофія, псіхалогія, культурная антрапалогія, семіётыка, тэорыя інфармацыі, надаецца вялікая ўвага пазнавальным працэсам, якія адбываюцца праз пасрэдніцтва мовы. На аснове вывучэння механізмаў сэнсаўтварэння і азначвання, якія дзейнічаюць у мове і мысленні чалавека, у наш час узнік і актыўна развіваецца такі даследчы напрамак, як кагнітыўныя. Аўтар вучэбнага дапаможніка “Кагнітыўная лінгвістыка” В. Маслава заўважае: “У канцы ХХ ст. наспела неабходнасць паглядзець на мову з пункту гледжання яе ўдзелу ў пазнавальнай дзейнасці чалавека” [1, с. 9]. Апрача кагнітыўнай лінгвістыкі актыўна развіваюцца апошнім часам і іншыя адгалінаванні, напрыклад, кагнітыўная псіхалогія. Можна з пэўнасцю сцвярджаць, што ў сучаснай гуманітарыстыцы кагнітыўныя падыход аб'ядноўвае многія дысцыпліны, выпрацоўваючы агульную метадалогію даследавання пазнавальных працэсаў у розных сферах дзейнасці чалавека, у тым ліку і ў сферы мастацтва.

Патрэбна заўважыць, што для літаратуразнаўства таксама характэрна пільная ўвага да кагнітыўнага боку літаратуры, да спосабаў пазнання чалавека і рэчаіснасці, якія ў літаратурнай творчасці вызначаюцца сваёй спецыфічнасцю, абумоўленай матэрыялам і сродкамі мастацкага выражэння. Спецыфіка мастацкага пазнання заключаецца ў тым, што змест мастацкай інфармацыі, носбітам якой з'яўляецца

літаратурны твор, не вычэрпваецца прамымі лексіка-семантычнымі значэннямі. За тым, што непасрэдна паведамляецца ў творы, што знаходзіцца ў ім тэкставае выяўленне, знаходзіцца яшчэ багата падтэкставага і пазатэкставага, што немагчыма выказаць словам.

Пры павелічэнні ўвагі сучаснай гуманітарыстыкі да праблемы тэксту ў шматстайнасці яе аспектаў, успрымання гэтай катэгорыі як універсальнай, непазбежна паўстае пытанне пра суадносіны мастацкага твора і тэксту. Менавіта семіётыка, як навука пра знакавыя сістэмы, пра спосабы і сродкі камунікацыі, дала магчымасць пашырыць абсягі даследаванняў інфармацыйнага і функцыянальнага значэння літаратурных тэкстаў.

Шмат зрабіў у гэтым напрамку Ю. Лотман, які разглядаў працэс азначвання ў літаратуры як складаную, дынамічную сістэму ўзаемадзеяння разнастайных бакоў мастацка-ўмоўнай і рэальнай сапраўднасці. “Семіятычная прастора, – заўважае вучоны, – прадстае перад намі як шматслойная спалучэнне розных тэкстаў, якія разам складаюцца ў пэўны пласт, са складанымі ўнутранымі суадносінамі, неаднолькавай ступенню перакладальнасці і прастораю неперакладальнасці. Пад гэтым пластом размешчаны пласт “рэальнасці” – той рэальнасці, якая арганізавана разнастайнымі мовамі і знаходзіцца з імі ў іерархічнай суаднесенасці” [2, с. 30].

Найбольшы ўклад Ю. Лотмана ў семіятычны даследаванні літаратуры заключаецца якраз у тым, што яго тэорыяй улічваліся не толькі пазітыўныя, выразна абазначаныя і артыкуляваныя мастацкія сэнсы і сэнсавыя паўтоны, падтэксты, але і той супастаўляльны кантэкст, які выходзіў за “межы дасягальнасці” устанавляльных значэнняў. Вельмі істотным для разумення пазіцыі вучонага з'яўляецца яго выказванне аб тым, што “за межамі семіётыкі культуры ляжыць рэальнасць, якая знаходзіцца па-за межамі мовы” [2, с. 30]. Неабходнасць пэўным чынам улічваць і гэтую, *несеміятызаваную* рэальнасць, або рэальнасць, якая не паддаецца семіятызацыі, пазбаўляе небяспекі залішняй рацыяналізацыі і схематызацыі працэсу азначвання і вытворчасці сэнсаў у галіне мастацкай творчасці. Вялікая заслуга Ю. Лотмана ў тым, што ён здолеў пераадолець статычную зададзенасць фармальна-структурнага падыходу, сцвярджаючы, што заўсёды рухомая і зменлівая сукупнасць мастацкіх сэнсаў і значэнняў адкрываецца па-сапраўднаму толькі ў суаднесенасці з пэўным кантэкстам, на фоне чагосьці ёй супрацьлеглага і адрознага. Мінус-прыём, на думку вучонага, можа выконваць не менш істотную ролю ў літаратурным творы, чым непасрэдны мастацкі прыём.

Любая з’ява выяўляе сваё значэнне на фоне чагосьці, ад яе самой адрознага. На гэтым дапушчэнні, уласна, будуюцца лотманаўская тэорыя функцыянавання інфармацыі ў культуры, механізмы якой маюць семіятычную аснову. Карэннае адрозненне паміж характарам перадачы мастацкай і немастацкай, ды і любой іншай інфармацыі Ю. Лотман бачыў у тым, што ў мастацкім тэксце інфармацыя падлягае значнай трансфармацыі. “І калі ў тэкстах камунікатывнай уласцівасці прэваліруе функцыя перадачы інфармацыі, – заўважаў ён, – то ў ствараемых мастацтвам мастацкіх – наперад выступае здольнасць генерыраваць новыя паведамленні” [2, с. 151].

Такая здольнасць тэксту да відазмянення закладзенай у ім інфармацыі абумоўлена наяўнасцю пэўнага кода, які можа быць па-свойму інтэрпрэтаваны суб’ектам камунікацыі. У функцыянальных адносінах сам мастацкі тэкст прадстае, на думку Ю. Лотмана, своеасаблівым кодам. “Функцыянальна тэкст выкарыстоўваецца не як паведамленне, а як код, калі ён не дадае нам якіх-небудзь новых звестак да тых, якія ўжо маюцца, а трансфармуе самаасэнсаванне спараджаючай тэксты асобы і пераводзіць паведамленне, якое ўжо маецца, у новую сістэму значэнняў” [2, с. 172–173].

З лінгвістычнага пункту гледжання пад тэкстам разумеецца “сінтагматычнае разгортванне моўнай парадыгматыкі, якое спараджае твор у працэсе ўзаемадзеяння з «пазатэкставымі структурамі»” [3, с. 10]. У гэтым азначэнні варта звярнуць увагу на два істотныя моманты. Па-першае, тут адзначаецца дынамічны характар дадзенай з’явы, яе аб’ектывізацыя ў выніку станаўлення, па-другое, яе сувязь са з’явамі іншага парадку, якія знаходзяцца па-за межамі тэкставай прасторы. Гэта дзве асноўныя сутнасныя характарыстыкі тэксту, якія прадстаўляюць яго ў выглядзе дынамічнай сістэмы, што ўзаемадзеіць з іншымі, адрознымі ад яе, сістэмамі. Сапраўды, вызначэнне сутнасных характарыстык любой сістэмы магчымае толькі на фоне чагосьці іншага, што кардынальна аддадзенай з’явы адрозніваецца. Таму аналіз іманентных ўласцівасцей тэксту як самаарганізаванай сістэмы не можа быць вычарпальна дастатковым без уліку ўзаемадзеяння тэксту з пазатэкставымі структурамі, з тым, што ў дачыненні да літаратурнага твора звычайна называюць кантэкстам. У “Лекцыях по структуральной поэтике” Ю. Лотман адзначаў: “Рэальная плоць мастацкага твора складаецца з тэксту (сістэмы ўнутрытэкставых адносінаў) у яго адносінах да пазатэкставай рэальнасці – рэчаіснасці, літаратурных нормаў, традыцый, уяўленняў” [4, с. 213]. Нам уяўляецца надзвычай

важным той факт, што адзін з вядучых прадстаўнікоў структурна-семіятычнага літаратурназнаўства побач з рэчаіснасцю як фактарам знешняга ўплыву на тэкст ставіць такія з’явы, якія адносяцца да рэальнасці мастацкай у больш шырокім, пазатэкставым кантэксце.

Французскі семіётык, адзін з буйнейшых прадстаўнікоў структуралісцкай і постструктуралісцкай тэорыі Р. Барт бачыў адрозненне паміж твораў і тэкстам (у спецыфічным значэнні, якое ён укладваў у гэта паняцце) у тым, што “твор ёсць рэчыўны фрагмент, які займае пэўную частку кніжнай прасторы (напрыклад, у бібліятэцы), а Тэкст – гэта не што іншае, як поле метадалагічных аперацый (un champ methodologique)” [5, с. 415]. Такім чынам, класік постструктуралізму кардынальна перамяшчаў ракурсы бачання праблемы ўзаемаадносін твора і тэксту, парушаючы межы традыцыйных уяўленняў. А традыцыйна ўсталяваным з’яўляецца якраз успрыманне ад адваротнага: тэкст разглядаецца як матэрыялізаваны субстрат твора, а апошні надзяляецца віртуальнымі ўласцівасцямі нематэрыяльнага аб’екта. Цікава, напрыклад, параўнаць назву бартаўскага артыкула (“Ад твора да тэксту”) з назвай працы сучаснага беларускага даследчыка А. С. Яскевіча – “Ад слова – да вобраза”. Зусім супрацьлеглыя вектары руху ў адносінах да рэалізацыі творчага патэнцыялу мовы назіраем мы ў гэтых двух выпадках.

“Твор можа змясціцца ў руцэ, тэкст размяшчаецца ў мове, існуе толькі ў дыскурсе...”, – сцвярджаў Р. Барт [5, с. 415]. Дзе ж у такім выпадку “змяшчаецца” мастацкі свет літаратурнага твора? Немагчыма ж сказаць, што ён знаходзіцца “ў руцэ”, таксама як было б спрашчэннем сцвярджаць, што ён з’яўляецца спараджэннем выключна моўных практык.

Характэрна, што прадстаўляючы сваю канцэпцыю пісьма, Р. Барт, па сутнасці, амаль не згадвае пра феномен мастацтва як асаблівую сферу творчай дзейнасці чалавека, пакідаючы, па сутнасці, па-за ўвагай эстэтычную праблематыку. Гэта можна вытлумачыць тым, што ім увогуле ставіцца знак роўнасці паміж мовай, як сродкам вытворчасці новых сэнсаў, і мастацкай творчасцю. На пачатку артыкула “Ад твора да тэксту” ён заўважае: “Вядома, што за апошнія гады ў нашых уяўленнях пра мову і, значыць, пра твор (літаратурны), які абавязаны мове ўжо сваім існаваннем як феномен рэчаіснасці, адбыліся (ці адбываюцца) пэўныя змены” [5, с. 413]. Такім чынам, літаратурны твор, як лічыць Р. Барт, *абавязаны сваім існаваннем* выключна мове, тым сэнса- і структуральным уласцівасцям, якія іманентна належаць ёй.

Ці правамерна атаясамленне законаў і механізмаў, якія дзейнічаюць у мове, з заканамернасцямі, характэрнымі для літаратуры і іншых відаў мастацтва? Гэта пытанне, выкліканае паяўленнем тэорыі пісьма і канцэпцыі “смерці аўтара”, прынцыповае, і ад яго вырашэння многае залежыць у вызначэнні шляхоў далейшага развіцця гуманітарнай навукі. Гэта пытанне надзвычай складанае, і яго вырашэнне ў бліжэйшай перспектыве наўрад ці магчымае. Аднак у сувязі з ім хацелася б выказаць уласнае стаўленне да дадзенай праблемы.

Нам думаецца, што было б фатальнай памылкай цалкам падмяніць творчы мастацкі працэс пісьмом як працэсам самарэалізацыі закладзенага ў мове крэатыўнага патэнцыялу, а аўтара як творчую асобу – скрыптарам як паслухмяным рэалізатарам моўнага “кода”. Пры гэтым трэба прызнаць, што такі “код” існуе ў сапраўднасці і яго ўздзеянне на творчы працэс адчувальнае. І на свядомым і на падсвядомым узроўні аўтар, несумненна, успрымае і пэўным чынам увасабляе ў сваім творы тыя моўныя і вобразныя мадэлі і стэрэатыпы, якія як бы “лунаюць у паветры”, належачы не камусьці персанальна, а ўсім і кожнаму.

Мы ведаем, што і ўсе шматлікія канвенцыйныя ўтварэнні ў межах літаратурнай творчасці, такія, як жанр, сюжэтыка, тропіка і г. д., адносяцца да надіндывідуальнага, усеагульнага набытку. У гісторыі сусветнай літаратуры немагчыма вызначыць канкрэтнага індывідуума, якому можна было б прыпісаць аўтарства (г. зн. вынаходніцтва) таго або іншага жанра або мастацкага прыёму. Даследчыкі карыстаюцца паняццем *аўтарскі жанр* або *аўтарскі стыль* і, несумненна, маюць на гэта поўнае права, паколькі ў многіх выпадках, асабліва там, дзе ў найбольш сканцэнтраваным выглядзе і па-мастацку пераконаўча выяўляюцца індывідуальныя аўтарскія асаблівасці, сапраўды ёсць падставы гаварыць пра пэўны ўклад таго або іншага пісьменніка ў распрацоўку агульнай паэтыкі. Аднак практычна заўсёды гэта не што іншае, як індывідуалізаванае ўдакладненне і персанальная канкрэтызацыя ўжо існуючага дагэтуль як пэўнай мастацкай сістэмы.

Неабходна звярнуць увагу на вельмі істотны момант, а менавіта, на тое, што дыялектыка ўзаемадзеяння агульнага і індывідуальнага ў літаратурнай творчасці мае сваю спецыфіку. Гэта спецыфіка выяўляецца перш за ўсё ў сферы мастацкага. Менавіта мастацкі фактар, як нам здаецца, недастаткова ўлічваецца пры разглядзе праблемы ўзаемаадносін у творчым працэсе аўтарскага з тым, што выходзіць за межы кампетэнцыі аўтара. Канцэпцыю, паводле якой новы тэкст утвараецца на аснове ўжо

існуючых да гэтага кампанентаў, прыёмаў, спосабаў спалучэння, якія пазбаўлены аўтарскай суб’ектыўнасці (або на якія гэта суб’ектыўнасць робіць неістотны ўплыў), можна было б прыняць без асаблівых агаворак, калі б гаворка ішла не пра *мастацкі* твор, якім з’яўляецца твор літаратуры.

Камунікатыўная ж прырода літаратуры становіцца ў наш час аб’ектам спецыяльнага даследавання. Менавіта так названы адзін з раздзелаў двухтомнай “Тэорыі літаратуры”, створанай калектывам аўтараў (Н. Тамарчанка, В. Цюпа і С. Бройтман). У першым томе гэтай фундаментальнай працы, для якой характэрна інавацыйнасць даследчых падыходаў, камунікатыўнасць літаратуры разглядаецца скрозь прызму бахцінскай тэорыі дыялагізму. Літаратурны твор прадстае як магчымасць ажыццяўлення дыялога суперажывання і сутворчасці паміж аўтарам і чытачом. У адносінах да героя літаратурнага твора чытач знаходзіцца ў “пазіцыі *суперажывання*: пазнавання ва ўмоўнасцях уяўлення аналагаў жыццёвай рэальнасці”, а ў адносінах да эстэтычнага суб’екта твора чытач займае пазіцыю “*сутворчасці*: выяўлення творчай волі аўтара ў цэласнай завершанасці ўяўляемага свету і яго носбіта – тэксту” [6, с. 79].

Разам з тым аўтар раздзела пра камунікатыўную прыроду літаратуры ў дадзенай кнізе В. Цюпа зазначае, што “суперажыванне суперажыванне характарызуе своеасабліва не толькі рэцэптыўнай пазіцыі чытача, гледача, слухача мастацкіх твораў. Такая ж па сваёй камунікатыўнай прыродзе і крэатыўная пазіцыя аўтара” [6, с. 79]. Захаваўшы адносінаў “узаемадапаўняльнасці” ў суадносінах паміж суперажываннем і сутворчасцю аднолькава істотна як для аўтара, так і для чытача. У працэсе пісьма аўтар арыентуецца на ўспрымання іншых, а таму кожная “фраза ў выніку нараджаецца не «сама па сабе», а ў мысленнай сустрэчы з іншымі свядомасцямі” [6, с. 79].

Літаратурны твор разглядаецца В. Цюпам як “асаблівага роду дыкурс”, г. зн. *камунікатыўная падзея*, якая аб’ядноўвае ў адзіным выказванні пазіцыі суб’екта, аб’екта і адрасата творчага працэсу. Камунікатыўнае ўзаемадзеянне розных складальнікаў дыскурсу адбываецца праз рэалізацыю трох важнейшых функцый літаратурнага тэксту: рэфэрэнтнай, крэатыўнай і рэцэптыўнай.

Тэкст літаратурнага твора з’яўляецца тым аб’ектам, які аб’ядноўвае сабой аўтара як яго стваральніка (ён жа ў пэўнай ступені і рэцыпіент ім самім створанага) і чытача, які ўспрымае тэкст як аснову для разгортвання ў сваім уяўленні адпаведнага, але не тоеснага аўтарскай задуме і аўтарскаму бачанню, мастацкага

свету. Тэкст мае сваёй перадумовай мастацкі свет аўтара, які ў сваю чаргу карэлюе з аўтарскім унутраным, духоўным светам, кругаглядам пісьменніка, яго жыццёвым і эстэтычным вопытам. З другога боку, тэкст з'яўляецца своеасаблівым “носьбітам” мастацкага свету твора, уключае ў сабе шматлікія коды для “дэшыфроваўкі”, распазнання прыкмет гэтага свету. Успрымаючы адначасова і непасрэдна тэкст твора і той мастацкі свет, які з яго вынікае, чытач стварае ў сваім уяўленні “свой” асаблівы варыянт мастацкага свету твора.

Успрымаючы літаратурны твор у выглядзе мастацкага свету, чытач, на думку аднаго з заснавальнікаў рэцэптыўнай эстэтыкі Р. Ингардэна, “выходзіць у нейкай ступені за межы таго, што дадзена ў самім тэксце твора” [7, с. 41]. Даследчык уводзіць паняцце *схематызм літаратурнага твора* для абазначэння адрозненняў паміж тэкставай асновай твора і спосабамі *канкрэтызацыі* таго, што выяўляецца ў ім. Гэта паняцце ён тлумачыць наступным чынам: “Схематычнасць *кожнага* твора мастацкай літаратуры (і літаратуры наогул) можна абгрунтаваць меркаванымі агульнага характару. Яна вынікае, па-першае, з *істотнай дыспрапорцыі паміж моўнымі сродкамі выяўлення і тым, што павінна быць выяўлена ў творы*, а па-другое, з *умоў эстэтычнага ўспрымання твораў* мастацкай літаратуры, якія таксама маюць істотнае значэнне” [7, с. 46; курсіў аўтара цытуемага тэксту. – Я. Г.].

Паняцце схематызм у такім яго разуменні не змяшчае ў сабе адмоўнага сэнсу. Яно прадстаўляецца даследчыкам як адна з неабходных умоў рэалізацыі працэсу мастацкай камунікацыі. Магчыма, дадзенае слова як тэрмін усё ж такі не зусім удалае. Па ўсёй верагоднасці, пэўныя адмоўныя сэнсавыя канатацыі ўсё ж узнікаюць, чым у пэўнай ступені тлумачыцца тое, што такі тэрмін не атрымаў шырокага распаўсюджвання ў літаратуразнаўчым дыскурсе. Аднак неабходнасць абазначэння нейкім чынам адной з фундаментальных уласцівасцей тэксту літаратурнага твора, а менавіта яго здольнасці прадстаўляць у “закадзіраваным” выглядзе, у знакавай форме шматзначныя і па-рознаму інтэрпрэтуемыя моманты мастацкага свету, мае пад сабой рэальны грунт.

Распрацоўваючы метадку аналізу двухмернай структуры літаратурнага твора, Р. Ингардэн звяртаў увагу на “месцы няпоўнай пэўнасці”, якія пакідаюць для чытача прастору для дамыслівання і інтэрпрэтацыі. Аднак можна сцвярджаць, што, па сутнасці, і кожны элемент або структурны ўзровень тэксту вымагае творчага падыходу з боку рэцыпіента. Усё, што прадстаўлена ў тэксце як фармальны бок літа-

ратурнага твора, так ці інакш удзельнічае ў працэсе ўзнаўлення мастацкага свету. Разам з тым гэты шлях – ад тэксту да мастацкага свету твора – заўсёды індывідуалізаваны, непаўторны, таму што праходзіць яго канкрэтны чытач, для якога характэрны свой ўласны погляд на жыццё, на свет, у тым ліку і на дадзены твор.

Прачытанне літаратурнага твора ў яго тэкставай рэпрэзентацыі, становячыся адным з аспектаў творчага працэсу, адначасова прадстае і ў якасці своеасаблівага аб'екта даследавання. Адзін з даследчыкаў праблем кагнітыўнай пэўнасці П. Стоквэл заўважае: “Мы можам чытаць літаратуру ў любы час, калі ўзнікне жаданне, але калі мы задумваемся над самім працэсам чытання, над тым, як мы чытаем і разумеем прачытанае, мы не проста чытаем, мы маем у гэтым выпадку справу з навукай чытання” [9, с. 15].

У наш час у даследаваннях творчага працэсу як дыялектычнага адзінства крэатыўных і рэцэптыўных аспектаў усё большае ўвага надаецца адной з ключавых постацей гэтага працэсу – чытачу. Пры гэтым чытач разглядаецца не толькі як рэцыпіент твора, але ў пэўнай ступені і як своеасаблівы “сааўтар” стваральніка твора. Трансфармуючы ўспрымаемы ім тэкст у мастацкі свет, чытач непазбежна выяўляе пры гэтым сваё асабовае стаўленне. Сучаснымі даследчыкамі адзначаецца дваістасць пазіцыі чытача. На думку Е. Фарына, чытач пры засваенні пэўнага літаратурнага твора “часткова кіруецца ўласным вопытам, уласнай жыццёвай практыкай, а часткова становіцца на пункт гледжання ўбачанага або прачытанага свету...” [8, с. 74].

Несумненна, што ўзаемаадносіны аўтара, героя і чытача, якія прадвызначаюць сабой усе канструктыўныя асаблівасці мастацкай сістэмы, у межах якой ствараецца, рэпрадукуецца і пераўзнаўляецца літаратурны твор, у значнай ступені залежаць ад таго або іншага напрамку, стылю ў шырокім значэнні паняцця, ад спосабу ўспрымання і дачыненняў чалавека з рэчаіснасцю, яго экзістэнцыяльнага самавызначэння ў быцці.

Заклучэнне. Грунтуючыся на вышэйвыкладзеным, можна зрабіць наступныя падсумаванні. Тэкст, пераўтвараючыся ў дыкурс, становіцца камунікатыўным пасрэднікам паміж суб'ектамі творчага працэсу – аўтарам і чытачом. Для іх ён у сваёй рухомасці і зменлівасці прадстае аб'ектам эстэтычнага пазнання. Суб'ектна-аб'ектныя адносіны – гэта перш за ўсё адносіны пазнаваўчыя, кагнітыўныя. Менавіта з такога боку разглядае суб'ект і аб'ект філасофія, а семіётыка імкнецца выявіць механізмы функцыянавання семіасферы, у якой творца літаратурнага тэксту і яго рэцыпіент

і інтэрпрэтар аб'яднаны пасрэдніцтвам пэўнага семіятычнага кода

Пад уплывам лінгвістычных даследаванняў большая ўвага пачала звяртацца сёння да паняцця «тэкст» і з боку літаратуразнаўцаў.

Гэта, безумоўна, надзвычай пазітыўная тэндэнцыя, якая спрыяе большаму набліжэнню даследчыка літаратуры да паэтыкі твора, садзейнічае актывізацыі моўнага аналізу літаратурнага твор.

Літаратура

1. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие Минск: ТетраСистемс, 2005. 256 с.
2. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2001. 704 с.
3. Миловидов В. А. Семантика текста и семантика произведения: «множественность» потенциальная и реализованная // Литературный текст: проблемы и методы исследования. IV. Сборник научных трудов. Тверь, 1998. С. 10–17.
4. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартусско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 10–257
5. Барт Р. От произведения к тексту // Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр. сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 41–423.
6. Теория литературы / под ред. Н. Д. Тамарченко. Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика / Н. Д. Тамарченко [и др.]. М.: Академия, 2004. 512 с.
7. Ингарден Р. Исследования по эстетике. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. 572 с.
8. Фарина Е. Введение в литературоведение. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 639 с.
9. Stockwell P. Cognitive Poetics. An Introduction London, New York: Routledge, 2002. 214 p.

References

1. Maslova V. A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Minsk, TetraSystems Publ., 2005. 256 p.
2. Lotman Yu. M. *Semiosfera* [Semiosphera]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2001. 704 p.
3. Milovidov V. A. The semantics of the text and the semantics of the product: “multiplicity” of potential and realized. *Literaturnyi tekst: problemy i metody issledovaniya*, IV. Tver', 1998, pp. 10–17 (In Russian).
4. Lotman Yu. M. Lectures on structural poetics. *Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola*. Moscow, Gnosis Publ., 1994, pp. 10–257.
5. Bart R. From the work to the text. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika*. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 413–423.
6. *Teoriya literatury. T. 1. Teoriya chudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaya poetika* [Theory of Literature. Vol. 1. Theory of literary discourse. Theoretical poetics]. Moscow, Akademiya Publ., 2014. 512 p.
7. Ingarden R. *Issledovaniya po estetike* [Research on aesthetics]. Moscow, Inostrannoy literatury Publ., 1962. 572 p.
8. Faryno E. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to Literary Studies]. St. Petersburg, RGPU Publ., 2004. 639 p.
9. Stockwell P. *Cognitive Poetics. An Introduction*. London, New York, Routledge, 2002. 214 p.

Інфармацыя пра аўтара

Гарадніцкі Яўген Андрэевіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, вядучы навуковы супрацоўнік ДНУ “Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі” (220072, г. Мінск, вул. Сурганава, 1, корп. 2, Рэспубліка Беларусь). E-mail: jaharad@mail.ru

Information about the author

Haradnitski Yauhen Andreevich – Ph. D. Philology, assistant professor, Leading scientific associate of the Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1, k. 2, Surganova str., 220072, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: jaharad@mail.ru

Паслыніў 16.03.2015

УДК 82-17:821.161.3

А. У. Вострыкава

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

“КАТКА” ПАЎЛА КАГОЎТА ЯК РАМАН ПРАЖСКАГА ЧОРНАГА ГУМАРУ

У артыкуле аўтар аналізуе раман чэшскага пісьменніка другой паловы ХХ стагоддзя Паўла Кагоўта “Катка” як раман пражскага чорнага гумару. Вылучаюцца асноўныя элементы паэтыкі. Разглядаецца сістэма вобразаў твора. Абазначаюцца галоўныя тэмы і праблемы, закранутыя празаікам.

У “Катцы” прасочваюцца рысы постмадэрнісцкай паэтыкі і эстэтыкі. Багатае выкарыстанне аўтарам розных цытат утварае своеасаблівае інтэртэкстуальнае поле рамана. Галоўная раманная гіпербала – інтэрпрэтацыя катніцтва як сур’ёзнай спецыялізаванай навукі, псеўдамаральныя аргументы гэтага – стварае нейкую правакацыйную фікцыю, у якой існуе чытач. На ўсім ляжыць адбітак іранічнага модусу аповеду, іранічнага ўспрыняцця і пастаноўкі з ног на галаву ўсяго, што тычыцца гісторыі, гуманнасці, каханьня, сям’і, радзімы, чалавецтва, сістэмы каштоўнасцей. Вельмі своеасаблівымі з’яўляюцца вобразы. Можна казаць пра вобразы-схемы, вобразы-тыпы, дэпсіхалагізаваныя, дэгуманізаваныя, банальныя. Некаторыя з іх падаюцца як людзі-монстры. Акцэнтуюцца тэмы смерці і сексу. Менавіта на іх аснове і будуецца інтэлектуальная і парадыйная лініі “Каткі”.

Ключавыя словы: чэшская літаратура, Павел Кагоўт, чорны гумар, інтэлектуальны тып прозы, выкарыстанне прыёмаў масавай літаратуры, іронія, гратэск, абсурд, рысы постмадэрнісцкай эстэтыкі, жанравая шматграннасць, тэатральныя аспекты рамана, эпаатажнасць.

A. U. Vostrikova

Belarusian State University

“EXECUTIONER WOMAN” BY PAVEL KOHOUT AS NOVEL PRAGUE BLACK HUMOR

The author analyzes the work of Czech writer of the second half of the 19th century, Paul Kohout “Executioner woman” Prague as a novel of black humor, characterizes his art features, the imagery, the main themes and issues.

The novel features of postmodernism can be clearly seen. Pavel Kohout extensive use of quotations from other works, creates a kind of provocative fiction, ironically, is reviewing the system of human values. The writer emphasizes the themes of death and sex, which are built on the basis of Intellectual and satirical lines of the novel.

Key words: Czech literature, Pavel Kohout, black humor, intellectual type of prose, the use of methods of popular literature, irony, grotesque, absurd features of postmodern estetik, genre versatility, theatrical aspects of the novel, outrageous.

Уводзіны. Павел Кагоўт (1928) – знакаміты чэшскі драматург, празаік, паэт, публіцыст, сцэнарыст, фільмавы рэжысёр, перакладчык, прадстаўнік пакалення “Пражскай вясны”. З пачатку 1970-х гг. выступаў супраць афіцыйнай улады, стаў адным з самых паспяхоўных прадстаўнікоў чэшскай літаратуры за мяжой. Дзесяць гадоў правёў у вымушанай эміграцыі (з 1979 г.). Быў пазбаўлены чэхаславацкага грамадзянства. Усе яго творы мелі вялікі грамадскі, літаратурны і культурны рэзананс.

Асноўная частка. Біёграфы вылучаюць тры перыяды творчасці Паўла Кагоўта. З сярэдзіны 1940-х гг. па сярэдзіну 1950-х гг. Кагоўт піша поўныя моладзевага задору вершы, ухваляе сацыялізм, камсамольскія каштоўнасці і ідэалы. У гэты ж перыяд пачынае пісаць п’есы (“Добрая песня” 1952). Пасля выкрыцця сталінізму Кагоўт пачынае арыентавацца на эстэтычныя каштоўнасці заходняй літаратуры і культуры,

выступае за рэфармаванне сацыялізму. Пачынаецца новы творчы перыяд яго дзейнасці. Папулярнымі на Захадзе (ФРГ, Аўстрыя) становяцца псіхалагічныя п’есы творцы, асабліва “Такое каханне” 1959, драма абсурду “Аўгуст, аўгуст, аўгуст” (1967). Дарэчы, Кагоўта добра ведалі ў СССР. Яго перакладалі з 1950-х гг. П’еса “Такое каханне” ішла на многіх савецкіх сцэнах. З часоў т. зв. “нармалізацыі” ў Чэхаславакіі вядзе адлік трэці творчы перыяд Кагоўта. Гэта, так бы мовіць, “час рамана”, калі пісьменнік звяртаецца да значных праблем сучаснасці, асэнсоўвае цэлыя этапы чэшскай і еўрапейскай гісторыі, піша пра неабходнасць супраціўлення асобы ідэалагічнаму дыктату, рэагуючы на падзеі ў Чэхаславакіі 1970–1980-х гг. Менавіта ў гэтыя часы яго перастаюць перакладаць на рускую мову з-за падтрымкі “Пражскай вясны” і потым чэшскага дысідэнцкага руху.

Празаічная творчасць Паўла Кагоўта ўтварае цэлы этап яго вялікай літаратурнай спадчыны. Яго раманы ўзніклі, у большасці, на працягу двух дзесяцігодзяў (1970–1980 – пачатак 1990-х гг.) ва ўмовах забароны друкавацца, у часы пераследавання нармалізаваным рэжымам альбо потым, ва ўмовах эміграцыі. Да таго, як звярнуцца да прозы, Кагоўт зарэкамендаваў сябе як лірык пасляваеннай савецкай генерацыі, як слынны драматург, блізка да эстэтыкі драмы абсурду, стварыўшы некалькі дзесяткаў арыгінальных п'ес. Ён быў знаёмы публіцы і сваімі перапрацоўкамі для сцэны (“80 дзён вакол свету” 1962, “Вайна з саламандрамі” паводле К. Чапека 1963, “Швейк” паводле Я. Гашака 1963, “Амерыка” паводле Ф. Кафка 1974, драматызацыі апавяданняў Л. Андрэева 1976 і г. д.). Творчы шлях Паўла Кагоўта ў нечым нагадвае эвалюцыю Мілана Кундэры: ад лірыкі праз драматургію да прозы. Ды й абодва чэшскія пісьменнікі могуць быць намі аднесены да стваральнікаў інтэлектуальнага тыпу прозы, дзе вялікую ролю адыгрывае іранічны модус аповеду і бачання падзей. Кагоўт менш за Кундэру філасофствуе, але ў значна большай ступені ўвасабляе свае гратэскавыя фантазіі.

Значным складнікам яго прозы таксама з'яўляецца аўтабіяграфічная скіраванасць. Гэта тычыцца рамана “З дзённіка контррэвалюцыянера” (падрыхтаванае выданне было забаронена ў 1969, твор з'явіўся ў некалькіх перакладах), “Дзе зарыты сабака” (Кельн, 1987, Брно, 1990). Увогуле проза Кагоўта заснавана часта на дзіўных гісторыях, поўных нечаканых паваротаў падзей (“Белая кніга пра справу Адама Юрачака” самвыдат 1973, Таронта, 1978, Прага 1991, “Прыгоды святой Клары” Таронта, 1982, Прага, 1991). У раманах, як і ў Мілана Кундэры, можна адзначыць і шэраг рыс, уласцівых постмадэрнісцкай эстэтыцы. Гульня, выгрыятўнасць, разбурэнне чытацкіх чаканняў, насычанасць мастацкай тканіны эратычнымі і эпатажнымі сцэнамі – гэта і многае іншае дазваляе сцвярджаць падобнае. Зноў такі, як Кундэра, Кагоўт стварае свае творы, спалучаючы прыёмы масавай літаратуры і інтэлектуальнай, што спрыяе поспеху ў чытачоў. Сучасны чэшскі крытык Любамір Махала заўважаў, што Кагоўт “...не пагарджае нічым, што магло б павысіць чытацкую папулярнасць яго творчасці... Ён актыўна выкарыстоўвае прыгодніцкую інтрыгу. Яго тэксты часта нагадваюць павярхоўную і крыклівую каларовую ілюстрацыю асноўнага тэзіса і пакідаюць уражанне псіхалагічна неверагоднага, адчуваецца недахоп творчага сэнсу ў меры і прапорцыях” [2, с. 139]. І гэтакім можа быць уражанне ад абсурдных, фантазмагарычных наратыўных збудаванняў Паўла Кагоўта.

“Катка” – адзін з самых знакамітых раманаў чэшскага пісьменніка. Ён пісаўся ў 1972–1978 гг., у эпоху “нармалізацыі” ў Чэхаславакіі. Раман прысвечаны Юргену і Лізе Браўншвейгеравым, “...якія мяне так доўга пераконвалі, што гэта кніга мусіць быць напісана, што я яе ўрэшце напісаў”, – заўважае аўтар [1, с. 5], а таксама Людвіку Вацуліку, якога Кагоўт лічыў “бацькам” выдавецтва “Петліцэ” і яго першым выдаўцом. Асноўную сюжэтную лінію твора складае лёс анельскі прыгожай Лізінкі Тахецы, якая, скончыўшы школу катаў, становіцца першай жанчынай-каткай у гісторыі. У цэнтры ўвагі аўтара феномен катавання, яго гісторыя, якая падаецца праз апісанне гадавога курса навучання сямі студэнтаў школы катаў, якую ўзначальваюць Бендржых Влк і дацэнт Павел Шымса. На пачатку сваёй кнігі Кагоўт папярэджвае чытача, што “асобы, месцы і падзеі кнігі, на жаль, выдуманя, але гістарычныя спасылкі, цытаваная спецыяльная літаратура, дзякуй богу, дакладна аўтэнтычныя. Мы жывём у свеце, у якім амаль знік конь Пржэвальскага. Мы часта становімся сведкамі, як маніпаляцыя, з аднаго боку, і калектывізацыя – з іншага, знішчаюць не толькі дробных прадпрымальнікаў, але і вольныя прафесіі, з якімі вымірае часта ўжо непаўторны вопыт чалавецтва. Я хачу сваім сціплым унёскам паспрыяць таму, каб мы аднойчы раніцай не прагнуліся ў свеце без катаў” [1, с. 8].

Падзеі рамана цесна звязаныя з тагачаснай гісторыяй Чэхаславакіі, палітычнымі працэсамі, што адбываліся на радзіме Кагоўта. Пісьменнік у сваім рамане агляе механізмы таталітарнай улады, яе абсурднасць. Сам аўтар вызначаў свой раман як “пражскі чорны гумар”. Мы ж можам канстатаваць жанравую шматграннасць “Каткі”. Раман можа ўспрымацца і як палітычная сатыра, і як антыўтопія, блізкая творам чэха Ладзіслава Фукаса. “Катку” можна параўнаць з “Крэматорам” Л. Фукаса. Чэшскіх пісьменнікаў у названых творах аб'ядноўвае жаданне выкрыць зло, якое бярэ пачатак у некантралюемай таталітарнай уладзе, паказаць, як змяняецца псіхіка індывіда пад уплывам гістарычных падзей і трансфармацыі маралі грамадства. Абодва прازیкі ствараюць фіктыўны свет, гратэскава дэфармаваны, бачны нібы ў крывым люстэрку, крыніцы якога, тым не менш, палягаюць у рэальнасці.

Раман “Катка” разлічаны на шокавае ўспрыманне. Прафесія ката выступае як сімвал дзяржаўнай жорсткасці, грамадскадзволенага тэрору. У той жа час катніцтва трактуецца Влкам як пэўная, цалкам годная прафесія і ўвогуле як важная і старажытная частка чалавечай культуры.

У рамане падрабязна апісваецца паступленне і навучанне ўжо згаданай Лізінкі Тахецы ў школе катаў, дзе яна апынулася па ініцыятыве маці, жанчыны вельмі прагматычнай і амбіцыйнай, поўнай жадання даць сваёй дачцэ годную вышэйшую адукацыю. Лізінку, адораную той жаночай прывабнасцю, якую людзі хацелі бачыць у зубным кабінце, каб не баяцца і не хвалявацца, не прымае ні адзін гуманітарны вуз, ні кінашкола з прычыны поўнай адсутнасці мазгоў прэтэндэнткі. Лізінка становіцца ўвасабленнем цынзму, маральнай індывідуальнасці, абывакавасці да людзей і падзей акаляючага яе свету. Ёю можна маніпуляваць як заўгодна. Дзяўчына не клапоціцца пра сваю будучыню, але за яе гэта робіць актыўная маці, якая прыстройвае яе ў Прафесійнае вучылішча катаў выключнай кваліфікацыі. Пратэсты бацькі, Эміля Тахецы, доктара філалогіі і гуманіста, надзвычай слабага чалавека, не бяруцца да ўвагі.

Вышэйшай школай катаў кіруе прафесар катавальных навук Бендржых Влк разам з дацэнтам Паўлам Шымсай. Яны выходзяць годных спадчыннікаў сваіх катавальных тэхнік і метадык. Аўтар у раманных адступленнях раскрывае мінулае гэтых брутальных персанажаў. Расказвае чытачам пра знішчэнне многіх праціўнікаў дзяржаўнага рэжыму, пра працэсы, якія мелі масавы характар. Падрабязна апісваюцца і псіхалагічна раскрываюцца ўсе вучні гэтай фантастычнай школы: сама Лізінка, якая ніколі ні пра што не думае і не разважае, а можа толькі фіксаваць рэчаіснасць; прыгожы хлопец Рыхард Машын, які з-за нераздзеленага кахання да Лізінкі жорстка, па ўсіх правілах катавання забівае выпадковага кавалера дзяўчыны, паэта Дуйку, а потым сам здзяйсняе самазбойства; гарбун Альберт, гонар і надзея Влка; сын ката Шымон Гус; блізныя Пётр і Павел; незаконнанароджаны Францішак Казік. Усе гэтыя маладыя хлопцы разам з Лізінкай скончваюць гадавы курс і ў прысутнасці выкладчыкаў, бацькоў і ганаровых запрошаных, прадстаўнікоў улады здаюць іспыт, арганізаваны як тэатральнае прадстаўленне, вяршыняй якога становіцца пакаранне Шымсы Лізінкай.

Гісторыя персанажаў даводзіцца пісьменнікам да абсурду і вяршынь гратэскавасці. Так, Бендржых Влк закахаўся ў сваю вучаніцу, пазбавіў яе дзявоцкасці і ў фінале твора збіраецца ажаніцца з ёю, развёўшыся са сваёй жонкай Маркетай і прадстаўляючы яе бацькам Лізінкі ў якасці сваёй матулі. На святочным выпускным бале Влк па чарзе прыціскае да сябе то палюбоўніцу-вучаніцу, то яе разбэшчаную маці, якая таксама не супраць яго абдымкаў. Усе апісанні поўныя не проста іроніі, а чорнага гумару, эпатажнасці і брутальнасці.

Згаданыя вобразы адыгрываюць пэўную ролю і прадстаўляюцца аўтарам як чалавечыя і грамадскія тыпы. Так, бязглуздая і чароўна прыгожая Лізінка Тахецы паказана бяздумнай выканаўцай, якая, здзейсніўшы забойства, можа толькі парадавацца, што пакараны “нават не пёрднуў” [1, с. 347]. Дарэчы, гэта адзіныя словы, якія на працягу ўсяго твора мы чуем ад гераіні. Цынічныя і пакутлівыя карціны для Паўла Кагоўта не мэта, а сродак, з дапамогай якога пісьменнік хоча выклікаць у чытача агіду да мярзоты на дзяржаўным і чалавечым узроўнях. Галоўная гераіня рамана падаецца як загадкавая ў сваёй чароўнасці істота, бессэнсоўная, па-дзіцячы жорсткая, паслухмяная. Яна ўвасабляе ў сабе бяздумны і пакорны народ, на які, як на Лізінку, скіраваны нястрымныя жаданні ўлады. Народ, сам згвалтаваны і навучаны гвалту, народ, які адначасова з’яўляецца і катом, і ахвярай. У вобразе Лізінкі ўвасаблены кантраст паміж яе анельскім знешнім выглядам і ўнутранай пустатой, якая запаўняецца паступова жорсткасцю каткі. Чэшская даследчыца Марыя Мраўцава акцэнтуюе ў паставе Лізінкі значную жанраўтваральную функцыю [3, с. 170], паколькі вакол яе разыгрываецца эратычная лінія ў трох варыянтах. Рамантычнае каханне да Лізінкі адчувае яе аднакурснік Рыхард, які і знешнім поглядам, і пачуццямі проста падобны да Рамэа. Супрацьлегласцю Рыхарда выступае супермэн Павел Шымса, з пачуццямі якога да Лізінкі звязаны парнаграфічныя старонкі рамана, у той жа час поўныя гратэскавай іроніі. Парнаграфічная лінія звязаная і з трохкутнікам прафесар Влк – Лізінка – жонка Влка. Марыя Мраўцава таксама ўказвае на пэўную кінематаграфічнасць і сцэнічнасць некаторых частак рамана. Яна звязвае некаторыя пасажы твора напрамую з асобнымі жанрамі вышэйназваных відаў мастацтва [3, с. 170].

Пажадлівая і незадаволеная сваім жыццём маці Лізінкі Люцыя з гатоўнасцю аддаецца мужчынскай і чалавечай сіле катаў Влка і Шымсы. Яна паказана як разбэшчаная “абслуга” таталітарнага рэжыму, якая ў прамым і пераносным сэнсах імкнецца да яднання з уладаю і гатова падтрымаць любыя нечалавечыя жорсткасці і катаванні. Інтэлігент доктар Тахецы, будучы нязгодным з рэжымам катаў, здольны толькі на кароткачасовы пратэст, за якім адбываецца вяртанне да пакоры і маўчання, чым характарызаваўся вялікая частка інтэлігенцыі і ўвогуле тагачаснага чэхаславацкага грамадства ў часы нармалізацыі.

Акрамя Лізінкі, цэнтральным па ідэйнай напоўненасці, безумоўна, становіцца вобраз прафесара Влка, віртуоза, энтузіяста і аматара катавальных спраў, а таксама яго таленавітага

памагатага Паўла Шымсы, які вынайшаў пятлю “двайную шымку”, каб хутка і з веданнем справы вешаць “ворагаў народа”, якіх вакол незлічона колькасць. Кагоўт паказвае, што і Влк, і Шымса адчулі сваю запатрабаванасць у грамадстве. Іх прафесія на грэбні хвалі ў дзяржаве, менавіта таму яны і вырашылі паставіць на адпаведны ўзровень навучанне любімай справе, каб катавалі сапраўдныя прафесіяналы, а не дылетанты-аматары. Ствараецца фантастэгарычная сітуацыя. Влк і Шымса распрацоўваюць поўны практычны і тэатэтычны курс, бо “...хто хоча вешаць, павінен ведаць” [1, с. 37]. Праект атрымлівае падтрымку ў вярхах, і школа катаў адчыняе дзверы сваім студэнтам. Такія дзівосныя падзеі становяцца магчымымі ў рэаліях таталітарнага рэжыму, дзе гвалт – галоўны спосаб кантактавання з гарамадзянамі. Але хлуслівасць рэжыму не дазваляе назваць рэчы сваімі імёнамі, таму школа катаў існуе ў вялікай сакрэтнасці, а самі каты называюцца “выканаўцамі”. Сваіх герояў чэшскі пісьменнік паказвае за працай. На занятках не толькі Влк з Шымсай дэманструюць шырокія тэарэтычныя веды “катавальнага і пытальнага права”, “класічнага і сучаснага катаўства”, яны прыдзірліва ацэньваюць сваіх студэнтаў.

Па сваіх ідэях раман мог бы разглядацца як антыўтопія, калі б не сапраўдныя палітычныя працэсы, тысячы і тысячы пакараных і загінулых у ГУЛАГах Савецкага Саюза, Чэхаславакіі і іншых краін. “Катка” сваёй сэнсацыйнай тэмай балансуе на мяжы розных жанраў. Раман можа быць інтэрпрэтаваны ў межах сацыяльнага, палітычнага жанру, дзе паэтыка абсурду, гратэскавасць і чорны гумар займаюць дамінантныя пазіцыі. У творы прысутнічаюць жорсткія парнаграфічныя сцэны (іх выкананне і ідэйна-сэнсавая напоўненасць не дазваляюць назваць іх эратычнымі), садысцкія апісанні пакаранняў. Аднак беспамылкова зразумела, што такім своеасаблівым чынам аўтар уздымае найважнейшыя этычныя праблемы сучаснасці: злоўжыванне ўладай, накіраванне смерцю, эўтаназія і многія іншыя.

Падзеі ў рамане набываюць часавую і прасторавую канкрэтнасць. Хаця прама не даецца ні час, ні месца дзеяння, мы можам відавочна зразумець контуры хранатопу рамана, паколькі згадваецца матыў акупацыі і тэма здрады, апісваюцца страшныя і жорсткія палітычныя працэсы і так званыя “чысткі” шэрагаў самых важных дзяржаўных арганізацый. У эпізодах перасячэння дзяржаўнай мяжы Лізінкай і Влкам перад нашымі вачамі паўстае дротавая агароджа. Таксама мы разумеем ідэалагічнае развіццё грамадства: гаворка ідзе пра падзенне колькасці “кліентаў” у “выканаўцаў”, што мы разу-

меем як змяншэнне пакараных і надыход часоў пэўнай лібералізацыі і “адлігі”.

Павел Кагоўт прыадчыняе перад намі завесу таго, “а судзі хто?”. У рамане падрабязна раскрываецца, што адзін з найуплывовейшых прадстаўнікоў караючай улады, Доктар, той, у чых руках былі жыцці і смерці, у канцы аповеду аказваецца нязначным чыноўнікам па прозвішчу Ванясак, які вельмі моцна баіцца сваёй жонкі. Такім чынам, пісьменнік падкрэслівае, што зло ў таталітарных рэжымах заўсёды камуфлюецца, хаваецца за прафесійным слэнгам (“забойства” – “выкананне”, “кат” – “выканаўца”) альбо за нейкімі іншымі рэчамі, а вяршыцелямі лёсаў становяцца “маленькія” людзі з комплексамі і адсутнасцю маральных межаў.

Кампазіцыя рамана ўяўляе сабой чаргаванне розных апавядальных пластоў. Прысутнічаюць такія нарратыўныя стратэгіі, як вяртанні ў часе, успаміны. Прычым адбываецца вельмі хуткае іх змяненне без пэўнага графічнага афармлення, што павышае дынаміку апаведу, а таксама дзе-нідзе выклікае непаразуменне ў чытача. Фінал рамана дэманструе нам тое, што яго аўтар вялікую частку свайго творчага жыцця аддаў драматургіі. Твор заканчваецца грандыёзнай п’есай-спектаклем з алегарычнымі інтэрмецца Бендржыха Влка пра гісторыю і сутнасць катавальнай справы, якая проста паэтызуецца і апяваецца Влкам як нешта надзвычайна годнае. На тэатральны аспект у рамане ўказваюць ужытыя тэрміны – сцэна, кулісы, асвятленне, маскі, ролі. Дарэчы, калі ўпершыню Влк, Шымса і іх шафер Карлічак з’яўляюцца ў кватэры доктара Тахеды, каб праэкспэнаваць Лізінку, яны апрануты ў спецыяльныя аднолькавыя касцюмы, як акцёры, якія разыгрываюць нейкую сцэну. Увогуле ў творы шмат апісваецца прадметаў рэквізіту, падобнага да тэатральнага. Напрыклад, спецыяльна канструюецца лялька для ламання касцей колам. З былога канцэнтрацыйнага лагера ўтвараецца музей з элементамі, як бы мы сёння казалі, інтэрактыўных прадстаўленняў. Адчуваецца вопыт Кагоўта-тэатральнага рэжысёра і драматурга. Ён працягваецца ў значнай колькасці, нават дамінаванні, дыялагічных сцэн над апісаннімі альбо разважаннімі.

Яскравай адметнасцю тэксту з’яўляецца вельмі частае цытаванне асобнымі персанажамі пасажаў з сапраўдных твораў мастацкай і спецыяльнай літаратуры, што тычацца пакарання смерцю і рамяства ката, сустракаюцца згадкі пра пэўных пісьменнікаў. Падаецца вялікая колькасць дат і фактаў, згадваюцца спецыялізаваныя палемікі. Катаванне як дысцыпліна паказваецца старэйшай за медыцыну, права альбо філасофію. Тэхніка пакарання смерцю

самімі катамі ў творы ўздымаецца на ўзровень творчага акта. Тут мы можам казаць пра пэўную аўтарскую правакацыйнасць і містыфікацыю чытача, калі абсурдныя і нялюдскія ідэі падаюцца як цалкам натуральныя, што было неаднойчы ў XX стагоддзі. Кагоўт у сваім рамане дэманструе іранічную і парадыйную гульню з самім феноменам катніцтва, якое разглядаецца нібы як сур'ёзная навуковая дысцыпліна і від чалавечай прафесійнай дзейнасці. Адбываецца гратэскавая эстэтызацыя агіднага, якая паступова даводзіцца да крайнасці, выклікаючы чыста фізічнае непрыняцце, напрыклад, пры апісанні смаку сырога чалавечага мозгу. Кагоўт дэманструе, што жорсткасць і феномен зла з'яўляюцца нязменнымі спадарожнікамі ў гісторыі чалавецтва, а “будаўнічыя элементы” для брутальных сцэн рамана пісьменнік бярэ ўжо гатовымі з жыцця, з рэчаіснасці.

Пад назвай “Дакументы” у раман укладваюцца аўтарам “план-каспекты” Влка і Шымсы наконт вывучэння розных дысцыплін у гэтым

дзіўным вучылішчы. Цікава, што для гэтага Павел Кагоўт не шкадуе раманнай прасторы.

Заклучэнне. У “Катцы” прасочваюцца рысы і постмадэрнісцкай паэтыкі, і эстэтыкі. Мы ўжо згадвалі пра багатае выкарыстанне аўтарам розных цытат, што ўтварае своеасаблівае інтэртэкстуальнае поле рамана. Галоўная раманная гіпербала – інтэрпрэтацыя катніцтва як сур'ёзнай спецыялізаванай навукі, псеўдамаральныя аргументы гэтага – стварае нейкую правакацыйную фікцыю, у якой існуе чытач. На ўсім ляжыць адбітак іранічнага модусу аповеду, іранічнага ўспрыняцця і пастаноўкі з ног на галаву ўсяго, што тычыцца гісторыі, гуманнасці, кахання, сям'і, радзімы, чалавецтва, сістэмы каштоўнасцей. Вельмі своеасаблівымі з'яўляюцца вобразы. Можна казаць пра вобразы-схемы, вобразы-тыпы, дэпсіхалагізаваныя, дэгуманізаваныя, банальныя. Некаторыя з іх падаюцца як людзі-монстры. Акцэнтуюцца тэмы смерці і сэксу. Менавіта на іх аснове і будуецца інтэлектуальная і парадыйная лінія “Каткі”.

Літаратура

1. Kohout P. *Katyně*. Praha: Československy spisovatel, 1990. 352 s.
2. Machala L. *Literární bludiště*. Praha: Brana, 2001. 256 s.
3. Mravcova M. *Česky Parnas*. Praha, 1993. 268 s.

References

1. Kohout P. Executioner woman [*Katyně*]. Praha: Československy spisovatel, 1990. 352 s. Russ. ed: Когоут П. *Катыне*. Прага, Ческословенски списователь Publ., 1990. 352 s.
2. Machala L. Literary maze [*Literární bludiště*]. Praha: Brana Publ., 2001. 256 s. Russ. ed: Махала Л. Литерарни блудиште. Прага, Брана, 2001, 256 с.
3. Mravcova M. Czech Parnas [*Česky Parnas*]. Praha, 1993. 268 s. Russ. ed: Мравцова М. Чэски Парнас. Прага, 1993. 268 с.

Інфармацыя пра аўтара

Вострыкава Алена Уладзіміраўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры славянскіх літаратур. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (220030, г. Мінск, вул. К. Маркса, 31, Рэспубліка Беларусь). E-mail: vostrikova72@mail.ru

Information about the author

Vostrikava Alena Uladzimirauna – Ph. D. Philology, assistant professor, assistant professor of the Department of Slavic Literatures. Belarusian State University (31, K. Marksa str., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: vostrikova72@mail.ru

Пасмыніў 16.03.2015

чэрніцы, чэрніці^{bt}, чэрніці, черніцы, чорныя ягады, чорные ягоды, ягады, ягоды. Найбольш пашыранай з'яўляецца намінацыя *чорныя ягады / чорные ягоды /*. Яна ўжываецца ў гаворках паўночнай, заходняй, а таксама ў маўленні жыхароў асобных населеных пунктаў цэнтральнай часткі рэгіёна. Фанетычная форма *чэрніцы / чэрніці^{bt}, чэрніці, черніцы /* ўтварае мікраарэал на поўдні Верхняга Над'ясельдзя. Слова *чорніцы / чорніці /* характэрна для гаворак цэнтральнай і ўсходняй частак рэгіёна. Нарматыўная форма *чарніцы* адзначана спарадычна на поўначы Верхняга Над'ясельдзя. Слова *ягады / ягоды /* ўжываецца ў гаворках жыхароў асобных населеных пунктаў. У цэнтральнай частцы даследуемай тэрыторыі паралельна з фанетычнай формай *чорніцы* невялікі арэал утварае словазлучэнне *чорныя ягоды*.

Назва 'брусніцы' ўжываецца ў некалькіх фанетычных варыянтах: *брусніцы, брусніцы, брусніці^{bt}, брусніці, брусліны*. Найбольш пашыранай з'яўляецца нарматыўная форма *брусніцы*. Яна ахоплівае большасць гаворак даследуемай тэрыторыі. Фанетычная форма *брусніцы / брусніці^{bt}, брусніці, брусліны /* бытуе ў гаворках паўднёвай часткі рэгіёна.

Для абазначэння 'ажыны' у даследуемых гаворках існуе шэраг фанетычных і марфалагічных варыянтаў: *ажына, ожына, ужына, ожына, іжына, ежыны, ужыны, ажыны, ежыны, ежавіка, ожовіка*. Найбольш пашыранай з'яўляецца фанетычная форма *ажына / ожына /*. Фанетычная форма *ажына* ахоплівае гаворкі паўночна-заходняй часткі рэгіёна, *ожына* – гаворкі цэнтральнай, усходняй і паўднёвай частак Верхняга Над'ясельдзя. Намінацыя *ожына* сустракаецца спарадычна на тэрыторыі паўднёва-заходняй, паўднёва-ўсходняй і цэнтральнай частак даследуемага рэгіёна. Найменне *ужына* ўтварае мікраарэал на паўднёвым захадзе Верхняга Над'ясельдзя. Словы *іжына, ежыны* і *ажыны* зафіксаваны адзінкава. Фанетычныя варыянты *ужыны* і *ожыны* занатаваны ў гаворках жыхароў некаторых населеных пунктаў паўднёвага захаду рэгіёна. Намінацыя *ежавіка / ожовіка /* ўтварае арэал на поўначы даследуемага рэгіёна.

Для абазначэння 'рабіны' існуе шэраг фанетычных варыянтаў: *рабіна, рабіна, гарабіна, гарабіна^{bt}, гарабына, арабіна, грабіна, гарабіны*. Найбольш пашыранай і агульнавядомай з'яўляецца намінацыя *гарабіна / гарабіна^{bt}, гарабына /*. Яна выкарыстоўваецца ў гаворках заходняй, цэнтральнай і ўсходняй частак *яловэц*, даследуемага рэгіёна. Нарматыўная форма *рабіна* ўтварае невялікі арэал на тэрыторыі паўночнай, фанетычная форма *рабына* – на тэрыторыі паўднёва-заходняй часткі даследуе-

мага рэгіёна. Намінацыі *арабіна, грабіна* і *гарабіны* занатаваны адзінкава.

Назвам лесу прысвечана пяць лексем: 'сасна', 'сасновая ігліца', 'ядловец', 'балоцісты лес', 'дарога-прасека'.

Для назвы 'сасны' існуюць фанетычныя і словаўтваральныя варыянты: *хвоя, хвойка / хвуйка, хвійка /, сасна / сосна /*. Найбольш пашыранымі з'яўляюцца слова *хвоя* і словаўтваральны варыянт *хвойка / хвуйка, хвійка /*. Лексема *хвоя* выкарыстоўваецца ў гаворках цэнтральнай і паўднёва-ўсходняй частак Верхняга Над'ясельдзя, а таксама ўтварае арэал на поўначы адзначанага рэгіёна. Словаўтваральны варыянт *хвойка* бытуе ў гаворках на захадзе і ўтварае арэал на поўначы даследуемага рэгіёна. Фанетычныя варыянты *хвуйка* і *хвійка* ўтвараюць мікраарэалы ў паўднёва-заходняй частцы Верхняга Над'ясельдзя. Нарматыўная форма *сасна* ўтварае невялікі арэал на захадзе і спарадычна сустракаецца на поўначы даследуемага рэгіёна. Фанетычная форма *сосна* спарадычна адзначана ў паўднёвай, усходняй і ў цэнтральнай частках рэгіёна.

Для абазначэння 'сасновай ігліцы' ўжываюцца фанетычныя, лексічныя і словаўтваральныя варыянты: *бод'яхі / бодэха, бодаха, будаха, бодкі, боддзэ /, кастрыца, шыката / шыкота, шыпота /, шэбодá / шыбудá /, шыпка / шыпша /, шыпчоха / шыпшюха /, шпілюхі / шпілюшчэ, шпілюш'э /, скуліна*. Лексема *кастрыца* ўласціва гаворкам поўначы даследуемага рэгіёна. Назва *бод'яхі / бодэха, бодаха, будаха, бодкі, боддзэ /* характэрна для цэнтральнай і паўднёва-ўсходняй частак Верхняга Над'ясельдзя. Найменне *шыката / шыкота, шыпота /* ўласціва гаворкам заходняй і сустракаецца спарадычна ў цэнтральнай частцы даследуемага рэгіёна. Намінацыя *шыпка / шыпша /* ўжываецца ў гаворках паўднёвага захаду Верхняга Над'ясельдзя, сустракаецца яна і ў некаторых гаворках цэнтральнай часткі рэгіёна. Лексема *шыпчоха / шыпшюха /* ўтварае невялікі арэал у цэнтральных гаворках. Назвы *шэбодá / шыбудá /, шпілюхі / шпілюшчэ, шпілюш'э /* ўжываюцца спарадычна ў гаворках асобных населеных пунктаў даследуемага рэгіёна. Лексема *скуліна* адзначана адзінкава.

Для назвы 'ядлоўцу' ўжываюцца фанетычныя варыянты: *ядловіц, ядловіцэ, ядлавец*. Найбольш пашыраным з'яўляецца слова *ядловіцэ*. Яно ахоплівае большасць гаворак Верхняга Над'ясельдзя. Фанетычная форма *ядловіцэ* ўласціва гаворкам паўночнай і гаворкам некаторых населеных пунктаў заходняй і цэнтральнай частак рэгіёна. Лексемы *ядлавец* і *яловіцэ* зафіксаваны адзінкава.

Для назвы 'балоцістага лесу' ўжываюцца фанетычныя і лексічныя варыянты: *алёс, галёс,*

олёс, плёс, лоза́, за́роснік, за́росэль, гушчэ́р, крэ́коць. У большасці гаворак рэгіёна, дзе няма лесу, рэалія адсутнічае. Слова *алёс* характэрна для гаворак заходняй часткі даследуемага рэгіёна і ўтварае невялікі арэал на поўначы Верхняга Над'ясельдзя. Фанетычны варыянт *олёс* утварае невялікі арэал паабапал р. Ясельда ў цэнтральнай частцы рэгіёна. Найменне *плёс* характэрна для паўночна-ўсходняй часткі рэгіёна. Найменне *лоза́* бытуе ў паўднёвых гаворках. Адзначаны таксама адзінкавыя назвы: *за́роснік, за́росэль, крэ́коць, гушчэ́р, галёс*.

Для абазначэння 'дарогі-прасекі' ўжываюцца наступныя варыянты: *трыб, тры́ба, трэ́ба, тры́бка*. Яны выкарыстоўваюцца ў гаворках населеных пунктаў, размешчаных непадалёку ад лясных масіваў.

Назвам грыбоў прысвечана пяць лексем: 'баравікі', 'падасінавік', 'падбярозавік', 'сыраежка', 'махавік'.

Для абазначэння 'баравікоў' ужываюцца наступныя варыянты: *бэ́лья (грыбы́), бэ́лье (грыбы́), грыбы́, справэ́длівые / спрэ́дныя /, праўдзі́вікі, праўдзі́выя, праўдзі́вые, правды́вые, борові́кі*. Найбольш пашыраным сярод іх з'яўляецца найменне *бэ́лья (грыбы́) / бэ́лье (грыбы́) /*. Яно адзначаецца ў гаворках на ўсёй абследаванай тэрыторыі. Назва *грыбы́* ўтварае невялікі арэал у цэнтральнай частцы рэгіёна. Намінацыя *справэ́длівые / спрэ́дныя /* ўтварае мікраарэал на паўднёвым захадзе Верхняга Над'ясельдзя. Намінацыя *праўдзі́выя / праўдзі́вые, правды́вые /* і *праўдзі́вікі* ўтвараюць мікраарэал у цэнтральнай і, спарадычна, сустракаюцца ў заходняй і паўднёва-ўсходняй частках даследуемага рэгіёна. Найменне *борові́кі* ў якасці назвы адзінкавай фіксацыі.

Назва 'падасінавік' ужываецца ў некалькіх фанетычных і словаўтваральных варыянтах: *красно́го́ловік, красна́галові́к, красно́го́ловэц /красно́ловэц/, красню́к, подосы́ннык*. Найбольш пашырана найменне *красна́галові́к*. Яно ахоплівае гаворкі паўночнай і заходняй частак Верхняга Над'ясельдзя. Фанетычны варыянт *красно́го́ловік* ужываецца ў гаворках у цэнтры рэгіёна. Словаўтваральны варыянт *красню́к* ўтварае арэал, які ахоплівае гаворкі паўднёва-заходняй і цэнтральнай частак даследуемага рэгіёна. Намінацыя *красно́го́ловэц / красно́ловэц /* ўтварае арэал на паўднёвым усходзе Верхняга Над'ясельдзя. Назва *подосы́ннык* адзначана адзінкава.

Для абазначэння 'падбярозавіка' ўжываецца шэраг фанетычных, словаўтваральных і лексічных варыянтаў: *бэрэ́знік / быры́знік /, бэ́ро́зовік, падбя́ро́завік / подбэ́ро́зовік, подбо́ро́зовы́к, пудбэ́ро́зовы́к /, падбя́рэ́знік /подбэ́рэ́зны́к, подбэ́рэ́знік, пудбэ́ро́зны́к /, ба́бка, пухла́й / пухля́к /,*

апухля́к, бабу́х / бабушо́к /. Назва *ба́бка* ўласціва гаворкам заходняй часткі рэгіёна; спарадычна яна сустракаецца і ў іншых гаворках абследаванай тэрыторыі. Словаўтваральны варыянт *бабу́х / бабушо́к /* ўтварае мікраарэал у цэнтральнай частцы рэгіёна. Найменне *пухла́й / пухля́к /* ўтварае мікраарэал на паўднёвым захадзе Верхняга Над'ясельдзя. Назва *апухля́к* ўтварае арэал на поўначы даследуемага рэгіёна. Найменні *падбя́ро́завік, падбя́рэ́знік* бытуюць ў паўночных гаворках. Лексема *бэрэ́знік* характэрна для гаворак цэнтральнай і паўднёва-ўсходняй частак рэгіёна. Назва *подбэ́ро́зовік* ўтварае невялікі арэал у цэнтры абследаванай тэрыторыі. Астатнія лексемы сустракаюцца спарадычна. У асобных населеных пунктах цёмны падбярозавік з сухіх месцаў называецца *бэрэ́знік*, светлы з вільготных месцаў – *ба́бка*.

Для абазначэння 'сыраежкі' ўжываюцца фанетычныя і лексічныя варыянты: *сырае́жка, сыро́ежка, сыро́іжка, сыраве́жка, сырове́жка, губа́ / губка́ /, бэ́тка*. Найбольш пашырана слова *сырае́жка / сыро́ежка /*. Яно выкарыстоўваецца ва ўсіх гаворках рэгіёна. Фанетычны варыянт *сыро́іжка* бытуе ў гаворках на паўднёвым захадзе Верхняга Над'ясельдзя. Фанетычны варыянт *сыраве́жка / сырове́жка /* ўтварае невялікі арэал у цэнтры рэгіёна. Лексема *губа́ / губка́ /* ўтварае невялікія арэалы ў цэнтральнай і паўднёва-ўсходняй частках даследуемага рэгіёна. Найменне *бэ́тка* зафіксавана ў маўленні адзінкава.

Для абазначэння 'махавіка' існуюць лексічныя, словаўтваральныя і фанетычныя варыянты: *багнóвiк, багню́к, сiня́к / сьня́к /, iмiа́р / мiа́р, мiа́рык, мьшiа́р, гомшiа́рык /, мохові́к*. Найбольш пашырана назва *багнóвiк*. Яна ахоплівае гаворкі заходняй і цэнтральнай частак рэгіёна. Лексема *сiня́к* ўтварае арэал на поўначы Верхняга Над'ясельдзя; слова *багню́к* – на паўднёвым захадзе рэгіёна. Слова *iмiа́р, мiа́р, мiа́рык, мьшiа́р, гомшiа́рык* ужываюцца ў гаворках на паўднёвым усходзе даследуемай тэрыторыі. Лексема *мохові́к* ўтварае невялікі арэал на ўсходзе рэгіёна. Назва *сьня́к* зафіксавана адзінкава.

Назвам дзікіх птушак прысвечаны чатыры лексемы: 'птушка', 'бусел', 'вэрабей', 'каршун'.

Для абазначэння 'птушкі' ўжываюцца словаўтваральныя варыянты: *птúшка* і *птúха*. Найбольш пашырана найменне *птúха*. Яно выкарыстоўваецца ў гаворках заходняй, цэнтральнай і паўднёва-ўсходняй частак рэгіёна. Нарматыўная форма *птúшка* ахоплівае гаворкі поўначы і паўднёвага захаду Верхняга Над'ясельдзя.

Для абазначэння 'бусла' ўжываюцца фанетычныя варыянты: *бúсел, бúсёл, бúсэль, бúсэнь*. Найбольш пашыранай з'яўляецца нарматыўная

форма *бўсел*. Яна выкарыстоўваецца ў гаворках паўночнай і заходняй частак Верхняга Над'ясельдзя, фанетычны варыянт *бўсёл* – у гаворках паўднёва-ўсходняй і цэнтральнай частак даследуемага рэгіёна. Варыянты *бўсэль* і *бўсэн* утвараюць мікраарэалы на паўднёвым захадзе Верхняга Над'ясельдзя.

Назва 'верабеі' ужываецца ў некалькіх фанетычных варыянтах: *вєрабєй / вєрєбєй, вєрабєй, вєрабєй, вєрєбєй / вєрєбєй / гєрабєй / гєрабєй /*. Найбольш ужывальнае слова *гєрабєй*, яно ахоплівае гаворкі цэнтральнай, усходняй і заходняй частак Верхняга Над'ясельдзя. Фанетычны варыянт *гєрабєй* утварае невялікі арэал на захадзе даследуемага рэгіёна; спарадычна сустракаецца таксама ў гаворках на поўначы рэгіёна. Найменне *вєрабєй* пераважае ў гаворках на паўночным захадзе даследуемай тэрыторыі, нарматыўная форма *вєрабєй* – на паўночным усходзе рэгіёна, намінацыя *вєрабєй / вєрєбєй /* – на паўднёвым захадзе Верхняга Над'ясельдзя. Найменне *вєрєбєй* зафіксавана ў маўленні адзінкава.

Для абазначэння 'каршуна' ў гаворках на ўсёй абследаванай тэрыторыі ўжываецца намінацыя *шуляк*.

Назвам дзікіх жывёл прысвечана чатыры лексемы: 'вожык', 'вавёрка', 'апалонік', 'пацук'.

Для назвы 'вожыка' ўжываюцца словаўтваральныя варыянты: *вєжык, єжык, єж*. Найбольш пашыраным і агульнавядомым з'яўляецца слова *єжык*. Яно пашырана амаль на ўсёй тэрыторыі Верхняга Над'ясельдзя. Нарматыўная форма *вєжык* пераважае ў гаворках на поўначы і ўтварае мікраарэал на захадзе даследуемага рэгіёна. Найменне *єж* зафіксавана адзінкава.

Для назвы 'вавёркі' ўжываюцца фанетычныя і лексічныя варыянты: *вєвєрка, вєв'єрка, бєлка*. Найбольш пашыраным сярод іх выступае слова *вавєрка*. Яно ахоплівае гаворкі заходняй і паўночнай часткі Верхняга Над'ясельдзя. Фанетычны варыянт *вєв'єрка* характэрны для ўсіх астатніх гаворак рэгіёна. Слова *бєлка* адзначана ў маўленні адзінкава.

Для назвы 'пацук' ў гаворках на ўсёй абследаванай тэрыторыі ўжываецца намінацыя *шчур*.

Для абазначэння 'апалоніка' ўжываюцца словаўтваральныя, лексічныя і фанетычныя варыянты: *пєрач / пєрачык /, гєлавєч, гєлавєсцїк /*

гєлавєсты'к /, апєлєнїк / пєлєнїк, упєлєнык /. Найбольш пашырана і ахоплівае амаль усе гаворкі слова *пєрач / пєрачык /*. Назвы *гєлавєч, апєлєнїк / пєлєнїк /* бытуюць у гаворках паўночнай часткі рэгіёна. Лексемы *упєлєнык* і *гєлавєсты'к* ужываюцца ў маўленні адзінкава. Найменне *гєлавєсцїк* сустракаецца ў некаторых гаворках паўночна-ўсходняй часткі рэгіёна.

Лінгвагеаграфічнае даследаванне "лясной тапанімікі" гаворак Верхняга Над'ясельдзя паказала, што ў складзе фактычнага матэрыялу вылучаюцца найменні, розныя па характару лакалізацыі і пашырэння: агульнапашыраныя назвы (*шуляк* – 'каршун', *шчур* – 'пацук'); найменні, якія пашыраны на большай частцы рэгіёна (*хвєя, хвєйка / хвєйка, хвєйка /* – 'сасна'); найменні, якія пашыраны на асобных частках рэгіёна (*губа* – 'сыраежка'); назвы адзінкавай фіксацыі (*скулїна* – 'сасновая ігліца').

У гаворках Верхняга Над'ясельдзя даследуемыя лексемы прадстаўлены нарматыўнымі ў літаратурнай мове і дыялектнымі формамі. Дыялектныя формы маюць пашырэнне на ўсёй абследаванай тэрыторыі. Нарматыўныя формы больш пераважаюць у гаворках поўначы рэгіёна.

У саставе намінацый шырока прадстаўлены: 1) фанетычная варыянтнасць: *чєрнїцы – чєрнїцы – чєрнїцы – чєрнїцы – чєрнїцы* 'чарніцы' і інш.; 2) марфалагічная варыянтнасць: *ажына – ажыны* 'ажыны' і інш.; 3) словаўтваральная варыянтнасць: *хвєя – хвєйка* 'сасна' і інш.; 4) акцэнтная варыянтнасць: *ядлєвєц – ядлєвєц* 'ядловец' і інш.; 5) матывацыйная варыянтнасць (*кєсєнєгєлєвїк /кєсєнєгєлєвїк/, кєсєнєгєлєвєц, кєсєнєк*) 'падасінавік' і інш.).

Заклучэнне. У складзе "лясной тапанімікі" гаворак Верхняга Над'ясельдзя вылучаюцца найменні, розныя па характару лакалізацыі і пашырэння: агульнапашыраныя назвы; найменні, якія пашыраны на большай частцы ці асобных частках рэгіёна; назвы адзінкавай фіксацыі.

Даследуемыя лексемы прадстаўлены нарматыўнымі ў літаратурнай мове і дыялектнымі формамі; у складзе намінацый адзначаны фанетычная, марфалагічная, словаўтваральная, акцэнтная і матывацыйная варыянтнасці.

Літаратура

1. Босак А. А., Босак В. М. Дыферэнцыяцыя гаворак Верхняга Над'ясельдзя. Мінск: БДТУ, 2010. 160 с.
2. Босак В. М., Босак А. А. Даследаванне гаворак Верхняга Над'ясельдзя // Труды БГТУ: История, философия, филология. 2013. № 5. С. 161–163.
3. Клімчук Ф. Д. Гаворкі Заходняга Палесся. Фанетычны нарыс. Мінск: Навука і тэхніка, 1983. 127 с.

4. Босак А. А., Босак В. М. Атлас гаворак Пружанскага раёна Брэсцкай вобласці і сумежжа (Верхняга Над'ясельдзя): лексіка. Мінск, 2006. 124 с.

References

1. Bosak A. A., Bosak V. M. *Dyferencyyacyya gavorak Verkhnyaya Nadyaseldza* [Differentiation of subdialects of Verkhnyaye Nadyaseldze]. Minsk, BGTU Publ., 2010, 160 p.
2. Bosak V. M., Bosak A. A. Research of subdialects of Verkhnyaye Nadyaseldze. *Trudy BGTU* [Proceedings of BSTU], 2013, no. 5, pp. 161–163 (in Belarusian).
3. Klimchuk F. D. *Gavorki Zakhodnyaya Palesnya* [Subdialects of West Palesse]. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1983, 127 p.
4. Bosak A. A., Bosak V. M. *Atlas gavorak Prushanskaga rayena Bresckaj voblasti i sumeshsha (Verkhnyaya Nadyaseldza): lexica* [Atlas of subdialects of Pruzhany district of Brest region and boundary territory (Verkhnyaye Nadyaseldze): Lexicon]. Minsk, 2006, 124 p.

Інфармацыя пра аўтараў

Босак Віктар Мікалаевіч – доктар сельскагаспадарчых навук, прафесар, загадчык кафедры бяспекі жыццядзейнасці. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: bosak1@tut.by

Босак Алёна Анатольеўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры нямецкай мовы. Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт (220070, г. Мінск, пр. Партызанскі, 26, Рэспубліка Беларусь). E-mail: bosaka@tut.by

Information about the authors

Bosak Viktor Mikalaevich – D. Sc. Agriculture, professor, Head of the Department of Occupational Safety. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: bosak1@tut.by

Bosak Alena Anatol'yeuna – Ph. D. Philology, assistant professor, assistant professor of the Department of the German Language. Belarusian State Economic University (26, Partizanski av., 220070, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: bosaka@tut.by

Паступіў 16.03.2015

УДК 378:172.4

О. А. Рогова, Е. И. Янукович

Белорусский государственный технологический университет

**ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ БГТУ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР
ВХОЖДЕНИЯ УНИВЕРСИТЕТА В МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ
И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО**

Глобализация мировых процессов неизбежно приводит к интернационализации высшего образования, одним из последствий которой является интернационализация каждого вуза, вовлекаемого в мировую образовательную среду. В свою очередь это приводит к укреплению международного сотрудничества в образовании, что в конечном итоге способствует дальнейшему развитию процесса глобализации.

Интернационализация на уровне вуза – это процесс превращения национального вуза в интернациональный, включение международного аспекта во все компоненты управления университетом с целью повышения качества преподавания и исследований и достижения требуемых компетенций. В настоящее время интернационализация вуза рассматривается как одна из важнейших характеристик конкурентоспособности современного университета, а показатели интернационализации, соответственно, обладают большим весом среди прочих показателей эффективности деятельности вуза. Процесс интернационализации вуза, несомненно, влияет на основные компоненты качества образования: качество образовательной программы, качество образовательного процесса и качество выпускника. Наиболее значимый вклад в повышение качества вносят такие компоненты интернационализации, как лидерство руководства, преподавательская мобильность и студенческая мобильность.

Пока международный аспект – не главный, не доминирующий в деятельности образовательных организаций, но он латентно присутствует как ориентир, некий стандарт для решения национальных задач, стоящих перед высшим образованием.

Ключевые слова: интернационализация, глобализация, академическая мобильность, конкурентоспособность, повышение качества образования, межкультурная коммуникация, интеграция, образовательные услуги.

O. A. Rogova, E. I. Yanukovich

Belarusian State Technological University

**INTERNATIONALIZATION OF BSTU
AS A KEY FACTOR FOR UNIVERSITY INTEGRATION IN
THE INTERNATIONAL RESEARCH AND EDUCATION AREA**

Currently internationalization is at the top of the agenda for strategic university development. Two streams of arguments are often given to explain why universities put an emphasis on being international: first, multinational companies want graduates to have a sound understanding of world markets, different cultures and world politics. Therefore, it is the universities' task to educate students for the international labour market. Second, the market for education has become global because education itself has become an international tradable good. New sources of university revenue are explored both by exporting various study programs and importing foreign full-tuition paying students. Furthermore the degree of internationalization affects where a university is placed on university ranking lists. These rankings are very important for university marketing and so student recruitment.

Internationalizing of curricula serves as a catalyst for transforming coursework and cocurricular activities and support teaching staff in infusing global knowledge, awareness, and cross-cultural competence throughout. Internationalized programs offer strategies and model practices and help build communities of practice among teaching staff members and related international educators.

Key words: internationalization, globalization, academic mobility, competitive capacity, education quality upgrade, cross-cultural competence, integration, educational services

Введение. С целью продвижения позиций университета в мировом образовательном и научном пространстве в политике вуза важное место должен занимать такой аспект его деятельности, как интернационализация.

Интернационализация в сфере высшего образования – это процесс, при котором цели, функции и организация предоставления образовательных услуг приобретают международное измерение. Интернационализация высшего

образования может рассматриваться как процесс систематической интеграции международной составляющей в образование, научные исследования и общественную деятельность университета.

Интернационализация – один из ключевых факторов конкурентоспособности вуза в современном мире.

Основная часть. Основными причинами интернационализации высшего образования являются следующие:

- демократизация мирового сообщества, развитие интеграционных процессов в политической и социальной сферах;
- глобализация экономики и технологий, требования мирового и региональных рынков труда;
- рост международной открытости и развивающийся диалог национальных культур;
- интернациональный характер научных знаний, универсальная основа образования и научно-исследовательской деятельности, формирование международных стандартов качества;
- новые информационные технологии, глобальные сети.

Понятие интернационализации в сфере высшего образования в международной практике включает в себя два аспекта: «внутреннюю» интернационализацию (internationalization at home) и «внешнюю» интернационализацию, или образование за границей, межстрановое образование, трансграничное образование (education abroad, across borders, cross-border education).

В мировой практике выделяют четыре стратегии интернационализации высшего образования:

1. Mutual understanding approach – согласованный подход.
2. Skilled migration approach – стратегия привлечения квалифицированной рабочей силы.
3. Revenue-generating approach – стратегия получения дохода.
4. Capacity building approach – стратегия расширения возможностей [1].

Согласованный подход к интернационализации высшего образования опирается на долгосрочные политические, культурные, академические цели развития страны. Реализация такой стратегии ведется через *поддержку студенческой и академической мобильности путем предоставления стипендий и осуществление программ академических обменов, а также программ, направленных на создание институциональных партнерств в сфере высшего образования.* Доминирующим принципом данного подхода является международное сотрудничество, а не конкуренция.

Стратегия поддержки миграции квалифицированных сотрудников направлена на привлечение избранных иностранных специалистов и талантливых студентов к работе в принимающей стране как на средство обеспечения экономического развития и повышения конкурентоспособности страны в экономике знаний. Основным инструментом данного подхода является *система академических стипендий, дополненная активной программой продвижения системы высшего образования страны за рубежом* в сочетании с принятием соответствующего визового и иммиграционного законодательства. Реализация таких программ осуществляется через специальные агентства или сеть агентств и организаций.

Стратегия интернационализации высшего образования, направленная на получение дохода, базируется на согласованном подходе и на стратегии привлечения квалифицированной рабочей силы, но в ее рамках образовательные услуги предлагаются на полностью платной основе, и не предусмотрено предоставление государственной поддержки. Иностранные студенты дают дополнительный доход образовательным институтам, стимулируя университеты реализовывать предпринимательскую стратегию на международном образовательном рынке. Правительства, в свою очередь, предоставляют вузам значительную автономию, обеспечивают высокую репутацию своей системы высшего образования, а также высокую степень защиты иностранным студентам.

Стратегия расширения возможностей поощряет получение высшего образования за рубежом или в вузах-поставщиках иностранных образовательных услуг. Важными инструментами такого подхода являются:

- 1) программы поддержки зарубежной мобильности государственных служащих, профессорско-преподавательского состава, ученых и студентов;
- 2) обеспечение иностранным вузам, программам и преподавателям благоприятных условий для коммерческой образовательной деятельности в стране.

Необходимо отметить, что подход, ориентированный на получение дохода, является менее характерным для стран ЕС. Такая практика более свойственна процессам интернационализации в США, Австралии, а также СНГ [1].

Процесс интернационализации образования направлен на реализацию следующих целей:

- расширение сферы деятельности университетов за пределы своей национальной образовательной системы;
- диверсификация и рост финансовых поступлений через привлечение иностранных студентов на обучение;

- широкая и сбалансированная мобильность студентов, преподавателей и исследователей, расширение форм включенного обучения своих студентов в зарубежных вузах-партнерах;

- повышение качества образования за счет участия студентов и преподавателей в международном процессе обмена знаниями;

- партнерство в сфере научных исследований, организация совместных научных и исследовательских проектов [2].

Процесс интернационализации университетского образовательного пространства затрагивает:

- студентов:

- набор иностранных студентов, организацию обменных программ, а также организацию индивидуальной студенческой мобильности;

- профессорско-преподавательский состав:

- обмен преподавателями, проведение совместных научно-исследовательских программ и стажировок, создание совместных учебных программ, организацию интенсивных языковых курсов и летних школ;

- содержательную сторону учебных программ:

- разработку новых программ и курсов, учитывающих элементы межкультурной коммуникации;

- обучение иностранным языкам;

- использование новых технологий, включая дистанционное обучение;

- вопросы сертификации, признания и оценки качества образовательного процесса:

- внедрение системы международных стандартов в образовании, признание документов об образовании [3].

Самая известная форма интернационализации высшего образования – это *мобильность студентов* – выезд определенного числа студентов для обучения за границу. За последние 40 лет темпы увеличения этих потоков студентов, пересекающих национальные границы для получения высшего образования, превысили темпы распространения самого высшего образования. По данным ЮНЕСКО, уровень международной мобильности студентов вырос за последние 25 лет на 300%. По мнению экспертов, к 2010 г. число студентов, обучающихся за рубежом, составит 2,8 миллиона, а к 2025 г. – 4,9 миллиона [4]. Международный рынок образовательных услуг превращается в стремительно развивающийся сектор экономики, центральными элементами которого являются международный маркетинг образовательных учреждений и целенаправленный набор иностранных студентов.

Мобильность преподавательского состава не так хорошо исследована, как область мо-

бильности студентов, ее можно считать второй по важности формой интернационализации высшего образования. Традиционно международная мобильность профессорско-преподавательского состава обусловлена исследованиями и научной работой, но в ряде регионов и в определенных областях образования, таких как менеджмент и деловое администрирование, существуют специальные схемы регионального и международного тренинга для молодых исследователей и преподавателей.

Программы студенческой и преподавательской мобильности развивались с целью стимулирования *интернационализации учебных планов*, т. е. внедрения изменений в учебные планы сотрудничающих вузов и факультетов. Поскольку даже в объединенной Европе существует огромное разнообразие национальных систем высшего образования, стремление интернационализировать учебные планы и привнести в них общие европейские элементы могло быть реализовано только через проекты мобильности.

Вопросы интернационализации и качества высшего образования тесно связаны, поскольку с самого начала считалось, что процесс интернационализации и выход вузов на международный рынок способствуют повышению качества образования [1].

С учетом вышеизложенного считаем целесообразным разработку и внедрение Программы интернационализации БГТУ на 2015–2017 гг. Программа послужит основой для проведения соответствующей политики, перспективного и текущего планирования работы факультетов/институтов, структурных подразделений и общественных студенческих организаций университета, для решения организационных, финансовых и кадровых вопросов управления международной деятельностью университета.

В качестве стратегических целей и задач Программы предлагаются следующие.

Стратегические цели:

- 1) интеграция в мировое образовательное и научное пространство, в т. ч. реализация принципов Болонской декларации (при условии вхождения системы образования Республики Беларусь в Болонский процесс) с целью повышения конкурентоспособности выпускников и образовательных услуг вуза на международном рынке образовательных услуг;

- 2) вхождение в группу белорусских университетов-лидеров по экспорту образовательных услуг в страны СНГ, ближнего и дальнего зарубежья.

Задачи:

- 1) консолидация потенциальных возможностей и ресурсов университета для достижения

эффективных результатов по всем направлениям и видам международной деятельности;

2) совершенствование условий для развития международной академической мобильности;

3) создание условий для разработки и реализации совместных образовательных программ разного уровня с зарубежными партнерами;

4) совершенствование условий для развития международного сотрудничества в научно-исследовательской области в соответствии с приоритетными научными направлениями БГТУ;

5) совершенствование системы координации, мониторинга и анализа развития международного сотрудничества;

6) формирование и осуществление активной PR-политики на разных уровнях в сфере международной деятельности с целью продвижения университета за рубежом;

7) Диверсификация экспорта образовательных услуг.

Целевые показатели:

1) наличие языковых образовательных программ, условий пребывания и социальной адаптации для иностранных студентов и преподавателей. Участие не менее 30% сотрудников университета в программах международного сотрудничества;

2) участие БГТУ в международных ассоциациях университетов, заключение договоров с университетами-партнерами;

3) доведение числа факультетов и институтов университета, участвующих в программах международного сотрудничества, до 100% к 2017 г.;

4) увеличение процента преподавателей и студентов университета, участвующих в академической мобильности с зарубежными вузами на 10% – в 2015 г., на 20% – в 2016 г. и на 30% – в 2017 г. по сравнению с 2014 г.;

5) количество образовательных программ, предоставленных на экспорт, объем и доля дохода университета от экспорта образовательных услуг;

6) наличие образовательных программ магистерской подготовки на английском языке в количестве не менее одной программы для каждого факультета;

7) увеличение количества иностранных студентов, обучающихся в БГТУ.

В настоящее время международная деятельность БГТУ развивается по следующим основным направлениям: развитие эффективных взаимовыгодных партнерских связей с учебными,

научными, культурными, промышленными и другими учреждениями за рубежом на основе двусторонних и многосторонних рабочих программ сотрудничества; совершенствование условий для развития международной академической мобильности (стажировки профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистрантов, включенное обучение студентов за счет средств грантообразующих и других фондов, приглашение зарубежных специалистов для чтения лекций, стажировки зарубежных магистрантов и аспирантов); разработка и реализация совместных образовательных программ разного уровня с зарубежными партнерами (программы дистанционной магистратуры по специальностям «Управление недвижимостью», «Инновационные технологии строительных материалов и изделий», «Инженерная охрана окружающей среды» совместно с Вильнюсским техническим университетом имени Гедиминаса); экспорт образовательных услуг (обучение иностранных граждан на курсах русского языка, подготовительном отделении, I и II ступенях высшего образования, в аспирантуре); развитие международного сотрудничества в научно-исследовательской области (проведение научных исследований по заказу зарубежных организаций, совместные научные исследования с зарубежными учеными, организация и проведение международных научно-технических мероприятий, публикации в международных высокорейтинговых научных изданиях с высоким импакт-фактором), участие в международных программах (Erasmus+, Horizon 2020, DAAD, Baltic Sea Region и др.).

Заклучение. Интернационализация высшего образования создает новые возможности и способствует повышению доступности высшего образования и его качества, внедрению инновационных методов работы в системах высшего образования, укреплению международного сотрудничества.

В результате проведения анализа европейской интернационализации высшего образования можно выделить четыре уровня протекания этого процесса: межгосударственные соглашения; объединения высших учебных заведений; университеты; администраторы, преподаватели и студенты. Наибольшая конкретизация действий по интернационализации высшего образования достигается на уровне сотрудничества и мобильности студентов и преподавателей университетов разных стран.

Литература

1. Обзор европейского опыта интернационализации высшего образования = The review of European experience of internationalization of higher education / Education, Audiovisual & Culture Executive Agency, European Commission TEMPUS, Нап. укр. акад., 2010. С. 36–38.

2. Altbach P. G. Universities and globalization: Critical perspectives / the globalization of higher education // *Journal of Higher Education*. 2001, no. 72, pp. 254–256.
3. Clarke V. Students' global awareness and attitudes to internationalism in a world of cultural convergence // *Journal of Research in International Education*. 2004, vol. 3, pp. 51–70.
4. Yang R. University internationalization: Its meanings, rationales and implications // *Intercultural Education*. 2002, no. 13(1), pp. 89–95.

References

1. The review of European experience of internationalization of higher education / Education, Audio-visual & Culture Executive Agency, European Commission TEMPUS, *Nar. ukr. akad. Publ.* [National Ukrainian Academy], 2010, pp. 36–38 (in Russian).
2. Altbach P. G. Universities and globalization: Critical perspectives / the globalization of higher education. *Journal of Higher Education*, 2001, no. 72, pp. 254–256.
3. Clarke V. Students' global awareness and attitudes to internationalism in a world of cultural convergence. *Journal of Research in International Education*, 2004, vol. 3, pp. 51–70.
4. Yang R. University internationalization: Its meanings, rationales and implications. *Intercultural Education*. 2002, no. 13 (1), pp. 89–95.

Информация об авторах

Рогова Ольга Анатольевна – заведующая сектором международной деятельности, старший преподаватель кафедры иностранных языков. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: rogoval@belstu.by

Янукович Елена Иосифовна – декан по работе с иностранными учащимися, старший преподаватель кафедры иностранных языков. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: yanukovich@belstu.by

Information about the authors

Rogova Olga Anatol'evna – Head of International Relations Office, senior lecturer, Department of Foreign Languages. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: rogoval@belstu.by

Yanukovich Elena Iosifovna – Dean for International Students, senior lecturer, Department of Foreign Languages. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: yanukovich@belstu.by

Поступила 02.04.2015

УДК 802/809-07

О. С. Антонова

Белорусский государственный технологический университет

**ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ
КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
У СТУДЕНТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ С УЧЕТОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА**

В статье рассматривается необходимость интеграции явлений иноязычной культуры в систему методических приемов при обучении иностранному языку в неязыковом вузе. Подробно описывается возможность формирования у студентов-экономистов межкультурной компетентности, которая позволит выпускникам вуза эффективно общаться в профессиональном иноязычном формате. Предлагается подход, направленный на адаптацию студентов к особенностям чужой экстралингвистической действительности. Рассматривается необходимость отбора материала для формирования лингвистической и коммуникативной компетентности в соответствии с потребностями и возможностями студентов, реальными речевыми ситуациями их потенциального общения с учетом социокультурного компонента. Принимая во внимание межкультурные различия при формировании коммуникативной компетентности, важно определить универсалии и оппозиции на разных языковых и концептуальных уровнях. Знакомство с реалиями другой бизнес-культуры должно происходить на всех уровнях языка, и прежде всего в лексике и грамматике.

Ключевые слова: менталитет, бизнес-культура, когнитивные структуры, семантика, идиома, ситуация, фрейм, лингвистические единицы.

O. S. Antonova

Belarusian State Technological University

**FORMATION OF FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE
AT STUDENTS OF THE ECONOMICS FACULTY IN NON-LINGUISTICAL HIGH
SCHOOL TAKING INTO ACCOUNT SOCIO-CULTURAL COMPONENT**

The article dwells on developing cross-cultural awareness that the students of technical higher educational schools should possess in order to effectively communicate with foreign partners. This awareness can be developed by means of particular methods of foreign language teaching process. Some approaches and exercises aimed at students' adaption to the peculiarities of foreign extralinguistic reality are discussed. It is necessary to select the material for the formation of linguistic and communicative competence in accordance with the needs and abilities of students, with real speech situations of their potential communication having regard to the socio-cultural component. In view of the cross-cultural differences in the formation of communicative competence, it is important to determine the universals and the oppositions at different linguistic and conceptual levels. Acquaintance with the realities of another business culture should occur at all language levels, especially in professional vocabulary and grammar aspects.

Key words: mentality, business-culture, cognitive structures, semantics, idiom, situation, frame, linguistic units.

Введение. Проблемы иноязычной коммуникации в современном мире очевидны. В любом профессиональном формате адекватное речевое поведение предусматривает освоение не только системно-языковых знаний, но и особенностей национального менталитета страны изучаемого языка, знаний традиций, обычаев, законов, так как даже незначительные различия в деловых культурах в процессе взаимодействия приводят к дисбалансу в работе механизмов разрешения конфликтов и принятия решений. Этим обуславливается необходимость поиска новых подходов при обучении иностранному языку студентов, для которых он является инструментом будущей профессиональной деятельности.

Основная часть. Речевое поведение представителей иноязычных культур существенно отличается друг от друга на всех языковых уровнях общения и соотносится с выполнением принятых в конкретном обществе социальных установок. В основе этих социальных установок лежит свод неписаных правил (о том, что прилично или неприлично, принято или непринято), очевидных и понятных для любого носителя культуры, но часто приводящих в недоумение «непосвященных», воспитанных в иных традициях. Многим людям, прекрасно владеющим английским языком, кому доводилось общаться с иноязычными партнерами, знакомо чувство некой неудовлетворенности, возникающей либо непосредственно в процессе

беседы, либо по ее окончании. Вроде бы все шло гладко, однако полного взаимопонимания почему-то не было, – «no proper dialogue, no exchange of thought». Анализ причин такого рода разочарований свидетельствует о том, что для полноценного общения требуется, с одной стороны, умение сделать свои мысли доступными для понимания носителя другой культуры, а с другой – умение адекватно интерпретировать речевое поведение партнера. Основная трудность интерпретации иноязычного общения состоит в распознавании этих неписаных правил.

В современной методической науке принцип коммуникативной направленности является основополагающим при обучении иностранным языкам.

Профессиональная иноязычная коммуникативная компетентность в условиях бизнес-общения – это способность определять и решать бизнес-задачи для получения ожидаемого бизнес-результата в контексте другой бизнес-реальности и другой культуры. Между культурами существуют значительные несоответствия относительно того, как и какие средства коммуникации используются при общении с представителями других культур. Так, для представителей «индивидуалистских» западных культур характерен когнитивный стиль обмена информацией, большее значение придается содержанию сообщения, беглости речи, точности использования понятий и логике высказываний, а не тому как оно предьявляется. Такой тип коммуникации характерен для американской культуры. Индивидуализм американской культуры, чтобы стимулировать возникновение быстрого ответа у оппонента, требует от него ясного и четко аргументированного высказывания. В то время как в «коллективистских» культурах восточного типа люди при передаче информации в большей степени склонны обращать внимание на то, с кем и при каких обстоятельствах происходит общение. При этом особая значимость придается форме сообщения, тому, как сказано, а не тому, что сказано [1].

Для методистов очень важен факт отражения национальной культуры в языке, речевой деятельности, дискурсе, невербальной коммуникации. Очевидно, что усвоенные в отрыве от речи вне конкретного контекста их возможного употребления лексика и грамматика не могут способствовать эффективной коммуникации. Необходимо отбирать материал для формирования лингвистической и коммуникативной компетентности в соответствии с потребностями и возможностями студентов, с реальными речевыми ситуациями их потенциального общения.

Подобная концепция разрабатывается для неязыкового вуза на основе когнитивно-деятельностного подхода, для которого характерны:

не механическое заучивание, а активный процесс познания; профессиональная направленность процесса обучения; сознательная организация студентами их учебной деятельности.

Учет семантических особенностей слов, возможность употребления идиоматических выражений в зависимости от стиля и характера общения определяют социальный контекст. Он предусматривает умение ориентироваться: в пространстве и времени; социальном статусе говорящего; поведенческих ритуалах, межкультурных различиях в использовании языковых норм (формальный / неформальный стили, профессиональная лексика, табу и т. д.). Кроме того, нельзя забывать о таких социокультурных особенностях, как традиции, связанные с поведением за столом, приглашением гостей; с особенностями приветствий, формулами вежливости; с национальными приоритетами и предрассудками; вопрос о том, принято ли в данной культуре давать «на чай». Разного рода социальные отношения, а именно отношения между полами; отношение к детям, к пожилым людям, также окрашены национальной спецификой.

В бизнес-культуре необходимо правильно выбрать не только речевые но и акционные стратегии, формирующие модель поведения: умение начать разговор; вежливо «войти» в диалог; изменить направление и тему дискуссии; завершить диалог и т. д. Обучение таким компенсаторным тактическим умениям, как способность высказываться в рамках своей лингвистической компетенции; избегание сложностей, использование синонимов, парафраз, «языка тела» (мимики, жестов); разъяснение в случае непонимания; обращение за помощью в поисках слова к говорящему; просьба о повторах и т. д. – является неотъемлемой частью формирования вторичной языковой личности студента. Дискурсивная и стратегическая компетентности в целом означают способность к связному, четкому, логичному и последовательному изложению своей позиции, готовность обучаемого вести дискуссию, вовлечь собеседника в процесс общения, решать сложные и неожиданные лингвистические задачи.

Знакомство с реалиями новой культуры должно происходить на всех уровнях языка, и прежде всего в лексике. Учитывая социокультурный компонент при формировании коммуникативной компетентности, важно определить универсалии и оппозиции на разных языковых и концептуальных уровнях. Так, например, студенту, изучающему английский язык как иностранный, необходимо знать о неоднозначности кажущейся эквивалентной лексики: «house» и «дом» (русское слово включает в свою семантику любое здание, где человек может жить и работать). У англичан дом, где вы работаете, а не живете, – это building). При сравнении таких простых слов,

как «утро», «вечер», «день», «ночь» с их кажущимися эквивалентами «morning», «evening», «day», «night», очевидна разница в представлении о частях суток у разных народов («last night» – это «вчера вечером, а не вчера ночью, так как ночь у англичан начинается с восьми часов вечера; «two o'clock in the morning» – это два часа ночи, а не два часа утра; «добрый день» – это «good afternoon», а не «good day, которое «звучит грубо и может быть переведено как «разговор окончен»»).

Представители разных культур по-разному воспринимают одни и те же слова, так как обладают определенными ассоциативными различиями при кажущемся однозначном денотате. Так, словосочетание «five o'clock tea» (чаепитие в пять часов дня) обозначает для англичанина традицию, культурные ритуалы, уклад жизни. Ассоциации, связанные с чаепитием для русскоязычного обучающегося, гораздо скромнее, у итальянца же употребление слова «чай» вызывает ассоциации, связанные с болезнью, недомоганием, поскольку в Италии этот напиток используется в лечебных целях. Русскоязычный студент не всегда понимает, что стоит за словосочетанием «Sunday papers», для этого ему необходимо знать, что чтение толстых воскресных газет – это не просто знакомство с новостями, это традиция: дом, комфорт, уют, это «старая добрая Англия», определенный стиль жизни. Наибольшую сложность в плане культурных различий среди лексических единиц представляют метафоры, которые «концептуально отражают мир» [2] и без которых, как отмечают исследователи, «человеческая коммуникация была бы существенно ограничена, если не остановлена полностью». Существуют довольно интересные исследования о том, что среднестатистический англичанин употребляет приблизительно три тысячи метафор в неделю. Метафоры способствуют формированию так называемой «концептуальной беглости» (conceptual fluency). Будущие специалисты-экономисты, для которых вероятность общаться в профессиональном иноязычном формате очень велика, должны знать не только терминологию, лексическая прозрачность которой очевидна, но и метафоры, устойчивые словосочетания, идиомы, достаточно часто встречающиеся в бизнесе. Например, «all in» – все включено; «comfortably off» – богатый человек; «fiddle» – надувать (о деньгах или счете); «go by the book» – строго следовать букве закона; «high and dry» – в безопасности и т. п. Студенты, достигшие определенного уровня разговорной компетентности, нередко продолжают думать в терминах концептуальной системы родного языка. Такие кросс-культурные концептуальные несоответствия могут привести к достаточно серьезным коммуникативным неудачам в будущей профессиональной деятельности. Свидетельством тому является пример известного

эксперта в области межкультурной коммуникации Ричарда Д. Льюиса, где он разъясняет, как на практике по-разному воспринимается бизнесменами различных стран слово «контракт», которое без труда переводится с одного языка на другой. Для жителей европейских стран, США, Великобритании это документ, который после подписания сторонами является обязательным к исполнению. Подписи сторон придают ему смысл окончательного и бесповоротного решения. Для представителей восточных культур (например, Японии) контракт – это предварительный документ, который может быть изменен или переписан заново в зависимости от изменившихся обстоятельств. Таким образом, японцы обвиняют в нечестности американскую сторону, настаивающую на соблюдении договора в изменившихся условиях, а американцы называют японцев нечестными партнерами, если те разрывают контракт [3].

Языковые значения не могут в полной мере передать наши знания о мире. Основная же доля этих знаний хранится в памяти человека в виде когнитивных моделей, сценариев, фреймов, схем, пропозиций и т. п. Данные структуры представляют собой схематизацию ситуаций, некое обусловленное культурным опытом обобщение имеющихся знаний, которые эксплицируются при помощи коммуникативных стратегий.

Каждая коммуникативная стратегия имеет характерное лингвистическое и грамматическое оформление целостных фрагментов знаний, отражая специфику социокультурного подхода к общению. Для предотвращения разногласий в деловых культурах в процессе взаимодействия целесообразно познакомить студентов с макростратегиями дистанцирования, уклонения и намека. Они отражают характерные черты англоязычной коммуникации, а именно высокоразвитые возможности вербального маневрирования и лавирования, уклонение от прямолинейности и иносказательность высказываний.

Рассмотрим отдельные языковые средства, регулярно употребляемые для реализации некоторых из указанных стратегий в практике речи. Исходя из набора конкретных лексико-грамматических средств, можно наметить тактику дистанцирования, связанную со смещением временного плана и с использованием модальных глаголов и условного наклонения.

К примеру, при использовании дистанцирующих структур уместнее употреблять высказывания не в Present Simple, а Past или Future, которые подразумевают смещение в прошлое или будущее относительно момента речи, дающее свободу выбора ответных реплик. Для того чтобы высказывание было менее категоричным, но более вежливым, целесообразно использовать Past simple или Past continuous:

Did you **have** a loyalty card? вместо (Do you have.....?)

We **thought** you **might** like to visit the new plant in the afternoon? (**Would you like**.....?)

I **was wondering**, if I **could** talk to you about the minutes of the next meeting. (Can I talk.....?)

Использование различных видовременных форм способствует выражению разных намерений:

Ср. **Will you be leaving** this afternoon? (осведомление о планах)

Are you going to leave this afternoon? (побуждение к принятию решения)

Will you leave this afternoon? (просьба / приказ).

Английские модальные глаголы, передающие спектр разнообразных оттенков модальности, являются незаменимыми «регуляторами вежливости».

Ср. **Could/would** you **do** that for me? (Will you do that for me?)

Might it be an idea to have a break right now? (Let's have a break.)

Suppose we **could/might** find another solution? (We should find another solution.)

Обращение к условному наклонению также сообщает высказываниям определенную долю предположительности и гипотетичности, увеличивая дистанцию между его содержанием и

прагматическим значением.

Ср. It **would be better** if he went there alone. (Let him/He should go there alone.)

If you **would** stand over there? (Will you stand over there?)

I'd **rather** you **didn't** refer to those data. (Don't refer to those data.) [4].

Заключение. В данной статье мы рассмотрели основные особенности англоязычной коммуникации в бизнес-культурах различных стран, определили причины трудностей, возникающих при общении, и наметили некоторые пути их преодоления с целью обеспечения эффективного взаимодействия. Предлагается подход, направленный на адаптацию студентов к особенностям чужой экстралингвистической действительности

Необходимо отбирать материал для формирования лингвистической и коммуникативной компетентности в соответствии с потребностями и возможностями студентов, реальными речевыми ситуациями их потенциального общения с учетом социокультурного компонента. Принимая во внимание межкультурные различия при формировании коммуникативной компетентности, важно определить универсалии и оппозиции на разных языковых и концептуальных уровнях. Знакомство с реалиями другой бизнес-культуры должно происходить на всех уровнях языка, и прежде всего в лексике и грамматике.

Литература

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. М.: Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1999. 84 с.
2. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2002. 250 с.
3. Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М.: Дело, 2001. 448 с.
4. Кузьменкова Ю. Б. Азы вежливого общения. Обнинск: Титул, 2001. 112 с.

References

1. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *V poiskah novykh putei razvitiya lingvostranovedeniya: konceptiya rechepovedencheskikh taktik* [In search of new ways to develop country-specific studies: concept of linguistic-cultural tactics]. Moscow, Institut Russkogo Jazyka imeni A. S. Pushkina Publ., 1999, 84 p.
2. Popova Z. D., Sternin I. A. *Yazyk i nazionalnaya kartina mira* [Language and national picture of the world]. Voronezh, Istoki Publ., 2002, 250 p.
3. L'yuis R. D. *Delovye kultury v mezhdunarodnom biznese. Ot stolknoveniya k vzaimoponimaniyu* [Business cultures in international business]. Moscow, Delo Publ., 2001, 448 p.
4. Kuzmenkova Y. B. *Azy vezhlivogo obshcheniya* [ABC of Effective Communication]. Obninsk, Titul Publ., 2001, 112 p.

Информация об авторе

Антонова Ольга Сергеевна – преподаватель кафедры иностранных языков. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь) E-mail: olga2013@gmail.com

Information about the author

Antonova Olga Sergeevna – lecturer of the Department of Foreign Languages, Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus) E-mail: olga2013@gmail.com

Поступила 16.03.2015

УДК 378.147.227

А. М. Романова

Белорусский государственный технологический университет

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТВОРЧЕСКОЙ
НАПРАВЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА**

В статье поднимается проблема обеспечения эффективности учебного процесса по иностранному языку посредством формирования профессионально-творческой направленности (ПТН) студентов: приводится анализ требований к навыкам и умениям студентов неязыковых вузов согласно Образовательному стандарту Республики Беларусь, описание педагогических средств и условий формирования данной направленности, показателей ее сформированности. Рассмотрено формирование ПТН студентов неязыкового вуза в процессе обучения иностранному языку на принципах системности, проблемности, учебно-поисковой деятельности, мотивации, индивидуализации учебной деятельности. Описаны этапы педагогической модели формирования ПТН студентов неязыкового вуза. Рассмотрено необходимое для ее реализации комплексное применение ряда подходов (интегративный, компетентностный, синергетический, личностно-развивающий, междисциплинарный) и средств (организация учебно-познавательной деятельности студентов как учебно-творческой, обучение студентов самостоятельному решению и составлению учебных задач) организации учебного процесса. Применение данного комплекса предполагает постепенное вовлечение студентов в учебную деятельность, варьирующуюся от узконаправленной (при которой обучаемые ограничиваются изучением основной иноязычной учебной литературы по специальности) к широко направленной (при которой обучаемые проявляют владение способами и приемами учебной деятельности, стремятся к активному и творческому проявлению своих знаний иностранного языка в учебном процессе).

Ключевые слова: профессионально-творческая направленность студентов, компетентностный и междисциплинарный подходы к обучению иностранному языку.

A. M. Romanova

Belarusian State Technological University

**THE FORMATION OF PROFESSIONAL AND CREATIVE DIRECTIVITY
OF STUDENTS OF NON-LINGUISTIC UNIVERSITY**

The article raises the problem of ensuring the effectiveness of the educational process in a foreign language through the formation of professional and creative directivity (PCD) of students: the analysis of requirements to the skills and abilities of students according to the Educational standards of the Republic of Belarus, the description of the educational means and conditions of formation of the given field, description of pedagogical tools and conditions for the formation of PCD, indicators of its formation. The formation of high school students PCD in the process of teaching a foreign language on the principles of the system, problem, educational and exploratory activity, motivation, individualization of educational activity. The author gives description of stages of pedagogical model of the PCD formation in the process of teaching a foreign language. Also she considers necessary for its implementation complex application of approaches (integrative, competence, synergistic, learner-paced, multi-disciplinary) and tools (organization of educational and cognitive activity of students as educational and creative teaching self-making and learning tasks) of the educational process.

Key words: professional and creative direction of the students, competence and interdisciplinary approaches to teaching a foreign language.

Введение. Подготовка неязыковыми вузами специалистов в соответствии с современными требованиями общества диктует необходимость создания условий раскрытия творческого потенциала будущих инженеров, раскрытия их творческих способностей и навыков уже в период обучения в вузе посредством активного привлечения к ведению научных исследований на базе университета. Поэтому формирование профессиональной и творческой направленности личности, как одной из ее подструктур, нами рассмотрено в комплексе, применительно

к студентам неязыкового вуза. Профессионально-творческую направленность (ПТН) студентов мы определяем как совокупность ведущих мотивов профессиональной деятельности (побуждающих к достижению максимально высоких результатов в процессе ее осуществления, определяющих характер ее профессионального бытия, систему ценностей), рефлексивных навыков, творческой активности, способствующих творческой самореализации личности в профессии. В качестве средства формирования данной направленности в ходе изучения

дисциплины «Иностранный язык» выступает процесс педагогического стимулирования сознания студентов к творческой самореализации [1].

Основная часть. Формирование ПТН студентов неязыкового вуза в процессе обучения иностранному языку базируется на принципах *системности* (рассмотрение процесса формирования в целостном виде с многообразными типами связей в ней), *проблемности* (наличие учебных проблемных ситуаций и соответствующих проблем, преднамеренно созданных и поставленных с определенной педагогической целью), *учебно-поисковой деятельности* («открытие» студентом новых знаний, способов действий, новых приемов и способов приложения знаний к практике), *мотивации, индивидуализации учебной деятельности* (выявление индивидуальных особенностей обучающихся, проявляющихся в процессе творческой деятельности); задействованы такие интеллектуальные способности, как способность наблюдать, сравнивать, анализировать, комбинировать, импровизировать, обобщать, систематизировать, делать выводы и заключения; задействованы такие интеграционные механизмы, как анаксамация, перенос, эмерджентность [2].

Показателями сформированности ПТН студента выступают: наличие у студента положительной мотивации учебно-исследовательской деятельности; проявление творческой активности и активно-преобразующей творческой позиции при выполнении профессионально-ориентированных заданий; проявление навыков рефлексии; потребность в творческой самореализации в профессии.

Разработанная и экспериментально апробированная нами на базе Белорусского государственного технологического университета педагогическая модель формирования ПТН студентов неязыкового вуза включает три этапа: начальный, продвинутый и целевой.

Целью *начального этапа формирования ПТН студентов* (I курс) было стимулирование рефлексивной и творческой активности в рамках учебно-познавательной деятельности по иностранному языку посредством: 1) постепенного ввода учебного материала (согласно поставленным практическим, образовательным, развивающим и воспитательным задачам); 2) использования комплекса педагогических технологий обучения иностранному языку на основе активизации и интенсификации деятельности студентов: развивающей технологии (в силу ее ведущего принципа проблемности обучения), развивающих игр (в силу их направленности на формирование мотивации учебной деятельности: формирование речи, умений сравнивать, сопоставлять, находить аналогии, воображения, творческих способностей, эмпатии,

рефлексии, умения находить оптимальные решения); 3) применения эвристических методов учебно-творческой деятельности как системы эвристических правил, разработанной с учетом закономерностей и принципов педагогического управления деятельностью обучаемых в решении творческих задач.

Целью *продвинутого этапа формирования ПТН* явилось формирование у студентов творческой активности и умений самостоятельного расширения навыков иностранной коммуникации по специальности, максимального использования полученных на данный момент знаний по предмету, ведения активной самостоятельной работы на этой основе посредством: 1) введения в выделенный ранее комплекс технологии проблемного обучения с целью активизации и интенсификации учебной деятельности студентов, формирование у студентов навыков активной самостоятельной деятельности по разрешению проблемных ситуаций на иностранном языке, в результате чего и происходит творческое овладение профессиональными знаниями, навыками, умениями и формирование мыслительных способностей; 2) разработки дидактического материала таким образом, чтобы он представлял собой цепь исследовательских заданий; 3) построения учебной деятельности студентов как учебно-продуктивной, привнесение в нее элементов научной и исследовательской деятельности на изучаемом языке по специальности, способствующей формированию и проявлению навыков научной рефлексии студентов; изложение различных точек зрения на один и тот же вопрос; рассмотрение студентами описываемого в текстовом материале явления с позиции их будущей профессии; осуществление студентами сравнений, обобщений, выводов из ситуации, сопоставление фактов; выполнение заданий, требующих обобщения, обоснования, конкретизации и проявления логики рассуждения; поиск способа разрешения предложенного преподавателем противоречия; 4) включения в академический процесс деловой игры как системы ролевых функций и установок для экспериментального моделирования и проигрывания различных ситуаций, отражающих сложность профессиональных явлений и вариативность решения профессиональных проблем на иностранном языке, с целью обеспечения включенности студентов в специфику будущей профессии, возможности творчески проявить себя, применить навыки рефлексии).

Целью *целевого этапа формирования ПТН* явилось включение всех полученных студентами знаний по иностранному языку, связанных с их будущей профессиональной деятельностью, в ведение учебно-исследовательской работы по специальности в рамках дисциплины;

совершенствование умений и навыков ведения исследовательской, творческой деятельности студентов во взаимосвязи с курсовым проектированием систематически и целенаправленно посредством: 1) на основе принципа активности студентов в процессе обучения организации их самостоятельной работы как основного фактора становления и формирования целей и мотивов исследовательской деятельности студентов, включенной в учебный процесс; 2) выполнения студентами творческих заданий исследовательского характера, ведения учебно-исследовательской деятельности, способствующих формированию профессиональной самостоятельности, способности к творческому решению практических задач с началом трудовой деятельности, расширению сведений для успешного разрешения студентами профессиональных, организаторских и других проблемных ситуаций, стремлению студентов к научному поиску и проявлению высокого профессионально-ориентированного уровня коммуникативной компетенции в процессе решения практических и научных проблем.

Реализация педагогической модели предполагает комплексное применение следующих подходов и средств организации учебного процесса по формированию ПТН: 1) подходы (*интегративный* – эффекты взаимодействия иноязычной и профессиональной подготовки специалистов – обогащение аксиосферы, профессионально-речевой культуры, опыта рефлексивной профессиональной деятельности; *компетентностный* – профессиональная, иноязычная коммуникативная компетенции; *синергетический* – междисциплинарный подход к организации

учебного процесса; *лично-развивающий* как важное условие образовательного процесса в современном вузе; *междисциплинарный подход при решении проблем*) и 2) средства (*организация учебно-познавательной деятельности студентов как учебно-творческой* с целью формирования интеллектуальных способностей студентов – наблюдать, сравнивать, анализировать, комбинировать, импровизировать, обобщать, систематизировать, делать выводы и заключения; *обучение студентов самостоятельному решению и составлению учебных задач* с целью формирования профессионального инженерного мировоззрения посредством выполнения самостоятельной исследовательской работы творческого характера, требующей владения умениями профессиональной иноязычной коммуникации) [2, с. 65].

Заключение. Таким образом, активное применение данного комплекса предполагает постепенное вовлечение студентов в учебную деятельность, варьирующуюся от узконаправленной (при которой обучаемые ограничиваются изучением основной иноязычной учебной литературы по специальности и получением положительных оценок) к широконаправленной учебной деятельности (при которой обучаемые проявляют владение способами и приемами учебной деятельности, стремятся к активному и творческому проявлению своих знаний иностранного языка в группе, на олимпиадах и конференциях), с последующим переходом к творческой учебной деятельности (при которой студентов отличает самостоятельность при изучении учебного материала, оригинальные выступления на семинарах).

Литература

1. Фейдимен Д. С. Личность и личностный рост: пер. с англ.: в 4 вып. М.: Изд-во Рос. открытого ун-та, 1992. Вып. 2. 136 с.
2. Романова А. М. Формирование профессионально-творческой направленности студентов технического вуза: дис. ... канд. пед. наук. М., 2010. 165 с.

References

1. Fejdimen D. S. *Lichnost' i lichnostnyj rost: per. s angl.: v 4 vyp.* [Personality and Personal Growth: tr. From English: in 4 vol.]. Moscow, Izd-vo Ros. otkrytogo un-ta, 1992. Vyp. 2. 136 p.
2. Romanova A. M. *Formirovanie professional'no-tvorcheskoj napravlennosti studentov tehničeskogo vuza: dis. kand. ped. nauk* [The Formation of Professional and Creative Directivity of Students of Technical University: dis. candidate. ped. sc.]. Moscow, 2010. 165 p.

Информация об авторах

Романова Анна Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: annaromanova@yahoo.com

Information about the authors

Romanova Anna Mihajlovna – Ph. D. Pedagogics, assistant professor of the Department of Foreign Languages. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: annaromanova@yahoo.com

Поступила 20.02.2015

УДК 811:161/162

Н. В. Теплова

Белорусский государственный технологический университет

**ФОРМИРОВАНИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ
НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ**

Данная статья затрагивает проблемы развития критического мышления у студентов технических вузов на занятиях по иностранному языку. Механизм критического мышления включает мыслительные операции, определяющие процесс рассуждения и аргументации. А также он включает способность применять базовые интеллектуальные умения для синтеза и анализа сложных ситуаций и проблем. При этом уровень критичности определяется не только запасом знаний и умений, которыми обладает человек, но и его личностными качествами, психическими установками и в большой мере его убеждениями, моральной и социальной ответственностью, уважением к индивидуальным особенностям каждого человека. Формирование умений критического стиля мышления при обучении иностранному языку неразрывно связано с формированием речевых умений в процессе обучения всем видам речевой деятельности, а также предполагает способность собирать информацию, обрабатывать, оценивать и применять ее в своей деятельности. Преподаватель иностранного языка, работающий в рамках технологии критического мышления, должен хорошо осознавать, что продуктивной его работа будет в случае, если правильно выбран информативный материал, способствующий развитию критического мышления и метод (отдельный прием, стратегия) занятия. Критический стиль мышления сегодня – это важнейшая стратегия и необходимое условие успешного социального и профессионального функционирования выпускника вуза.

Ключевые слова: объективность, анализировать, аргументировать, информационный, личностно-ориентированный, адаптация, самосовершенствование.

N. V. Teplova

Belarusian State Technological University

**FORMATION OF THE STUDENTS' CRITICAL THINKING
ON THE FOREIGN LANGUAGE CLASSES**

The article below touches upon the issues of development of critical thinking of students of the technical higher schools on the foreign language classes. The mechanism of critical thinking includes the cogitative operations defining the process of reasoning and the arguing. And it also includes the ability to apply basic intellectual abilities for synthesis and analysis of difficult situations and problems. Level of criticality is defined not only by a stock of knowledge and abilities which the person possesses, but also by his personal qualities, mental installations and to a great extent by his belief, moral and social responsibility, respect for the individual features of each person. Formation of abilities of critical style of thinking when training the foreign language is inseparably connected with formation of speech abilities in the course of teaching all types of speech activities, and it also assumes the ability to collect information, to process, estimate and apply it. The teacher of a foreign language working within the technology of critical thinking has to realize that his work will be productive only in the case if the informative material promoting development of critical thinking and a method (strategy) of teaching is correctly chosen. Critical style of thinking is a major strategy and a necessary condition of successful social and professional functioning of the university graduate today.

Key words: objectivity, analyze, reason, informative, person-oriented, adaptation, self-improvement.

Введение. При подготовке специалиста со знанием иностранного языка в сфере профессиональной деятельности необходимо учитывать специфику его будущей деятельности, чтобы он смог работать с информационными материалами, полученными из разных источников как на русском, так и на иностранном языках. Он должен быстро адаптироваться к меняющимся обстоятельствам, самостоятельно приобретать знания, уметь грамотно работать с источниками.

Иными словами, будущий специалист должен самостоятельно критически мыслить, уметь видеть проблему и искать пути ее решения, используя современные технологии, а также генерировать новые идеи, мыслить творчески. Важным качеством является и стремление к самосовершенствованию не только в профессиональном, но и в нравственном плане.

Одной из инновационных технологий, представляющих огромные возможности для решения поставленных задач, является технология

развития критического мышления. Все исследователи подчеркивают, что критическое мышление предполагает способность и умение собирать информацию, обрабатывать, оценивать и применять ее в своей деятельности.

Основная часть. Мышление всегда начинается с формулирования вопроса или проблемы, которую необходимо решить, осознать неизвестное, понять его. При этом необходимо применить имеющуюся систему знаний, использовать понятия из разных областей. Это учебно-познавательная способность, и развивать ее у студентов в современных условиях крайне важно, так как сегодня многие науки носят междисциплинарный характер.

Критическое мышление возникает тогда, когда индивид начинает заниматься конкретной проблемой. Главный вопрос, который должен быть задан по поводу ситуации или явления, взятого за отправную точку процесса решения задачи, есть вопрос о том, какого рода проблемы это явление порождает. Фокусирование на проблемах стимулирует природную любознательность человека и побуждает их к критическому мышлению. Только сражаясь с конкретной проблемой, отыскивая собственный выход из сложной ситуации, человек действительно думает.

Механизм критического мышления включает мыслительные операции, определяющие процесс рассуждения и аргументации. Сюда можно отнести умения выявлять проблему, прояснять ситуацию, анализировать, всесторонне изучать вопрос, разрабатывать критерии для оценки решений и надежности источников информации, избегать обобщений.

В технологии критического мышления можно выделить следующие фазы.

1. Фаза вызова: если предоставить обучающемуся проанализировать то, что он уже знает об изучаемой теме, это создаст дополнительный стимул для формулировки им собственных целей-мотивов.

2. Фаза осмысления содержания: обучающиеся самостоятельно продолжают активно конструировать цели своего учения. Постановка целей в процессе знакомства с новой информацией осуществляется при ее наложении на уже имеющиеся знания.

3. Фаза рефлексии: в процессе рефлексии та информация, которая была новой, становится присвоенной, превращается в собственное знание. Рефлексивный анализ направлен на прояснение смысла нового материала, построение дальнейшего маршрута обучения. Систематический «выход» студентов в рефлексивную позицию позволяет выявить личностные изменения, проследить динамику

личностного развития, существенно влияющего на развитие умений самообразовательной деятельности [1].

Критическое мышление не сводится к негативным суждениям и критике, а предполагает разумное рассмотрение разнообразия подходов. «Критическое» в данном контексте синонимично «аналитическому». Критическое мышление – это своего рода направленное мышление, поскольку оно нацелено на получение желаемого результата.

Преподаватель иностранного языка, работающий в рамках технологии критического мышления, должен хорошо осознавать, что продуктивной его работа будет в случае, если правильно выбран информативный материал, способствующий развитию критического мышления, и метод (отдельный прием, стратегия) занятия.

Поскольку основной целью обучения иностранному языку является речемыслительная деятельность учащихся, а основным источником мотивации является проблемная ситуация, то учебный материал должен иметь проблемный характер, а учебный процесс должен быть организован таким образом, чтобы у студентов было постоянное желание высказаться, выразить свою точку зрения, свое мнение. Это дает возможность особое внимание уделять содержанию и позволяет не просто усваивать знание, а самостоятельно исследовать проблему и в ходе поиска решений самостоятельно приобретать знания.

Умение формулировать проблему, находить ответы на поставленные вопросы, привлекая дополнительную информацию, формировать собственную позицию по тому или иному вопросу, подкрепляя ее аргументами и самостоятельно найденными фактами, делать выводы является целью проблемного обучения, а это и есть не что иное, как умения критического мышления, без владения которыми невозможно решить ни одну проблему.

Работа над проблемой предполагает также общение в коллективе, поскольку в условиях проблемного обучения основной акцент делается на самостоятельную работу учащихся в группах сотрудничества, так как в процессе работы участники обмениваются знаниями, опытом, идеями, полученной информацией и в результате приходят к обоюдному решению. Таким образом, предлагаемая методика основана на принципах личностно-ориентированного подхода (дискуссии, «круглые столы», проекты), что соответствует парадигме современного образования.

Благодаря критическому мышлению учение из рутинной «школярской» работы пре-

вращается в целенаправленную, содержательную деятельность, в ходе которой студенты проделывают реальную интеллектуальную работу и приходят к решению реальных жизненных проблем. Собирая данные, анализируя тексты, сопоставляя альтернативные точки зрения и используя возможности коллективного обсуждения, они ищут и находят ответы на волнующие их вопросы.

Необходимо подчеркнуть, что формирование умений критического мышления при обучении иностранному языку неразрывно связано с формированием речевых умений в процессе обучения всем видам речевой деятельности, поскольку предметом речевой деятельности является мысль. Различают «критическое чтение», «критическое письмо», «критическое аудирование» и «критическое говорение» [2]. Таким образом, при обучении иностранному языку развитие критического мышления можно рассматривать как один из факторов формирования коммуникативной компетенции.

Критическое мышление способствует полноценному овладению иностранным языком, так как обучающийся вовлечен в процесс обучения и является активным участником, который стремится показать свое видение той или иной проблемы.

Наряду с мыслительным процессом развиваются навыки обучения иностранным языкам, так как обучающийся должен не только креативно выражать свою мысль, показывать свое понимание, делиться своими мыслями, аргументировать, спорить, но и уметь продуцировать речь на иностранном языке.

В отличие от традиционных форм обучения критическое мышление способствует усвоению материала на иностранном языке более эффективно, так как данный вид включает все механизмы мышления, такие как анализ, синтез, обобщение, предположение, оспаривание. Обучающийся не только слушает, говорит, читает или пишет, он «впитывает» необходимый материал. Информация становится не пассивным знанием, а ее активной частью. Изучение иностранного языка всегда предполагает процесс критического мышления как один из основных критериев.

Для студентов высший уровень сформированности критического мышления означает наличие интегративных мыслительных компетенций на основе синтеза логического, проблемного, критического мышления и умения использовать эти компетенции в практической, профессиональной и социальной деятельности. При этом важно: уметь выявить

предубеждения; передать знания друг другу; определить влияние этих знаний на решение проблемы, что сопровождается следующими вопросами: Что я знаю? Что я узнал нового? Как изменились мои знания? Что я буду с этим делать?

Однако уровень критичности определяется не только запасом знаний и умений, которыми обладает человек, но и его личностными качествами, психическими установками и в большой мере его убеждениями, в том числе навыками рефлексивного отношения к своему «Я», моральной и социальной ответственностью, уважением к индивидуальным особенностям каждого человека.

Среди перечисленных качеств одним из основных является объективность суждений, которая выражается в неустанном стремлении личности к поиску истины, критике ради истины [3]. Критическое мышление – это особый вид умственной деятельности, позволяющий человеку вынести здравое суждение о предложенной ему точке зрения или модели поведения.

Заключение. Критический стиль мышления при изучении иностранного языка, как важнейшая стратегия и необходимое условие успешного социального и профессионального функционирования выпускника вуза, является неотъемлемой составляющей подготовки студента технического вуза. Для успешного обучения в техническом вузе необходим довольно высокий уровень общего интеллектуального развития, в частности восприятия, представлений, памяти, мышления, внимания, эрудированности, а также владения определенным кругом логических операций.

В отличие от специалистов гуманитарного профиля, которые живут, образно выражаясь, «в мире слов», специалисты технического профиля чаще обращаются к предметному и конкретному миру вещей. Непременным условием критичного мышления является знание правил логики, и для студента технического вуза мыслить критически означает следовать этим правилам.

Критическое мышление является точкой опоры, естественным способом взаимодействия с идеями и информацией. На занятиях по иностранному языку в техническом вузе необходимо привлекать информацию, при которой студент должен осознавать, что изучение иностранного языка в большей степени связано с его личностью и интересами, нежели с заданными преподавателем приемами и средствами обучения.

Литература

1. Грудзинская Е. Ю. Использование возможностей технологии критического мышления в подготовке управленческих кадров // Развитие критического мышления в высшей школе: технология и подходы: сб. ст. 2007. С. 17.
2. Федотовская Е. И. Методика развития критического мышления как важного фактора формирования иноязычной коммуникативной компетенции в специализированных вузах: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2005. С. 38.
3. Шакирова Д. М. Теоретические основания концепции формирования критического мышления // Педагогика. 2006. № 9. С. 21.

References

1. Grudzinskaya E. Yu. Use of opportunities of critical thinking technology in preparation of administrative staff. *Sbornik statey: Razvitiye kriticheskogo mishleniya v vishey shkole: tehnologiya I podhodi* [Development of critical thinking at the higher school: technology and approaches: collection of articles], 2007, p. 17 (In Russian).
2. Fedotovskaya E. I. *Metodika rasvitiya kriticheskogo mishleniya kak vazhnogo faktora formirovaniya inoyazichnoy kommunikativnoy kompetentsii v spetsializirovanih vuzah: avtoref. dis. kand. ped. nauk* [Technique of development of critical thinking as an important factor of formation of foreign-language communicative competence in specialized higher education institutions: thesis of PhD (Pedagogics)]. Moscow, 2005, p. 38 (In Russian).
3. Shakirova D. M. Theoretical bases of the concept of formation of critical thinking. *Pedagogika* [Pedagogics]. 2006, no. 9, p. 21 (In Russian).

Информация об авторе

Теплова Наталья Владимировна – преподаватель кафедры иностранных языков. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: Teplova@yandex.ru

Information about the author

Teplova Natalya Vladimirovna – lecturer of the Department of Foreign Languages. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Teplova@yandex.ru

Поступила 23.03.2015

УДК: 81'232(81'276.6)

Т. А. Ячная

Белорусский государственный технологический университет

**ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА:
ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ**

В статье рассматривается тесная связь теоретических исследований в области структуры внутреннего лексикона человека и современных методик преподавания иностранных языков. Имея представление о принципах построения лексикона, можно влиять на формирование ассоциативно вербальной сети изучаемого языка, на становление профессионального лексикона. Разработка практических методик обучению иностранным языкам на базе теоретических исследований позволяет в значительной мере повысить эффективность процесса обучения иностранным языкам в неязыковом вузе. Автор рассматривает различные типы отношений, которые возникают внутри ассоциативно-вербальной сети. Формирование шаблонов данных отношений в языковом сознании обучаемого способствует более быстрому становлению иноязычного (профессионального) лексикона. Автор приходит к заключению, что для формирования иноязычного профессионального лексикона наиболее важными являются парадигматические, синтагматические и, особенно, тематические отношения. Парадигматические отношения дают возможность значительно расширить словарный запас, синтагматические отношения формируют понятие о сочетаемости слов в потоке речи. Формирование тематических отношений в свою очередь дает языковое воплощение механизма категоризации. В статье приводится пример конкретной схемы, разработанной автором для использования на занятиях со студентами лесохозяйственного факультета специальности «Туризм и природопользование», позволяющей формировать тематические отношения в процессе создания иноязычного профессионального лексикона на занятиях по теме «Tourism in Belarus».

Ключевые слова: лексикон, ассоциативно-вербальная сеть, парадигматические отношения, синтагматические отношения, тематические отношения, механизм категоризации, преподавание иностранного языка в неязыковом вузе.

T. A. Yachnaya

Belarusian State Technological University

**PROCESS OF FORMATION
OF FOREIGN LANGUAGE PROFESSIONAL LEXICON:
FROM THEORY TO PRACTICE**

The close relationship of theoretical researches in the field of the internal structure of the human lexicon and modern methods of teaching foreign languages is studied in the article. Basic knowledge of the principles of lexicon structure can influence on the formation of associative verbal network of the foreign language as well as on the development of professional vocabulary. The author considers that various theoretical researches can help to develop the practical methods of foreign languages teaching. The results of such researches can largely improve the efficiency of the process of teaching of foreign languages in non-linguistic higher educational establishments. The author examines the different types of relationships existing within the associative-verbal network. The formation of patterns of these relations in the trainee's linguistic consciousness promotes faster formation of a foreign language (professional) lexicon. The author comes to the conclusion that paradigmatic, syntagmatic and especially thematic relationships are the most important ones for the formation of foreign language professional vocabulary. Paradigmatic relations make it possible to significantly expand the vocabulary. Syntagmatic relations make the pattern of words combinations in speech. Formation of thematic relations give the linguistic embodiment of the mechanism of categorization. An example of a particular pattern scheme developed by the author for the lessons with students of the Forestry Faculty (Tourism and Nature Management) is given in the article. The method of graphical patterns allows the teacher to form the above mentioned thematic relations in the process of forming professional foreign language vocabulary at the English lessons.

Key words: lexicon, associative verbal network, paradigmatic relations, syntagmatic relations, thematic relations, mechanism of categorization, process of teaching of foreign languages in non-linguistic higher educational establishments.

Введение. Преподавание иностранных языков, развитие межкультурных коммуникаций, путешествия, интерес к культуре других народов – решение этих и других конкретных задач вывело науку о языке на несколько иной уровень, потребовало от исследователей нового взгляда на уже известные вещи, привело к изменению научной парадигмы, в рамках которой особое внимание уделяется исследованию языковых компетенций человека с учетом психических, социальных, культурологических, гендерных и других факторов.

Когнитивный подход к значению в первую очередь принимает во внимание важность человеческого фактора в языке. И это ставит перед лексикологией задачу изучения достаточно нового для данной науки объекта: ментального (или внутреннего) лексикона (словаря) человека.

Основная часть. Под лексиконом понимают сложную многоуровневую динамическую систему. В нашей работе, говоря о внутреннем словаре человека, мы понимаем «лексический компонент речевой организации человека, формирующийся в результате переработки многогранного, в том числе речевого, опыта и предназначенный для использования в речемыслительной деятельности» [1, с. 24].

Лексикон состоит из ядра и периферии. Ядро представляет собой результаты переработки самых типичных (частотных) ситуаций. У носителя языка ядро формируется приблизительно к 10 годам. Однако приобретение нового опыта не прекращается на протяжении всей жизни человека, что влияет на непрерывное развитие системы в целом.

За период активных исследований в данной области был накоплен значительный экспериментальный материал, который позволил выявить наиболее частотную лексику, составляющую ядро лексикона человека (на материале английского, русского, белорусского, украинского, болгарского, испанского и многих других языков). Исследования также велись и на уровне идиолексикона (лексикона отдельного человека). Было выявлено, что лексикон (и соответственно идиолексикон) варьируется в зависимости от культурной и профессиональной принадлежности индивида, его возраста и пола, а также от времени проведения анкетирования (общественно-экономический уклад окружающей респондента действительности также отражается на результатах эксперимента).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что процесс формирования идиолексикона может контролироваться и направляться. Имея информацию о принципах построения лексикона и о природе связей между его элементами,

мы можем влиять на формирование ассоциативно-вербальной сети изучаемого языка, становление профессионального лексикона и т. д.

Теоретические исследования в области структуры лексикона человека, берущие за основу его ассоциативную природу, могут значительно повысить эффективность процесса обучения иностранному языку.

В процессе исследования было выявлено, что одним из вариантов существования ментального лексикона человека признается многомерная ассоциативно-вербальная сеть. Основными элементами сети являются узлы, подсети и различного рода внутрисетевые связи. Информация о лексических единицах представлена по принципу работы коммутируемой сети. Узлы (концентраторы) перенаправляют сигнал в ту подсеть, где хранятся запрашиваемые данные. Внутрисетевые связи, возникающие между узлами, зависят от разных типов отношений, лежащих в основе ассоциативной пары стимул – реакция. А. П. Клименко выделяет следующие типы подобных отношений: синтагматические; парадигматические; тематические; словообразовательные; грамматические; фонетические; слухачные; отказы.

1. Парадигматические отношения – это отношения внутри одного грамматического класса слов-стимулов и слов-реакций. Данный тип ассоциаций отличается от стимула не более чем по одному существенному признаку. В результате компонентного анализа стимула и ассоциата парадигматические ассоциации имеют, как правило, гораздо больше совпадающих сем, чем любой другой вид ассоциаций.

2. Синтагматические отношения связывают собой разные грамматические классы стимулов и реакций (в данном виде ассоциаций пара S – R составляет починительное сочетание. Синтагматические ассоциации дают исследователю непосредственное представление о сочетаемости слов в потоке речи.

3. Тематические отношения связаны составляющие ассоциативного биннома, объединенные каким-либо (скрытым) контекстом и способные (при необходимой грамматической корректировке) образовать определенное сочетание слов или даже предложение [2].

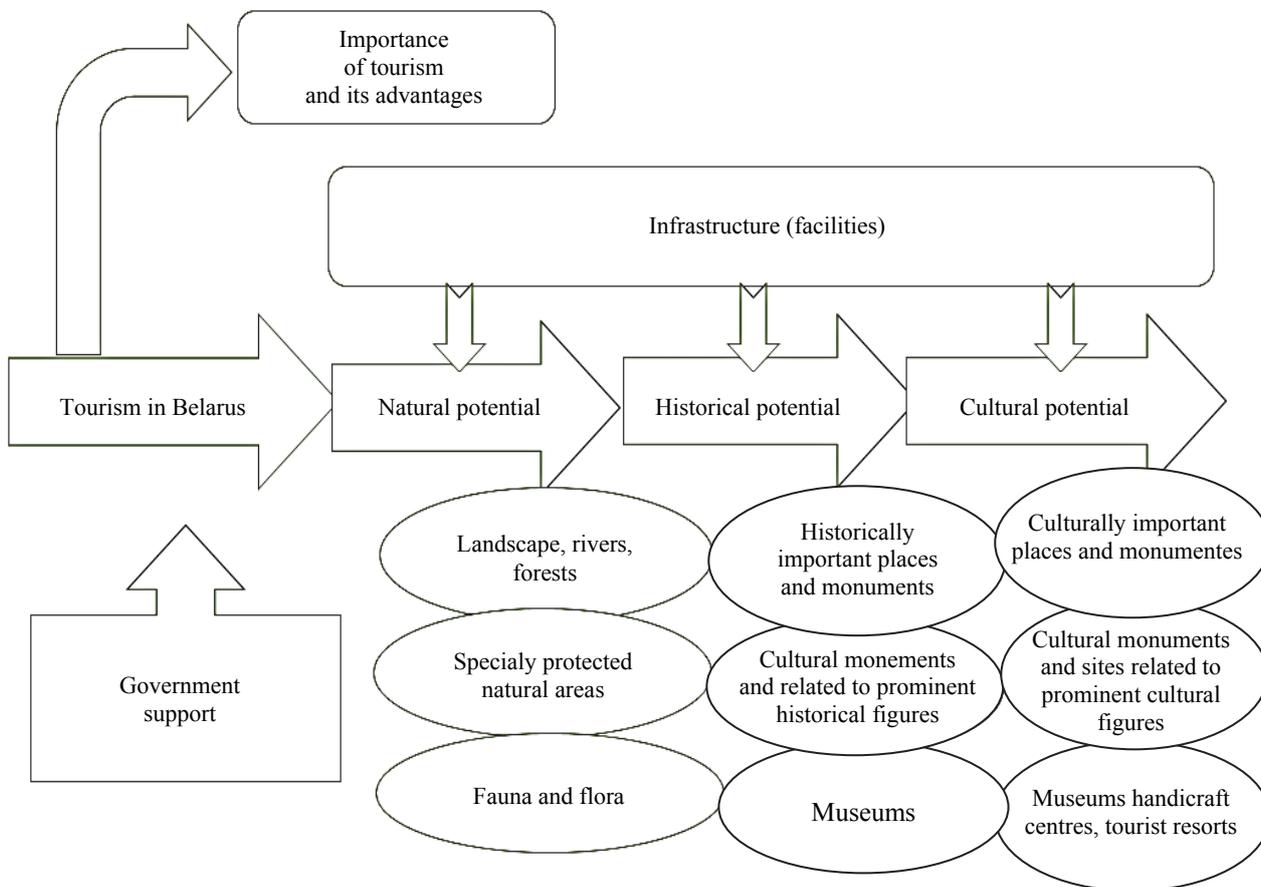
Не менее важны для формирования лексикона словообразовательные и грамматические отношения. Однако они не будут рассмотрены в рамках данной статьи.

Формирование профессионального лексикона подразумевает наращивание ассоциативно-вербальной сети по всем типам вышеуказанных отношений [3]. На наш взгляд, первичной задачей является именно формирование отношений, поскольку они создают своеобразный скелет, на

который впоследствии можно будет «нарас- тить» лексику.

И, взяв это утверждение за основу, мы счита- ем, что из всех отношений формирование

первичной тематической категоризация буду- щего лексикона с последующим созданием шаблонов самих отношений является задачей первостепенной важности.

Пример тематической категоризации вокабуляра по теме «Tourism in Belarus» в процессе формирования иноязычного профессионального лексикона у студентов II курса специальности «Туризм и природопользование» лесохозяйственного факультета

Рисунок, представленный выше, демон- стрирует схему, разработанную нами на основе учебного материала, используемого в процес- се работы со студентами II курса лесохоз- яйственного факультета. Данная схема пред- ставляет собой определенного рода план. Пункты и подпункты данного плана представ- ляют собой вышеописанные «узлы» ассоциа- тивно-вербальной сети.

Наличие четкого представления о предмете беседы свидетельствует о том, что тематические отношения внутри данного отрезка сети сфор- мированы. И что необходимо приступать к сле- дующему этапу – формированию парадигмати- ческих и синтагматических отношений. Ведь это не секрет, что когда обучаемый имеет представ- ление о том, что он скажет, он найдет доступные именно ему средства, как это сделать.

Заключение. Часто можно услышать, как люди, непосредственно занимающиеся практи- кой преподавания иностранного языка, прене-

брежительно отзываются о тех, кто занимается теоретическими исследованиями, не осознавая, что без развития фундаментальной науки про- гресс становится попросту невозможен.

Фреймовая теория, возникшая в середине XX века, долгое время существовала лишь как теоретическое представление об устрой- стве внутреннего лексикона человека, не имея никакого практического применения. Лишь при накоплении достаточной теоретической базы в конце XX – начале XXI века появились методики преподавания иностранного языка, утверждающие, что язык – это не просто набор слов, подчиняющихся набору грамматических правил и доказывающих, что недостаточно просто заучить эти слова и эти правила, чтобы заговорить. Специалисты-практики учли раз- работки теоретической науки и пришли к то- му, что для обучения иностранному языку нужно приблизить процесс преподавания (и соответственно усвоения) к беспереводному

методу, который используется при обучении детей родному языку. Подача материала должна осуществляться по фреймовому принципу, что обеспечивает быстрое извлечение информации в потоке речи. Обучаемые должны быть максимально приближены к естественным условиям, что может быть обеспечено небольшой численностью группы (до 6–8 человек) и частотой занятий (не менее 2 раз в неделю) Возникли языковые центры, приме-

няющие новые методики преподавания, которые стали давать ошеломляющие результаты. Мы наблюдаем в последнее время, что все больше и больше людей, обучаясь иностранным языкам, приходят к желаемому результату. И не стоит забывать, что изучение языка – это прежде всего каждодневный труд, а теоретические разработки в области лингвистики позволяют превратить этот труд в чрезвычайно увлекательный процесс.

Литература

1. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. Воронеж: Воронеж. ун-т, 1990. 202 с.
2. Клименко А. П. Проблема лексической системности в психолингвистическом освещении: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Минск, 1980. 406 с.
3. Elman L. An alternative view of the mental lexicon // Trends in Cognitive Sciences, 2004. № 8 (7). pp. 301–306.

References

1. Zalevskaia A. A. *Slovo v leksikone cheloveka: psiholingvisticheskoe issledovanie* [Word in Individual's Lexicon]. Voronezh: Voronezh. un-t Publ., 1990. 202 p.
2. Klimenko A. P. *Problema leksicheskoi sistemnosti v psiholingvisticheskom osveshhenii*. Diss. d-ra filol. nauk: 10.02.19 [Lexical Systematicity as a Psycholinguistic Problem. Doct. Diss.]. Minsk, 1980. 406 p.
3. Elman L. An alternative view of the mental lexicon [Trends in Cognitive Sciences], 2004, no. 8 (7), pp. 301–306.

Информация об авторе

Ячная Татьяна Анатольевна – преподаватель кафедры иностранных языков Белорусского государственного технологического университета (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: yachnaya@belstu.by

Information about the authors

Yachnaya Tatsiana Anatol'yevna – lecturer of the Department of Foreign Languages. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: yachnaya@belstu.by

Поступила 22.03.2015

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	3
Дамарад А. А. Проверка правомірності надання шляхецкай годнасці дваранскімі дэпутацкімі сходамі Герольдыяй у другой палове XIX ст.	3
Крючек П. С. Переселенческая политика в России во второй половине XIX – начале XX в. (на примере переселения из Беларуси в южные губернии России)	8
Астрога В. М. Крыніцазнаўчая база па гісторыі настаўніцкай інтэлігенцыі Беларусі (другая палова XIX – пачатак XX ст.)	12
Рыжанкоў І. М. Харчовая палітыка Часовага ўрада на Беларусі на першапачатковым этапе разгортвання Лютаўскай рэвалюцыі	17
Семенчик Н. Е. Становление и крах революционной демократии в Беларуси (1917–1918 гг.)	21
Райчонак А. А. Саветы ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (сакавік – ліпень 1917)	25
Коваль В. У. Беларускамоўная віленская перыёдыка як гістарычная крыніца па гісторыі ўкраінскай дыяспары (1918–1939)	29
Шанец Л. И. Особенности комплектования советской пограничной охраны красноармейцами в БССР в 1920-х гг.	34
Дубовік А. А. Узел прафсаюзаў Беларусі ў арганізацыі аховы працы і сацыяльнага страхавання ў перыяд НЭПа	41
Дзянісаў А. У. Дзейнасць інтэлектуалаў-краязнаўцаў ва ўмовах кампаніі па барацьбе з «нацыянал-дэмакратызмам» у БССР у 1930 г.	46
Житков А. А. Проблемно-теоретические приоритеты диссертационных исследований аграрных реформ 1917–1921 гг. в Украине: историографический обзор	50
Острога В. А. Подготовка докторов наук в области Новой и Новейшей истории зарубежных стран в Белорусской ССР	57
Якуш Н. М. Социальная политика и развитие туристской рекреации в Белорусской ССР (1970–1980-е гг.)	62
Зайцева Н. В. Социально-экономические аспекты развития современного белорусского села	67
Зайцев А. А. Реформирование разведывательного сообщества США в XXI веке	71
Дергачев А. В. Новый мировой порядок во взглядах Владимира Винниченко	75
Александрович П. И. Психологическая адаптация студентов к обучению в высшем учебном заведении	80
ФИЛОСОФИЯ	85
Водопьянов П. А., Кирвель Ч. С. Социогуманитарное знание и образование как фактор геополитических трансформаций	85
Шалаев В. П. Глобализация как вызов культурной и цивилизационной безопасности стран и народов в XXI веке	89
Бурак П. М. Козэволюцыйная парадигма как методологическое основание анализа тенденций постиндустриального развития общества	94
Пунченко О. П. Смысловая культурологическая «нагруженность» парадигм гуманитарных наук	100
Лазаревич Н. А. Реализация экологических потребностей общества в современных условиях	105
Сидоренко И. Н. Насилие как деструкция природы человека в философии Э. Фромма	109
Шалаева С. Л. Социальная деструкция межпоколенных отношений в глобализованном мире	113
Криворотько В. В. Особенности профессиональной ориентации в условиях глобализации	117
Шалаев В. П., Емельянов Ф. Г. Игра в пространстве самоидентификации и идентичности человека в обществе постмодерна	121
Шалаева А. В. Истоки академических поисков: значение мифологии и символики	126
Матусевич О. А. Конфликт интерпретаций прошлого в современном обществе	131

Кожич Н. М. Особенности взаимодействия православия и светской культуры в современных условиях	136
Богаченко В. В. «Самость» как атрибут целостности субъекта социального действия и ее социокультурные уровни формирования	140
Кулис Л. А. Особенности объектов смежных прав	147
Сергеева Е. М. Правовое регулирование статуса наемного работника	151
ФИЛОЛОГИЯ	154
Трус М. В. Мікалай Дабралюбаў і Максім Багдановіч: тыпалогія і дынаміка ўспрымання літаратурнай класікі	154
Федарцова Т. М. «Яшчэ не моўкнуць стройныя санэты...»	159
Швед Г. Ф. Асаблівасці ўтварэння тэрмінаў у кантэксте навукова-тэхнічнага перакладу	162
Гарадніцкі Я. А. Літаратурны тэкст як сродак мастацкай камунікацыі	167
Вострыкава А. У. «Катка» Паўла Кагоўта як раман пражскага чорнага гумару	173
Босак В. М., Босак А. А. «Лясная тапаніміка» ў гаворках Верхняга Над'ясельдзя	178
Рогова О. А., Янукович Е. И. Интернационализация БГТУ как определяющий фактор вхождения университета в международное научное и образовательное пространство	183
Антонова О. С. Формирование иноязычной коммуникативной компетентности у студентов экономического факультета в неязыковом вузе с учетом социокультурного компонента	188
Романова А. М. Формирование профессионально-творческой направленности студентов неязыкового вуза	192
Теплова Н. В. Формирование критического мышления студентов на занятиях по иностранному языку	195
Ячная Т. А. Формирование иноязычного профессионального лексикона: от теории к практике	199

CONTENTS

HISTORY	3
Damarad A. A. Check of giving legitimacy of noble dignity by nobility deputies assemblies in heraldry in second half XIXct.	3
Kruchek P. S. Resettlement policy in Russia in second half of XIX th – early XX th c. (exemplified by resettlement from Belarus to the southern province of Russia)	8
Astroha V. M. Historical source base of teachers' intelligentsia of Belarus (second half of the XIX th – early XX th c.)	12
Ryzhankou I. M. Food policy of Provisional government on Belarus at an initial stage of expansion of Fervalsky revolution	17
Semenchik N. E. Formation and collapse of revolutionary democracy in Belarus (1917-1918 gg.)	21
Raichonak A. A. The soviets in public and political life in Belarus (march-july 1917)	25
Koval V. U. Belarusian-language periodicals in Wilno as a historical source of the history of Ukrainian diaspora (1918–1939)	29
Shanets L. I. Peculiarities of recruiting the red army servicemen for the soviet border guard service in the BSSR in the 1920 th years	34
Dubovik A. A. Participation of the trade unions of Belarus in the organization of labour protection and social insurance in the nep period	41
Denisov A. V. Activities of the intellectuals in the local movement until the time of the campaign against "the national democratic" in the BSSR in the 1930 th	46
Zhitkov A. A. Problematic and theoretical priorities of thesis studies of 1917 – 1921 land reforms in Ukraine: historiographical review	50
Astroha V. A. Training doctors of sciences in the field of modern and contemporary history of foreign countries in the Byelorussian SSR	57
Yakush N. M. Social policy and development of tourist recreation in Belarusian Soviet Socialist Republic (1970–1980's)	62
Zaitseva N. V. Socio-economic aspects of the development of modern Belarusian village	67
Zaitsev A. A. Reforming the u.s. intelligence community in the twenty-first century	71
Derhachov A. V. The new world order in the views of Vladimir Vynnychenko	75
Aleksandrovich P. I. Psychological adaptation of students to studying in higher educational institution	80
PHILOSOPHY	85
Vodopyanov P. A., Kirvel Ch. S. Socio-humanitarian knowledge and education as a factor of geopolitical transformation	85
Shalaev V. P. Globalization as a challenge cultural and civilization security of the country and the nation in XXI century	89
Burak P. M. Coevolutionary paradigm as a methodological basis of analysis of post-industrial development society trends	94
Punchenko O. P. Semantic culturological "ladenness" of paradigms of human sciences	100
Lazarevich N. A. Implementation of ecological requirements in modern conditions	105
Sidorenko I. N. Violence as destruction of a human nature in philosophy of E. Fromm	109
Shalaeva S. L. Intergenerational relations' social destruction in the globalized world	113
Krivorot'ko V. V. Features of vocational guidance in the conditions of globalization	117
Shalaev V. P., Yemelyanov F. G. Game in society: between creativity and gamefication (social-philosophical analysis)	121
Shalaeva A. V. The rise of academic search: mythology and symbolism	126
Matusevich O. A. The conflict of interpretation of the past in contemporary society	131
Kogich N. M. The peculiarities of the orthodoxy and culture interaction in the contemporary conditions	136
Bogachenko V. V. "Self" as an attribute of integrity of social activity subject and its social-cultural levels of formation	140

Kulis L. A. The related rights objects features	147
Sergeeva E. M. Legat relation employee status	151
PHILOLOGY	154
Trus M. V. Nikolay Dobrolyubov and Maxim Bagdanovich: typology and dynamics of the perception of the literary classics	154
Fedartsova T. M. "Strict soonets are still living..."	159
Shved H. F. The peculiarities of the terms in the context of scientific and technical translation	162
Gorodnitsky E. A. Literary text as a means of artistic communication	167
Vostrikava A. U. "Executioner woman" by Pavel Kohout as novel prague black humor	173
Bosak V. M., Bosak A. A. Forest lexocon in subdialects of Verkhnyaye Nadyaseldze	178
Rogova O. A., Yanukovich E. I. Internationalization of BSTU as a key factor for university integration in the international research and education area	183
Antonova O. S. Formation of foreign language communicative competence at students of the economics faculty in non-linguistical high school taking into account socio-cultural component	188
Romanova A. M. The formation of professional and creative directivity of students of non-linguistic university	192
Teplova N. V. Formation of the students' critical thinking on the foreign language classes	195
Yachnaya T. A. Process of formation of foreign language professional lexicon: from theory to practice	199